Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Анисимова Инна Владимировна

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА СТЕПНОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (КОНЕЦ XVIII – 20-Е ГГ. XX В.)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
Д-р ист. наук, профессор
Ю.А. Лысенко

Барнаул 2024

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Начало формирования судебной системы Степного края: процесс аккомодации имперских институтов 77

1.1.Становление судебной системы в Младшем жузе (конец XVIII – первая половина XIX вв.) 77

1.2 Особенности организации судоустройства и судопроизводства в Среднем жузе в первой половине XIX в. 106

Глава 2. Нормативно-правовые основы развития судебной системы Степного края во второй половине XIX в. 119

2.1. Преобразования судебной системы Степного края в 60-е гг. XIX в. 119

2.2. Эволюция судебной системы Степного края в 80–90 е гг.: сочетание модернизационных начал и общеимперской политики контрреформ 162

2.3. Судебная реформа 1898 г. и опыт внедрения судебных уставов 1864 г. в Степном крае 204

Глава 3. Механизмы создания общеимперских институтов социального контроля в Степном крае: особенности и противоречия процесса (вторая половина XIX в.) 234

3.1. Становление и развитие органов прокурорского надзора в Степном крае 234

3.2. Основные направления развития полицейской системы Степного края 244

3.3. Положение пенитенциарной системы Степного края во второй половине XIX – начале XX в.: функциональные проблемы и попытки реорганизации 275

Глава 4. Трансформация традиционного правосознания в условиях модернизации судебной системы Степного края 299

4.1. Особенности регламентации семейно-брачных отношений традиционного казахского общества: конфликт традиционных принципов и общеюридической практики 299
4.2. Институт опеки и традиционное казахское общество: внедрение в Степном крае норм гражданского права 311
Глава 5. Судебная система Степного края в первой четверти XX в.: направления и результаты модернизации 326
5.1. Судебная система Степного края в начале XX в.: проблемы функциональной эффективности работы общеимперских институтов 326
5.2. Судебная система Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей в материалах ревизии сенатора К. Палена 354
5.3. Реформы институтов юстиции Степного края в 1917–1925 гг. как завершающий этап модернизации судебной системы 385
Заключение 416
Список источников и литературы 422

Введение

Актуальность проблемы. Сегодня, в период быстрых политических трансформаций и актуализации национального вопроса, востребованным является анализ исторического опыта реализации концепции многонационального государства. Особое звучание приобретает имперская проблематика, интерес к которой обусловлен общей политизацией исторических процессов и потребностями современного общества[1]. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, что современная государственная и этническая политика сохраняют в определенной степени имперское содержание, связанное с политикой памяти, исторической политикой и т.д. Во многом представление об имперском прошлом формирует представление нации о ее настоящем и будущем в координатах современной политики[2]. В связи с этим, изучение феномена империи выступает объективной необходимостью для понимания механизмов решения современных вызовов и угроз, регулирования межэтнических отношений.

Безусловно, интерес представляет «российская имперская история», в историографии которой утвердилось мнение, что имперская политика в условиях гетерогенности этнорегионов носила многовекторный характер и определяла особенности взаимодействия центра с региональными элитами, этноконфессиональной политики и социального статуса нерусских народов[3].

---

[1] Российская империя от истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории / ИРИ РАН. М.: Русская панорама, 2011. С. 4.

[2] Шишков В.В. Империя в представлении теории нации и национализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 48. С. 164.

[3] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–143; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 39–72; Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004; Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.И. Савельев. М.: ЗАО «Первый печ. двор», 1997; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Слав. диалог, 1997; Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX в.: некоторые итоги и перспективы управления // Сибирская заимка. 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zaimka.ru/remnev-imperium/

Действительно, включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз актуализировало перед властью проблему его интеграции в общеимперскую систему управления. Перед государством стояла необходимость принятия оптимальной модели инкорпорации новых регионов в состав Российской империи, определения принципов и форм организации властной горизонтали управления. Особый интерес вызывает реализация данной концепции в Степном крае, важной в геополитическом плане национальной окраине Российской империи. Содержание стратегии управления, реализуемой в регионе определялось стремлением включить традиционное казахское общество в политико-правовое, социально-экономическое и культурно-языковое пространство. Данный процесс сопровождался трансформацией потестарно-патриархальных отношений и традиционных социальных институтов, что выступало важной константой национальной политики России в центральноазиатских окраинах[4].

Наиболее сложно происходили изменения в традиционной судебной системе казахского общества. Уникальность ее реформирования в Степном крае заключалась в том, что наряду с формированием общеимперского правового поля, российские власти стремились сохранить и максимально интегрировать в него подвергшиеся модернизации традиционные судебные институты. Путем «мягкой» трансформации традиционных судебных институтов, Российская империя стремилась инкорпорировать Степные области в общегосударственную правовую систему, а также усилить российское присутствие в регионе. В связи с этим приобретает важность изучение механизмов сочетания в региональной судебной системе традиционных норм права и суда современного вида. Реконструкция процесса формирования судебной системы Степного края на протяжении XIX – начала XX в. позволит расширить представление о характере и

[4] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014. С. 4.

механизмах политики модернизации Российской империи, проводимой в регионе, что актуализирует данное исследование.

Изучение процесса становления и развития региональной юстиции, включающей два противоположных компонента: традиционный суд и обычное право и имперские судебные институты и юридические нормы, основанные на законе, безусловно, представляет научную значимость. Важным выглядит опыт создания общеимперского правового пространства с учетом этнических особенностей, уровня социально-экономического развития, традиций правовой культуры регионов. Оценка результативности проводимой в судебной системе мероприятий позволит говорить об эффективности реализации модернизационной политики Российской империи. Опыт формирования общегосударственной судебной системы и процесс ее модернизации важен для разработки концептуальных принципов современной судебной политики в многонациональном государстве.

Реформы судебной системы Российской империи второй половины XIX – начала XX в. были наиболее ярким проявлением модернизационных процессов в государстве. Как отмечает В.А. Воропанов, именно «политика фронтирной модернизации выступала средством интеграции периферийных регионов в состав Российской империи», в связи с чем, ее практический опыт является актуальным после переформатирования государственных границ в конце XX века и возникновения новых потребностей в развитии международного сотрудничества[5]. Роль судебной системы в государстве трудно переоценить. От эффективности работы судебных институтов и механизмов реализации судебной политики зависит стабильность общества и его лояльность по отношению к государственной власти, что звучит особенно актуально для национальных окраин. Правосудие выступает важным признаком цивилизации, показателем уровня развития правосознания.

[5] Воропанов В.А. Органы юстиции в политике фронтирной модернизации восточной и юго-восточной периферии Российской империи (1775–1864). Автореф. дис… д.ист.наук. Оренбург, 2022. С. 3.

Принятие Уставов 1864 г. и, связанные с этим судебные преобразования, вывели российскую юстицию на новый уровень судоустройства и судопроизводства и обусловили переход российского общества на новый уровень правовой культуры. При этом, конечно, необходимо учитывать, непоследовательность в проведении судебной реформы в Российской империи, ограниченный характер деятельности ряда судебных институтов, сохранение сословных и национальных ограничений. Важным стало и неравномерное распространение пореформенной судебной системы на территории государства (Кавказ, Сибирь, Дальний Восток, Степной край и Туркестан и т.д.). Данный процесс свидетельствовал о противостоянии двух тенденций в имперской политике: осторожности и «постепенности» в модернизации национальных окраин, с одной стороны, и стремлении к унификации системы управления государством и созданию общеимперской судебной системы, с другой. Этот процесс привел к формированию поливариативных региональных практик [6], исследование которых позволит по-новому оценить успехи национальной стратегии Российской империи.

Таким образом, заявленная проблема диссертации представляет как научную, так и общественно-политическую значимость и актуальность.

Объект исследования – Политика России имперского и советского периодов в Степном крае в конце XVIII – 20-е гг. XX в.

Предмет исследования – динамика судебной системы Степного края в условиях российской модернизации имперского и советского периодов (конец XVIII – 20-е гг. XX в.).

Историография проблемы. Проблемы развития судебно-правовой системы Российского государства представляют отдельное направление отечественной историографии. Особая значимость судебной власти в государстве, роль судебных институтов в реализации государственной

[6] Дамешек И.Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 3. С. 5–11.

политики определяли важность исследования истории становления, развития, модернизации имперской юстиции. Все эти вопросы получили освещение уже в дореволюционный период. Активизация научного обращения к данной проблеме характерна для второй половины XIX – начала XX в., что было напрямую обусловлено принятием Судебных Уставов 1864 г. и проведением судебной реформы. В историографии проблемы сформировалось два направления: либеральное, связанное с позитивным отношением к судебной реформе и ее институтам, и консервативное, относящееся к судебной реформе и пореформенной судебной системе как ограничению для сильной верховной государственной власти.

Необходимо отметить, что большинство работ по изучению судебной системы пореформенного периода относится именно к либеральному течению. Буржуазные преобразования 60-х гг. XIX в. стали выражением либеральной идеи, а либеральная юриспруденция постоянным и закономерным явлением в духовной жизни страны. Традиционная ориентация русского либерализма на Европу получила наиболее яркое выражение в апологетике судебной реформы, Уставов 1864 г., созданных «под влиянием» западноевропейских образцов[7]. Историография судебной реформы и пореформенного судоустройства представлена, прежде всего, исследованиями правоведов, профессиональных юристов и чиновников профильных ведомств, что во многом предопределило их методологическую и содержательную направленность. Примером выступают работы И.В. Гессена, А.А. Головачева, Г.А. Джаншиева, А. Тимановского, М.А. Филиппова и др.[8] В центре внимания находились вопросы истории развития

[7] История суда и правосудия в России: в 9 т. М.: Норма, 2019. Т. 4 : Судоустройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864–1881 годы) : монография / К. П. Краковский ; отв. ред. В. М. Сырых. М. : Норма, 2019. С. 12–13.

[8] Гессен И.В. Судебная реформа. М.: Книгоизд-во П. П. Гершунина, 1905; Он же. Адвокатура, общество и государство. 1864-20/XI.1914 // История русской адвокатуры: Т. 1–3. М., 1914–1916. Т. 1. М.: Сов. присяжных поверенных, 1914; Головачев А.А. Десять лет реформ 1861–1871. СПб.: издание "Вестника Европы", 1872; Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы: (к 25-летию нового суда) : историко-юридические этюды. М.: типография М. П. Щепкина, 1891; Он же. Эпоха великих реформ : СПб.: типолитография Б. М. Вольфа, 1905; Тимановский А. Судебные уставы императора Александра II. М., 1885; Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т. 1–2. СПб.: тип. В. Тушнова, 1871–1875.

судебной власти в Российской империи, акцент ставился на важности и прогрессивность судебной реформы 1864 г., критически оценивался процесс реализации реформы в Российской империи. Критика отдельных институтов проводилась с точки зрения необходимости их совершенствования и модернизации, а не ликвидации и сохранения дореформенного статуса. Особое значение в связи с этим имеют работы А.Ф. Кони, представляющие аналитические исследования о наиболее важных институтах судебной системы Российской империи: суд, прокуратура, следствие, адвокатура, дознание и т.д. [9] Исследования А.Ф. Кони, по праву называют фундаментальными работами, формирующими портрет юридического мира пореформенной России[10].

В начале XX в. историография проблемы пополнилась комплексными трудами по судебной реформе 1864 г., приуроченными к юбилейным событиям, связанным с 50-летием принятия Судебных уставов[11]. Работы написаны коллективом авторов, включающим известных российских правоведов, в том числе С. В. Познышева, Э. Н. Берендтса, А. Э. Нольде, И. Блинова, И.Г. Щегловитова и др. Исследования отличают привлечение широкого круга источников, статистического материала, сравнительных обзоров зарубежного законодательства, обсуждение наиболее актуальных вопросов опыта пореформенного судоустройства.

Консервативное направление в дореволюционной историографии проблемы развития имперской судебно-правовой системы активизировалось в 90-е гг. XIX в., что связано с общеполитическим курсом пересмотра Судебных уставов 1864 г. и проведением контрреформ. Прежде всего, это

[9] Кони А.Ф. На жизненном пути: в 5 т. СПб.(Л); М., СПб. ; Л. : Тип. т-ва печ. и изд. дела Труд, 1912–1929; Он же. Судебные уставы 1864 г. – 20 ноября 1914 г. Петроград : Сенат. тип., 1914; Он же. Отцы и дети судебной реформы: (К пятидесятилетию судеб. уставов). 1864 – 20 ноября 1914. М.: т-во И.Д. Сытина, 1914.

[10] История суда и правосудия в России: в 9 т. М.: Норма, 2019. Т. 4: Судоустройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864–1881 годы) : монография / К. П. Краковский ; отв. ред. В. М. Сырых. М. : Норма, 2019. С. 15–16.

[11] Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. В 2-х тт. Петроград : Сенат. тип., 1914; Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского; [Т. 1]. М.: Объединение, 1915.

работы К.П. Победоносцева, В. П. Мещерского, Н. М. Семенова, А. Пазухина[12].

Однако, как либеральное, так и консервативное направление историографии при детальном обсуждении судебной системы России практически не затрагивали региональные особенности судоустройства и проведения судебной реформы.

К концу XIX – началу XX в. наряду с общими работами по имперской судебной системе, вышли основательные труды по истории отдельных судебных институтов и механизмов реализации судебной политики: полиции, имперской прокуратуры, пенитенциарной системы [13], которые, также подходили к изучению проблемы с общегосударственных позиций и не включали в исследование региональный компонент.

Во второй половине XIX в. началось активное издание юридических журналов, на страницах которых обсуждались наиболее актуальные вопросы имперской и региональной юстиции: «Журнал гражданского и уголовного права» (СПб., 1873–1894); «Журнал юридического общества» (СПб., 1894–1898); «Вестник права» (СПб., 1871–1906); «Тюремный вестник» (СПб., 1893–1917); «Юридический вестник» (М., 1867–1892).

Особую важность представляют материалы, опубликованные на страницах ежемесячного «Журнала министерства юстиции». Журнал выходил в 1859–1869 гг. и после многолетнего перерыва издательство возобновилось в 1894 г. (выходил до 1917 г.). Министр юстиции Российской империи Н.В. Муравьев высоко оценивал значение журнала, подчеркивая, что для подготовки и публикации материалов привлекаются «лучшие силы

[12] Мещерский В.П. Что нам нужно? Размышления по поводу текущих событий. СПб., 1880; Семенов Н.М. Наши реформы. М., 1884; Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886.

[13] Корф С.А. Административная юстиция в России. Т. 1. СПб., 1910; Он же. Очерк развития губернаторской должности в России // Вестник права. 1901. № 9. С. 130–148; Даневский В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. СПб., 1895; Муравьёв Н.В. Русский прокурорский надзор от Петра Великого до Екатерины II // Юридический вестник. 1888. Т. 10. С. 199–241; Он же. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. М., 1889; Гредингер Ф.И. Прокурорский надзор за 50 лет. Пг., 1915; Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915; Фукс В.Я. Суд и полиция. Ч. II. М., 1889.

юридического мира», а сам журнал заслужил репутацию серьезного и содержательного органа специальной печати[14].

При этом, уделяя основное внимание анализу деятельности общеимперских судебных институтов, на страницах журналов частично были затронуты и особенности реализации судебно-правовой политики в центральноазиатских окраинах государства. Интерес представляют публикации И.Г. Щегловитова, министра юстиции Российской империи в 1906–1915 гг., который критически оценивал проведение судебных реформ на окраинах Российской империи, признавая, что существенные отступления от судебного устройства 1864 г. в ряде регионов осложнили систему судоустройства и судопроизводства в государстве и снизили ее эффективность[15].

Если становление и развитие судебно-правовой системы в целом получило достаточное освещение в дореволюционной историографии, то история становления судебно-правовой системы в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи, определение основных этапов развития региональной юстиции, выявление основных механизмов реализации судебной политики в Степном крае и определение их эффективности, анализ особенностей процесса интеграции традиционных судебных институтов в общеимперское пространство, проблема модернизации судоустройства и судопроизводства региона не стали предметом специального изучения.

Частично вопросы, связанные с развитием судебной системы Степного края, затрагивались в работах, посвященных особенностям региональной этноконфессиональной политики Российской империи. Включение в состав империи новых территорий обусловило изучение этих регионов и рост

---

[14] Всеподданнейший доклад министра юстиции статс-секретаря Муравьева о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894–1904 гг.) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 2. С. 53.

[15] Щегловитов И.Г. Пересмотренные Судебные Уставы накануне законодательного обсуждения // Журнал министерства юстиции. 1902. № 1. С. 155–159; Щегловитов И.Г. К сорокалетию Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Вестник права. Журнал юридического общества. 1904. Ноябрь. Кн. 9. С. 12–14.

внимания исследователей к региональной проблематике. С присоединением Младшего и Среднего казахских жузов к России, а именно с 30-х гг. XVIII в., данные территории становятся объектом особого внимания российской науки. В XVIII–XIX вв. ученые проделали в области этнографического и исторического изучения казахского общества существенную работу. Основополагающими можно считать исследования И.Г. Андреева, В.В. Вельяминова–Зернова, Н.И. Красовского, А.И. Левшина, Л. Мейера и др.[16]

Непосредственное обсуждение проблемы становления и развития судебной системы в центральноазиатских окраинах империи представлено лишь несколькими публикациями российских правоведов. В трудах Н. Дингельштетда, Н. Емельянова и др. рассматривался вопрос о результативности проведения реформ судебной системы в Туркестане и Степном крае во второй половине XIX в. [17] При обращении к региональной тематике, наибольший интерес был связан с изучением традиционных судебных институтов и норм права казахского общества [18]. В работах исследователей рассматривался суд биев, нормы адата, особенности регламентации общественных отношений и т.д. Превалирующим в работах являлся тезис об архаичности традиционных институтов и необходимости их реформирования в контексте поэтапного распространения общеимперской судебной системы[19].

---

[16] Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз–кайсаков. Алматы, 1998; Вельяминов–Зернов В.В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864; Красовский Н.И. Область сибирских киргизов. Ч. 3. СПб., 1868; Левшин А.И. Описание киргиз–казачьих или киргиз–кайсайкских орд и степей. Алматы, 1996; Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.

[17] Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане // Журнал гражданского и уголовного права. Год 22-й. Кн. 7. СПб., 1892. С. 1–75; Емельянов Н. Судебная реформа в Степных областях и в Туркестанском крае // Русский вестник. 1898. № 8; Крахалев А.И. Суд и следствие у киргизов Сибири // Юридический вестник. М., 1888. № 5. С. 23–48; Леонтьев А.А. Реформа управления и суда в сибирских степях // Юридическая летопись. 1892. Т. 2. № 7. С. 18–35; Добромыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904.

[18] Ибрагимов И.И. Заметки о киргизском суде. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1878; Леонтьев А. Обычное право киргиз: Судоустройство и судопроизводство // Юридический вестник. 1890. Т. 5. Кн. 1. С. 113–139; Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург, 1905. Вып. XV; Мякутин А.И. Юридический быт киргизов // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Оренбург. 1911. Т. XXV. Вып. XXV.

[19] Максимов Н. Народный суд у киргизов (суд биев) // Журнал юридического общества. 1897. Кн. 7. Сентябрь. С. 62–86; Черданцев Н.С. О некоторых ненормальностях в устройстве народного суда в

Большинство работ дореволюционного периода можно отнести и к источниковой базе исследования в силу ценности представленного эмпирического материала. Так, исследования И.И. Крафта[20] представляют собой собрание и анализ законодательных и нормативных документов, характеризующих политику России в отношении казахских жузов, в том числе, в области судебной системы. Ряд публицистический статей посвятил вопросам реформирования судебной системы известный востоковед XIX в. Ч.Ч. Валиханов, подчеркивая позитивный характер ее последствий. «Преобразования в судебной части, вероятно, поведут к изменению прежнего административного строя нашей области, - писал ученый, - и, нет сомнения, что вместо сложного, обременительного как для русского правительства, так и для киргизского народа бюрократического хаоса будет образовано в округах управление более рациональное»[21].

В целом, дореволюционная историография внесла существенный вклад в изучение судебной системы Российской империи, определив важные направления ее развития. Исследования конца XIX – начала XX в. впервые обозначили проблемное поле в области изучения судебной системы Российской империи. Два направления историографии: либеральное и консервативное, при различиях в оценках характера судебных преобразований, признавали важность и необходимость изучения истории становления государственной судебной системы. Внимание дореволюционных исследователей, в первую очередь, было обращено на итоги проведения судебных реформ, строительство государственной системы судебных институтов. При этом, региональная тематика не получила должного освещения.

Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 2; Малышев Н.Н. Положение киргизской женщины по обычному семейному праву киргизов (адату) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 2; Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5.

[20] Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898; Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях. Сост. И.И. Крафт. Оренбург, 1898.

[21] Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Валиханов Ч.Ч. Собрание соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 4.

Дальнейшее обсуждение проблемы получило развитие в советской историографии 20–80-х гг. XX в. Необходимо отметить, что на данном этапе, имперская судебная система оценивалась критически, что, в целом, отвечало основным направлениям развития советской исторической науки. В этот период история имперской юстиции не стала предметом активного обсуждения. Исключение составляет судебная реформа 1864 г. Советская историография признавала прогрессивный характер реформы и формирование в результате ее реализации нового типа судебной системы в стране, которая, однако, по-прежнему выражала интересы господствующего класса. Согласимся с мнением ряда исследователей, что до 60-х гг. XX в. работ, посвященных судоустройству и судопроизводству России во второй половине XIX – начале было крайне мало[22]. В 60–80 гг. XX в. появляются работы Б.В. Виленского, Н.П. Ерошкина, Н.Н. Ефремовой, М.Г. Коротких, В.А. Шуваловой, содержащие оценку развития судебно-правовой системы Российской империи на основе классового подхода[23]. Особого внимания заслуживает исследование Б.В. Виленского «Судебная реформа и контрреформа в России», в котором уделено значительное внимание проектам судебных преобразований первой половины XIX в., подготовке судебной реформы 1864 г., пореформенному судоустройству. Впервые автором была поставлена проблема судебной контрреформы. Так, преобразования судопроизводства 70–80-х гг. XIX в. трактовались как реконструкция царизмом утраченных позиций.

Незначительным в советской историографии был интерес к истории дореволюционной системы социального контроля, работы, чаще всего,

[22] Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX в. Саратов, 1999. С. 20; История суда и правосудия в России : в 9 т. М. : Норма, 2019. Т. 4 : Судоустройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864—1881 годы) : монография / К. П. Краковский ; отв. ред. В. М. Сырых. М. : Норма, 2019. С. 49.

[23] Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Он же. Местные учреждения дореформенной России (1800–1860 гг.). М., 1985; Ефремова Н.Н. Основные этапы развития судебной системы в России в XVIII в. // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. Отв. ред. Е.А. Скрипилёв. М., 1986. С. 94–99; Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989; Шувалова В.А. О сущности судебной реформы 1864 года в России // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 121–127.

носили описательный характер [24]. Ряд вопросов затрагивался в рамках обобщающих работ по истории государственного управления и судебно-правовой системы Российской империи[25].

Отдельным предметом исследования стала история советского суда. Одна из первых работ по истории судоустройства РСФСР вышла в 1923 г. и представляла собой попытку анализа становления советской юстиции [26]. Комплексный подход к изучению советского судоустройства характерен для работ второй половины XX в. В этом направлении классикой считается работа М.В. Кожевникова, в которой подчеркивалась огромная роль суда в государстве [27]. В монографии подробно анализируется формирование нормативно-правовой основы деятельности советской юстиции, однако становление региональных национальных судов рассматривается поверхностно. Отдельные аспекты проблемы получили развитие в трудах А.Я. Вышинского, С.А. Голунского, Д.С. Карева, Т.П. Коржихиной и др.[28]

Проблемы реализации судебно-правовой политики Российской империи в Степном крае получили освещение в советской историографии. История судебной системы региона рассматривалась в рамках проблемы интеграции национальных окраин в состав Российской империи. Причем, тема получила достаточно серьезное внимание отечественных исследователей[29]. При общей позитивной оценке вхождения казахских жузов

---

[24] Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. Киев, 1973.

[25] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968; Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг. Историко-правовое исследование. М., 1983.

[26] Берман Я.Л. Очерки по истории судопроизводства РСФСР. М.: Юридическое издание Наркомюста, 1923.

[27] Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 гг. М., 1957.

[28] Вышинский А.Я. Судоустройство в СССР. Изд. 2. М., 1935; Голунский С.А. Судоустройство СССР. М.: Юрид. изд-во, 1946; Карев Д.С. Советское судоустройство. М., 1966; Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. - декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1994.

[29] Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960; Бекмаханов Е.Б. Социально-экономические отношения Казахстана в период империализма. Алма-Ата, 1957; Он же. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Ибраев А. Присоединение казахов Старшего жуза к России и его прогрессивное значение: дис. … канд. ист. наук. Алма-Ата, 1954; Галузо П.Г. Туркестан – колония: Очерки по истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года. М., 1930; Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата, Наука, 1984; Сулейманов Б.С., Басин В.В. Казахстан в составе России в XVIII – начале XIX вв.

в состав Российской империи, политика, проводимая царизмом в регионе, оценивалась негативно. Вопросы трансформации традиционной судебной системы рассматривались в работах, посвященных социально-экономическому развитию Казахстана, общественному строю казахов[30]. Ряд исследований посвящен разработке и реализации реформы 1820-х гг. и ее внедрения в кочевое общество. Устройство и органы управления казахами Сибири в контексте реформ М.М. Сперанского, затрагивает в своем исследовании С.В. Кодан. В работах Б.С. Сулейменова подробно анализируются административные реформы 1867–1868 гг. в Степном крае как часть государственной политики и т.д.[31] Отдельные аспекты проблемы получили освещение в монографии Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40-е гг. XIX в.». Исследователь подчеркивает, что усиленное внедрение российской административной, в том числе судебной, системы в Степном крае было обусловлено обострением англо-русского соперничества и, отчасти, дипломатическим поражением России в ближневосточном вопросе. Интеграция региона способствовала укреплению позиций империи в казахской степи[32].

Попытки проведения комплексного анализа судебной системы Степного края появляются в 40–60-е гг. XX в. Показательным является исследование М. Шаламова «Судебное устройство Казахстана», ставшее первой работой, рассматривающей не только имперский период, но и основные этапы становления советского суда в Киргизской АССР. При оценках судебной системы дореволюционного периода автор придерживался

Алма-Ата, 1981; Шоинбаев Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973 и др.

[30] Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; Он же. Проблемы обычного права казахов. Алма-Ата, 1989; Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. (Политико–экономический анализ). Алма-Ата, 1971; Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. М., 1980.

[31] Кодан С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства // Политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1988; Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX века. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960; Сулейменов Б.С. Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867–1868 гг. // Вестник АН Казахской ССР. 1951. № 2. С. 118–126.

[32] Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992.

концепции «царские суды – оружие колониального гнета», позволяющее закрепить свою власть в национальных окраинах [33] . Как карательный механизм царизма и порождение колониальной политики Российской империи рассматривалась и судебная система Степного края в работах М.С. Сапаргалиева[34]. Одной из тем, не теряющих свою актуальность в советский период, было изучение традиционного права[35].

В 60–80-е гг. XX в. вышла серия работ, посвященных истории государства и права советского Казахстана[36]. Работы важны совокупностью фактологического материала и попыткой проведения комплексного анализа развития судебной системы дореволюционного Казахстана, который, однако, носит поверхностный характер. В тоже время, такие вопросы как становление в Степном крае прокуратуры, развитие полицейской службы, формирование пенитенциарной системы не стали предметом специального изучения.

Таким образом, советская историография не уделила должного внимания становлению имперской системы органов юстиции, созданной в Степном крае, а также процессу ее последующего реформирования. Большинство выводов исследователей советского периода требуют сегодня критического переосмысления. При этом, можно отметить и ряд успехов советской историографии 20–80 гг. XX в. Исследователями был собран значительный фактологический материал по судебной системе имперского периода, реконструирован процесс строительства советского суда в Казахстане.

---

[33] Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 24–25.

[34] Сапаргалиев М.С. Очерки по истории советского суда в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1955; Он же. История народных судов Казахстана. (1917–1965). Алма-Ата: Казахстан, 1966; Возникновение и развитие судебной системы Советского Казахстана. 1917–1967 гг. Алма-Ата : Казахстан, 1971.

[35] Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955; Жакипова А.Ж. Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане. Алма-Ата : Казахстан, 1971; Проблемы казахского обычного права : Материалы конф., посвящ. памяти Т. М. Культелеева, нояб. 1986 г. / Отв. ред. С. З. Зиманов. Алма-Ата : Наука КазССР, 1989.

[36] История государства и права Советского Казахстана / Под ред. д-ра юрид. наук С.З. Зиманова, канд. юрид. наук М. А. Биндера. - Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1961-1965. В 3 т. Т. 1. (1917–1925 гг.). Алма-Ата, 1961.

Современная историография (конец XX – 20-е гг. XXI в.), имея в своем распоряжении широкий научный инструментарий и источниковую базу, в разной степени проанализировала особенности проводимых в Российской империи реформ государственного и административно-территориального управления. В 90-е гг. XX в. в отечественной историографии актуализировалось изучение имперского периода, что было связано с формированием новых методологических подходов, а значит и переосмыслением исторического прошлого России [37] . «Неизученность» национальной политики стала определяющей для новейшей историографии и обусловила возросший интерес к истории России как полиэтническому государству. По мнению исследователей, данная тенденция была связана с глубоким социальным кризисом, в котором оказалось российское общество после распада СССР [38] . Новые концептуальные подходы к изучению имперских моделей управления в национальных окраинах государства были реализованы в целом комплексе работ[39]. Уделяется существенное внимание и особенностям этнической политики Российской империи в центральноазиатских окраинах XIX – начале XX в.[40] К важным механизмам

[37] Анисимов Е.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Под ред. Б.В. Ананьича. СПб., 1996; Ахиезер А.С., Ильин В.В., Панарин А.С. Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. Под ред. В.В. Ильина. М., 1996; Медушевский А.Н. Административные реформы в России XVIII–XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. Научно-аналитический обзор. М., 1990; Миронов Г.Е. Государи и государевы люди: Российские реформаторы и контрреформаторы XIX – начала XX в. М., 1999; Он же. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб., 1999; Реформы и реформаторы в истории России: сб. статей. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996; Сафаров Т.А., Садриев М.М. Российские реформы и контрреформы: Исторические, политические, экономические аспекты. М., 2001 и др.

[38] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014. С. 14.

[39] Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–143; Он же. Национальный вопрос во внутренней политике царизма // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 39–72; Он же. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: «ЛИСС». 1998; Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1998.

[40] Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2014; Он же. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX в. М.: ИБП, 2015; Он же. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018; Традиционное казахское общество в национальной политике Российской

имперского освоения регионов сегодня относят политику аккультурации, под которой, как подчеркивает С.В. Любичанковский, понимается «культурное влияние в рамках единого государственного механизма, ставящее целью создать из новоприсоединенных жителей лояльных имперских подданных с собственной этноидентичностью»[41].

В конце XX – начале XXI в., в силу изменений методологических ориентиров исторической науки, в историко-правовых исследованиях судебной системы Российской империи появились новые форматы и оценки. Активно началось изучение региональных вариантов реализации судебных реформ второй половины XIX в. и особенностей судебно-правовых систем как во внутренних губерниях России, так и в национальных окраинах. Анализу судебно-правовых систем Закавказья, Польши, Прибалтики, Сибири посвящено значительное количество работ[42]. В то же время изучение особенностей судоустройства, судопроизводства и механизмов реализации судебной политики в центральноазиатских окраинах затронуто опосредовано, а некоторые аспекты проблемы так и не получили освещения.

Однако, для определения особенностей судебной системы Степного края, анализ историографии общеимперских тенденций становления и развития судебных институтов, норм и правил является обоснованным.

Одной из центральных тем отечественной историографии выступает российский опыт реформ. Востребованной выглядит исследовательская тема «Власть и реформы в России в первой половине XIX в.», интерес к которой обусловлен, как отмечает Т.В. Андреева, тесной взаимосвязью хода и особенностей реформаторского процесса в первой половине XIX столетия с

империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014.

[41] Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) : монография / науч. ред. проф. С. В. Любичанковский. Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2019. С. 420–422.

[42] Деревскова В.М. Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века. Иркутск, 2004; Курас Т.Л. Реформирование судебной системы в России: исторический опыт и современные проблемы. Региональный аспект // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 45–53; Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской Империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик, 2016.

несовпадением замыслов и результатов Великих реформ, прерывистостью и скачкообразностью развития Российского государства на закате его имперской истории[43]. В конце 90-х гг. XX в. – начале 2000-х вышла серия работ, посвященных анализу проектов М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцова, принятию «Уставов» 1820-х гг. и, в целом, реформаторской деятельности первой половины XIX в. [44] Отдельным блоком работ можно выделить исследования, посвященные анализу хода и результатов реформ в регионах Российской империи, и, прежде всего в Сибири[45]. Исследователи подчеркивают, что административная реформа 1822 г. стала одним из важнейших этапов в развитии Сибирской законодательной базы, а также отмечают прогрессивное значение реформы для жизни сибирских инородцев[46].

Получила освещение в историографии и проблема разработки и реализации реформ 1820–1840-х гг. в Степном крае[47]. Так, Е.В. Безвиконная

---

[43] Андреева Т.В. Власть и реформы в России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 202–238.

[44] Захаров В.Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – 1-ой четверти XIX вв. : монография : [в 2 ч.]. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008; Матюхин А.В. М.М. Сперанский: особенности российских реформ // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 2. С. 21–30; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012; Приходько М.А. Негласный комитет и разработка административных реформ в России в начале XIX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 119–129; Реформы и контрреформы в России / Под ред. В.В. Ильина. М.: Изд-во МГУ, 1996; Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.: ЦГИ, 2005.

[45] См. подробнее: Жайбалиева Л.Т., Вилкова М.А. Роль реформ М.М. Сперанского в управлении Сибирью // Карамзинские чтения. Вып. 4. СПб.: изд-во ФКУ «РГИА», 2022. С. 81–86; М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма: (К 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского) / Иркут. гос. ун-т. Межрегион. ин-т обществ. наук при Иркут. гос. ун-те ; [Л. М. Дамешек и др.]. Иркутск: Оттиск, 2003; Миннеханова Р.Г. Результаты судебной реформы М.М. Сперанского в Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 4 (13). С. 36–41; Федорова И.В. Сибирская реформа М.М. Сперанского и регламентация ссылки // Вопросы Российской юстиции. 2019. № 4. С. 46–53.

[46] Дамешек Л.М., Сосновский И.З. Реформа сибирского управления М.М. Сперанского и Первый Сибирский комитет // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: изд-во «Байкальский государственный университет», 2008. С. 306–309.

[47] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Нормативно-правовая база реформирования традиционной судебной системы казахского общества в XIX в. // Вестник алтайской науки. № 1/2013. С. 78–82; Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2015; Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014; Он же. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4(73). С. 5–21; Он же. Административное управление Малой Казахской ордой в первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 40–45; Почекаев Р. Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2. От правового компромисса к

подчеркивает, что правительство подошло с особой тщательностью к процессу выработки специального законодательства в отношении казахской степи, потребность разработки которого определялась как необходимостью обеспечить защиту границы, так и создать прочную основу для административно-военного и экономического закрепления [48]. Обусловленность особенностей реформы начала XIX в. в Степном крае геостратегическим и внешнеполитическим положением региона подчеркивает и Н.Е. Бекмаханова[49].

Значительный вклад в изучение реформ 20-х гг. XIX в., проводимых в центральноазиатских окраинах Российской империи внесла Г.Б. Избасарова, в работах которой особое внимание уделяется преобразованиям в Оренбургском крае [50]. Исследователь подчеркивает, что Россия, включая новые территории, вырабатывала приемлемую модель административно-территориального устройства и определяла их статус. По отношению к казахской Степи империей был выбран путь инкорпорации, который растянулся на полтора столетия и, в итоге, послужил новым импульсом развития казахского общества.

По мнению И.В. Ружицкой, проводимые в 30–40-е гг. XIX в. в казахской степи преобразования отражали в целом внутриполитический курс Николая I, который уделял значительное внимание модернизации российского права и упорядочению судебной практики. Именно при Николае

окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 2. С. 85–96.

[48] Безвиконная Е.В. Политические и социально-экономические предпосылки административно-правовой реформы в Степном крае в 20–30-х гг. XIX в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 4. С. 176–191. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30316.

[49] Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 234.

[50] Избасарова Г.Б. «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года: подготовка реформы и ее реализация // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4(20). С. 108–118. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/Izbasarova4-20.html; Она же. Политика Российской империи в казахской степи в первой половине XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2017. № 2. С. 50–63; Она же. Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ: опыт Российской империи по управлению окраиной (1731 – середина XIX века): автореф. дис... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2018.

I были более четко определены компетенции судебных и судебно-административных органов, создан первый в России Уголовный кодекс[51].

При этом отметим, что изучение особенностей судебной политики Российской империи в Степном крае в первой половине XIX в. не стало предметом комплексного анализа. Частично заявленная проблема получила освещение в работах В.А. Воропанова, который подчеркивал важную роль имперской юстиции в освоении окраин Российской империи[52]. Согласимся с мнением автора, что проводимая в конце XVIII в. – первой четверти XIX в. систематическая организация правосудия в периферийных этнорегионах входила в число приоритетных функций государственной власти и выступала инструментом укрепления политического и культурного влияния России. Рассматривая историю развития судебной системы Оренбургского края, исследователь приходит к выводу, что «самостоятельными направлениями трансформаций имперской юстиции в крае являлись создание и последующее реформирование и развитие систем иных отраслевых органов администрации, деятельность которых неуклонно стирала остаточные признаки фронтира и обеспечивала полную интеграцию Южного Урала в состав России»[53].

Значительная историография посвящена важнейшему этапу становления имперской юстиции – реформе 1864 г., которая стала отправной точкой модернизации судебно-правовой системы Российской империи. Различные аспекты проблемы затронуты в работах Л.Г. Захаровой, В.В.

---

[51] Ружицкая И.В. Судебное законодательство Николая I (работа над Уголовным и Гражданским уложениями) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 41–57.

[52] Воропанов В.А. Организация судебной системы в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Юж.-Урал. историко-правовой вестник. 2009. Вып. 4. С. 101–116; Он же. Становление местной имперской администрации в областях Казахской степи: проекты и реализация судебных реформ 1820-х гг. // Социум и власть. 2010. № 2(26). С. 101–105; Он же. Развитие имперской судебной системы в Западном Казахстане в 1840-х – первой половине 1860-х гг. // Социум и власть. 2011. № 1. С. 88–92; Он же. Органы юстиции в политике фронтирной модернизации восточной и юго-восточной периферии Российской империи (1775–1864). Автореф. дисс ... д.и.н. Оренбург, 2022.

[53] Воропанов В.А. Система органов юстиции и интеграция Оренбургского края в состав Российской империи в XVIII – первой половине XIX века // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2020. Т. 2. С. 6–10.

Кириллова, С.В. Кодана, М.В. Немытиной[54]. Исследователи подчеркивают важность и уникальность проведенных преобразований, переход российского общества на новый уровень правовой культуры[55]. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. законодательно закрепили те принципы правосудия, которых в дореформенной России не было: всесословность, юридическое равенство перед законом и судом, отделение суда от администрации, устность, гласность и т.д.[56] При этом, история реализации реформы в Степном крае практически не изучена. При всей важности проблемы, в современной историографии получили освещение лишь отдельные ее аспекты: правительственные дискуссии о необходимости реформы судоустройства региона, подготовка проведения судебной реформы 1898 г., реорганизация традиционной судебной системы[57]. Акцент в исследованиях делается преимущественно на процесс внедрения и характер деятельности в Туркестанском крае и Степных областях общеимперской судебной системы, оформленной по судебным уставам 1864 г.[58]

Отчасти, заявленная проблематика затрагивается в диссертационных исследованиях К.Л. Васина и Ф.Т. Тутхаметова. Однако судебная система Степного края и Туркестана рассматривается исследователями как одно из направлений имперской административной политики в центральноазиатском

---

[54] Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874. (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России, 1855–1874. М., 1992; Кириллов В.В. История реформ и контрреформ в контексте российской модернизации XVIII–XX веков. М., 2005; Кодан С.В. Политико-юридический подход в исследовании государственно-правового развития России (XIX – начало XX в.) // NB. Проблемы общества и политики. 2012. № 2; Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX - начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999 и др.

[55] Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 16–31; Немытина М.В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. // Государство и право. 2015. № 5. С. 92–98.

[56] Биюшкина Н.И. Принципы правосудия по судебной реформе 1864 года в Российской Империи // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 103.

[57] Анисимова И.В. Вопрос об эффективности реформирования традиционной судебной системы казахского общества (80–90-е гг. XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/2 (80). С. 109–113; Глазунов Д.А. Подготовка судебной реформы 1898 г. в Степном генерал-губернаторстве // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сборник материалов международной научной конференции. Новосибирск, 2011. С. 163–169. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sibistorik.narod.ru/project/conf2010/029-glazunov.htm

[58] Нестеренко Л.С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи. Автореф. дис. … к.юр.н. М., 2012; Она же. Распространение судебной реформы 1864 г. в Туркестанском крае // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Краснодар, 2012. С. 292–296; Курас Т.Л. Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 57–58.

регионе в русле общих преобразований и не подвергается комплексному анализу[59]. При этом, ряд положений, выдвигаемых исследователями носят спорный характер. По мнению К.Л. Васина, чье исследование ограничивается пореформенным периодом, в вопросе организации судебной системы российское законодательство отличалось наибольшей последовательностью и было направлено на вытеснение с политической арены суда биев посредством создания альтернативной судебной инстанции – уездного судьи и окончательного превращения звания бия в должность, зависимую от российской администрации. В то время как, напротив, российская администрация так и не решилась на кардинальную ломку традиционной судебной системы и выступала за сохранение «суда биев» в региональной юстиции[60].

Становление и развитие судебных институтов, основных механизмов и практик реализации судебной реформы в Степном крае на протяжении XIX – первой четверти XX в. не стало предметом специального изучения. Однако, для понимания характера проводимых в регионе преобразований, оценки их результативности и функциональной эффективности необходимо обращение к общеимперским тенденциям и процессам, которые получили достаточное освещение историографии. Речь идет прежде всего о институтах полицейского надзора и прокуратуры Российской империи[61]. Осуществление полицейско-надзорных функций является неотъемлемой частью эффективной государственной политики. Этим обусловлен интерес к проблеме становления и развития полицейского надзора в Российской

[59] Васин К.Л. Административные и судебные реформы 60–90-х гг. XIX в. в Степных областях Западной Сибири (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Омск, 2008; Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи : Вторая половина XIX века: Историко-правовое исследование. Автореферат дисс… д.юр.н. М., 2003.

[60] Анисимова И.В. Имперская судебная политика в центральноазиатских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 207–228.

[61] Ефремова Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. (историко-правовое исследование). М., 2007; Галузо В.Н. Власть прокурора в России (историко-правовое исследование). М., 2008; Логачева Н.В. Деятельность прокурорского надзора в России во второй половине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 5 (85). С. 57–62; Волчек В.А., Гаврилов С.О., Серафимович А.Е. Прокуратура Западной Сибири и проблема общего надзора в 1850 – 1890-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 136–139.

империи в современной историографии [62]. Интересным представляется исследование С.В. Кодана, посвященное анализу нормативно-правовой основы работы российской полиции имперского периода[63], где реализуется идея, что полицейская служба и развитие полицейского законодательства стали приоритетными в деятельности государства с правления Николая I. По мнению ученого, проводимая в 20–30 гг. XIX в. систематизация законодательства и создание Свода законов Российской империи позволили впервые упорядочить и обнародовать положения в сфере полицейского права, что благоприятно сказалось на деятельности полицейской службы. В работах А.В. Быкова, В.В. Мухина и др. рассматриваются основные этапы развития имперских полицейских органов пореформенного периода[64].

Выделяется целый комплекс работ по исследованию функциональных компетенций полицейской службы (сыск, тайная полиция, городские полицейские органы) [65]. Активно разрабатывается региональная проблематика[66]. При этом, если анализу становления полицейской службы в

---

[62] Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская империя XIX – начала XX века: некоторые особенности правового регулирования функционирования полиции // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 11. С. 7–11; Кудин В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 50. С. 4–11; Кудин В.А., Панфилец А.В. Ретроспектива становления и развития полиции в Российском государстве (К 300-летию российской полиции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 12–17; Сизиков М.И. Полиция Российской империи XIX – начала XX веков. М.: АПО, 1992.

[63] Кодан С.В. Систематизация полицейского законодательства Российской империи (1826–1832 гг.) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 9–10.

[64] Быков А.В. Проблемы развития полиции России в условиях революции 1905–1907 годов и Первой мировой войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. В 2 т. Т. I. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 163–166; Мухин В.В. Предпосылки для реформирования полиции в Российской империи в начале XX столетия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 33–35.

[65] Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Создание сельской полиции и ее организационно-правовые формы в Российской империи // Правовое поле современной экономики. 2012. № 10. С. 39–46; Жилина Ю.А. Сыскные отделения 1908 года – новый общегосударственный полицейский институт // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 8. С. 182–187.

[66] Елизаров А.В. Общие черты уездной полицейской стражи Ярославской губернии в 1907 г. (на примере Рыбинского уезда) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 161–163; Тимошевская А.Д. Особенности полицейского управления и местного самоуправления в губерниях Великого княжества Финляндского в XIX в. // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 1. С. 26–33; Токарева С.Н. Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2013. № 4. С. 28–55; Она же. Структура полицейских учреждений Черноземья в начале XX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. В 2 т. Т. I. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 207–211.

Туркестанском генерал-губернаторстве посвящен ряд научных публикаций [67], то организация полицейской системы в Степном крае не стала предметом специального изучения.

Реформы российской прокуратуры, проводившиеся параллельно с судебной реформой 1864 г., оцениваются неоднозначно, критику вызывает изъятие из компетенций прокуратуры надзорных функций. Однако, согласимся с мнением В.М. Деревсковой, что изменения, произошедшие в организации и деятельности прокуратуры, были настолько существенны, что многие положения реформы 1864 г. используются до сих пор, а некоторые необходимо было бы реализовать в современных условиях [68]. В меньшей степени, в историографии получила освещения проблема становления института прокуратуры в имперских окраинах.

Отдельной темой исследования выступает история пенитенциарной системы Российской империи, которая во второй половине XIX в. стала важной частью государственной политики [69]. Исследователи подчеркивают, что пенитенциарная политика Российской империи носила противоречивый характер. Проведение комплекса реформ в 60–70-х гг. XIX в. было направлено на гуманизацию условий отбывания арестантов, расширение и улучшение сети тюремных учреждений, были предприняты меры по ограничению использования труда арестантов для решения экономических задач и т.д. Но в итоге, реформы не получили реализации в полной мере, что было вызвано «остаточным принципом финансирования пенитенциарных учреждений» [70]. В управлении пенитенциарными органами и учреждениями

---

[67] Литвинов В.П., Литвинов П.П. О специфике деятельности железнодорожной полиции в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2014. Т. 14. № 6. С. 24–29; Тимошевская А. Д. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX – начале XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 92–96.

[68] Деревскова В.М. Влияние судебной реформы 1864 г. на российскую прокуратуру: ретроспективный анализ и современные аспекты // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4. С. 3–10.

[69] Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004; Сальников В.П., Захарцев С.П., Оганесян С.М., Сальников М.В. Российская империя и пенитенциарная политика во второй половине и конце XIX в. // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 7. С. 53–60.

[70] Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. С. 268.

отсутствовали система и централизация и, соответственно, эффективный контроль за их деятельностью[71]. Переживала пенитенциарная система период нестабильности и в первые десятилетия XX в., что было вызвано сложной общественно- политической ситуацией в стране[72]. В целом, при достаточном изучении общеимперских тенденций развития пенитенциарной системы, за рамками исследовательского внимания остались центральноазиатские национальные окраины Российской империи. Можно выделить лишь несколько публикаций, которые затрагивают заявленную проблему с учетом региональной специфики[73].

Таким образом, если обращение к истории отдельных институтов системы социального контроля (полиция, прокуратура, тюрьма) в общеимперском пространстве является востребованной исследовательской темой, то формирование и особенности развития системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. до сих пор не изучены.

Анализ отечественной историографии позволяет сделать вывод, что введение институтов общеимперской судебной системы в Степном крае не стала предметом специального изучения. В то же время, востребованной темой в современной историографии является изучение традиционных институтов и норм права казахского общества. На должном уровне сегодня освещена исследовательская проблема роли и места в казахском традиционном обществе «института биев». Здесь, прежде всего, необходимо выделить серию работ Ж.С. Мажитовой, в исследованиях которой подробно рассмотрены особенности формирования и развития традиционного суда[74].

---

[71] Казаченок В.В. Организационно-правовые основы деятельности пенитенциарных органов и учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 1. С. 12–17.

[72] Трофимова Н.Н. Пенитенциарная система Российской империи в эпоху общественно-политического кризиса революционного периода (1905 – февраль 1917 гг.) // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж, 2017. С. 454.

[73] Махмудова Н.Б. Состояние пенитенциарной системы Туркестанского края в начале XX в. (по материалам отчёта сенаторской ревизии графа К.К. Палена) // Метаморфозы истории. 2016. № 8. С. 201–210.

[74] Мажитова Ж.С. Место и роль биев в системе ханской власти в оценках российских исследователей (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А.С.

Внимание трансформации норм обычного права, месту и роли в правовой системе суда биев уделяется в работах И.В. Анисимовой, О.И. Брусиной, Р.Ю. Почекаева[75]. Исследователями подчеркивается устойчивость традиционной правовой системы, широкая сфера его действия, и малоэффективность сочетания традиционных судебных институтов и элементов общеимперского судоустройства.

Важную роль в изучении традиционной судебно-правовой системы казахского общества занимает вопрос о положении женщины в семье и опыте регламентации семейно-брачных отношений[76].

Проблема становления и развития судебно-правовой системы Российской империи затронута и в зарубежной историографии. При этом, если европейская историческая наука обратилась к изучению общеимперских тенденций, то историография государств Центральной Азии акцентирует внимание на региональных вариантах реализации имперской судебной политики.

В современной казахстанской исторической науке в контексте предметной области исследования диссертации в большей степени внимание

Пушкина. Серия «История». 2014. № 3. С. 91–100; Она же. Полемика вокруг суда биев среди представителей казахской интеллигенции начала XX в. (сравнительно-исторический анализ) // Гуманитарный вектор. 2014. № 3(39). Востоковедение. С. 89–95; Она же. Суд биев в казахском традиционном обществе (по материалам дореволюционной российской историографии второй половины XIX – начала XX века) // Вестник Новосибирского государственного ун-та. Серия «История, филология». 2015. Т. 14. Вып. 5. С. 97–103; Она же. Институт биев в казахском обществе в первое десятилетие советской власти // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2015. № 4. С. 74–84; Она же. Институт биев: подходы и интерпретации в российской и казахстанской историографии. Монография. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2015; Она же. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.). Автореферат дисс. … д.и.н. М., 2016.

[75] Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о преобразовании традиционной судебной системы Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства в конце XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. Политология. 2013. № 4/1 (80). С. 102–105; Брусина О. И. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи // Норма, обычай, право: законодательство и практика. Материалы круглого стола. – М., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/brusina.html; Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв. // Зангер. 2008. № 4 (81). Апрель. С. 51–58; Он же. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 3: Право и суд Казахстана в составе Российской империи (1868–1917 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2011. № 1. С. 57–75. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pr-page.narod.ru/82.htm

[76] Бижигитова К.С. Образ казахской женщины в трудах русских авторов в контексте имперской политики в Степи (конец XVIII – начало XX вв.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016; Брусина О.И. Брак и развод в народных судах Туркестана: взаимодействие адата и шариата при российском управлении // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 151–152; Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011.

акцентируется на вопросах обычного права казахов и деятельности традиционного казахского суда биев. В работах М. Нарикбаева, К.А. Алимжана, Б. Абдрахмановой и др.[77] подчеркивается негативное значение проводимых российской администрацией мероприятий, направленных на модернизацию суда, которые привели к разрушению «идеальной» формы судопроизводства – суда биев. В целом, реорганизация судебно-правовой системы Степного края, импорт общеимперских судебных институтов в Степные области расценивается казахстанской историографией негативно в контексте общей критики политики России в этом регионе.

Однако, встречаются и более взвешенные оценки процесса интеграции казахской степи в политико-правовое пространство Российской империи. По мнению И.В. Ерофеевой, инициатива Абулхаира о принятии казахским пародом протектората России в 1730 г. была обусловлена глубоким убеждением последнего в том, что «без сильной внешней поддержки Российского государства ханская власть в Степи не сможет обеспечить сколько-нибудь стабильную интеграцию казахов всех трех жузов на долговременную историческую перспективу и сохранить социокультурное единство и экстерриториальную целостность Казахского ханства в условиях почти перманентной военной агрессии со стороны ближайших соседей»[78].

Частично в казахстанской историографии затрагиваются вопросы становления механизмов реализации судебной власти в имперский период. Среди работ последних лет можно выделить только исследование казахстанского ученого К.Ж. Далматова, посвященное описанию общих

[77] Нарикбаев М. От наших великих биев до Верховного суда. Алматы, 2000; Алимжан К. Суд биев как институт обычного права // Мысль. 1999. № 6. С. 78–83; Алимжан К.А. Вопросы теории обычного права. Алматы, 2003; Ережэ – положение съезда биев. Караганда, 1997; Проблемы казахского обычного права. Алма-Ата, 1989; Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана, 1998; Оразбаева А. Историческая роль и социальное значение института бийства в истории казахского народа (К постановке проблемы) // Саясат. 1997. № 5; Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы, 2008; Сартаев С.С. Казахский суд биев и его цивилизационное значение // Вестник КазНУ. 2009. № 4.

[78] Ерофеева И.В. Казахское ханство и власть в традиционном обществе казахов // История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. С. 152–153.

тенденций развития судоустройства и прокуратуры Степного края во второй половине XIX в.[79]

Изучение проблемы деятельности народного суда в Степных областях и Туркестане нашло отражение в работах кыргызстанского исследователя А.Л. Салиева [80] . Автор придерживается мнения о необходимости реформирования традиционной судебной системы Туркестана и Степного края, обуславливая это тем, что «по мере адаптации номадических этносов Туркестана к условиям бурно развивавшихся буржуазных отношений в Российской империи обнаруживалась все явственнее нестыковка норм обычного права (адата) с общероссийским государственным законодательством, причем, не только в области экономических отношений, но и иных – социальных, трудовых, семейно-брачных и др.»[81].

Западная историография представлена обобщающими работами по истории судебно-правовой системы России, для которых характерна, в целом, положительная оценка имперских преобразований второй половины XIX в. **С**удебная реформа в России трактуется как новаторская, радикальная и технически успешная [82] , однако исследователи подчеркивают, что реализация реформы за пределами европейской части Российской империи происходила медленно и не в полной мере [83] . Интерес представляет исследование Р.С. Уортмана «Властители и судии: Развитие правового

---

[79] Далматов К.Ж. Правосудие и прокурорский надзор в Казахстане в составе Российской империи во второй половине XIX века // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. №1 (59). С. 340–345.

[80] Салиев А.Л. О попытках царской власти сблизить судопроизводство кочевого населения Туркестана с общероссийскими судом и законодательством (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2013. № 12. Т. 13. С. 77–80; Он же. О практике вмешательства царской власти в деятельность народных судов кочевого населения Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2013. № 12. Т. 13. С. 72–76; Он же. Царская власть и народные суды кочевого населения Туркестана: проблемы взаимоотношений (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2013. № 6. Т. 13. С. 41–45; Он же. Народные суды в системе органов «туземного» самоуправления в царистском Туркестане (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2013. № 5. Т. 13. С. 87–90.

[81] Салиев А.Л. О противоречиях между народными судами кочевого населения Туркестана и Общероссийским государственным законодательством (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 3. С. 58–59.

[82] Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 305.

[83] Pearson T. Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1984. Bd. 32. S. 52–71.

сознания в императорской России», в котором процесс модернизации правовой системы Российской империи рассматривается в тесной связи с традиционной моделью государственного управления[84]. Частично затронута в зарубежной историографии история формирования институтов системы социального контроля. Деятельность прокуратуры, полиции, пенитенциарной системы получила освещение в работах, посвященных проблемам административной системы Российской империи[85].

Таким образом, сегодня история судебной системы Российской империи представляет одну из актуальных тем для исследования и широко представлена в современной историографии. В то же время, освещение проблем, связанных с данной тематикой носит неравномерный характер. В большинстве своем исследования сосредоточены на проблемах реализации судебно-правовой и административной политики во внутренних губерниях Российской империи, общих тенденциях развития судебной системы государства. Возрастает интерес к региональным вариантам судебной политики. Однако, формирование и особенности развития имперской судебной системы в Степном крае в конце XVIII в. – 20 гг. XX в. остаются малоизученной темой, что актуализирует данное исследование. Присутствуют работы описательного характера, однако отдельные аспекты проблемы вообще не стали предметом специального научного изучения. Речь идет, в том числе, о механизмах реализации судебной политики в Степном крае, проблемах ее эффективности, процессе аккомодации имперской юстиции в регионе. Не систематизированы знания и об интеграции традиционной судебной системы в общеимперское правовое пространство. Отсутствие комплексного анализа заявленной в диссертации проблемы с учетом современных методологических подходов обуславливает ее важность и значимость.

---

[84] Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

[85] Raeff M. The Bureaucratic Phenomen of Imperial Russia, 1700-1905 // Americal Review. 1979. Vol. 84. № 2 (April). P. 399–411; Melancon M. Popular Political Culture in Late Imperial Russia (1800-1917) // Russian History. 2004. Vol. 31. Is. 4. P. 369–371.

Цель исследования – комплексный анализ формирования и эволюции региональной модели судебной системы Степного края в условиях российской модернизации имперского и советского периодов (конец XVIII – 20-е гг. XX в.)

Достижение поставленной цели возможно при решении комплекса исследовательских **задач**:

1. проанализировать нормативно-правовую основу эволюции региональной судебной системы Степного края / КазАССР в конце XVIII – 20-х гг. XX в.;

2. определить взаимосвязь судебных реформ Степного края с тенденциями фронтирной имперской / советской модернизации;

3. раскрыть позиции центральных и региональных органов власти имперского и советского периодов по вопросам реформы судебной системы Степного края;

4. обосновать периодизацию развития судебной системы Степного края / КазАССР в конце XVIII – 20-х гг. XX в.;

5. выявить место и роль традиционной судебной системы казахского общества в процессах имперской / советской модернизации;

6. раскрыть процесс институционального оформления судебной системы Степного края во второй половине XIX – начале XX в. и проанализировать итоги импорта в регион системы социального контроля;

7. проанализировать опыт внедрения общеимперской практики регуляции семейно-брачных отношений в традиционное казахское общества;

8. определить недостатки функционирования судебной системы Степного края и их причины в период имперской / советской модернизации.

Хронологические рамки исследования определяются концом XVIII – 20-ми гг. XX в. и обусловлены качественными изменениями, динамикой политической и социально-экономической ситуации Степном крае в данный период. Для реконструкции истоков формирования судебной системы и становления судебных институтов в Степном крае необходимо обратиться к

периоду правления Екатерины II, судебные реформы которой сыграли важную роль в организации судоустройства в казахской степи. В период ее правления, в 1784 г. законодательно было утверждено открытие в Оренбурге Пограничного суда. В полной мере начало формирования судоустройства и судопроизводства Степного края относится к первой четверти XIX в., связанного с разработкой нормативно-правового обеспечения судебной системы Степного края («Устав о сибирских киргизах» 1822 г., «Устав об Оренбургских киргизах» 1824 г.).

Верхней границей исследования выступает середина 1920-х гг. Дата обусловлена ведением в Советской России общегосударственного судебного законодательства, приведшего к завершению реорганизации судебной системы в КазАССР, начавшейся в имперский период, исключением из нее традиционных судебных норм и институтов. Необходимо подчеркнуть, что характерное для многих исследований различных аспектов истории Степного края определение верхней границы 1917 г., связанное с падением дома Романовых и образованием нового Советского государства, на наш взгляд выглядит не обоснованным. Февральская революция 1917 г., межреволюционный период и политика Временного правительства, революционные события октября 1917 г. не повлекли за собой изменений характера судебной системы и правовых отношений в изучаемом регионе. Процесс интеграции национальных окраин в общеимперское пространство шел постепенно и к переломному моменту в истории России – февралю 1917 г., был далек от завершения. Так, Финляндия сохраняла свою территориальную автономию, в Польше, составившей после утраты автономии особое генерал-губернаторство, действовали принципы уголовного и гражданского права, основанные на кодексе Наполеона. Элементы румынского права сохранялись в Измаильском уезде Бессарабии. Кавказ управлялся как отдельное наместничество. В Степном крае и Туркестане, которые составляли отдельные генерал-губернаторства, гражданская администрация находилась в ведение Военного министерства, а

в местном управление и суде сохранялись элементы, оставшиеся от времен, предшествовавших завоеванию их Россией. В Степном крае именно в 20-е гг. XX в., после принятия декрета Совнаркома от 10 июля 1919 г. «Об образовании автономной Киргизской Социалистической Советской республики», начались изменения в судебной системе, завершившие имперский период реформ. В 1923 г. в Республике было введено «Положение о судоустройстве РСФСР» 1922 г. К 1925 г. нормы обычного казахского права были полностью исключены из обихода, что позволяет нам говорить о завершении процесса модернизации судебной системы изучаемого региона.

Территориальные рамки исследования охватывают территории Республики Казахстан: Западно-Казахстанской, Атырауской, Актюбинской, Кустанайской, Карагандинской, Акмолинской, Северо-Казахстанской, Павлодарской, Восточно-Казахстанской и Алматинской областей, а также территории современной Омской и Оренбургской областей Российской Федерации. На протяжении XIX в. рассматриваемый регион несколько раз изменял административную принадлежность. Первый этап административно-территориального деления связан с принятием «Устава о сибирских киргизах» (1822 г.) и «Устава об Оренбургских киргизах» (1824 г.). Так, «Устав о сибирских киргизах» включил территории современного Восточного и Северо-Восточного Казахстана в состав Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства, разделив их на 8 внешних округов – Акмолинский, Семипалатинский, Баян-Аульский, Кушмурунский, Аягуский, Аман-Карагайский, Уч-Булакский, Кокчетавский. Территории Западного Казахстана согласно «Уставу об Оренбургских киргизах» вошли в состав Области оренбургских киргизов Оренбургского генерал-губернаторства.

Следующим шагом в развитии административно-территориального деления региона стало выделение в 1838 г. для казахов внешних округов Омской области специального Пограничного управления сибирскими киргизами, которое в 1854 г. было переименовано в Область сибирских

киргизов. Тогда же, в 1854 г., из восточной части Степи, подчинявшейся Пограничному управлению, была образована Семипалатинская область. В 1868 г. Область сибирских киргизов была преобразована в Акмолинскую область.

Новый этап формирования административно-территориального устройства региона связан с принятием в 1868 г. «Временного положения об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской»[86]. Данный нормативно-правовой акт закрепил процесс присоединения степных областей к Российской империи, а также утвердил введение унифицированной модели регионального административно-территориального устройства и управления: генерал-губернаторство – область – уезд – волость – аул. Уральская и Тургайская области были включены в состав Оренбургского генерал-губернаторства, Акмолинская и Семипалатинская области – в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства. После упразднения в 1882 г. Западно-Сибирского генерал-губернаторства, Акмолинская и Семипалатинская вошли в состав Степного генерал-губернаторства. В этом же 1882 г. Уральская и Тургайская области вышли из-под юрисдикции Оренбургских генерал-губернаторов и были переданы непосредственно в подчинение МВД. Окончательно закрепило сложившуюся систему административно-территориального устройства принятое в 1891 г. «Степное положение»[87]. Также с 1882 г. в состав Степного генерал-губернаторства включалась изъятая из компетенции туркестанских властей Семиреченская область, которая в 1896 г. вновь была возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства. В силу данных обстоятельств, при рассмотрении предмета исследования в диссертации анализировался материал данной области.

[86] Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Т. V. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 441–463.

[87] Степное положение 25 марта 1891 г. с объяснениями по официальным источникам. СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1891.

Учитывается, что в результате административно-территориальных реформ 60–80-х гг. XIX в. часть казахского населения оказалась включенной в состав Семиреченской и Сыръ-Дарьинской областей Туркестанского генерал-губернаторства. В связи с этим в диссертации привлекаются материалы по этим областям, поскольку они позволяют более комплексно и целостно представить позиции властей в отношении традиционной судебной системы казахского общества.

Таким образом, на протяжении XIX в. в исследуемом регионе использовались разнообразные модели административно-территориального устройства, в рамках которых изменялось его название. При этом, с конца XVIII в. в материалах российских властей и донесениях военных применительно к региону встречается название «степь» или «Степной край». Во второй половине XIX в. термин «Степной край» стал использоваться для обозначения региона и в официальном делопроизводстве. Появление Степного генерал-губернаторства способствовало формированию и укреплению понятия «Степной край», охватывающего Акмолинскую, Семипалатинскую, Тургайскую и Уральскую области. Современные российские и казахстанские ученые также употребляют данную дефиницию в своих трудах.

В первые годы советской власти, наряду с новым официальным названием Киргизская АССР (до 1925 г.), продолжал использоваться термин «Степной край». В связи с этим, в настоящем исследовании обоснованным является использовать применительно ко всему хронологическому периоду для обозначения изучаемого региона единое название – Степной край.

Источниковая база исследования. Источники по истории становления и развития судебной системы Степного края в дореволюционный и советский период довольно разнообразны и, в зависимости от происхождения, аккумулируются в пять основных типов: законодательные и нормативные акты, материалы официального делопроизводства, статистические данные, публицистика (периодические

издания дореволюционного периода), источники личного происхождения (дневники, мемуары, путевые заметки и т.д.).

1. *Законодательные и нормативные акты*. Основная масса источников этой группы включена в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), являющееся наиболее крупным и содержательным законодательным памятником имперского периода. ПСЗРИ выдержало три издания: Первое собрание (1649–1825), Второе собрание (1825-1881), Третье собрание (1881–1913), и действовало вплоть до революции 1917 г. [88] Документы этой группы разнообразны и включают в себя именные указы, мнения Государственного совета, указы Сената, уставы, наказы, мемории Совета министров, содержание которых позволяет реконструировать общеимперские тенденции развития судебной системы и реализации судебной политики Российской империи. По содержанию нормативно-правовые документы можно разделить на: 1. общеимперские законы, определяющие общие контуры судебной системы Российской империи, и 2. нормативно-правовая документация, регламентирующая направление и содержание строительства судебной системы в центральноазиатских имперских окраинах. При этом, именно вторая группа выступает особенно важной для решения поставленных диссертантом задач. Ценность представляют нормативно-правовые документы, адресованные региональным властям и представляющие законодательную основу для реорганизации регионального судоустройства. Примером может выступать указ на имя Уфимского и Симбирского генерал-губернатора А.И. Апухтину «О мерах для укрощения своевольства киргиз-кайсаков», где наряду с

[88] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 1–45; ПСЗРИ. Собрание Второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885 гг. Т. 1–55; ПСЗРИ. Собрание Третье. 1 марта 1881 – 1913 гг. СПб.: Государственная типография, 1885–1916 гг. Т. 1–33.

изложением общих принципов управления регионом, был представлен механизм открытия пограничного суда в Оренбурге[89].

Важное значение играет комплекс документов, позволяющий конкретизировать содержание судебной политики Российской империи в центральноазиатских окраинах, реконструировать основные этапы ее становления и развития, определить характер взаимодействия всех элементов судопроизводства и судоустройства, обосновать роль и место региональной юстиции в общеимперской судебной системе[90]. Во многом, выявленные документы выступают дополнением к общеимперскому законодательству и отражают особенности организации регионального судоустройства и судопроизводства (организация судебно-мировых участков в Степных областях, утверждение штатного расписания судебных институтов, функциональные обязанности судебных органов и т.д.). Например, «Постановление об усилении следственно-мировой части в округе Ташкентской судебной палаты»; «Расписание судебно-мировых участков в Степных областях с определением мест постоянного пребывания участковых мировых судей»; постановление «О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края» и т.д.[91]

Основополагающими документами, определяющими конструкцию судебно системы Степного края выступают «Устав о сибирских киргизах» 1822 г.; «Положение об отдельном управлении сибирскими киргизами» 1838 г.; «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» 1844 г.; «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской,

[89] Именной, данный правящему должность генерал-губернатора Уфимского и Симбирского генерал-поручику Апухтину указ от 2 мая 1784 г. «О мерах для укрощения своевольства киргиз-кайсаков» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. СПб., 1830. № 15991. С. 142–144.

[90] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1845; Архивариус, или Сборник узаконений и правительственных распоряжений по устройству и разбору архивов судебных установлений. Сост. А.Г. Чудовичев. Казань: Типография губернского правления, 1880; Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. Изд. 2-е, пересмотренное и доп. по 1 янв. 1907 г. Санкт-Петербург: Издание Юридического книжного склада "Право", 1907; Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. V. СПб., 1867.

[91] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1891, 1895, 1898, 1899, 1903, 1904, 1916 гг. СПб., 1891–1916.

Акмолинской и Семипалатинской областях» (21 октября 1868 г.); «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г.; «Степное положение» 25 марта 1891 г.[92] Проведение в 1898 г. судебной реформы в Степном крае и Туркестане обусловило переиздание Судебных Уставов 1864 г. с учетом дополнений и изменений [93]. Представленные нормативно-правовые акты отражают конкретное содержание этнической политики России в Степном крае. Данные документы позволяют выявить и обосновать основные этапы формирования судебной системы региона и реконструировать ее конфигурацию в XIX – начале XX в. Ряд нормативных актов были опубликованы в сборниках материалов и документов, изданных в 1940–1960-ее гг. [94]

Широкая нормативная база регламентирует содержание и развитие судебной системы России в 10–20-е гг. XX в. Основополагающими выступают принятые в 1917–1920 гг. законоположения, в том числе Декрет СНК от 22 ноября 1917 г. «О суде»; Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде»; Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской республики»; Декрет СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. «О революционном комитете по управлению Киргизским краем»; Декрет ВЦИК «Об автономной Киргизской социалистической советской республике»; Декрет СНК от 9 декабря 1920 г.

[92] Высочайше утвержденный Устав о сибирских киргизах. 22 июля 1822 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. 1649–1825 гг. / Под ред. М.М. Сперанского. СПб. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 38. № 29127. С. 417–433; Высочайше утвержденное положение об отдельном управлении сибирскими киргизами. 6 апреля 1838 г. // ПСЗРИ. Собр. втор. 1825–1881 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1839 г. Т. 13. № 11122. С. 272–276; Положение об управлении Оренбургскими киргизами. СПб.: тип. Journal de Saint-Petersbourg, 1844; Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Т. V. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 441–463; Положение об управлении Туркестанского края. СПб., 1886; Степное положение 25 марта 1891 г. с объяснениями по официальным источникам. СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1891.

[93] Судебные уставы Императора Александра Второго в Сибири, Туркестане и Степных областях: [полный текст судебных уставов, формы разных прошений и бумаг по гражданским и уголовным делам] / сост. : В. К. Сальмонович, Н. А. Громов. – 2-е пересм., и доп. изд. – Томск : Издание книжного магазина П. И. Макушина, 1898.

[94] Материалы по истории Казахской ССР. М.-Л., 1940; Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). А.-А., 1960.

Киргизской АССР «Об отмене куна»; Декрет ЦИК и СНК Киргизской АССР от 29 декабря 1920 г. «Об отмене калыма» и др.

Интерес представляют материалы Учредительного съезда Советов Киргизской (Казакской) АССР, который проходил 4–12 октября 1920 г.[95] На съезде был принят комплекс документов, имеющих определяющее значение для становления региональной юстиции на новой основе: «Декларации прав трудящихся КССР», «Резолюции по организации советской юстиции». Отметим, что определенная часть нормативных актов данного периода нашла отражение в опубликованных сборниках документов и материалов, прежде всего: «Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г.» (М., 1943); «Материалы по истории политического строя Казахстана» (Алма-Ата, 1960), «Женщины Казахстана – активные строители социализма. 1918–1945» (Алма-Ата, 1981), «Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения» (Барнаул, 2016)[96].

Среди опубликованных сборников, содержащих нормативные акты, регламентирующие судебно-правовые отношения в Степном крае, интерес представляют работы И.И. Крафта[97]. В них автор представил обзор российского законодательства в сфере развития судебно-правовой системы в данном этнорегионе.

Таким образом, законодательные источники, выступая одной из важнейших групп, отражают позицию государственной власти по отношению к судебной системе изучаемого региона, позволяют выявить и проанализировать основные направления судебной политики в Степном крае.

---

[95] Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936.

[96] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. / Совет Народных Комиссаров. М.: Изд-во Управление делами СовНаркКома СССР, 1943; Материалы по истории политического строя Казахстана / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960; Женщины Казахстана – активные строители социализма. 1918–1945. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1981; Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. – Барнаул: АЗБУКА, 2016.

[97] Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898; Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях. Сост. И.И. Крафт. Оренбург, 1898.

Систематизация законодательства по заявленной проблеме позволила существенно расширить сформировавшееся представление о региональной специфике процесса становления и развития судебной системы Российской империи.

2. *Делопроизводственная документация*. Основной массив источников данной группы выявлен в архивах Российской Федерации (Российский государственный исторический архив, Государственный архив Российской Федерации) и впервые введен в научный оборот. В РГИА документы и материалы по теме диссертационного исследования сосредоточены в фондах Ф. 565 – Департамент Государственного казначейства МФ; Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД; Ф. 1149 – Департамент законов Государственного совета; Ф. 1264 – Первый Сибирский комитет; Ф. 1265 – Второй Сибирский комитет; Ф. 1276 – Совет министров (1905–1917); Ф. 1291 – Земский отдел МВД; Ф. 1376 – Ревизия сенаторов В.К. Безродного и кн. В.А. Куракина Западной Сибири; Ф. 1396 – Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края; Ф. 1405 – Министерство Юстиции; Ф. 1587 – Особое совещание при Государственном совете для обсуждения проектов законоположений по судебной части.

Фонды РГИА содержат документацию, введение которой в научный оборот позволит сформировать комплексное представление об основных этапах становления и эволюции судебной системы Степного края, определить позиции региональных и центральных органов власти по отношению к проблемам модернизации региональной юстиции, оценить степень эффективности работы судебных институтов, импортированных в регион. Введение в казахской степи Устава о сибирских киргизах 1822 г. получило отражение в документах, сосредоточенных в Ф. 1264 – Первый Сибирский комитет. Документы Ф. 1291 – Земский отдел МВД отражают процесс подготовки и реализации преобразований судебной части в Степном крае, содержат межведомственную переписку о прохождении реформы судебной системы в регионе.

В Государственном архиве Российской Федерации важные документы по истории судопроизводства и судоустройства Степного края отражены в фонде Ф. 102 – Департамент полиции Министерства внутренних дел. Выявленные документы позволяют конкретизировать процесс развития региональной полиции, выявить системные проблемы в работе тюремной системы. Значительное количество документов отражает материально-техническую базу институтов социального контроля. Особый интерес представляют проекты министерства юстиции о преобразовании тюрем Степных областей и их обсуждение различными ведомствами.

Особую ценность представляют документы, выявленные диссертантом в Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Основной массив источников сосредоточен в Ф. 64 – Канцелярия Степного генерал-губернатора и представлен, прежде всего межведомственной делопроизводственной перепиской и документацией, затрагивающей вопросы деятельности народного суда, подсудности казахов, эффективности введения общеимперских судебных уставов. Большое значение имеют отчеты генерал-губернаторов и начальников областей, записки региональных чиновников о деятельности судебной части. Ценными являются документы, хранящиеся в фонде Ф. 345 – Областное правление области Сибирских киргизов, содержащие проекты правил о народном суде, проекты «Свода степных законов». Интерес представляют документы фондов Ф. 4 – Областное правление Оренбургскими киргизами, Ф. 75 – Семиреченский областной суд, Ф. 333 – Акмолинский областной суд Министерства юстиции, содержащие жалобы казахского населения на приговоры народного суда и чрезвычайного суда биев, дела по обвинению биев в подкупе выборных и нарушениях при исполнении судебных обязанностей.

Выявленные в архивах документы разноплановы по своему содержанию и условно делятся на несколько групп:

Отчеты официальных представителей органов власти. К данной группе относятся отчеты генерал-губернатора Степного края, Туркестанского

генерал-губернатора, губернаторов Степных областей, уездных начальников, которые по своему содержанию достаточно информативны[98]. Как правило, наряду с изложением комплексной характеристики развития региона, чиновники выделяли и наиболее серьезные проблемы, характерные для той или иной области. В частности, неоднократно отчеты областных губернаторов содержали критику сложившейся конфигурации судебной системы и настаивали на принятии более радикальных мер к ее модернизации и унификации в рамках общеимперского законодательства (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 243; 2322).

Важное значение представляют отчеты чиновников профильных ведомств о состоянии судебной части и эффективности проведения реформ в Степном крае[99]. В данных документах освещались отдельные вопросы, связанные с работой судебных учреждений Степного края (окружными или мировыми судами, прокуратурой, народным судом и т.д.) (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2249). Отчеты чиновников поступали на обсуждение региональных и центральных органов власти, прежде всего Министерства юстиции, и служили основой для выработки механизмов реорганизации регионального судопроизводства. Примером может служить отчет прокурора Елецкого окружного суда Сергиевского, который был рассмотрен в Министерстве юстиции и был взят за основу проекта реорганизации судебной системы Уральской области[100].

---

[98] Всеподданнейший отчет исправляющего должность военного губернатора Семипалатинской области за 1887 г.; Рапорт военного губернатора Семипалатинской области Его Императорскому величеству. 1893 г.; Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1899 г. Всеподданнейший отчет военного губернатора Тургайской области за 1884 г. Б.м., б.д. Приложение к всеподданейшему рапорту военного губернатора Уральской области в 1885 г. Рапорт военного губернатора Семипалатинской области за 1892 г. Отчет военного губернатора Семипалатинской области за 1898 г. Всеподданнейший отчёт Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края за 1910, 1913 гг. Омск, 1911-1913; Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора за 1883 г.

[99] Объяснительная записка к Положению об управлении в Степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств. Б.м., 1868; Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. X. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895; Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Свод отзывов ведомств по выработанным Комиссией законопроектам. СПб.: Сенатская типография, 1901.

[100] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320.

Материалы сенаторских ревизий. Данная группа представлена как официальными отчетами о результатах ревизии, так и обширной документацией, связанной с организацией, проведением ревизии, сбором информации, предварительными заметками к отчетам и т.д. Интерес представляют материалы ревизий, которые проводились в Западной Сибири, Степном крае и Туркестане в XIX в.: ревизии сенаторов В.К. Безродного и кн. В.А. Куракина, ревизии советника Гирса в 1884 г.[101], ревизии сенатора К.К. Палена, проведенная в 1908–1909 гг. [102]

Существенное значение для определения характера деятельности судебной системы региона к началу XX в. представляют материалы ревизии Палена. Документы, как опубликованные в виде официальных отчетов, так и архивные, в полной мере охватывают все аспекты проведения в Степном крае реформ судебной системы XIX в. и позволяют оценить их результативность. Делопроизводство представлено отчетами чиновников, проводивших ревизию, волостными и уездными данными по деятельности суда в Степном крае, результатами опросов и статистических данных за 1905–1909 гг. (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 389, 390, 392, 393)

Внутриведомственная и межведомственная переписка. Данная группа включает документы делопроизводства, раскрывающие процесс принятия и реализации управленческих решений. Сюда относятся документы делопроизводства, созданные в высших центральных государственных органах: Министерстве юстиции, Земском отделе МВД, департаментах Государственного совета, Департаменте Государственного казначейства МФ, Сибирских комитетах, Совете министров. Важность делопроизводственной переписки заключается в предоставлении информации о реорганизации

[101] Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. СПб., 1884.

[102] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909; Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. I. Правовой быт. СПб., 1910; Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. II. Административный строй. СПб., 1910.

судоустройства и судопроизводства в Степном крае с обоснованием точки зрения органов власти разного уровня. Документы, как правило, содержат аргументированную позицию представителей власти по различным вопросам работы региональной юстиции: о реформе судебной системы в степных областях (РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084), о реорганизации мирового суда (РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 57), об усилении полиции в степных областях (РГИА. Ф. 1149. Оп. 13–1904 г. Д. 138).

Межведомственная переписка позволяет оценить сложности принятия решений по реорганизации судебной системы региона. Важные сведения содержит переписка Степного генерал-губернатора с военными губернаторами областей, областных властей с уездными начальниками, обращения военных губернаторов, генерал-губернаторов в центральные ведомства. Некоторая часть документов делопроизводства по истории становления и развития судебной системы Степного края в имперский / советский период нашла отражение в опубликованных сборниках документов и материалов[103].

Материалы внутреннего документооборота. Данная группа представлена внутренней документацией центральных и региональных органов власти, отчетами о внутренних ревизиях и проверках, объявлениями органов власти о принципах организации юстиции, резолюциями советской власти об отмене имперских постановлений. Особый интерес представляют протоколы заседаний и съездов региональных чиновников разных ведомств. Наглядным примером выступают Материалы Съезда крестьянских начальников Петропавловского уезда (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2241) и Протоколы Второго съезда работников советской юстиции Казакской

[103] Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). А.-А., 1960; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Алма-Ата, 1964; Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Сост. Лысенко Ю.А. и др. – Барнаул: АЗБУКА, 2014; Образование Казахской ССР. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957; Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. – Барнаул: АЗБУКА, 2016.

советской социалистической республики [104] . Важность данной группы источников заключается в объективности в обсуждении вопросов, наличии разных взглядов и подходов к решению выявленных проблем региональной судебной системы.

В целом, документы делопроизводства представляют наиболее обширным, позволившим глубоко изучить вопросы, связанные с учреждением, реформированием и развитием органов юстиции Степного края, организацией их деятельности.

3. Статистические источники. Определенное значение для проведения комплексного анализа развития судебной системы Степного края представляют «Обзоры» областей Степного края[105], которые формировались как приложения к ежегодным всеподданнейшим отчетам Степного генерал-губернатора и издавались ежегодно областными статкомитетами. Структура «Обзоров» включала в себя разделы о социально-экономическом развитии области, народонаселении, образовании и духовной нравственности. Для решения задач диссертационного сочинения интерес представляют разделы «Обзоров» о состоянии судебной части. Наряду с аналитической частью, в отчетах содержался достаточный статистический материал, который позволяет проследить реконструировать развитие судебной системы области в динамике за несколько лет.

Данные разделы («О народной нравственности» или «Общественном благоустройстве») содержат важные сведения о количестве уголовных и гражданских дел и судебных разбирательств, движении дел у мировых судей, изменений в организации системы социального контроля. Помимо статистических данных в некоторых «Обзорах» представлены сведения о институциональных изменениях в областном судоустройстве.

---

[104] Второй съезд работников советской юстиции Казакской советской социалистической республики: (протоколы Съезда). Кзыл-Орда : Нар. комиссариат юстиции Казах. ССР, 1926.

[105] Обзоры Акмолинской области. Омск, 1894-1895; Обзоры Семипалатинской области. Семипалатинск; Обзор Семиреченской области за 1885 г. Верный, 1886; Обзор Тургайской области за 1911 г. Оренбург, 1915; Обзор Уральской области за 1885 год. Уральск, 1886.

Интерес в структуре «Обзоров» вызывают разделы о состоянии тюремной системы области, которые содержат данные о количестве тюремных замков и тюремных камер в областях, их материально-техническом состоянии, количестве арестантов, проблемах пенитенциарной системы, финансовом обеспечении штата и расходов на содержание арестантов. Важными представляются также сведения о деятельности областных комитетов попечительного о тюрьмах Общества.

Статистические материалы по состоянию пенитенциарной системы России, отражающие положение дел в губерниях и областях империи также представлены в отчетах по Главному тюремному управлению[106].

4. *Материалы дореволюционной периодической печати*. На страницах ведомственных изданий, так как «Журнал гражданского и уголовного права», «Журнал министерства юстиции», «Журнал юридического общества», «Тюремный вестник» и др. публиковались материалы о характере правоотношений в Степных областях, особенностях судоустройства и судопроизводства в регионе. Уделялось внимание вводимым в Степном крае и Туркестане новым принципов организации юстиции, учреждению новых институтов и элементов судебно-правовой системы. Нередко публикации поднимали дискуссионные вопросы. Активно обсуждались проблемы сохранения народного суда в структуре региональной юстиции, степени эффективности проводимой реорганизации судебной системы и т.д. [107] При этом, несмотря на ведомственную принадлежность изданий, некоторые

[106] Отчет по Главному тюремному управлению за 1906 г. СПб., 1908; Отчет по Главному тюремному управлению за 1907 г. СПб., 1909; Отчет по Главному тюремному управлению за 1909 г. СПб., 1911; Отчет по Главному тюремному управлению за 1910 г. Ч. 2. Приложения. СПб., 1912; Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г. Ч. I. Объяснения. Петроград, 1917.

[107] Вопросы управления, хозяйства, суда и народного образования в Тургайской области, разрешенные в общем присутствии Тургайского областного правления с участием уездных начальников и сведущих лиц из киргизов в заседаниях с 25-января по 12 февраля 1894 г. Оренбург, 1894 г. // Журнал юридического общества. 1895. Кн. 5. Май. С. 18–26; Народный суд у киргизов (суд биев) // Журнал юридического общества. 1897. Кн. 7. Сентябрь. С. 62–82; О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 2; Всеподданнейший доклад министра юстиции о ходе работ по улучшению судебной части за 1894–1899 г. // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 7; Открытие новых судебных установлений в Туркестанском крае, Степных и Закаспийской областях // Журнал министерства юстиции. 1899. № 5; О применении 218 статьи Положения об управлении Туркестанским краем // Журнал министерства юстиции. 1910. № 4. Об учреждении тюрем в городах Мерве и Красноводске Закаспийской области и Актюбинске Тургайской области // Тюремный вестник. 1912. № 8/9 и др.

материалы критически оценивали рассматриваемые вопросы, что подчеркивает важность данной группы источников.

5. *Источники личного происхождения* представляют особый интерес. Здесь можно выделить две разновидности. Первую группу составляют публикации официальных лиц, чиновников центральных ведомств, прежде всего, Министерства юстиции. Эти работы, в силу статуса авторов, отражают государственную позицию по отношению к судебной системе Степного края, содержат оценочные суждения с позиции властных полномочий[108]. Вторая группа представлена дневниками, мемуарами и записками ученых и путешественников [109] . Например, важная информация о традиционной судебной системе кочевого казахского населения Семиреченской и Семипалатинской областей содержится в отчете капитана Давлетшина о поездке в Степной край в 1900 г.[110] Отметим также, что нередко авторы состояли в штатах региональных органов власти. Однако, этот факт не умаляет значения данной группы источников, напротив, являет собой взгляд на ситуацию непосредственных участников процесса реорганизации судебной системы. Особое значение, в связи с этим, представляют работы Ч.Ч. Валиханова[111], так как позволяют существенным образом расширить представления о реформах 60-х гг. XIX в., проводимых в Степном крае.

В целом, использованная источниковая база достаточно информативна и репрезентативна. Анализ и интерпретация источников с применением современных методологических принципов позволит решить поставленные задачи. Выявленные документы дают возможность реконструировать

---

[108] Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. Речи и сообщения. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900; Щегловитов И.Г. К сорокалетию Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Вестник права. Журнал юридического общества. 1904. Ноябрь. Кн. 9. С. 1–28; Щегловитов И.Г. Пересмотренные Судебные Уставы накануне законодательного обсуждения // Журнал министерства юстиции. 1902. № 1. С. 155–159.

[109] Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане // Журнал гражданского и уголовного права. Год 22-й. Кн. 7. СПб., 1892; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Санат», 1996; Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. Кн. 9–12.

[110] Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901.

[111] Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985.

особенности процесса становления и развития имперского / советского судопроизводства на территории Степного края, механизмы интеграции казахского населения в судебно-правовое пространство, выявить степень эффективности проводимых российскими властями имперского и советского периодов преобразований судебной системы региона в XIX – 20-х гг. XX вв.

Методология и методы исследования. Современный исследователь имеет в своем распоряжении широкий выбор методологических концепций и принципов, обеспечивающих решение научной проблемы и достижение цели научного исследования. При этом, характерной тенденцией является реализация исследования с использованием сразу нескольких научных концепций, что позволяет провести его более успешно. Использование совокупности принципов и положений объективно расширяет эвристические возможности и позволяет прийти к новым обоснованным результатам исследования. Данные тенденции соответствуют предложенной в конце XX в. парадигме многоконцептуальности в научных исследованиях. В современной историографии отечественной истории устойчивым выглядит позиция, что «основным отличием современного этапа развития исторической науки в России от предыдущего является внедрение в практику исследовательского труда методологического плюрализма»[112].

В связи с этим методологически обоснованным выглядит изучение истории становления и развития судебно-правовой политики Российской империи в Степном крае в рамках положений нескольких научных теорий. Приступая к обоснованию методологии исследования необходимо определиться с содержанием понятия «судебная система». Отметим, что в различных интерпретациях судебная система получает сегодня различные толкования. По одному определению – это совокупность судов, которые существуют в государстве. В другом значении – это осуществляющие правосудие органы, которые в совокупной своей численности и составляют

[112] Камынин В.Д. Многоконцептуальность в исторической науке и преподавании истории // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1. № 4. С. 10.

единую судебную систему[113] Автор диссертации исходит из определения судебной системы как системы судебных институтов, органов и учреждений, занимающихся применением законов и разрешением правовых споров между гражданами, организациями и государством и механизмов реализации правовой политики. Судебная система выступает важной частью правовой системы государства, обеспечивая справедливость, защиту прав и свобод граждан, а также поддерживает законность в обществе. Применим в диссертации и термин «юстиция», под которым понимается вся совокупность судебных учреждений, их деятельность по осуществлению правосудия[114]. В работе применяются также понятия «судоустройство», которое определяется как закрепленная организация существующей в государстве системы судов, построения отдельных ее звеньев, судейского сообщества, приобретения и изменения статуса судей, а также «судопроизводство», раскрывающее деятельность основных организационных элементов – судов.

Основой диссертационного исследования выступает теория модернизации. Модернизационная парадигма была сформулирована в середине XX в. в период распада европейских колоний. Под модернизацией в общем понимается процесс, в результат которого аграрные, традиционные общества преобразуются в индустриальные, современные. Считается, что данный переход влечет за собой развитие передовой индустриальной технологии и политических, культурных, и социальных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этой технологии. Модернизационный переход оказывает воздействие на каждый социальный институт, каждую группу населения, ощущается всеми слоями общества[115]. Данные исторические трансформации, обуславливающие новый этап развития, носят длительный характер и могут охватывать несколько столетий. Этот процесс находит воплощение во множестве подпроцессов:

[113] Левин В.В. Судебная система России: понятие и правовые особенности // Социология и право. 2020. № 2 (48). С. 106.

[114] Большой юридический словарь / Авт.-сост. А.Б. Борисов. М.: Книжный мир, 2010. С. 835.

[115] Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Евразийское пограничье. Т. 4. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 217.

структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, социальной и политической мобилизации, становлении новых ценностно-мотивационных механизмов [116]. Исследователи признают теоретическую значимость и плодотворность использования модернизационной парадигмы для объяснения механизмов широких исторических процессов. Обоснованным выглядит и применение положений теории модернизации для объяснения исторической трансформации судебно-правовой системы российского общества в ее региональном варианте.

Согласимся, что «Россия, имеющая яркую, но сложную и противоречивую историю, насыщенную богатой фактологией, всегда находилась в поле зрения приверженцев модернизационной парадигмы»[117].

Теория модернизации получила достаточное обоснование в современной отечественной науке [118]. При этом, модернизационный дискурс привел к формированию разных трактовок сущности российской модернизации. Так, во взглядах А.А. Ахиезера отчетливо проявилась рубежность цивилизационного и модернизационного подходов, ученый говорит о России как о «промежуточной» цивилизацией, развивающейся рывками «на основе неких разнонаправленных колебаний», названных инверсионными циклами, в которой модернизация выступает «средство умножения дефицитных ресурсов». Концепции «догоняющей модернизации» в России придерживалась С.Я. Матвеева. В.В. Хоросом обоснована теория «имперской модернизации», которая носила «запоздалый характер», разрушив старые

[116] Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизационная парадигма российской истории // Экономическая история. 2006. № 4. С. 7–17.

[117] Сперанский А.В., Сперанский П.А. Российская модернизация в контексте мировой истории: концептуально-методологические интерпретации // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 3. С. 22–30.

[118] Красильщиков В.А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI в. // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56; Он же. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: РОССПЭН, 1998; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск: Курсив, 2000; Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–135; Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27.

социальные институты, но не утвердив при этом новых [119]. Наиболее подробно основные положения модернизационного подхода, анализ этапов и направлений модернизации в России представлены сегодня в исследованиях одного из ведущих отечественных специалистов в данной проблематике И.В. Побережникова[120].

Модернизационная парадигма представлена несколькими направлениями: линеарная (У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт и др.), парциальная (М. Леви, Д. Рюшемейер и др.), многолинейная модель (С. Хантингтон, Э. Тириакьян и др.), акторная (Т. Пиирайнен), структурационная модель (Г. Терборн) [121].

В рамках данного исследования интерес представляет модель парциальной модернизации, которая говорит о длительном переходе от «относительно немодернизированного» к «относительно модернизированному» состоянию и сплетению модернизированных и традиционных элементов в причудливые структуры, которые, в силу обстоятельств, могли закрепиться как нормы и существовать в течение нескольких поколений [122]. По мнению исследователей, возможность парциальной модернизации была связана с проникновением современных социокультурных практик и ценностей в слаборазвитые общества (в нашем случае – традиционные общества), т.е. связана с механизмом диффузии и наличием контакта между обществами, стоящими на разных ступнях развития. Этот тезис, на наш взгляд, находит свое выражение в той сложной

[119] Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М.: Центр гуманитарного образования, 1996; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М.: Новый хронограф, 2008. Т. 1–3.

[120] Побережников И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник, отв. ред. М.К. Горшков. М., 2013. С. 246–274; Он же. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 36–45.

[121] Rostow, W. W. The Stages of Economic Growth. A NonCommunist Manifesto. Cambridge, 1960; Rueschemeyer, D. Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons/ Ed. by J.C. Loubser et al. N.Y., 1976. Vol. 2. P. 756–772; Huntington, S. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193–218; Piirainen, T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. University of Helsinki, 1997.

[122] Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение. Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168; Ким О.В. Теория модернизации и переходные общества раннего Нового времени // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 125–126; Он же. Военный фактор модернизации допетровской России в современной англоязычной историографии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 81–86.

конфигурации судебно-правовой системы центральноазиатских окраин, которая сформировалась в результате импорта в регион общеимперских судебных институтов. Сохранение в рамках региональной юстиции традиционного суда и адата, признание государством невозможности радикальной реорганизации судоустройства Степного края позволяет говорить о «частичной модернизации» и наличии многолинейной динамики. Однако, даже в таком виде, процесс считается системным и взаимосвязанным в своих элементах. Системность и взаимосвязанность элементов приводит к тому, что в результате ее создаются структуры гибридного характера, так как одни составляющие имеют модернизационный характер, а другие нет[123].

Применение положений теории модернизации к объяснению российской истории актуализирует пространственное измерение. Важным, в связи с этим, представляется сохранение взаимосвязи между модернизационными процессами и цивилизационной динамикой. Пограничное месторасположение российского государства в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на исторические судьбы и цивилизационную специфику страны, существенно усложняя последнюю. Огромная территория России, разнообразие природно-климатических зон, неоднородная ресурсная обеспеченность регионов имели неоднозначные последствия для исторического развития государства и оказывали существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию[124]. При этом империя выступая закономерным и логическим этапом (хотя и не обязательном) в развитии государства, является «сложноорганизованной психосоциальной и этнотерриториальной системой»[125].

---

[123] Суворов Д.В. Парциальная модернизация // Вестник гуманитарного университета. 2014. № 2 (5). С. 33.

[124] Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизационная парадигма российской истории // Экономическая история. 2006. № 4. С. 14; Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI - XX века. М., 2004; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997 и др.

[125] Российская империя от истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории / ИРИ РАН. М.: Русская панорама, 2011. С. 7.

На протяжении своей истории российская цивилизация продолжала расширять свою территорию во всех направлениях. В подобных условиях цивилизационная пограничность обусловливалась не только естественной социокультурной многоядерностью цивилизационной матрицы, но и наличием фронтирных зон, где имели место этноцивилизационные контакты[126].

Этим обусловлен интерес к региональному измерению исторического процесса. Одним из наиболее обоснованных регионалистских подходов, позволяющих объяснить ход модернизационных процессов в условиях незавершенного освоения, выступает концепция фронтирной модернизации, предложенная И.В. Побережниковым и представленная автором как российский цивилизационный феномен. Сегодня исследователи подчеркивают, что концепция «фронтира» (предложенная американским исследователем Фр. Дж. Тернером в конце XIX в.) стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в прошлом которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток»; длительное время сохранялись и играли немаловажную роль фронтирные территории[127]. Сегодня теория фронтирной модернизации активно применяется в отношении российских имперских окраин (Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток) [128] . Применительно к Степному краю и Туркестану термин

[126] Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века : наследство Руси, Византии и Орды / А. Каппелер // Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. / под. ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 98–108; Побережников И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. 2013. С. 246–274.

[127] Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад : движение фронтиров / А. Д. Агеев. М., 2005; Резун Д. Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. : общее и особенное / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский. Новосибирск, 2001; Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века : фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. Новосибирск, 2005; Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тёрнер. М., 2009.

[128] Побережников И. В. Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 191–203; Хромых А.С. Проблема «сибирского фронтира» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 106–112; Иванова Л.М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 72–76; Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47–64; Котляр Н. Пограничная линия «Восточного фронтира» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. С. 81–88; Буканова Р.Г., Шарипов А.А. Концепция фронтира как познавательный

«фронтирная модернизация» впервые встречается в трудах Р.Ю. Почекаева[129]. Дальнейшее развитие теория фронтирной модернизации при изучении центральноазиатских окраин Российской империи получила в работах научного коллектива кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, в состав которого входит автор данного диссертационного исследования.

Алтайские ученые под руководством д.и.н., профессора Ю.А. Лысенко провели серию комплексных исследований, посвященных различным аспектам политики России в Степном крае[130]. Основополагающим является вывод, что центральноазиатская модель модернизации детерминирована целым рядом факторов, обусловленных как спецификой протекания модернизации в самой метрополии – Российской империи во второй половине XIX в., так и особенностями цивилизационного развития Степного края и Туркестана.

инструмент в изучении истории российско-казахстанских отношений в XVIII–XIX вв. // Научные ведомости. Сер. История. Политология. 2018. Т. 45. № 2. С. 326–332; Тебаев Д.Б. Фронтир в политике Российской империи на территории Степного края во второй половине XVIII века (на примере Младшего и Среднего жузов) // Иран-наме. 2010. № 1 (13). С. 246–256; Романова А.П. Специфика раннего фронтира на Кавказе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. С. 446–458; Романова А.П. Топчиев М.С. Кавказ как вечный фронтир //Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 2. С. 284–291; Широков А.И. Социальная среда северного фронтира (на примере северо-востока России) // Вестник ТГУ. 2007. № 299. С. 91–93; Баева Л.В. Типология и проблемы изучения южно-российского фронтира // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. Философия. 2014. № 2 (22). С. 32–38; Андреева А.А. «Калмыцкий фронтир»: к типологии фронтирной теории // Вестник Калмыцкого ун-та. 2016. № 4 (32). С. 32–88; Она же. Фронтир в истории калмыцкого этноса (философско-культурологические аспекты) // Вестник Калмыцкого ун-та. 2017. № 33 (1). С. 120–125; Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Теория фронтира и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 7–15.

[129] Почекаев Р.Ю Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII - начале XX в. : диссертация ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2020.

[130] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014; Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г.: коллективная монография / Ю.А. Лысенко, В.А. Бармин, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева, Е.В. Тарасова, Н.В. Дикова, М.В. Стурова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017; Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии / В.А. Бармин, Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева, Е.В. Тарасова, Н.П Гончарова. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2018; Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов : монография / отв. ред. Ю. А. Лысенко [и др.]. – Барнаул : Азбука, 2021; Лысенко, Ю.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. и др. Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева / отв. ред. Ю.А. Лысенко. – Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 2021.

Это обуславливает специфичность протекания данных процессов в изучаемом регионе. Российская модернизация второй половины XIX – начала XX в. носила многовекторный характер, обусловленный, в том числе гетерогенностью этнорегионов. Задачей модернизации в связи с этим являлась унификация всей территории империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, сглаживание региональной ассиметрии и создание «единой и неделимой России»[131]. Исходя из тех же установок на протяжении второй половины XIX – начала XX в. государство стремилось интегрировать центральноазиатские окраины в общеимперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. При этом, фронтирность региона, его территориальная отдаленность от имперского центра, цивилизационные особенности объективно способствовали формированию особых черт управления им (система косвенного управления / модель военно-народного управления), самостоятельных элементов (система местного самоуправления для коренного населения, сохранявшая черты традиционности) и признаков (сохранение некоторых традиционных социальных институтов казахского этноса – суда биев – в Степном генерал-губернаторстве, суда казиев – в Туркестане). Фронтирность центральноазиатских окраин оказывала существенное влияние на структуру и функционал региональных органов власти, региональных органов отраслевых и профильных министерств.

Степной край – это особый фронтирный регион с характерным для него цивилизационным ландшафтом, который определялся геополитическим положением центральноазиатских окраин, историческим наследием, уровнем развития производительных сил. Это делало неизбежным реализацию автономного регионального проекта преобразований, определившего специфику протекания модернизационных процессов. Важным является положение о том, имперский центр объективно стремится к развитию

[131] Лысенко, Ю.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. и др. Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева / отв. ред. Ю.А. Лысенко. – Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 2021. С. 7.

присоединяемых либо пограничных территорий с целью повышения их политико-правового, социального и экономического уровня до состояния наиболее развитых регионов страны в условиях незавершенного освоения. При этом, алтайскими учеными была выделена и обоснована совокупность факторов, определивших формирование центральноазиатской модели модернизации, среди которых, применительно в предметной области данного исследования, необходимо выделить:

– отсутствие у Российской империи ресурсов для модернизации. Для ее внутреннего развития была характера так называемая догоняющая модернизация, исключающая возможность активного инвестирования в экономику отсталой окраины;

– наличие определенных вызовов и угроз российскому присутствию в ЦАР, связанных с его трансграничностью, соперничеством Великобритании и России за первенство на Среднем Востоке; преобладание геополитических интересов и стратегий российской политической элиты в отношении Степного края и Туркестана;

– наличие определенных вызовов и угроз российскому присутствию связанных с абсолютным преобладанием коренного мусульманского населения, архаичностью его традиционных политико-правовых представлений;

– слабая интегрированность Степного края и Туркестана в политико-правовое и социально-экономическое имперское пространство России, отсутствие необходимой для развития региональной политико-правовой системы инфраструктуры и профессиональных кадров.

Выявленные факторы, безусловно, рассматривались российской политической элитой как базовые для формирования конкретных стратегий и практик интеграции Степного края и Туркестана в общеимперское пространство и их модернизации. В результате для центральноазиатских окраин Российской империи как фронтирного региона стал присущ целый

комплекс признаков/элементов модернизации [132], в том числе создание военно-гражданской системы административно-территориального управления; милитаризация региона; внедрение русского языка в делопроизводство (в том числе в судебно-правовую практику).

Важным следствием продолжающегося фронтира выступала необходимость обеспечения условий для мирного стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства», что было особенно актуальным для территорий Туркестана и Степного края. Раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства, накопившего длительный опыт централизованного управления в противостоянии внешним угрозам, имело серьезные последствия для динамики и характера начавшейся позднее модернизации. Именно традиционалистские правительства обыкновенно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений [133]. Данный подход отчетливо проявился в реализации судебно-правовой политики в регионе, когда правительство осознанно избегало кардинальной модернизации судебной системы, консервируя традиционные институты права. Однако, несмотря на специфику проведения модернизации, Степной край постепенно

[132] Среди базовых признаков модернизации центральноазиатских окраин были выделены следующие: 1) военно-гражданская система административно-территориального управления; 2) милитаризация региона; 3) развитие транспортных коммуникаций, призванных оптимизировать и повысить эффективность военного присутствия в регионе; 4) сдерживание процесса создания промышленного сектора экономики; 5) акцент в экономической политике на аграрное освоение земельных ресурсов «русским элементом», призванное укрепить позиции государства посредством увеличения численности титульного этноса; 6) развитие зерновых хозяйств в Степном крае и хлопководческих – в Туркестане; 7) стремление к встраиванию этноэкономик коренных народов Степного края и Туркестана в общую логику аграрной модернизации региона, курс на оседание кочевых народов региона и развитие хлопководческих хозяйств среди дехканства; 8) повышение доходности региона главным образом за счет увеличения прямого и косвенного налогообложения коренного населения; 9) формирование сети образовательных учреждений школьного и среднепрофессионального образования; профиль среднепрофессиональных образовательных учреждений был опосредован преобладанием в экономической структуре региона аграрного производства. Поэтому развитие здесь получили сельскохозяйственные, ветеринарные школы, школы садоводов и пчеловодов, ремесленные училища; 10) внедрение русского языка в делопроизводство и образовательный процесс. См. подробнее: Лысенко, Ю.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. и др. Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева / отв. ред. Ю.А. Лысенко. – Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 2021 С. 16–17.

[133] Побережников И.В. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. 2013. С. 18–23.

утрачивал признаки фронтира и интегрировался в общеимперское пространство. В связи с этим, применение концепции «фронтирной модернизацией» применительно к решению задач настоящего исследования выглядит обоснованным.

Сегодня при изучении конкретно-проблемной методологии изучения особенностей российской модернизации уделяется внимание и конкретным механизмам модернизации. При этом, в рамках диссертационного исследования обоснованным является применение диффузионной модели модернизации, которая раскрывает широкие возможности изучения распространения технологий, социальных институтов, культурных ценностей, их усвоения и адаптации, влияния данных процессов на общий ход модернизации и ее результативность[134]. Диффузия, т.е. распространение инноваций, их импорт извне, принадлежит к числу важнейших механизмов социальных изменений. Особенно ярко этот процесс проявляется при проникновении инноваций в традиционные общества. В этой связи, становление имперской судебно-правовой системы в Степном крае представляет собой ничто иное, как импорт в традиционную систему правоотношений новых институциональных практик и идей, направленных на ускорение социального прогресса.

В данном звучании важное значение для раскрытия заявленной темы диссертационного сочинения представляют также основные положения неоинституционального подхода, который в последние годы стал применятся к историко-правовым исследованиям. «Новый институционализм» как методологическая парадигма возник в конце 70-х – середине 80-х гг. XX в. и получил развитие, прежде всего, в рамках теории модернизации, согласно которой главным фактором общественных изменений выступает развитие

[134] Алексеева Е.В. Экзогенные факторы и диффузионные механизмы развития Российской империи: историографические аспекты // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 39–60; Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизационная парадигма российской истории // Экономическая история. 2006. № 4. С. 16; Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII в. // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33–52.

политических институтов[135]. Центральным элементов неоинституционализма выступает «институт». При этом, как подчеркивал С.В. Патрушев, «понятие «институт», воспринятое социальными дисциплинами из юридической науки, где оно обозначало совокупность правовых норм, регулирующих определенные общественные отношения (наследование, брак и т.д.), является весьма широким и недостаточно строгим»[136].

Однако, к началу XXI в. сформировалось несколько устойчивых определений понятия, позволяющих в полной мере использовать эвристический потенциал неоинституциональной теории. Наиболее значимым представляется определение «института», предложенное Д. Нортом, который вкладывает в это понятие «набор правил и процедур, разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы поведения) ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие»[137].

Важным представляется идея автора о том, что «и формальные, и неформальные институциональные ограничения ведут к образованию вполне определенных организаций, структурирующих взаимодействие в обществе. Эти организации возникают на основе стимулов, заложенных в институциональной системе, а потому результативность их деятельности зависит от этой системы»[138]. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен.

При этом, формальные институты в основном имеют отношение к компетенциям и обязанностям, в то время как неформальные институты

---

[135] Круглашова (Вельч) В.Д. Теоретические подходы к исследованию института международного наблюдения за выборами // Studia Humanitatis. 2014. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/kruglashova.pdf

[136] Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 146.

[137] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 5–6.

[138] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 23.

имеют дело с моделями поведения, которые должны соответствовать данным обстоятельствам[139]. Принципиальная разница формальных и неформальных институтов состоит в способах их утверждения, фиксации и поддержания. Формальные институты, в отличие от неформальных: 1) устанавливаются полномочными субъектами; 2) фиксируются в письменной форме; 3) предполагают наличие санкций за их несоблюдение (обязательность исполнения)[140].

Принципы соотношения формальных и неформальных институтов, влияние характера их взаимоотношений на результативность и эффективность всей институциональной системы являются определяющими для применения неоинституционализма к историко-правовым исследованиям [141] . Обоснованным в этой связи выглядит применение основных положений неоинституционализма к изучению процесса становления и развития судебно-правовой системы центральноазиатских окраин Российской империи.

«Неоинституционализм» обладает широким исследовательским потенциалом, прежде всего, для изучения особенностей развития судебной системы с преобладанием неформальных институтов, что было характерно для центральноазиатских национальных окраин Российской Империи. Указанная методологическая парадигма позволяет определить ключевые «институты» судебно-правовой системы, их «статус», функциональную значимость, характер взаимодействия с обществом, рассмотреть систему социального контроля как «формальный» институт, являющийся способом координации социального взаимодействия. Важным станет и определение эффективности трансплантации формальных институтов в общество с преобладанием «неформальных» ограничений. Д. Норт подчеркивает

---

[139] Шепсл К. Изучение институтов: Некоторые уроки подхода рационального выбора // Рациональный выбор в политике и управлении / под. ред. Л. В. Сморгунова. СПб., 1998. С. 215.

[140] Панов П. В. Теории политических институтов. Пермь, 2004. С. 141.

[141] Захаров В.В. Неоинституционализм в историко-правовых исследованиях: к проблеме расширения методологического инструментария отечественной истории государства и права // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3(15). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/16

«укорененность» неформальных ограничений в обществе, что определяет сохранение в судебно-правовой системе Степного края суда биев и норм адата. Так, если «формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают нам ключ к пониманию пути исторического развития»[142].

Достижение поставленной в работе цели стало возможным благодаря реализации в диссертации ряда научных принципов. Основополагающими выступают проблемно-хронологический принцип, который позволил выявить, обосновать и провести комплексны анализ основных этапов развития судебно-правовой системы Степного края в XIX в. – начале XX в., а также системно-структурный подход, который предусматривает рассмотрение любого явления (факта) как системы с выделением его структурных элементов в их взаимосвязи и взаимодействии. Применение системно-структурного подхода к судебно-правовой системе позволяет, во-первых, рассмотреть процесс взаимодействия как на макроуровне – между центральными и региональными судебно-административными органами власти, так и на микроуровне – между региональными органами управления судебно-правовой системой, направленный на обеспечение поставленной цели; во-вторых, выявить и обосновать роль и место в региональной судебной системе основных элементов (имперский суд, народный суд, полиция, прокуратора, пенитенциарная система и т.д.) и определить степень их взаимодействия и эффективность деятельности, что позволит определить эффективность судебной системы в целом.

[142] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 21.

Для достижения поставленной в работе цели и задач наряду с общенаучными методами (анализ, синтез, сравнение), был использован комплекс частнонаучных методов исследования, среди которых: историко-генетический, историко-сравнительный, структурно-функциональный.

Историко-генетический метод позволяет рассмотреть изучаемый предмет в исторической динамике от момента становления судебной системы Степного края до ее окончательной унификации с общегосударственным судебно-правовым механизмом; рассмотреть причины создания и реформирования судебной системы региона; выделить и обосновать причинно-следственные связи и закономерности реализации государственной судебно-правовой политики в регионе; проследить эволюцию взглядов региональных и центральных органов власти на конфигурацию региональной юстиции. *Историко-сравнительный* метод предполагает проведение сравнительного анализа реализации судебно-правовой политики и развития судебной системы Степного края и общеимперских тенденций, что позволит определить и обосновать особенности проведения реформирования суда в изучаемом регионе, определить степень эффективности не только судебно-правовой системы Степного края, но и реализации национальной политики в регионе в целом. *Структурно-функциональный* метод, тесно связанный со структурно-системным подходом, позволяет определить структуру и функции судебной системы Степного края, выявить и обосновать совокупность устойчивых связей между элементами судебно-правовой системы, обеспечивающих ее целостность, выявить закономерности их развития и определить функциональную значимость и эффективность как отдельных элементов, так и системы в целом. Метод был использован при изучении основных механизмов создания общеимперских судебно-правовых институтов в Степном крае и определении степени их функциональной значимости.

Совокупность использованных методов исследования позволила автору диссертации решить поставленные в работе задачи: выявить и обосновать

этапы развития судебно-правовой системы изучаемого региона, определить особенности конфигурации судебно-правовой системы, дать оценку эффективности реализации реформ судопроизводства и судоустройства, качественно проанализировать направления реконструкции судебно-правовой системы в рамках фронтирной модернизации.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в современной историографии представлен комплексный анализ становления и развития судебной системы Степного края в конце XVIII – 20-х гг. XX в.

– Выявлены и обоснованы этапы становления и развития судебной системы Степного края, завершающий из которых приходится на 20-е гг. XX в. Принятие советской властью целого комплекса нормативно-правовых актов, направленных на модернизацию судебной системы КазАССР, привело к кардинальному изменению конфигурации региональной юстиции и завершило процесс интеграции в общегосударственное пространство.

– Проанализированы позиции региональных и центральных органов власти по вопросам модернизации судебной системы Степного края на протяжении XVIII – середине 20-х гг. XX в.

– Выявлена взаимосвязь судебной системы Степного края с тенденциями фронтирной модернизации региона, определены факторы, обуславливающие специфику региональной модели юстиции.

– Показаны особенности региональных моделей управления судебным пространством, выявлены причины сохранения традиционного народного суда в судебно-правовой системе Степного края имперского / советского периодов, которые были обусловлены совокупностью социально-экономических и политических факторов.

– Рассмотрен процесс импорта в регион общеимперских судебных институтов, в рамках неоинституциональной теории проанализирован конфликт формальных и неформальных институтов судебной системы, выявлены основные механизмы его разрешения.

– Выделены структурные элементы системы социального контроля в системе региональной юстиции, впервые определены контуры проблемы развития прокурорского надзора, пенитенциарной и полицейской систем региона.

– Комплексно охарактеризованы основные проблемы правовой регламентации семейно-брачных отношений как одного из важнейших элементов правовой системы, рассмотрены особенности становления института опеки в казахском обществе.

– Выявлены недостатки реформы судебной системы Степного края в период имперской / советской модернизации и определены причины, оказавшие влияние на общий ход модернизации регионального судоустройства и судопроизводства.

Исследование отличается привлечением широкого круга источников, большинство из которых выявлены диссертантом и впервые вводятся в научный оборот. Новаторским является применение концепции «фронтирной модернизации» к изучению эволюции судебно-правового пространства Степного края и формированию региональной модели юстиции. В истории российской юстиции судебная система Степного края в заявленных проблемных и хронологических рамках ранее не изучалась. Ряд аспектов впервые в историографии получили научное обоснование и включены в проблематику темы исследования.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется следующими положениями: в результате исследования, конкретизируется исторический опыт реализации судебной политики в Степном крае, выделяются и обосновываются ранее малоизученные вопросы; полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения опыта модернизации судебной системы как в исторической ретроспективе в других регионах Российской империи, так и при разработке современных принципов судебной политики государства. Также материалы и выводы исследования могут быть использованы в научной деятельности при написании работ по

истории России, истории государственного управления, национальной политики, истории российской юстиции.

Степень достоверности и апробация результатов. Диссертация базируется на значительном количестве историографических работ и широком спектре исторических источников, анализ которых позволил обеспечить необходимую достоверность и обоснованность полученных результатов. Основополагающие положения исследования опубликованы в 50 научных работах, из них 5 коллективных монографий[143], 2 сборника материалов и документов[144], 21 статья в журналах, рекомендуемых ВАК по специальности 5.6.1., в том числе 7 – в журналах, индексированных в международных базах цитирования Web of Science и/или Scopus[145] и 22 публикации в материалах конференций и сборниках статей[146].

---

[143] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014; Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г.: коллективная монография / Ю.А. Лысенко, В.А. Бармин, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева, Е.В. Тарасова, Н.В. Дикова, М.В. Стурова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017; Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии. / В.А. Бармин, Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева, Е.В. Тарасова, Н.П Гончарова. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2018; Анисимова И.В. Модернизация судебно-правовой системы имперских центральноазиатских окраин: основные направления и результаты // Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов: монография / отв. ред. Ю. А. Лысенко [и др.]. – Барнаул : Азбука, 2021. – С. 33–52; Лысенко, Ю.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. и др. Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева / отв. ред. Ю.А. Лысенко. – Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 2021.

[144] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Сост. Лысенко Ю.А. и др. – Барнаул: АЗБУКА, 2014; Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. – Барнаул: АЗБУКА, 2016.

[145] Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о регламентации миграции казахов в южносибирский регион // Вестник Томского государственного университета. История. № 4 (20). 2012. С. 199–203; Она же. Вопрос об эффективности реформирования традиционной судебной системы казахского общества (80–90-е гг. XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/2 (80). С. 109–113; Она же. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о преобразовании традиционной судебной системы Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства в конце XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия История. Политология. 2013. № 4/1 (80). С. 102–105; Анисимова И.В. Лысенко Ю.А., Бочкарева И.Б., Лысенко М.Ф. Элементы европейской политической культуры в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи: особенности восприятия инокультурных инноваций (конец XIX – начало XX в.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 38 (4). С. 955–964; Анисимова И.В. Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф., Юферова Н.С. О юридическом статусе Иртышского десятиверстного пространства в дореволюционной историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 25–31; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX В. и особенности его деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 20–24; Анисимова И.В. Политика Временного правительства в решении «национального вопроса»: концепции и

методы реализации региональных вариантов // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2 (90). С. 15–20; Она же. Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920–1926 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 21–27; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А., Демчик Е.В., Бочкарева И.Б. Модернизация и традиционализм сквозь призму событий восстания 1916 г. в центральноазиатских окраинах России // Былые годы. 2017. Вып. 43 (1). С. 317–325; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 15–22; Анисимова И.В. Формирование и развитие системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. // Bylye Gody. 2018. № 48 (2). С. 618–627; Анисимова И.В., Гостюшева Е.М. Имперская судебно-правовая система в Степном крае во второй половине XIX в.: особенности формирования и функционирования // Bylye Gody. 2018. № 47 (1). С. 271–299; Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 44–53; Она же. Развитие судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 3. С. 93–97; Она же. Полиция Степного края в пореформенный период: общеимперские реформы и региональная повседневность // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 114–120; Она же. Судебно-правовая система Степного края в пореформенный период: опыт взаимодействия традиционных начал и общеимперских институтов и норм права // История 2019. Т. 10. Вып. 8 (82) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/S207987840006007-6-1. DOI: 10.18254/S207987840006007-6; Анисимова И.В., Омурова Ж.О. Вклад туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева в подготовку сенаторской ревизии центральноазиатских окраин Российской империи (начало 80-х гг. XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 6 (110). С. 13–16; Анисимова И.В. Судебно-правовая система советского Казахстана в 1917–1925 гг.: формирование институциональной и нормативно-правовой основы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 34. С. 13–21; Она же. Регламентация семейно-брачных отношений в казахском обществе Степного края: традиционное право и имперская политика // Вопросы истории. 2021. № 10–2. С. 52–60; Она же. Имперская судебная политика в центральноазиатских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 207–228; Она же. Временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. и его значение в модернизации судебно-правовой системы Степного края // СибСкрипт. 2023. № 25(3). С. 393–401.

[146] Анисимова И.В. «Правила о дозволении киргизам кочевок на землях Алтайского горного округа» 1880 г. – как исторический источник // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. III. Сборник науч. статей. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2002. С. 144–150; Она же. Правовое урегулирование миграции казахов в Алтайский горный округ в первой половине XIX в. // История и культура народов Южной Сибири с древнейших времен до 1917 г. Материалы междунар. науч. конф. Горно–Алтайск, 2002. С. 46–50; Она же. Политика России в решении «казахского вопроса» во второй половине XVIII века // Центральная Азия и Сибирь. Первые науч. чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы конф. Барнаул: АзБука, 2003; Она же. Правовая регламентация статуса казахов Прииртышья во второй половине XVIII – начале XIX в. // Казахи Омского Прииртышья: история и современность / Отв. ред. Ш.К. Ахметова, Н.А. Томилов. Омск: «Издатель-Полиграфист», 2007. С. 6–12; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Нормативно-правовая база реформирования традиционной судебной системы казахского общества в XIX в. // Вестник алтайской науки. 2013. № 1. С. 78–82; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Позиция центральных и региональных органов власти по вопросу об организации системы местного самоуправления в казахской степи (вторая половина XIX - начало XX в.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 31 мая – 1 июня 2013 г. Вып. 3 / под ред. А.В. Старцева. Барнаул: АЗБУКА, 2013. С. 186–202; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Роль «чрезвычайного съезда» в судебной системе казахского общества и проекты его реформирования // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 31 мая – 1 июня 2013 г. Вып. 3 / под ред. А.В. Старцева. Барнаул: АЗБУКА, 2013. С. 210–216; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Экономические и социокультурные аспекты казахско-казачьего взаимодействия в прииртышском пространстве // Вестник Алтайской науки. 2014. № 1. С. 38–44; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Реформы традиционного суда оседлого населения Туркестанского генерал-губернаторства во второй половине XIX в. // Востоковедные исследования на Алтае: материалы регионального научного семинара с международным участием «Азиатская Россия, Центральная Азия и Китай: история и перспективы взаимодействия». Вып. VIII. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 103–107; Анисимова И.В. Проблема землеустройства казахов-кочевников в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в.: проекты и результаты // Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул, 2016. С. 19–24; Она же. Реформы традиционной судебно-правовой системы казахского общества в первые годы советской власти // Россия,

Промежуточные результаты исследования были получены автором в рамках реализации коллективных научных проектов в роли исполнителя, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом в 2012–2015 г. (проект № 12-01-00281 «Политика России в Центрально-Азиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX – начале XX вв.»; проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и "национальный вопрос" (на примере центральноазиатских национальных окраин»; проект № 15-31-01008 «"Русская православная церковь в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи (XIX – начало XX в.). Сборник документов и материалов"»); Российским фондом фундаментальных исследований в 2017 г. (проект № 17-81-01007

Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур: материалы VI международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 27–28 апреля 2016 года / под ред. В.А. Бармина. Барнаул: АлтГПУ, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.library.altspu.ru/dc/pdf/barmin.pdf 0,5; Анисимова И.В. Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Бочкарёва И.Б., Дикова Н.В., Тарасова Е.В. Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 года // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3 (88). С. 26–43; Анисимова И.В. Революции 1917 г. и позиция казахской интеллигенции по вопросу о национально-культурной автономии // «Русская революция и современный мир»: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2 ч. Нижний Новгород: Издательство Нижегородской государственной медицинской академии, 2017. С. 120–126; Анисимова И.В. Особенности организации опекунского дела в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 48–59; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Культурное строительство большевиков в центральноазиатском регионе в 20-е гг. XX в. // XVII международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие» / Отв. ред. В. Л. Мельников. – Т. XVII. Семья Рерихов на Востоке. Рерихи и их современники в годы Великого перелома (1917–1927). – СПб.: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры "Музей-институт семьи Рерихов", 2018. – С. 527–535; Анисимова И.В. Особенности проведения судебной реформы 1864 г. в Степном крае и ее результаты // Карамзинские чтения. Вып. 2. Александр II и его эпоха (к 200-летнему юбилею императора Александра II). СПб.: Федеральное казенное учреждение "Российский государственный исторический архив", ИД "Гиперион". 2018. С. 7–13; Она же. Казахская традиционная судебная система в XIX – начале XX в.: проблемы трансформации и интеграции в общеимперское правовое пространство // Материалы Первого алтаистического форума "Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность" / отв. ред. Райкин Р.И. Барнаул, 2019. С. 220–223; Она же. Судебная система Уральской области в конце XIX века (по материалам министерской проверки 1881 г.) // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции. В 2-х тт. Научный редактор С.В. Любичанковский. 2020. С. 39–43; Она же. Судебная система традиционного казахского общества глазами русских чиновников // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: Материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул – Горно-Алтайск, 30 сентября – 3 октября 2021 г. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 376–379; Она же. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX – начале XX в. (научная статья) // «Современная историческая наука: проблемы краеведения, региональной и локальной истории». Материалы международной научно- практической конференции посвященной к 70-летию видного педагога, ученого-историка, профессора, члена- корреспондента Российской академии естественных наук Жумагулова Болата Сагидоллаевича. Алматы: Абай атындағы ҚазҰПУ: «Ұлағат» баспасы, 2021. С. 198–204; Анисимова И.В. Судебно-правовая система советского Казахстана в 20-е гг. XX в. // Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы : сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования СССР. 26–27 мая 2022 г. / под ред. С.В. Землюкова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 132–139.

«Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны (1918–1922 гг.) и их отражение в исторической памяти населения постсоветских государств Центральной Азии»); Минобрнауки РФ в 2017–2019 гг. (Проект «Комплексное изучение развития политического и религиозного ландшафта в Южной Сибири в контексте государственной политики России"); грантом Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ в 2020 г. (№ НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов»); а также в ходе выполнения в 2019–2021 гг. поддержанного РНФ коллективного научного проекта № 19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности».

Апробация результатов исследования осуществлена на международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях в 2012–2022 гг., в том числе:

Всероссийская научно-практическая конференция «Первые Ядринцевские чтения» (Омск, 2012); III Международная научная конференция «Международные отношения в Центральной Азии: история и современность» (Барнаул, 2013); Региональный научный семинар с международным участием «Азиатская Россия, Центральная Азия и Китай: история и перспективы взаимодействия» (Барнаул, 2014); Международная научно-практическая конференция «Казахскому ханству – 550 лет: исторические уроки и современность» (Барнаул – Усть-Каменогорск, 2015); VI Международная научно-практическая конференция "Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур" (Барнаул, 2016); Круглый стол «Октябрь 1917 г. и социально-экономические процессы в Азиатской России и Центральной Азии» (Барнаул, 2017); XVII Международная научно-практическая конференция "Рериховское наследие" (Санкт-Петербург, 2017); Международный форум " Алтайская цивилизация и

родственные народы алтайской языковой семьи» (Бишкек, 2017); Всероссийская научная конференция с международным участием «Русская революция и современный мир» (Нижний Новгород, 2017); Международная научная конференция «Традиционные сообщества центральноазиатских окраин России в условиях политической и социально-экономической трансформации (к 100-летию революций 1917 г.)» (Барнаул, 2017); .); XVI, XVII, XXI Международная научно-практическая конференция «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» (Усть-Каменогорск, 2017, 2018, 2022 г.); Вторая научно-практическая конференция «Карамзинские чтения» (Санкт-Петербург, 2018); I, II Международный алтаистический форум «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность» (Барнаул – Горно-Алтайск, 2019, 2021 гг.); Международная научно-практическая конференция «Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен» (Оренбург, 2020); Международная научная конференция «Этнические меньшинства в истории России» (Барнаул – Билефельд – Москва – Нюрнберг – Омск – Санкт-Петербург, 2021 г.); VI Международная научная конференция Астраханские Петровские чтения «Петр Первый и имперские практики фронтирного пространства» (Астрахань, 2021); Международная конференция "Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы», посвященная 100-летиию образования СССР" (Барнаул, 2022); Международная научная конференция «Алтайские корни тюркской цивилизации» (Барнаул, 2022).

Положения, выносимые на защиту:

1. Судебная система Степного края в имперский / советский периоды прошла пять этапов своего развития: 1 этап: 1784 г. – 60-е гг. XIX в. В 1784 г. в Оренбурге был открыт Пограничный суд, положивший начало созданию региональной юстиции. В этот период было разработано нормативно-правовое обеспечение судебной системы Степного края (Устав о сибирских

киргизах 1822 г., Устав об Оренбургских киргизах 1824 г. и Положение об управлении Оренбургскими киргизами 1844 г.), заложившее основы интеграции региона в общеимперское судебное пространство; 2 этап: 1868 – 1886 гг. связан с принятием Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях в 1868 г., которое закрепило новую конфигурацию судебной системы и утвердило в регионе принципы общеимперской юстиции; 3 этап: 1886 – 1898 гг. характеризуется контрреформистскими тенденциями. Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. и Степное положение 1891 г. утвердили сложный характер судебной системы, включающей дореформенные и пореформенные имперские судебные институты, а также традиционный народный суд, положение которого было укреплено; 4 этап: 1898–1917 гг. Результатами судебной реформы 1898 г. стало распространение в Степном крае Судебных уставов 1864 г., учреждение пореформенных судебных институтов, однако сохранении традиционного суда и традиционных норм права в структуре судебной системы не позволили завершить процесс модернизации вплоть до конца имперского периода; 5 этап: 1917–1925 гг. Реформы судоустройства и судопроизводства завершили процесс модернизации юстиции региона и ее окончательной интеграции в общегосударственную судебную систему.

2. Создание в Степном крае системы имперского судоустройства и судопроизводства выступало одним из механизмов реализации Россией политики интеграции во фронтирных зонах и обеспечивало укрепление связей центра с окраиной, способствовало унификации государственного управления в изначально неоднородном по своим характеристикам регионе.

3. Становление и реформирование судебной системы Степного края в XIX – начале XX в. было неразрывно связано с административно-территориальными преобразованиями в регионе и явилось неотъемлемой частью модернизационных процессов, направленных на развитие правосознания, повышения уровня правовой культуры, включение населения

в российскую правовую систему через диффузию в регион элементов общеимперской юстиции, норм и принципов регламентации правоотношений, основанных на принятой нормативно-правовой основе с учетом изменений социально-экономических и политико-правовых условий. Основные этапы реорганизации судебной системы Степного края были обусловлены изменениями роли и места региона во внутренней политике Российской империи. Интенсивность процесса формирования судоустройства зависела от происходящих в регионе процессов социально-экономической модернизации.

4. Целью реформы выступала интеграция степных областей в общеимперское судебное пространство. Для достижения заявленной цели, на протяжении пяти этапов развития, в регион были импортированы общеимперские судебные институты (следствие, мировой суд, окружной суд, судебная палата и т.д.), распространялось общеимперское судебное законодательство, происходила поступательная унификация компетенций региональных судебных органов с общеимперскими. Данные тенденции свидетельствовали о процессе дефронтиризации региона.

5. На протяжении XIX – начала XX в. по оценкам архитекторов реформ, представителей центральных и региональных властей важность и необходимость включения региона в общеимперское судебное пространство была очевидна. Однако сложная конфигурация созданной судебной системы обусловила ее низкую функциональную эффективность и стала причиной снижения роли и значимости общеимперских судебных институтов. Работу имперского суда отличала бюрократизация, низкая результативность, невыполнение профессиональных компетенций. Данные тенденции были опосредованы отсутствием в регионе ресурсов для модернизации судебной системы: неразвитая инфраструктура и недостаточное финансирование судебных институтов, отсутствие профессиональных кадров.

6. Особенность судебной системы Степного края с момента ее становления до окончательной реорганизации в 1925 г. заключалась в

сохранении высокой роли и значимости как правового регулятора суда биев. Сочетание в рамках одной судебной системы традиционных институтов и норм права, наряду с общеимперскими элементами судебной системы, привели к формированию особого институционального «гибрида», сочетающего в себе формальные и неформальные элементы юстиции. Последние, сохраняя свою регулятивную функцию, приобрели признаки института и законодательно были включены в структуру судебной системы региона. Сложная конфигурация судебной системы Степного края (суд биев, дореформенные имперские судебные органы, пореформенные институты) обусловила и сложный характер взаимоотношений между формальными и неформальными нормами, который можно характеризовать как потенциально конфликтный.

7. Одним из важных элементов судебной системы стало формирование институтов социального контроля (прокуратора, полиция, пенитенциарная система), которые выступили важными механизмами регуляции социально-правовых отношений. При создании институтов социального контроля в регионе отчетливо проявились проблемы, обусловленные общеимперскими тенденциями (отсутствие профессиональных кадров, недостаток финансирования). Однако, наибольшие сложности были вызваны отсутствием в традиционном казахском правосознании представлений о роли и месте тюрьмы и полиции в системе социального контроля, что существенно затрудняло выполнение последними своих должностных компетенций.

8. Важным результатом реформ судебной системы Степного края в имперский период стало развитие отдельных элементов семейного и гражданского права. Реализация государством принципов «правовой аккультурации» вела к формированию единого правового пространства. Целью модернизации юстиции была не только инкорпорация региона в общеимперскую судебную систему, создание в регионе институтов судебной власти, но и развитие в правосознании общества устойчивого представления

о выполнении государством социальных функций, связанных с защитой семьи и детства. Необходимость изъятия из компетенции традиционного суда вопросов семейного права обсуждалась властными органами на протяжении второй половины XIX в. – первой четверти XX в. Только в 20-е гг. XX в. в процессе становления советского суда были разрушены архаичные элементы традиционного семейного права.

9. Революции 1917 г., установление в России советской власти, выработка новых подходов к национальной политике коренным образом изменили и модель судебной системы Степного края. На регион было распространено государственное законодательство, структура суда строилась в соответствие с конституционными нормами. Конфигурация суда приобрела четкий характер. Судопроизводство велось на основе советских законов и норм права. Были утверждены принципы равенства всех перед судом и законом, независимо от происхождения, социального или экономического статуса, национальности. Данные изменения окончательно ликвидировали традиционный суд биев и завершили процесс модернизации судебной системы региона.

Структура диссертационного исследования соответствует поставленной цели и задачам**.** Работа состоит из введения, пяти глав, каждая из которых разделена по проблемному принципу на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Первая глава «Начало формирования судебной системы Степного края: процесс аккомодации имперских институтов» посвящена начальному этапу становления судебной системы Степного края. Первые шаги по формированию имперских судебных институтов в регионе были предприняты в 80-е гг. XVIII в. и стали результатом реформаторской деятельности Екатерины II. В главе рассматривается нормативно-правовая основа эволюции судебной системы Степного края в первой половине XIX в. Анализируются две модели судоустройства в Степном крае.

Во второй главе последовательно выделяются этапы реформ судебной системы Степного края во второй половине XIX в. Анализируются особенности реализации в регионе судебной реформы 1864 г. Выявляются причины сохранения традиционного суда в региональной юстиции. Проводится анализ позиций региональных и центральных органов власти по вопросам реформирования судебной системы Степного края. Особое внимание уделяется реформе 1898 г. как завершающему этапу модернизации регионального суда в имперский период.

В третье главе «Механизмы создания общеимперских институтов социального контроля в Степном крае: особенности и противоречия процесса (вторая половина XIX в.)» рассматриваются основные направления создания в регионе механизмов социального контроля как важных структурных элементов организации судебной власти. Анализируется положение прокуратуры, полиции и пенитенциарной системы в Степном крае во второй половине XIX в., выявляются причины низкой эффективности механизмов социального контроля, рассматриваются проекты модернизации данных институтов.

В четвертой главе рассматривается процесс трансформации традиционного правосознания в условиях модернизации судебной системы Степного края, анализируется проблема регламентации семейно-брачных отношений в казахском обществе. Анализируется позиция имперских властей о необходимости изъятия вопросов семейного и гражданского права из компетенции традиционного суда. Уделяется внимание вопросам введения в традиционное общество института опеки и попечительства.

Пятая глава «Судебная система Степного края в первой четверти XX в.: направления и результаты модернизации» рассматривает изменения, происходившие в организации судоустройства и судопроизводства Степного края в 10-20-е гг. XX в. Выявляются проблемы в работе региональных судебных институтов, проводится анализ проектов реорганизации судебной власти. Большое внимание уделяется анализу реформ юстиции КазАССР в

20-е гг. XX в., период, завершивший длительный процесс модернизации судебной системы Степного края.

В заключении подводятся итоги работы.

Глава 1. Начало формирования судебной системы Степного края: процесс аккомодации имперских институтов

1.1. Становление судебной системы в Младшем жузе (конец XVIII – первая половина XIX вв.)

Одним из востребованных направлений современных исследований является обращение к региональной политике Российской империи, важной целью которой была инкорпорация национальных окраин в общеимперское пространство. Согласимся с мнением И.Л. Дамешек, что региональные особенности управления отдельными, весьма разнообразными территориями огромного государства, вырабатывались правительством по мере вхождения данных территорий в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства[147].

В то же время, в региональных и центральных органах власти наблюдалось противостояние между сторонниками жесткой регламентации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, что, порождало непоследовательность и противоречивость региональной политики[148].

Данные тенденции обусловили сложный характер и противоречивость реформ, направленных на модернизацию традиционного казахского общества и интеграцию Степного края в общеимперское пространство. Поддерживая точку зрения И.В. Побережникова, необходимо подчеркнуть, что российская модернизация на протяжении XVIII – начала XX в. осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения, что требовало, с одной стороны, максимального разнообразия культурных навыков и этнокультурного взаимодействия и заимствования из культур автохтонных

[147] Дамешек И.Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 3. С. 5–11.

[148] Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История» 2017. Т. 21. С. 23–29.

народов. С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. На все эти процессы диффузионного характера модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно – западноевропейского, происхождения[149].

С момента возникновения, Российское государство было полиэтничным, став империей, раскинувшейся на огромных пространствах как Европы, так и Азии, получило большой, во многом уникальный и в основном позитивный опыт управления страной, населенной множеством существенно различавшихся по культуре народов[150]. Важным этапом развития российской имперской модели стал XIX в. Именно в этот период отчетливо проявился патерналистский подход в политике России по отношению к народам азиатских окраин, теоретические основы которого нашли практическое воплощение в реализации стратегии их интеграции в политико-правовое и социально-экономическое имперское пространство. Внутренняя политика государства была ориентирована на поиск оптимальной практики управления, обеспечивающей административную, финансово-налоговую, судебно-правовую унификацию его регионов[151].

При этом, согласимся с мнением Д.В. Васильева, что вплоть до начала XIX в. в казахской степи Петербург с помощью пограничных властей реализовывал модель косвенного управления, суть которой сводилась к наблюдению за эффективной работой традиционных административных институтов. Однако вмешательство пограничных чиновников во внутренние распри казахов сделали империю соучастником этих конфликтов. Это подрывало сами принципы косвенного управления и бесповоротно вело к

[149] Побережников И.В. Фронтирная модернизация в российском цивилизационном контексте // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6–7 июня 2013 г. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 4–7.

[150] Российская империя от истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории / ИРИ РАН. М.: Русская панорама, 2011. С. 7.

[151] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014. С. 31–40.

введению новой формы колониальной администрации – модели прямого управления[152].

Особое значение, в связи с этим, необходимо отвести судебной системе, которая выступала важным способом координации социального взаимодействия. Доктор юридических наук, профессор Л.Г. Свечникова, анализируя особенности государственно-правовой политики Российской империи пишет: «Представления о колониальном характере государственно-правовой политики Российской империи опровергаются документами, свидетельствующими о достаточно продуманной судебно-правовой политике по отношению к народам, находящимся на ином уровне социально-экономического и правового развития» [153] . При этом, своеобразие реализуемой политики заключалось в том, что российские власти пытались приспособить действующее в среде коренных народов обычное право к проведению собственных интересов в подвластных территориях.

Необходимо подчеркнуть, что законодательное признание силы традиционных регуляций встречалось в правовой практике достаточно часто и было общим для России и Европы подходом, когда «для восполнения недостающих установлений в законах страны», осуществлялось «признание и поощрение официальной судебной и административной практикой использования местных правовых обычаев»[154].

В русле этих тенденций развивалось «сосуществование» законодательства и обычного права и в Российской империи. Однако, с учетом особенностей, связанных с наличием в сложившейся российской правовой системе двух уровней позитивного права и соответствующего им

[152] Васильев Д.В. Массовые народные движения как инструмент российской региональной политики в Казахской степи в конце XVIII в. (на примере движения Сырыма Датова) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2017. № 1. С. 31–43; Он же. Проведение административной реформы 1868 года в казахской степи: судьба одной семьи. Новый исторический вестник. 2019. №. 1 (59). С. 61.

[153] Свечникова Л.Г. Государственно-правовая политика в национальных окраинах Российской империи // Платон. 2013. № 1. С. 24.

[154] Кодан С.В. Становление системы законодательства Российской империи (XIX – начало XX в.) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1 (14). С. 68.

законодательства – общего и местного, которым и соответствовал надлежащий подуровень обычного права.

Отметим, что в судебной политике Российской империи отводилось важное место механизмам учета традиционных регуляций в юрисдикционной деятельности российской власти и ее учреждений на территориях с родовой организацией жизнедеятельности коренных народов. Также большое внимание уделялось внедрению положений российского права в обычное право через взаимодействие общеимперского и традиционного права. Согласимся с обоснованным выводом С.В. Кодана, что при таком подходе решались задачи поддержания единого политико-правового пространства и, в определенной мере, задачи выравнивания правового развития отдельных народов, которые ранее не имели традиций государственной самостоятельности, через явление, получившее название «правовой колонизации»[155] («правовой аккультурации»)[156]. Современные исследования в области юридической антропологии подчеркивают, что необходимым результатом правовой аккультурации является изменение первоначальных структур культуры контактируемых социумов и формирование единого культурно-правового пространства [157] . При этом формы правовой аккультурации вариативны от экспансии до конвергенции [158] . Для российского варианта стала характерной модель сочетающая принципы сотрудничества. В этом варианте происходило постепенное распространение имперских судебных институтов и норм права на все население региона (как переселенческий компонент, так и местное сообщество) при сохранении действия традиционного права только для местного населения, и интеграции, предполагающей двухсторонний процесс взаимодействия правовых культур,

[155] Кодан С.В. Становление системы законодательства Российской империи (XIX – начало XX в.) // Вестник экономики, управления и права. 2011. № 1 (14). С. 60–71.

[156] Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 1999; Ковлер А.И. Антропология права. М.: Норма, 2002.

[157] Сокольская Л.В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2013. № 4. С. 178–179.

[158] Сокольская Л.В. Механизм правовой аккультурации // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 25–34.

включение традиционного права в общеимперское в тех сферах, где не существует явных противоречий (исключение составляла сфера семейно-брачных отношений)[159].

Обозначенный подход к принципам формирования судебной системы и реализации судебной власти в Степном крае проявился уже в начале XIX в. Однако, первые шаги по формированию государственных судебных институтов в регионе были предприняты еще в 80-е гг. XVIII в. и шли в русле общеимперских тенденций. Принятие Екатериной II в 1775 г. «Учреждений для управления губерниями Всероссийской империи» сформировало контур судебной системы Российской империи вплоть до 1864 г. Важность справедливого суда в государстве подчеркивала сама императрица. Говоря о принципах организации судебной власти, Екатерина II отмечала, что «Всероссийской империи всяких чинов и состояния людям суд и расправа да будет всем равна»[160]. Основное содержание реформы заключалось в создании новых судов разных инстанций как самостоятельных учреждений, отделенных от административной власти. Были разделены уголовное и гражданское судопроизводство. Судебная система сохраняла принцип сословности. Для дворянства создавались уездный суд и верхний земский суд, для крестьянства – нижняя и верхняя расправы. Аппеляционной инстанцией выступали уголовная и гражданская палаты.

Историки права высоко оценивают результаты судебной реформы Екатерины II. Анализируя значение «Учреждений для управления губерниями», исследователи отмечают, что впервые в русском законодательстве появился единый акт, подробно регламентирующий всю систему местных органов управления и суда, их формирование, компетенцию, деятельность, а сам документ отличал высокий уровень

[159] См. подробнее: Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 1999. С. 194–195.

[160] Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 178.

юридической техники и глубокая детализация норм права[161]. Более того, Екатерина II территориально не ограничивала проведение реформы, напротив, стремилась ввести в государстве единообразную систему судопроизводства, распространив ее на все население независимо от этнического или религиозного фактора. Данный подход был обусловлен общей направленностью реформы. Перед государством стояла задача унификации форм и типов государственного управления, которую можно было решить с учетом изученных исторических, культурных, географических особенностей всех областей империи. По мнению В.А. Воропанова, имперский принцип социальной и правовой дифференциации рассматривался как фактор ослабления межсословных противоречий, сближения россиян с коренными жителями восточных провинций, оценивался как важный инструмент политики по отношению к народам, проживавшим близ российских границ. Преодоление исторически сложившейся фрагментарности осуществлялось путем упразднения особых «обществ» и укрупнения отдельных сословий[162]. Последнее обстоятельство вело, в свою очередь, к изменениям в местном судоустройстве, объектной и территориальной компетенции местных судебных учреждений.

К концу XVIII в. начался процесс юридического присоединения территорий Младшего и Среднего жузов к Российской империи. Судебная система вновь присоединяемых окраин характеризовалась практическим отсутствием эффективных имперских судебных институтов. Именно Екатериной II было положено начало основательному урегулированию взаимоотношений государства с новыми подданными[163].

---

[161] Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2016; Законодательство Екатерины II. В 2-х томах. Отв. ред.: Новицкая Т.Е., Чистяков О.И. М.: Юрид. лит., 2000–2001; Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII века. М.: МГИУ, 2004.

[162] Воропанов В.А. Национально-религиозный вопрос в судебной политике Екатерины II // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 3. С. 72.

[163] Воропанов В.А. Судебные реформы в Младшем казахском жузе в последней четверти XVIII – начале XIX века в контексте международных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1 (10). С. 141.

Одним из первых шагов по созданию судебных институтов в регионе стало учреждение Пограничного суда в Оренбурге. Вопрос был инициирован в 1783 г. симбирским и уфимским генерал-губернатором А.И. Апухтиным, который в своем донесении Екатерине II заявил о необходимости открытия под руководством генерал-губернатора судебного института, «в котором бы обоюдных сторон ссоры разбираемы были». Расход «на сей суд», по мнению А.И. Апухтина, «не мог быть велик, а польза та, что воровство их уменьшиться может, и сами они избегут раззорения, в случае чинимой со здешней стороны репрессалии, а притом к подначальству и правосудию нечувствительно привыкать могут и очевидно узнают премудрое учреждение у доставлению справедливости и спокойного пребывания»[164]. Действия Оренбургской администрации отражали необходимость обеспечения как интересов государства во вновь присоединенных территориях, так и безопасности самой империи.

В 1784 г. был принят указ, адресованный Уфимскому и Сибирскому генерал-губернатору А.И. Апухтину «О мерах для укрощения своевольства киргиз-кайсаков», в котором, в том числе, говорилось об учреждении в Оренбурге пограничного суда. Его состав включал 14 человек, в том числе: обер-коменданта, двух судей из российских офицеров Оренбургского гарнизона, по два представителя от купечества и сельских обывателей казенного ведомства, одного казахского султана и шесть казахских старшин[165]. Состав суда назначался губернатором сроком на три года. Суд должен был разбирать дела, возникавшие между казахами и соседними с ними пограничными жителями, т.е. с русскими, башкирами, калмыками и торговыми людьми из Хивы, Бухары и других среднеазиатских ханств. Все сведения о происшествиях на границе должны были направляться в этот суд.

[164] Добромыслов А.И. Тургайская степь. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Вып. 16. Оренбург, 1901. С. 181.

[165] О мерах для укрощения своевольства киргиз-кайсаков // ПСЗРИ. Собр. 1. 1784. Т. 22. Ст. 15991. С. 142–144.

Закон 1784 г. также подчеркивал важность учреждения Пограничного суда и «от стороны средней Киргизской орды».

В обязанности судебной инстанции, которые были уточнены указом 3 июня 1786 г., входило рассмотрение «судных гражданских и уголовных дел с киргизсцами случающихся»[166], не затрагивая сферу управления казахскими родами, что выражало тенденцию разделения исполнительной и судебной ветвей государственной власти в Российской империи[167].

В качестве судебной низовой инстанции в мае 1786 г. барон О.А. Игельстром в донесении Екатерине II предложил организовать расправы для казахов Алимулинского, Байулинского и Семиродского родов. Состав расправы, по предложению О.А. Игельстрома должен был включать «Начальника того рода в виде председателя, 2-х заседателей из знатнейших старшин лучших поколений, одного моллу для письмоводства» [168], а также представителя российской военной или гражданской службы. Предложение Игельстрома получило поддержку и расправы были учреждены (как сословные инстанции для разбора дел сельского населения), которые, по мнению имперских властей, выступали гарантом мирного взаимодействия во фронтирной зоне.

Так, в собственноручно составленном наставлении губернатору Путятину императрица Екатерина II писала: «По Высочайшему Ее Императорскому Величеству изволению в Байгуллинском роде для разбирательства между киргизцами в роде находящимися учреждена расправа, чтобы: 1. наблюдать и оповещать, чтоб народом ногайского рода порядок и тишина всегда существовали и чтоб находились всегда в мире и согласии между собой; 2. чтоб ничто в противность подданнического долга, в

[166] О разделении степи для киргизцев на три части, о построении городов, мечетей, школ и гостиных дворов, о разборе в Пограничном суде одних судных гражданских и уголовных дел и о заведении расправ // ПСЗРИ. Собр. 1. 1786. Т. 22. С. 604–606. Ст. 16400.

[167] Воропанов В. Судебные реформы в Младшем казахском жузе в последней четверти XVIII – начале XIX века в контексте международных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1. Т. 10. С. 139-158. С. 145.

[168] Материалы по истории Казахской ССР: (1785–1828 гг.). Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР , 1940. Т. 4. № 12. С. 71.

нарушение учиненной присяги, ничего не предпринималось и не учинялось; 3. ...следить, чтоб не было разбоя и грабежа на российские селения»[169].

По своему составу расправы состояли из представителей казахской знати, так как именно вовлечение местного населения в правовые отношения могло существенно снизить конфликтный потенциал. Данная тенденция не являлась исключением. Во вновь созданные судебные инстанции, если они территориально охватывали места проживания этносоциальных групп, привлекалось местное население. Привычному разбору дел на основе обычного права была придана форма гражданского суда, получившего поддержку правоохранительных органов[170]. Таким образом, несмотря на общие тенденции к созданию единой судебной системы, многонациональный характер Российской империи обусловил «индивидуализацию» региональной судебной власти.

Судебное производство по закону в расправах должно было вестись письменно, что поставило их в зависимость от письмоводителей. В штате судебных инстанций была предусмотрена и должность переводчика. Расправы подчинялись Пограничному суду, а главы и родовые старшины получили полицейскую власть[171]. В 1787 г. оренбургский генерал-губернатора О.А. Игельстром утвердил Правила для расправы в Байулинском роде Младшего жуза[172]. По ним расправа обязана была отправлять правосудие по внутриродовым уголовным и гражданским делам; принимать иски, жалобы и споры у всех казахов, принадлежащих к роду; «входить в разбирательство в исследование дела и доставить правой стороне полномерное удовольствие»; удерживать население в «благочинии,

[169] Адер А.В., Рогозин М.В. Особенности национальной политики Екатерины II при освоении земель Оренбургского края // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 19.

[170] См. подробнее: Воропанов В.А. Национально-религиозный вопрос в судебной политике Екатерины II // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 3. С. 72–80.

[171] Шадрин В.М. Пограничный суд в механизме государственно-правового регулирования отношений России с Казахстаном в конце XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. № 1. Т. 9. С. 68.

[172] Материалы по истории Казахской ССР: (1785-1828 гг.). Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР , 1940. Т. 4. № 27. С. 100.

добронравии и порядке»; обнародовать и проводить в жизнь все решения генерал-губернатора; наблюдать, чтобы не совершались набеги на границы с целью захвата людей и угона скота, а местное население не укрывало грабителей и награбленное. Сами расправы наделялись полномочиями делать разбирательства по жалобам и претензиям проходящих караванов[173].

Всем представительным членам Пограничного суда полагалось жалованье: «Купеческим и сельским равное заседателям общих судебных мест второй инстанции, казахским по определению государева наместника из специально выделяемых правительством, средств» [174] . В 1786 г. был определен объем финансирования созданных институтов. На содержание Пограничного суда в Оренбурге выделялось 5400 руб. в год, на казахских старшин по 850 руб., на расправы и «начальников в орде» по 3080 руб. Кроме того, выделялась сумма на покупку хлеба, полагаемого старшинам в расправах[175]. 3 октября 1786 г. состоялось открытие Пограничного суда в Оренбурге. Екатерина II высоко оценила работу барона О.А. Игельстрома по организации судебной власти в регионе. В своем рескрипте императрица подчеркивала, что «Пограничный суд, для спокойствия народов киргисских толико нужный и полезный, в чемсами они со временем совершенно удостовериться могут»[176].

Правомерным выглядит позиция В. Воропанова, который подчеркивает, что с утверждением правосудия с применением юридических норм правительство рассчитывало вовлечь казахов в правовые отношения с

---

[173] Шадрин В.М. Пограничный суд в механизме государственно-правового регулирования отношений России с Казахстаном в конце XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2002. № 1. Т. 9. С. 68.

[174] Воропанов В. Судебные реформы в Младшем казахском жузе в последней четверти XVIII – начале XIX века в контексте международных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1. Т. 10. С. 146.

[175] Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898. С. 133.

[176] Материалы по истории Казахской ССР: (1785-1828 гг.). Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР , 1940. Т. 4. № 16. С. 76.

населением империи и государством и прекратить неконтролируемые конфликты пограничных соседей[177].

Однако, учрежденные судебные институты не всегда справлялись со своими обязанностями. Чиновники пограничного управления неоднократно подчеркивали, вся деятельность пограничного суда сводилась к одной переписке, низовые судебные учреждения – расправы не выполняли своих функций, бездействовала полицейская власть[178]. В 1788 г., в одной из записок князю Г. Потемкину, чиновники Оренбургского корпуса описывая характер деятельности судебных институтов в регионе подчеркивали, что «ныне же оные расправы почти не существуют, ибо в оных посажены судьи, мало имеющие доверенности в знатных киргизских[179] людях, да и существовать расправы невозможно, потому что остается один секретарь, а судьи при своих кочевьях в нескольких стах верстах от расправ, как им по воле их рассудится, где быть; а иногда и секретаря нет. Одним словом, в тех расправах течения дел никаких нет, а только, как время придет брать жалованье, то оного приезжают требовать, а получа, обратно уезжают куда рассудит…»[180].

Приход к власти Павла I внес существенные коррективы в судебную систему Российской империи. Новый император существенно упростил имперскую юстицию, отказался от идеи вовлечения этносоциальных групп в судебно-правовую практику, усилил принципы бюрократической централизации[181]. В связи с этим, в конце XVIII в. в судоустройство Степного края были внесены определенные изменения. В мае 1799 г. Пограничный суд был преобразован по именному указу Павла I в административно-судебную

[177] Воропанов В.А. Судебные реформы в Младшем казахском жузе в последней четверти XVIII - начале XIX века в контексте международных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1. Т. 10. С. 142.

[178] Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999.

[179] Здесь и далее речь идет о казахах, которые вплоть до конца имперского периода в документальных источниках определялись этнонимом «киргиз».

[180] Записка Д. Гранкина, представленная князю Г. Потемкину по поводу административного устройства в Младшем жузе (16 декабря 1788 г.) // Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. № 70.

[181] Воропанов В.А. Судебно-правовая реформа Павла I: цели, содержание, результаты // Право и политика. 2017. № 1. С. 92–103.

Комиссию пограничных дел. Пограничная комиссия рассматривала дела в составе шести человек (председатель – оренбургский комендант, два асессора, один султан и два казахских старшины). Через несколько лет в Степи были упразднены низовые судебные институты – расправы, которые в полной мере так и не приступили к своей работе.

Таким образом, реорганизация судебной системы выступала неотъемлемым элементом реализации стратегии политического закрепления позиций России в Младшем жузе, которая мыслилась в контексте интеграции степной аристократии в лице султанов-чингизидов и родоправителей в имперскую управленческую систему[182].

Необходимость и важность создания имперской судебной власти в регионе подчеркивалась и в проектах организации управления казахской степью 90-х гг. XVIII в. По мнению Д.В. Васильева, нестабильное положение казахской элиты вообще и ханской власти, в частности, подталкивало российскую администрацию к необходимости новых реформ, направленных на ограничение самостоятельности казахской знати. Предложения по преобразованию управления Казахской степью и ее более интенсивному вовлечению в сферу имперской внутренней политики исходили от чиновников разного уровня и социального статуса[183].

Один из высокопоставленных сановников, генерал–майор Я. Боувер предлагал сформировать на территории Среднего жуза Совет старейшин, состоящий из двух судебных коллегий. В компетенции первой (главный), которая находилась бы при русской администрации на линии крепости Святого Петра входило окончательное решение всех возникших тяжб. Вторая коллегия с соответствующим числом депутатов при хане должна была заниматься разбором дел, возникающих в Степи, с последующим

[182] Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4. Т. 1. С. 181.

[183] Васильев Д.В. Реализация реформ О.А. Игельстрома в Степи Оренбургского ведомства // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2015. № 1 (31). С. 22.

утверждением их в первой судебной коллегии[184]. Также предполагалось создание «словесных судов» биев в казахских волостях для рассмотрения «маловажных дел»[185]. Изменения в отношении организации системы управления включенными в состав Российской империи новыми территориями в целом, и судебной власти, в частности, были обусловлены комплексом факторов политического и социально-экономического характера. Позиции России в регионе значительно укрепились, качественно изменились казахско-русские отношения, развивалась торговля, шло строительство по линии фронтира, наблюдался рост численности славянского населения (казачество, купцы, военный контингент). Данные тенденции послужили важным условием для создания в регионе необходимых институтов для реализации судебной власти.

В марте 1800 г. были сделаны первые шаги по организации судебной власти в восточных регионах казахской степи. В Петропавловской крепости «для разбора дел по взаимным претензиям киргизов и русских» был учрежден Пограничный суд[186], а в Семипалатинской крепости было учреждено Особое присутствие пограничного суда из коменданта, казахского старшины и нескольких чиновников[187], для разбора дел между казахами, кочующими близ Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостей. К полномочиям пограничных судов относилось рассмотрение дел о конфликтах, затрагивающих интересы русских и казахов. Так, за кражу и нападение на прилинейных жителей с причинением материального ущерба, превышающего 20 руб. серебром, казахи судились гражданским уголовным судом Пограничной комиссии с участием султанов – правителей[188]. Однако,

[184] Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. С. 94–95.

[185] Представление генерал-майора Я. Боувера Екатерине II о положении дел в Среднем жузе и о мерах улучшения торговли и развитии оседлости (9 апреля 1795 г.) // Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. (1771–1867 годы). (Сборник документов и материалов). Алма-Ата: Наука. 1964. № 83.

[186] Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898. С.140–141.

[187] Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 28.

[188] Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. Алма-Ата: «Казак университеті», 1992. С. 122.

зачастую Пограничная комиссия рассматривала и дела, возникающие между казахами.

В целом, как подчеркивает В.А. Воропанов, на рубеже XVIII–XIX вв. в организации региональных систем правосудия России усилилось единообразие [189] . При этом, согласимся с мнением исследователя, что унификационные процессы в государственно-правовой сфере объективно сдерживались комплексом факторов регионального развития и требовали учета национальных, религиозных, географических, культурно-языковых особенностей.

Именно реформы традиционной судебной системы казахского общества стали одним из важнейших векторов национальной политики Российской империи в центральноазиатских окраинах.

Традиционная правовая система казахского общества была представлена судом биев. Вопрос о значении института казахских биев в административной структуре Российской империи достаточно освещен в современной историографии[190]. Казахский суд биев, несомненно, являл собой яркий пример института, осуществляющего правосудие в системе традиционного права. Бии выступали привилегированной социальной группой, выраставшей непосредственно из недр кочевой общины. Они пользовались особыми правовыми и экономическими преимуществами. Биями могли быть избраны только представители «черной кости», чингизиды не избирались биями, хотя и участвовали в разборе судебных дел[191].

Судебная власть, которая принадлежала биям, имела исключительное значение в казахском обществе. Как отмечал С.З. Зиманов, она была ведущей формой власти в системе управления. Функция управления в кочевых коллективах, в основном, сводилась к разбирательству различных споров и притязаний как внутри коллективов, так и между родами и их отделениями.

---

[189] Воропанов В.А. Особенности имперского судоустройства в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3(38). С. 31.

[190] Алимжан К.Суд биев как институт обычного права // Мысль. 1999. № 6. С. 78–83; Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамура, 2008.

[191] Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. Алма-Ата, 1992. С. 75.

Судьи располагали большими правами в толковании норм, обосновании и вынесении решений, а также в определении методов и форм приведения этих решений в исполнение [192] . Судебные постановления биев имели правотворческий характер. Звание бия считалось личным. Для того, чтобы заслужить его необходимо было обладать определенными личными качествами и способностями. «Представители знати, после нескольких успешных выступлений на суде, советах, сборах, показав, что они этими способностями обладают, приобретали известность как бии» [193] . Важное значение в традиционной судебной системе занимал и Чрезвычайный съезд биев, на котором рассматривались наиболее важные дела. Решения съезда вырабатывались совместно присутствующими народными судьями и носили обязательный характер. «Бии, созванные для чрезвычайного съезда, предварительно совещаются между собой и в особом постановлении (эреже) излагают те основания, которые должны быть приняты всеми судьями при предстоящем разборе дел. В эреже устанавливаются сроки давности, порядок решения дел о сватовстве и исковых, оценку скота на случай удовлетворения им разных взысканий, размер платы за кун, оговаривают допущение заочных решений. Эреже считается обязательным только на время заседания того съезда, для которого он составлен»[194].

К 20-м гг. XIX в., когда казахское традиционное общество стало рассматриваться Россией как объект этнической политики [195] , относится начало реформирования судоустройства региона. Александр I располагал вполне современными, радикальными и хорошо подготовленными проектами государственного переустройства. Их реализация, вслед за реформами Петра I и Екатерины II, открыла бы дорогу для дальнейшей трансформации власти

[192] Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958. С. 195–196.
[193] Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958. С. 197.
[194] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2209. Л. 42.
[195] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014. С. 41–42.

и демократизации государственного управления[196]. Этот период, безусловно, стал переломным в развитии судебной системы Степного края. Сложившаяся к началу XIX в. организация судебной власти в регионе не отвечала растущим потребностям и изменениям социально-политического характера. Не менее значимой проблемой было и отсутствие нормативно-правовой основы деятельности судебной власти, учитывающей политические, этнокультурные, социально-экономические особенности развития казахского общества. Неудовлетворительная работа судебной системы начала XIX в. ставила под вопрос объективность принятых судебной властью решений. Так, в феврале 1822 г. Комитет министров объявил все долговые обязательства, совершенные между русскими и казахами, недействительными. Позднее, когда этот вопрос получил новое рассмотрение, было принято решение, в случаях явного мошенничества, взыскивать с казахов не судебным, а административным порядком [197]. Отсутствие необходимых судебных институтов, четкого регламента рассмотрения дел, представлений о принципах подсудности казахского и русского населения требовало проведения комплексного реформирования судебной системы.

Согласимся с мнением исследователей, что на тактику и ход преобразований непосредственно влияла ведомственная принадлежность казахов Младшего и Среднего жузов, к 20-м гг. XIX в. относившихся к Оренбургскому и Западно-Сибирскому генерал-губернаторствам. Разработка проекта реформ по реорганизации системы управления, в том числе, ликвидации ханской власти, осуществлялась Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторами автономно, с опорой на личный опыт администрирования и особенности экономической и этнокультурной

[196] Ананьич Б.В. Власть и реформы. От самодержавной к советской России // Вестник РГНФ. 1996. № 2. С. 36.

[197] Народный суд у киргизов (суд биев) // Журнал юридического общества. 1897. Кн. 7. Сентябрь. С. 67.

ситуации в регионе [198] . В результате, исходя из особенностей административно-территориального деления казахской степи, наблюдалось формирование двух моделей судоустройства в регионе, которые кардинально отличались друг от друга по многим положениям, но при этом были взаимосвязаны. Данные модели были реализованы в двух важнейших документах начала XIX в. «Уставе о сибирских киргизах» 1822 г. и «Уставе об оренбургских киргизах» 1924 г., закрепленной позднее «Положением об управлении Оренбургскими киргизами» от 4 июля 1844 г.

Интерес представляет модель организации судоустройства, реализованная среди казахов оренбургского ведомства, так как именно в этом регионе начались первые шаги по созданию судебной системы Степного края. В высших государственных институтах Российской империи: Азиатском департаменте МИД и Азиатском комитете, положение дел в Младшем жузе активно обсуждалось с начала XIX в. В 1820 г. в Оренбургский край был командирован чиновник Азиатского департамента В.Ф. Тимковский, который должен был изучить положение дел в регионе и укрепить отношения с казахской политической элитой[199]. Важной задачей, возлагаемой на миссию Тимковского, было изучение особенностей местного судоустройства и разработка механизма его реформирования и инкорпорации в общеимперское правовое поле.

4 декабря 1823 г. проект «Устава об Оренбургских киргизах» был представлен главе ведомства иностранных дел К.В. Нессельроде [200] . Инициатором проведения данной реформы был оренбургский военный губернатор П.К. Эссен. Реформа была подготовлена на основе рапортов и донесений председателя Оренбургской пограничной комиссии С.И.

---

[198] Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4. Т. 1. С. 182–183.

[199] Избасарова Г.Б. Служба В.Ф. Тимковского в Оренбургском крае // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1 (17). С. 145–155. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/16_17_2016.pdf; Избасарова Г.Б. Политика Российской империи в казахской степи в первой половине XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2017. № 2. С. 50–63.

[200] РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 288.

Траскина, а проект составлен полковником свиты по квартирмейстерской части Ф.Ф. Бергом и дополнен военным губернатором.

В Оренбургском крае в позиции региональной власти была очевидной преемственность с курсом О.А. Игельстрома. Идеолог Устава об оренбургских киргизах генерал-губернатор Т.К. Эссен выступил сторонником предоставления местному населению самоуправления. Его основные принципы были изложены в подписанном 31 января 1824 г. императором Александром I «Утвержденном мнении Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем».

Существенной особенностью реформы местного управления являлось то, что власть султанов-правителей не была ограничена, хотя первоначально планировалось введение принципа коллегиальности. Кроме того, реформа не охватила правовым регулированием аульные и родовые звенья управления. Данный факт дает основание говорить о незавершенности реформы 1824 г. по введению местного самоуправления в Младшем жузе и, как следствие, – ее низкой эффективности. Это обстоятельство вынуждало центральные и региональные власти искать пути совершенствования системы местного самоуправления[201].

Необходимость реорганизации судебной системы Оренбургского края была очевидна. Развитие общественных отношений требовало нормативно-правовой регламентации. Главные вопросы, которые достаточно активно обсуждались в Азиатском департаменте МИД в 30-е гг. XIX в. – создание многоуровневой структуры местного самоуправления и введение выборных начал в Степи. В результате было принято несколько мер, направленных на развитие правоотношений в регионе. 31 августа 1831 г. были учреждены Военно-Судные комиссии. 16 июля 1836 г. Министерством юстиции был издан указ «О разбирательстве взаимных исков и притязаний прилинейных российских жителей Оренбургской губернии с киргизами», согласно

[201] Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4. Т. 1. С. 183.

которому все взаимные иски русских и казахов рассматривались исключительно в Оренбургской пограничной комиссии[202]. Подчеркнем, что Пограничная комиссия играла весьма важную роль в судебной системе региона первой половины XIX в. В 1828 г. на содержание Оренбургской пограничной комиссии было выделено 36100 руб. ассигнациями и 5400 руб. серебром. Помимо жалования председателя, чиновников и служащих Комиссии в эту сумму входило жалование казахских султанов, а также средства на: выкуп пленных, «угощение и временное содержание» казахов, приезжающих в Оренбург по служебным делам, лекарства для бедных казахов. В ведомстве Оренбургской пограничной комиссии находилось также особое отделение для казахских арестантов при Оренбургском тюремном замке, которое только в 1842 г. было передано в ведение местного гражданского начальства[203].

Согласно указу 18 ноября 1837 г. казахи Оренбургского ведомства, виновные в убийстве, разбоях и захвате русских для продажи в рабство судились имперским военным судом. А в 1838 г. право принятия окончательного решения по военно-судным делам о пойманных в Оренбургской губернии беглых осужденных разбойниках, преступниках, бродягах, а также «киргизах Оренбургского ведомства, виновных в убийстве, разбоях и захвате русских для продажи в рабство» было предоставлено Оренбургскому военному губернатору[204].

Инновационные взгляды российской администрации на систему управления регионом нашли отражение в новом Положении об управлении оренбургскими киргизами, принятом в 1844 г. Введение Положения определило устройство суда в Оренбургском крае[205]. Система судоустройства была представлена тремя типами судов: судом Оренбургской пограничной комиссии, которой были даны права палаты уголовного суда; военным

[202] О разбирательстве взаимных исков и притязаний полинейных российских жителей Оренбургской губернии с киргизами в Оренбургской комиссии // ПСЗРИ. Собр. 2. 1836. Т. 11. №. 9391. С. 801.

[203] Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898. С. 185.

[204] Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898. С. 174, 176.

[205] Положение об управлении Оренбургскими казахами. 14 июня 1844 г. Санкт-Петербург, 1844.

судом, в компетенцию которого были переданы наиболее важные уголовные дела (возмущение против правительства, измена, убийство, барымта) и народным судом кочевников[206]. Важное значение имело возложение на Оренбургскую пограничную комиссию обязанности инкорпорировать нормы казахского права, создать из них кодекс обычного права и передать его на утверждение правительства. Согласимся с мнением исследователей, что это обстоятельство, в полной мере, указывает на отсутствие у власти реальных представлений о традиционном судопроизводстве у кочевников и предположении имперской администрации сохранить его в долгосрочной перспективе[207]. Нововведением Положения 1844 г. стало изъятие из подсудности суда биев всех основных категорий уголовных дел казахов Оренбургского ведомства, а также исковых дел между казахами, превышающими 50 руб. серебром (§ 58) и отнесение их к подсудности общеимперских судов[208]. По всем другим преступлениям и по искам ниже 50 руб. серебром казахи судились в народном суде, но, под наблюдением местного казахского начальства. Были расширен перечень налагаемых на виновного наказаний: отдача под надзор, заключение под стражу и т.д., в особенных случаях, после утверждения Оренбургским военным губернатором, народный суд мог приговорить к отдаче в солдаты по приговору казахского общества и ссылке в Сибирь на поселение.

«Оренбургское положение» предоставив народному суду широкие полномочия в отношении наложения наказаний, существенно сократило количество дел, ему подсудных. Также, казахскому населению предоставлялось право свободно обжаловать решение народного суда в Пограничной комиссии, что также умаляло значение низовой судебной инстанции.

---

[206] Анисимова И.В. Развитие судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 3. С. 95.

[207] Васильев Д.В. Административное управление Малой Казахской ордой в первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 43.

[208] Материалы по истории политического строя Казахстана / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. С. 222.

Система местного самоуправления была представлена двумя ступенями административно-территориального устройства. На первом уровне сохранялся принцип разделения кочевий казахов на три части – Западную, Центральную, Восточную – во главе с султанами-правителями. За ними закреплялись полицейская и исполнительная функции. Однако, в процессе реализации данного постановления региональные власти столкнулись с рядом сложностей. Положение 1844 г. в целом внедрялось медленно и вызвало серьезную реакцию в казахском обществе[209].

В связи с этим, приобретает важное значение донесение действительного статского советника Н.С. Любимова о результатах административно-судебных преобразований в казахской степи, составленное в ходе поездки в 1845 г. по Оренбургской губернии. Чиновник писал о недовольстве среди казахского населения работой институтов существующей судебной системы. «Султаны-правители, старшины мне говорили, – подчеркивал Н.С. Любимов, – что пока таким образом идет переписка по какому-нибудь делу, можно бы было, по их киргизским обычаям, решить 20 дел, и киргизы были бы несравненно довольнее. Вообще желание их – чтобы всякие дела в Орде (кроме, разумеется, важных уголовных дел) дозволено было решать им по своим обычаям (как это был прежде до издания Положения), а не по установленному теперь порядку, который влечет за собой следствие, длинную переписку, проволочку дел и ставит, сверх того, самое киргизское начальство, по неимению средств и людей для письмоводства, в самое затруднительное положение»[210]. Особого замечания чиновника вызвало изъятие из компетенции бийского суда исковых дел между казахами на сумму выше 50 руб. серебром. В связи с чем, Н.С. Любимов предложил вообще «предоставить всякие исковые и тому подобные дела между киргизами словесному разбирательству в орде и решению по их

[209] Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. С. 198.

[210] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Сост. Лысенко Ю.А. и др. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. Док. № 11. С. 30.

обычаям… От этого никаких дурных последствий, по-видимому, ожидать нельзя, а скорее хороших: все будет идти тогда проще, несравненно быстрее, согласнее с нравами киргизов и без возбуждения ропота, который производит нынешний порядок»[211].

В одном из своих донесений Н.С. Любимов подчеркивал, ведение данных исковых дел в имперских судебных органах осложняет эффективное отправление судебной власти. Описывая проблемы судебного делопроизводства, выявленные в ходе поездки, чиновник отмечал, что решение каждого искового дела сопровождалось ведение формального следствия и долгой перепиской. При этом, «по незнанию киргизами наших форм и обрядов, по незнанию даже русского языка и по неимению средств даже отписываться, начальство их поставляется в величайшее затруднение» [212] . В итоге, в суде накапливались нерешенные дела, что «производит самое дурное впечатление» на казахов.

Донесение Любимова было неоднозначно воспринято и вызвало активное обсуждение в правительственных кругах. Так, в 1846 г. была составлена докладная записка чиновника особых поручений д'Андре, адресованная председателю Оренбургской пограничной комиссии М. Ладыженскому, в которой высказывалась иная мнению Н.С. Любимова позиция. «Бесспорно, – писал д'Андре, – что киргизам не нравится долгое разбирательство, и действительно, можно решить 20 дел по народным обычаям в весьма короткое время, но навряд ли из 20 этих дел будут хоть восемь таких, решением коих киргизы бы оставались столь внутренно довольны, как довольны они вообще приговорами, составленными на основании русских законов. Есть ли султаны-правители и старшины заключат главное достоинство в производстве дел, – одну скорость, то все таки начальство не может допустить чтобы хотя и маловажные проступки

[211] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Сост. Лысенко Ю.А. и др. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. Док. № 11. С. 31.

[212] История Казахстана (XVIII – начало XX вв.): Сборник документов и материалов. Алматы, 2001. С. 32. № 6.

людей, находящихся под защитою правительства, обслуживались бы судиями, имеющими одну цель: скорее решить дело, а предоставить султанам-правителям и старшинам власть производить суд по всем отраслям преступлений (за исключением одних только важных уголовных дел), кажется, не совсем согласовалось бы с видами правительства»[213] .

При этом, д'Андре исходил из государственных интересов Российской империи и важности интеграции казахской степи в общеправовое пространство[214]. Чиновник подчеркивал, что «вести дела в отношении к киргизам как-нибудь проще, приноравливаясь к их быту, без всякого сомнения, было бы весьма полезно и не только для одних киргизов и для нашего начальства; ибо ведаться с полудикарями, не смея отступать от предписанной формы, – весьма тяжело и неудобно, в особенности по делам следственным. Но избегать переписки Пограничной комиссии с султанами-правителями – значило бы почти отдать всю орду на произвол судьбы, и есть ли должно держать начальство киргизское в стреле в деятельности и исправности, то достигнуть этого можно не иначе, как чрез помянутую переписку. Она не только в состоянии принести существенную пользу, но, так сказать, упрочивает то влияние, которое необходимо для приведения киргизов в совершенное подданство <…>»[215].

В то же время, чиновник был уверен, что проведение кардинальных преобразований системы судопроизводства в Степи крайне сложно, так как «изменить в орде образ судопроизводства – значило бы изменить народные обычаи; а наблюдать за правильностью всех исковых дел, производящихся в глубине степи, невозможно»[216].

---

[213] Материалы по истории политического строя Казахстана / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. С. 245–246.

[214] Анисимова И.В. Развитие судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 3. С. 96.

[215] Материалы по истории политического строя Казахстана / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. С. 246.

[216] Материалы по истории политического строя Казахстана / Сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. С. 246.

В свою очередь председатель Оренбургской пограничной комиссии М. Ладыженский нейтрально относился к возможности вернуть все исковые дела казахов в подсудность народному суду, отмечая, что «худшего от этой перемены, кажется, ожидать нельзя, потому что едва ли и в настоящее время все отдаленные киргизы не судятся своею степною расправою по многим искам, далеко превышающим 50 руб. сереб[ром]. Прекратить же это не только возможности нет, но и не предвидится до тех пор, пока бии совершенно не потеряют своего векового в народе значения судей»[217].

Более того, Оренбургская пограничная комиссия подчеркивала, что многие находящиеся у нее в производстве исковые дела и взаимные претензии казахов, связанные с убийством, угоном или барантой, крайне сложно рассмотреть по установленным законом правилам, в связи с «совершенной невозможностью истребовать когда-либо виновных, так как в этих преступлениях участвуют большею частию целые отделения и роды киргизов»[218]. В записке казахских султанов, адресованной в Оренбургскую пограничную комиссию подробно рассматривались причины, препятствующие рассмотрению дел, возникающих между казахами в имперском суде. Основные проблемы заключались в самой обширности подведомственной территории, которая делала вызов свидетелей по делу невозможным. Более того, «люди, нужные для спроса, как свидетели и т.п. из одной боязни, чтобы их не продержали на линии, и вообще из боязни по своей необразованности, всяких следствий, при малейшем требовании их на линию стараются откочевать в глубину степи» [219] . Нередко, «желая отделаться как можно скорее от спросов», казахи отказывались от своих первоначальных свидетельских показаний, путались в них и т.д., что еще более осложняло рассмотрение дела.

[217] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Сост. Лысенко Ю.А. и др. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. Док. № 13. С. 43.

[218] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 2-1849 г. Л. 7.

[219] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 2-1849 г. Л. 10.

Как вариант разрешения сложившейся ситуации казахские султаны предлагали, ссылаясь на «милосердие нашего Монарха, прощение за преступления <…>, или примирение по народным киргизским обычаям претендующих родов, чрез посредство уважаемых биев и почетных киргизов с одной и с другой стороны»[220].

В связи с этим, в 1849 г. Оренбургский военный губернатор обратился к управляющему МИД Л.Г. Сенявину с просьбой Оренбургской пограничной комиссии предоставить казахским султанам – правителям права рассматривать исковые дела по убийствам, баранте, грабежам, возникшие между казахами с 1832 г. по июнь 1849 г. При рассмотрении дела казахскими султанами, присутствие на заседании старшин враждующих родов будет более вероятным, а значит, по мнению Пограничной комиссии, возрастет вероятность разрешения большего числа взаимных претензий. В своей просьбе власти Пограничной комиссии опирались на прецедент 1846 г., когда султанам также было дано право рассмотреть и решить накопившиеся претензии казахов разных родов[221].

При этом, военный губернатор подчеркивал, что в компетенции казахских султанов можно передать «те только их взаимные претензии между киргизами всех трех частей Орды, в коих участвуют <…> целые роды и отделения киргизов; по прочим же <…> подобным делам к коим прикосновенны один или немногие ордынцы поступить согласно положению об управлении Оренбургскими киргизами утвержденному 14 июня 1844 г., так как истребование виновных не представляет больших затруднений»[222].

В целом, несмотря на разные взгляды и оценки судопроизводства в казахском обществе, чиновники были едины в признании несовершенства нормативно-правовой основы судебной системы и необходимости ее дальнейшего преобразования по пути интеграции в общеимперское пространство с учетом национальных особенностей региона. Эта идея в 1851

[220] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 2-1849 г. Л. 11.
[221] Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Алма-Ата, 1964. С. 316–317.
[222] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 2-1849 г. Л. 1–2.

г. была озвучена и управляющим МИД Л.Г. Сенявиным в обращении к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В.А. Перовскому в процессе обсуждения проекта «Положения об управлении оренбургскими киргизами». «Главное наше желание, – подчеркивал Л.Г. Сенявин, – чтобы не отдалять, а по возможности более и более привязывать киргизов к правительству, и для этого, а равно для удобнейшего вообще управления сим народом, необходимо, чтобы все приноровлено было к кочевому его быту и к степени нравственного его состояния»[223]. Модернизация судебной системы региона была вызвана и развитием самого края. С 1845 по 1853 гг. в Оренбургской степи была построена сеть новых укреплений, в том числе Уральское (Иргиз) и Оренбургское (Тургай), увеличивалась численность населения, появлялись новые аспекты общественных отношений, которые требовали правовой регламентации.

Таким образом, российские власти, пытаясь выработать оптимальные варианты дальнейшего совершенствования системы местного самоуправления казахов Оренбургского ведомства, принципиально отказались от введения выборных начал в степи. Данное обстоятельство нашло отражение в новом Положении об управлении оренбургскими киргизами, принятом в 1859 г. По новому Положению Оренбургская пограничная комиссия была переименована в Областное правление оренбургскими киргизами. Положение также оставляло без изменений основные принципы формирования органов местного самоуправления: двухступенчатую модель (султаны-правители – дистаночные и аульные начальники); назначение на должность областным правлением султанов-правителей и по их рекомендации дистаночных и аульных начальников (что ставило последних в абсолютную зависимость от султанов); сохранение за ними административных, исполнительных и, в некоторых случаях, судебных функций. Важным новшеством стало учреждение при султанах–правителях института попечительства. Одной из причин учреждения данного института

[223] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4079. Л. 1–3.

было увеличение претензии казахов и линейных жителей друг к другу. Как отмечает Г.И. Избасарова, «основными причинами конфликтов было сенокошение линейных жителей за установленной линией. Изучение причин претензий МИД поручил оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву, который в 1846 г. объяснял это нехваткой сенокосных мест на внутренней стороне»[224]. При решении этих вопросов главные начальники Оренбургского края возлагали большую надежду на институт попечителей.

Именно институту попечительства, который формировавшийся из нескольких российских чиновников, были переданы судебная и полицейская функции, ранее принадлежавшие султанам-правителям. Создание попечительства, безусловно, нужно рассматривать как первый шаг российской администрации по ограничению власти султанов-правителей и замене среднего звания управления чиновниками российского происхождения[225].

Оценивая реформы судоустройства Оренбургского края, можно утверждать, что они свидетельствовали о «значительной степени обособленности управления коренным населением степи, что нашло отражение в передаче всего местного управления в руки казахов, включении местной традиции судопроизводства в судебную систему региона»[226].

В то же время имперские судебные институты не всегда справлялись с эффективным обеспечением судебного порядка. По принятому в 1845 г. «Уложению о наказаниях» казахи Оренбургского края по делам «об измене, убийстве, разбоях, баранте, захвате русских и возбуждении своих соплеменников против правительства» были подсудны военному суду. «За воровство-кражу, воровство-мошенничество и прилинейных и других

[224] Избасарова Г.И. Институт попечителей во внутренней политике Российской империи на примере Казахской степи Оренбургского ведомства в XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2017. № 6. С. 86.

[225] Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4. Т. 1. С. 184–185.

[226] Васильев Д.В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4(73). С. 14.

жителей свыше тридцати рублей, за кормчество, насилие всякого рода и тайный переход через линию» казахи судились по общим имперским законам гражданским и уголовным судом. Иски не превышающие 30 руб., как и другие менее важные преступления, оставались в компетенции народного суда[227]. Однако, в 1859 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор представил на рассмотрение министра иностранных дел проект реформы народного суда в Оренбургском крае, который предполагал расширение компетенций института биев в сфере решения уголовных и исковых дел. В качестве обоснования своей позиции генерал-адъютант А.А. Катенин указывал на практическую невозможность рассмотрения уголовных и гражданских дел, возникающих между казахами в имперском суде. В частности, для рассмотрении исков по общим имперским законам необходимо, «чтобы обстоятельства приведены были предварительно в надлежащую для постановления решений известность и ясность посредством формального следствия, иск же доказан документами. У киргизов, между тем, все сделки производятся словесно, недвижимой собственности они не имеют, а производство следствий в степи, особенно между родами отдаленными от Оренбургской линии почти невозможен» [228] . Причины заключались в устройстве казахского общества, кочевой жизни, патриархальных отношениях. Не меньшую роль играло «отвращение к медлительности и формальностям нашего (имперского – *И.А.*) следственного процесса», безграмотность представителей казахской власти, «отсутствие у большинства не только толковых и надежных, но каких бы то ни было письмоводителей, вследствие чего, бумаги <…> по месяцам остаются не только без исполнения, но даже не прочитанными», а самое важное - незнание общеимперских законов и порядка следственного производства[229].

[227] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1845. Приложение IV. Раздел VII. С. 898.

[228] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 7-1860. Л. 2 об.

[229] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 7-1860. Л. 3.

Эти и ряд других обстоятельств, пагубно влияющих на организацию судопроизводства и привели А.А. Катанова к идее расширить сферу подсудности народного суда, при рассмотрении гражданских исков и споров, снять ограничение, связанные с ценностью иска. После рассмотрения дела в министерстве юстиции глава ведомства граф В. Панин нашел предложение Катенина «совершенно основательными и соответствующими нынешнему положению киргизов Оренбургского края» и с небольшими изменениями согласился с утверждением проекта в качестве временной меры.

Не менее важным обстоятельством низкой эффективности судебной системы была ее незавершенность. Например, в г. Уральске не были учреждены магистрат и уездный суд, однако увеличение города, расширение его торгово-экономической деятельности приводили к возникновению как уголовных, так и гражданских дел между пребывающими в город купцами и, вообще иногородними лицами. В связи с чем, права уездного суда и магистрата по выполнению судебных функций были в 1845 г. переданы Уральской войсковой канцелярии [230] . Со временем увеличивались компетенции окружных приказов, что, в целом, снижало эффективность их работы. Указом 1860 г. на окружные приказы были возложены обязанности маклеров и нотариусов, которые в Сибири относились к работе окружных судов.

Безусловно, сделанные в конце XVIII в. первые шаги по созданию органов юстиции во вновь присоединенных окраинах стали важным элементов формирования общеимперской судебной системы. Однако, охранительная позиция государства не позволила российским властям применить коренную ломку традиционных судебных институтов и норм и внедрить в казахской степи в полной мере общеимперское судопроизводство и судоустройство. Напротив, имперская администрация пошла по пути планомерной интеграции традиционных институтов и норм права в общеимперскую судебно-правовую систему, приняв уже в первой половине

[230] Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898. С. 193.

XIX в. ряд законодательных актов, признающих легитимность суда биев. При этом, необходимо отметить, что региональные власти по разному представляли конфигурацию судебной системы. Так, свои особенности приобрела организация судебной власти в Младшем жузе. Однако, к середине XIX в. первая модель судоустройства, реализованная в Оренбургском ведомстве оказалась незавершенной и требующей дальнейшей организации.

1.2 Особенности организации судоустройства и судопроизводства в Среднем жузе в первой половине XIX в.

Параллельно с первым вариантом получила развитие модель судоустройства, реализованная среди казахов Среднего жуза, территориально относящихся к Западной Сибири. «Устав о сибирских киргизах» 1822 г.[231], направленный на регламентацию административно-территориального устройства и управления казахов Среднего жуза, определил основные контуры судебной системы и подверг традиционные судебные институты решительным преобразованиям [232] . Отныне судебная система была представлена областным судом, окружными приказами, военными судами и традиционным судом биев. Функции и компетенции судебных институтов были разграничены. Все судебные дела разделялись на три вида: уголовные, исковые и по жалобам на управление.

Уголовное судопроизводство, согласно «Уставу», производилось имперскими судебными органами – Окружными приказами. «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г. предусматривалось учреждение в округах, состоящих из 15–20 волостей Средней орды, окружных приказов, которые

[231] Высочайше утвержденный Устав о Сибирских киргизах (22 июня 1822 г.) // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 38 (1822). № 29127. С. 417–433.

[232] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Нормативно-правовая база реформирования традиционной судебной системы казахского общества в XIX в. // Вестник алтайской науки. 2013. № 1. С. 78–82.

наряду с административными выполняли важные судебные функции. Окружной приказ приобрел значение уездного суда (Устав 1822 г., § 210). Состав суда Окружного приказа был определен в пять человек: председатель и «два российских заседателя, определяемых областным начальником, и два заседателя из почетных киргизов, по выбору» (Устав 1822 г., § 20)[233]. К подсудности приказов относились все дела об измене, убийстве, разбоях, барымте, захвате русских в плен, а также антиправительственных выступлениях. Устав 1822 г. четко определял процедуру уголовного процесса и подчеркивал, что «дела уголовные решаются на основании общих государственных узаконений и по большинству голосов». Все решения по уголовным делам поступали на ревизию в областной суд[234].

Важное значение в судебной системе региона сохранял суд биев, опирающийся на нормы адата. Согласно § 17 Устава, «для судных разбирательств в аулах и волостях нынешние почетные киргизы, называемые биями, удерживают свое значение и название»[235]. Причины сохранения бийского суда в системе судопроизводства объяснялись государственной властью на протяжении XIX в. политическими интересами Российской империи. Так, в выписке из объяснительной записки Степной комиссии к проекту Положения об управлении в казахских степях 1867 г., отмечая важность введения Устава 1822 г. подчеркивалось, что «разделение киргизов на волости и аулы, и предоставление народу выборного права повело постепенно к ослаблению родового начала. Оставление за киргизами разбирательства исковых дел судом биев успокоило и значительно ослабило неудовольствие народа, привыкшего к необузданной свободе и потому не могшего равнодушно смотреть на новые порядки, во многом стесняющие его своевольство»[236].

---

[233] Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Санат», 1996. С. 401.

[234] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Нормативно-правовая база реформирования традиционной судебной системы казахского общества в XIX в. // Вестник алтайской науки. № 1/2013. С. 79.

[235] Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Санат», 1996. С. 401.

[236] ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 10–16.

Однако полномочия биев были значительно сокращены: из трех категорий преступлений, определяемых Уставом 1822 г. – уголовные, жалобы на управление и исковые – в компетенции традиционного суда остались только последние. Передача дел «по жалобам на управление» в введение общеимперского суда предоставила право казахам обращаться с претензиями на представителей административной власти в вышестоящие инстанции. Так, на аульных старшин с жалобами можно обращаться к волостным управителям и в Окружной приказ, на волостных управителей к окружному начальству и т.д.

Таким образом, из компетенции народного суда были изъяты наиболее серьезные преступления, а основная масса правонарушений была отнесена к исковым и оставалась в ведении бийского суда. Суды биев подразделялись на инстанции: родовые, подродовые и аульные. Устав 1822 г. фиксировал нормы традиционного судопроизводства. В частности, исковые дела разбирались в аулах и волостях (§215), словесно, «по киргизским законам и обычаям» (§216), решение приводилось в исполнение на месте (§217). При этом, казахам было предоставлено право, в случае несогласия с решением суда биев, обращаться при наличии доказательной базы в имперские судебные органы (§218). С точки зрения логики авторов Устава, данный механизм должен был со временем нанести удар по положению и роли традиционного суда биев в казахском обществе, поскольку свои решения последние часто выносили необъективно, особенно в вопросе назначения наказания – штрафа, выплачиваемого скотом. Однако, по мнению ряда исследователей, подобная политика, серьезно дискредитировала российские власти даже в глазах признающих их султанов и родовых старейшин: преобладающая часть казахского населения предпочла по-прежнему прибегать к суду биев[237].

[237] Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). Апрель. С. 55.

Исследователи признают, что несмотря на сохранение народного суда как элемента судебно-правовой структуры, Устав 1822 г. существенно осложнил положение биев. Авторитет, которым пользовались они в казахском обществе, был поколеблен[238]. Введение выборного начала для биев с последующим утверждением государственной властью открыло, по мнению С. Зиманова, путь к бийским должностям большому числу лиц, создало своеобразную систему двоевластия в родовых отделениях: наряду со старыми биями появились «избранные» бии. Также заметно снизились требования к личным качествам лиц, претендующих на звание бия. Теперь нередко можно было встретить среди биев «невежд и весьма недалеких людей, единственным достоинством которых было богатство»[239]. Связь бийских судов с официальными органами власти и надзор за их деятельностью со стороны последних со временем привели, по мнению Н.Е. Бекмахановой, к фактическому огосударствлению значительной их части. Постепенно бии начали превращаться в разновидность местных государственных чиновников, что было закреплено в последующих законодательных реформах[240].

Согласимся с оценкой реформы 1820-х гг. Ж. Мажитовой как некой «точки отсчета», которая обусловила долгий путь трансформации суда биев, его встраивание в российское соционормативное поле[241].

В 1827 г. для выявления анализа состояния дел в Западной Сибири была назначена сенаторская ревизия В.К. Безродного и князя В.А. Куракина. Безусловно, материалы сенаторских ревизий выступают важным источником для изучения организации региональной системы власти. Более того, по мнению ряда исследователей, сенаторские ревизии в Российской империи являлись важным инструментом управления, выполняя функции высшего

[238] Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. Алма-Ата: «Казак университеті», 1992. С. 123.

[239] Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. С. 197.

[240] Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. Москва: Наука, 1980. С. 231.

[241] Мажитова Ж.С. Разработка теоретико-методологических подходов в дореволюционной историографии института биев // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 295.

надзора и контроля[242]. Инструкции сенаторам-ревизорам предполагали сбор сведений о разных сторонах жизни населения и деятельности местных органов управления, в т. ч. и о том, «нет ли каких-либо от местных начальств народу притеснений, безгласных налогов, также жестокости в употреблении власти» [243] . В частности, одной из задач, стоявших перед сенаторской ревизией Безродного и Куракина было определение эффективности внедрения Устава 1822 г. и сбор сведений о традиционном праве казахов. В связи с чем, Главному управлению Западной Сибири было поручено провести «собрание диких законов киргизских» среди казахского населения Омской области, Томской и Тобольской губерниях, что частично было выполнено[244].

В процессе подготовки материалов и сбора сведений для сенаторов Безродного и Куракина, чиновники Главного управления Западной Сибири отметили и одну из важных проблем, с которой столкнулись региональные власти в процессе введения в действие Устава 1822 г., а именно недостаток квалифицированных административных кадров. В одном из обращений к сенаторам, региональная администрация подчеркивала, что «при введении нового управления в Сибири генерал-губернатор не мог не чувствовать недостатка в чиновниках с такими достоинствами, кои предполагаются для каждой степени службы, но должен был согласиться на определение таковых, каковы есть, дабы от незамещения мест и должностей не встретить затруднений» [245] . Безусловно, кадровый дефицит, незнание чиновниками местных обычаев, норм и порядков, незнание казахского языка, приводили к снижению эффективности предпринятых М.М. Сперанским реформ.

---

[242] См. подробнее: Блинов И.А. Отношение Сената к местным государственным учреждениям в XIX веке. СПб., 1911; Паина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. Л., 1967; Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.

[243] Матханова Н.П. Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И.Н. Толстым («Дневник» В.Д. Философова и письма Н.М. Голицына) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 57.

[244] РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 4. Л. 112.

[245] РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

В мае 1828 г. сенатор Б.А. Куракин предоставил в Сибирский комитет записку о результатах ревизии Западной Сибири и введении в действие Устава о сибирских киргизах 1822 г.[246], в которой, при признании его важности, выразил скептическое отношение к положению графа М.М. Сперанского. Князь Куракин отмечал, что «…ни дух киргизского народа, ни степень зависимости его от России, ни самая опасность от сего народа предполагаемая не требовали той внезапности, с какой введен в действие Устав о киргизах, и тех средств, какие были употреблены к поддержанию онаго»[247].

Оценивая проведение реформ отчасти преждевременным, сенатор исходил из того правительственного курса, который был реализован в отношении казахов на протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. «До введения в действие сего Устава влияние Русского правительства на киргиз-кайсацкую степь вообще ограничивалось ласканием и покровительством тех султанов и волостей, которые сего искали, защитою от баранты и посредничеством в распрях. – писал князь Куракин, – Некоторые султаны, называя себя подданными России, по своему домогательству возводились Российским Двором в достоинство хана, как то Аблай и Вали; но решительного, безусловного и всеобщего подданства России киргизы не принимали. В самом покровительстве их, нередко сопряженном с некоторыми пожертвованиями, Правительство руководилось чистым великодушием и кротостию, желая сими единственно способами привлечь киргизов к своим видам… Киргизы есть народ еще не созрелый к постоянному гражданскому порядку и вольнолюбивый; самая покорность их своим султанам и старейшинам основывается более на ожидаемых случайных выгодах, нежели на убеждении в необходимости подчинить себя порядку…»[248].

[246] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 339. Л. 9 – 68 об.
[247] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 339. Л. 35 об. – 36.
[248] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 339. Л. 34 – 34 об.

При этом, Куракин, признавал значимость самой реформы и говорил о необходимости исполнения русскими чиновниками в Степи утвержденной в Уставе 1822 г. системы судопроизводства, что будет способствовать, по его мнению, усилению позиции России в этом обширном регионе. В процессе внедрения новых судебных институтов и норм среди казахов, князь Куракин предлагал действовать крайне осторожно и умеренно. В этом отношении он соглашался с мнением генерал – губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича, который одним из распоряжений постановил: «1) предписать обоим окружным Приказам, чтобы не отвергали ни каких просьб от киргизов, а делали возможное удовлетворение даже и в округ не вошедшим. …3) передать во всеобщее сведение по Области, что буде киргиз обратится к кому бы то ни было с просьбой о разобрании спора, то всякий может удовлетворять просителя, исключая дел уголовных». Но при этом, сенатор Куракин говорил о необходимости избегать принуждения казахов рассматривать исковые заявления в русском суде и «строго запретить всякому, особенно чиновникам, власть имеющим, домогаться подобного разбирательства», а также «подтвердить местному начальству иметь в обращении с киргизами дух умеренности, кротости и снисхождения» [249].

Безусловно, при всей важности проводимых реформ, преобразования судебной системы по Уставу 1822 г. не были восприняты единодушно. По мнению ряда исследователей, нововведения осложнили и затянули сам судебный процесс. В результате реформы, по мнению Е.Б. Бекмаханова, с разбором судебных дел казахов стала происходить невероятная путаница. Судебные дела накапливались сотнями и лежали без движения[250].

Дальнейшие шаги в реформировании судебно-правовой системы казахского общества были предприняты в 30-е гг. XIX в. Важно отметить, что проводимые в казахской степи преобразования отражали в целом внутриполитический курс Николая I, который уделял значительное внимание

[249] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 339. Л. 62–63, 70.
[250] Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. Алма-Ата: «Казак университеті», 1992. С. 123.

модернизации российского права и упорядочению судебной практики. Именно при Николае I были более четко определены компетенции судебных и судебно-административных органов, создан первый в России Уголовный кодекс[251].

В 1837 г. было утверждено Положение Сибирского комитета о распространении на казахов Сибирского ведомства положения 22 июня 1837 г., согласно которому сибирские кочевые и бродячие инородцы за преступления и правонарушения в русских селениях и городах подчинены имперскому суду с производством по общеимперским законам. В связи с чем, Омское областное начальство выступило с предложением проецировать действие положения 1837 г. на казахов, совершивших правонарушение или преступление во время пребывания их во внутренних округах. Сибирские власти подчеркивали, что сохранение подобных дел в компетенции суда биев ставит в невыгодное положение русское население, которое вынуждено будет для этого «отправляться в дальние места степи и вверятся неизвестным обычаям» [252] . Тогда же царским указом было утверждено «мнение» Государственного совета о том, что казахи за измену, неповиновение властям, убийство, грабеж и барымту подлежат имперскому суду[253]

О дальнейшей «трансплантации» общеимперских судебных институтов в судоустройство казахов свидетельствует принятие «Положения об отдельном управлении сибирскими киргизами» 1838 г., согласно которому общее управление сибирскими казахами осуществляли пограничный начальник, председатель Пограничного управления, четыре советника (один из казахов), стряпчий казенных и уголовных дел и канцелярия. Руководство казахским населением являлось компетенцией Пограничного управления,

[251] Анисимова И.В. Развитие судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 3. С. 93–97; Ружицкая И.В. Судебное законодательство Николая I (работа над Уголовным и Гражданским уложениями) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 41–57.

[252] О распространении на Сибирских киргизов положения 22 июня 1837 года, коим определено судить Сибирских кочевых инородцев за преступления и проступки в русских городах и селениях учиненных, на основании общих законов // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 12. 1837. № 10796. С. 1009–1010.

[253] Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 26.

которое соединяло в себе функции губернского правления, казенной палаты и губернского суда, руководствовалось в своей деятельности ответствующими узаконениями для внутренних губерний и имело в своем составе три отделения: исполнительное, хозяйственное и судное [254]. В середине XIX столетия юстиция Западной Сибири подверглась основательным проверочным испытаниям, связанным, прежде всего, с крупной ревизией Западной Сибири членом Государственного совета генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым, который детально изучил состояние управления Сибирью по «Сибирскому учреждению» 1822 г., в частности положение местной юстиции, подвергнув ее состояние резкой критике [255]. После ознакомления с отчетом сенатора император Николай I принял решение возобновить деятельность Сибирского комитета с подчинением последнему территории не только Сибири, но и Степного края. По мнению А.В. Ремнева, «решение усложнившихся задач сибирского управления потребовало принятия мер к объединению усилий всех ведомств, большей скоординированности в действиях центральной и местной администраций»[256].

Непосредственной частью реализации задач, связанных с введением Устава о сибирских киргизах 1822 г. явилась необходимость кодификации норм казахского обычного права. Решение этого вопроса было возложено на Комитет при Пограничном управлении Сибирскими казахами, который должен был собрать полные и подробные сведения о законах и обычаях традиционного казахского общества. В 1853 г. предварительный проект свода «Степных законов для сибирских киргизов», был передан на рассмотрение генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду. Глава региона, однако, нашел, что «проект этот неполон, составлен не по

[254] Васильев Д.В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4(73). С. 10.

[255] Крестьянников Е.А. Правосудие в Западной Сибири (XIX – начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения. Тюмень, 2018. С. 20.

[256] Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 256.

надлежащей системе и содержит в себе некоторые правила, не основанные ни на какой достоверности», статьи составлены «не заботясь о том, свойственны ли они духу законов киргизских и нет ли в них противоречия с собранными преданиями»[257]. Г.Х. Гасфорд направил проект на доработку, с обязательным условием привлечения к составлению свода законов «лучших людей киргизского племени».

За основу проекту Г.Х. Гасфорд предложил взять порядок составления «Степных законах для кочевых инородцах Восточной Сибири», а затем для обсуждения составленного проекта пригласить в Омск Акмолинского и Баян-Аульского старших султанов и по одному заседателю из числа казахов Кокчетавского и Каркаралинского окружных приказов. В заключении подчеркивалось также, что необходимо значительно расширить источники для составления Свода законов. Предварительный проект 1853 г. опирался на проект 1825 г., который уже в 1837 г. был признан Советом Главного управления «не заслуживающим доверия»; а также, сведения, собранные среди казахов Кокчетавского, Аягузского, Баян-Аульского и Акмолинского округов, не принимая во внимание сбор и изучение норм традиционного права в других округах. В 1854 г. переработанный проект был представлен на рассмотрение Пограничному начальнику. Однако, окончательной реализации проекта так и не произошло.

Тем не менее, частичные преобразования в системе судопроизводства региона осуществлялись. Так, в январе 1854 г. в МВД рассматривалось дело об открытии городового суда в г. Семипалатинске. Городовой суд относился к судам первой инстанции по гражданским и уголовным делам городских сословия, необходимость его открытия была вызвана, по мнению генерал-губернатора Западной Сибири тем, что значительно усилилась роль Семипалатинска в региональной торговле, увеличилась численность населения города, а, следовательно, «круг деятельности городового

[257] ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 187. Л. 1, 12 об.

управления значительно расширился» [258] . После рассмотрения дела в министерстве юстиции и МВД, которые поддержали проект преобразования, Сибирский комитет утвердил учреждение городового суда, на что было получено высочайшее утверждение Николая I[259].

Важным этапом реформирования судебной системы, в связи с этим, стало принятие 19 мая 1854 г. «Положения об управлении Семипалатинской областью». Согласно «Положению» областному правлению были даны функции палаты уголовного суда, а в каждом из четырех округов области учреждались окружные приказы, сочетавшие административные и судебные функции и рассматривавшие уголовные дела. В качестве представителя прокурорского надзора в области назначался стряпчий казенных и уголовных дел[260].

Завершающим преобразования судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. стал указ Николая I о распространении на казахов общих законов Российской империи от 22 июня 1854 г.[261] За уголовные правонарушения (измена, убийство, барымта, подстрекательство против государственной власти, неповиновение властям, преступления по должности, подделка государственных кредитных бумаг, поджог), совершенные в местах кочевий, а также за правонарушения, совершенные в городах и селениях, казахи приговаривались к наказаниям по общим законам империи. Мелкие преступления, а также возникающие между казахами гражданские дела рассматривались на основе обычного права в суде биев.

Одним из важнейших нововведений стало придание званию биев выборного характера. Согласно указу, звание бия «может быть предоставляемо только султанам, аульным старшинам, служившим не менее 6 лет, и вообще лицам, всемилостивейше чем-либо награжденным или

---

[258] РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 15. Л. 2.

[259] РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 15. Л. 8.

[260] Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 27.

[261] Указ императора Николая I о распространении на казахов общих законов Российской империи от 22 июня 1854 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/261-280/261.htm

отправлявшим какие-либо должности, правительством утверждаемые, и не иначе как по выборам общества и с утверждения окружным приказом».

Постепенно на казахское население началось распространение имперских правовых норм. В 1854 г. было принято «Утвержденное положение Сибирского комитета о распространении на казахов Сибирского ведомства общих законов Российской империи», согласно которому бии должны были разбирать дела на основании Свода гражданских законов Российской империи и постановлений об управлении Сибирской губернии. Также, Положением Сибирского комитета от 19 мая 1854 г. на казахов распространялось право «удалять из своей среды, по общественным приговорам, порочных членов и отдавать их в распоряжение правительства». Положение закрепило принципы формирования бийского суда, состав которых до того выбирался случайно, а по новым правилам должен был пополняться из числа лиц, избираемых населением и утверждаемых в этом звании правительственною властью. Положением Сибирского комитета от 3 июня 1858 г. за казахами закреплялось право, подобно крестьянским обществам, сдавать в аренду отведенные им земли, Положением от 8 августа 1858 г. казахам разрешалось принимать в свою среду новых членов.

Таким образом, к середине XIX в. первая модель реорганизации судебной системы в Степном крае получила свое оформление. Устав о сибирских киргизах 1822 г. заложил новые принципы судебной политики в регионе, сформировал контур судебной системы и стал важным этапом в инкорпорации традиционного суда в общеимперское правовое пространство.

Проблемы эффективности созданной в Степном крае судебной системы были обусловлены не только особенностями региона, но и состоянием судоустройства и судопроизводства в Российской империи первой половины XIX в. В.А. Томсинов, один из исследователей дореформенной имперской юстиции подчеркивает, что судебная система, существовавшая в Российской империи до середины 60-х гг. XIX в. была громоздкой и хаотичной. Нижний ее уровень составляли земские суды, уездные суды, надворные суды,

магистраты, ратуши, словесные суды, сиротские суды, волостные расправы, сельские расправы; средний уровень – палаты гражданского и уголовного суда, совестные суды. Высшей судебной инстанцией являлся Правительствующий сенат [262] . Общеимперская система дополнялась региональными вариантами. Несмотря на предпринимаемые шаги, к середине XIX в. единой судебной системы в России так и не сложилось.

Рассмотренные практики судоустройства: для казахов Оренбургского края и казахов степных областей Западной Сибири, позволяют говорить о поисках государственной властью оптимальной модели судебно-правовой системы региона. В целом, к середине XIX в. судебная система казахов, в большей степени, была приближена к общеимперскому судоустройству и приобретала административно-управленческий характер.

Но, сложности в реализации выявленных моделей заключались в характерном для имперской политики в регионе патернализме, который не способствовал коренной ломке традиционных судебных институтов и затруднял процесс интеграции казахского общества в общеимперское правовой пространство.

[262] Томсинов В.А. Судебная система Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам законодательных актов) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2016. № 3. С. 3.

Глава 2. Нормативно-правовые основы развития судебной системы Степного края во второй половине XIX в.

2.1. Преобразования судебной системы Степного края в 60-е гг. XIX в.

В 60-е гг. XIX в. Российская империя вступила в эпоху радикальных перемен. Одним из важнейших преобразований в государстве стала судебная реформа 1864 г., которая вводила основы буржуазного судопроизводства в России. Согласимся с оценками исследователей, что важность и уникальность Судебных уставов 1864 г. определялась не только статусом судоустройственного и процессуального закона, но и их идейным и политическим содержанием, их «конституционным потенциалом». По мнению К.А. Краковского, Уставы «внесли радикальные изменения не только в судебный строй, но и в целом в государственную систему, придав ей отчасти <…> вид «государства, стремящегося к правовому»» [263]. Действительно, реформа 1864 г. закрепила феномен прогрессивного суда и обусловила переход российского общества на новый уровень правовой культуры [264]. В зарубежной историографии также встречаются оценки судебной реформы как «радикальной, новаторской и технически успешной». По мнению Т. Тарановского, новая институциональная и процессуальная структура системы судопроизводства представляла собой явный разрыв с предшествующей правовой традицией, а также пример творческой адаптации всех лучших достижений юриспруденции и судебной практики западноевропейских стран[265].

[263] Краковский К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 19.

[264] Немытина М.В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. // Государство и право. 2015. № 5. С. 92.

[265] Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Издательство Московского университета, 1992. С. 305.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. законодательно закрепили те принципы правосудия, которых в дореформенной России не было и не могло быть места. Речь идет о принципах судоустройства и судопроизводства. К первым относятся всесословность, юридическое равенство перед законом и судом, отделение суда от администрации, несменяемость судей, введение суда присяжных заседателей, присяжной адвокатуры как участника судебного процесса. Ко вторым принципам — устность, гласность, публичность, состязательность, свободная оценка доказательств[266].

Не останавливаясь подробно на содержании реформы 1864 г. (этот вопрос получил подробное осмысление в историографии[267]), необходимо отметить, что в результате ее реализации в России были учреждены суд присяжных, выборный мировой суд, адвокатура, реорганизована прокуратура. Создавалось два уровня судебной системы: местные и общие суды. К местным относились: волостные суды, мировые судьи и съезды мировых судей. К общим - окружные суды, учреждаемые для нескольких уездов; судебные (по гражданским и уголовным делам) палаты, распространявшие свою деятельность на несколько губерний или областей, и кассационные (по гражданским и уголовным делам) департаменты Сената.

Однако, признавая прогрессивность реформы, подчеркнем, что ее реализация в Российской империи приняла специфические формы и не носила единовременный характер[268]. Проведение реформы растянулось на несколько десятилетий. Если в центральных областях России внедрение новой модели судебной системы началось в 1866 г., то в центральноазиатских окраинах империи она была приведена в соответствие с

[266] Биюшкина Н.И. Принципы правосудия по судебной реформе 1864 года в Российской империи // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 103.

[267] О проведении судебной реформы 1864 г. см. подробнее: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1969; Коротких М.Г. Судебная реформа в России // Вопросы истории. 1987. № 12. С. 20–34; Коротких М.Г. Самодержавие и Судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989; Краковский К.П. Проведение судебной реформы 1864 г. в России. Ч. 2 (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. С. 18–30.

[268] Деревскова В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 21–28.

Судебными уставами 1864 г. лишь в 1898 г. Позднее, министр юстиции Н.В. Муравьев, оценивая результаты реформы признавал, что «значительно отошли от первоначального типа нового суда постановления о применении его к окраинам, отличавшиеся чрезвычайным и чрезмерным разнообразием. Замедлилось и территориальное расширение судебной реформы, встречавшее различные препятствия и отодвинутое на десятки лет вместо того, чтобы завершиться, как сначала предполагалось, вскоре по издании судебных уставов»[269]. Судебная реформа 1864 г. так и не привела к единству судебной системы в России. Сохранялись волостные суды, церковные суды, суды для инородцев, действующие на основе обычного права[270]. Особенно отчетливо отсутствие унификации проявилось в национальных имперских окраинах, в том числе, Степном крае.

Особенности проведения судебной реформы в Российской империи были обусловлены региональной спецификой, разнородным этнокультурным составом, критериями социально-экономического развития и административного управления территорий. Особый тип судебной системы сложился в центральноазиатских окраинах империи, где начиная с Устава 1822 г., в судебно-правовом пространстве преобладающее значение отводилось народному суду и нормам обычного права, основанным на адате либо шариате. Отличие традиционных правовых норм казахского общества от юридических принципов, утвержденных законом и распространенных в правовом пространстве Российской империи, невозможность их инкорпорации в общеимперское правовое пространство были очевидны с момента присоединения степных областей к России[271]. Однако, в силу особого статуса Степного края, его обширности, малочисленности восточнославянского населения, центральные власти долгое время

[269] РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

[270] Дорская А.А. Судебная реформа 1864 года: проблема единства судебной системы // Платон. 2015. № 2. С. 14–17.

[271] Васильев Д.В. Аберрация взаимодействия: ложно понятые смыслы российско-казахских реалий XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 1 (75). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://history.jes.su/s207987840002320-1-1/.

отказывались от кардинальных преобразований его судебной системы и пошли по пути включения в имперскую юстицию институтов и норм обычного права. Эти обстоятельства обусловили решение об исключении Степных областей из сферы распространения Судебных уставов 1864 г. и отказе от импорта в регион общеимперских судебных институтов.

Однако правительство, приняв решение не вводить в регионе Судебные уставы, в то же время понимало важность и значимость формирования в Степном крае имперской судебной власти. В связи с этим, имперское управление не отказалось от идеи модернизации судебной системы региона. Реформы судоустройства и судопроизводства стали неотъемлемой частью модернизации системы управления степных областей.

В 60-е гг. XIX в. в Степном крае произошли серьезные изменения, связанные с образованием новых административно-территориальных единиц – Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств. Сложившаяся к этому времени конфигурация судебной системы не отвечала потребностям и более не соответствовала характеру правовых отношений. Согласимся с мнением исследователей, что в целом, разработанные и реализованные на окраинах государства механизмы формирования и функционирования имперской администрации, обеспечили относительно мирное инкорпорирование нерусских регионов в единое общеимперское пространство[272].

Основополагающим стало принятие в 1868 г. «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях»[273], действие которого вводилось в качестве опыта на два года, однако в реалии затянулось на более длительный срок. Области имели разное административное подчинение. Уральская и Тургайская области входили в состав Оренбургского генерал-губернаторства, Акмолинская и

[272] Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 6. С. 61–75.

[273] Далее «Временное положение».

Семипалатинская области – Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Отдельные аспекты реформы 1868 г. получили достаточное освещение в историографии[274]. Согласимся с мнением Д.В. Васильева, что «Временное положение» стало важной вехой на пути сближения казахской степи с остальными частями Российской империи[275].

Неотъемлемой частью «Временного положения» стала реорганизация региональной юстиции. При этом, речь шла не о введении Судебных Уставов 1864 г., а лишь о формировании регионального варианта имперской судебной системы. Частично вопрос об организации судоустройства и судопроизводства Степного края по «Временному положению» критически осмыслен[276].

Предтечей реформы управления степными областями стала работа особой комиссии под председательством члена Совета министра внутренних дел тайного советника Ф.К. Гирса, которая в историографии получила название Степной[277]. Цель работы комиссии заключалась в изучении особенностей развития Степного края и основ традиционной системы управления. Собранные материалы должны были стать основой проекта преобразований системы управления регионом. Значительное внимание

[274] Сулейменов Б.С. Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867–1868 гг. // Вестник АН Казахской ССР. 1951. № 2. С. 118–126; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. [С.Г. Агаджанов], В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998; Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014; Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

[275] Васильев Д.В. Россия в Центральной Азии XVIII–XIX вв.: влияние целей и характера присоединения на систему управления // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России: сборник научных статей. Омск: Издательство Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 2021. С. 600–614.

[276] Анисимова И.В. Судебно-правовая система Степного края в пореформенный период: опыт взаимодействия традиционных начал и общеимперских институтов и норм права // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 8 (82); Она же. Имперская судебная политика в центральноазиатских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 207–228; Анисимова И.В. Модернизация судебно-правовой системы имперских центральноазиатских окраин: основные направления и результаты // Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов: монография / отв. ред. Ю. А. Лысенко [и др.]. – Барнаул : Азбука, 2021. – С. 33–52; Свечникова Л.Г. Государственно-правовая политика в национальных окраинах Российской империи // Платон. 2013. № 1. С. 22–29.

[277] Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

Степная комиссия уделяла вопросам судоустройства и судопроизводства в степных областях.

Необходимо отметить, что внимание к судебной системе Степного края было актуализировано в начале 60-х гг. XIX в. в связи с процедурой подготовки общеимперской судебной системы, важной частью которой стала разработка и утверждение императором Александром II в 1862 г. «Основных положений преобразования судебной части в России» [278] . В 1863 г. государственный секретарь В.П. Бутков, обратился к генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю с просьбой изучить «Основные положения» и сообщить «какие изменения и дополнения в общих для империи основных положениях преобразования судебной части необходимо сделать при применении оных к судебным учреждениям Западной Сибири и находящимся там казачьим войскам и инородцам»[279]. А.О. Дюгамель, в свою очередь, для вынесения взвешенного мнения, предложил выяснить отношение к планируемым преобразованиям как представителей казахской элиты: казахских султанов и почетных биев, так и казахского общества в целом. В состав комиссии 1863 г. для сбора материалов в Степных областях были включены советник Областного правления сибирских киргизов И.Е. Яценко и Ч.Ч. Валиханов. Последний был выбран генерал-губернатором Западной Сибири не случайно, так как в своей научной деятельности он уделял значительное внимание вопросам казахского права[280].

В 1864 г. Ч.Ч. Валихановым была подготовлена «Записка о судебной реформе», в которой подчеркивалось, что модернизация судебной системы неразрывно связана с изменениями «административного строя» и направлена на утверждение эффективного и рационального управления в регионе. В то

[278] Высочайше утвержденные основные положения преобразования судебной части в России. Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 29 сентября 1862 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. 1862. Т. 37. № 38761. С. 145–174.

[279] Отношение Главного управления Западной Сибири военному губернатору Области сибирских киргизов от 13 мая 1863 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 116.

[280] Почекаев Р.Ю. Ч.Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. С. 333–342.

же время, Валиханов был убежден, что «преобразования, проектированные для христианского и оседлого русского населения … не принесут никакой пользы и будут бессмысленны, если будут всецело применены к кочевым и бродячим инородцам Европейской и Азиатской России» [281]. Собранные в степных областях и предоставленные в Омск материалы были противоречивы. Они свидетельствовали о потребности и желании казахского общества в сохранении традиционных судебных институтов. Но, с одной стороны, казахская элита подчеркивая, что суд биев «по духу своему совершенно согласен с учреждениями о мировых судьях», высказывалась за частичную модернизацию института, в разделах затрагивающих роль и положение биев в судоустройстве. С другой стороны, и этой позиции придерживался Ч.Ч. Валиханов, «желание большинства народа было выражено в пользу древнего суда биев без всяких изменений и дополнений»[282].

В итоге, расхождение позиций было очевидным и не соответствующим общему направлению имперских преобразований. В связи с чем, генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель, проигнорировав мнение Валиханова, опирался в своем представлении генеральному секретарю на предложения султанов и биев нескольких округов, ратующих за частичное преобразование судебной системы Степного края. Материалы, собранные в 1863 г. не получили дальнейшего распространения, но они свидетельствовали об обсуждении проблемы реформирования судебной системы региона на всех уровнях власти.

Необходимость проведения полномасштабной реформы в степных областях предопределило основное направление деятельности Степной комиссии 1865 г. Комиссия, направленная в Туркестанский край и степные области собрала обширный материал, в том числе о традиционных правовых

[281] Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 77.

[282] Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 95.

нормах и работе традиционных судебных институтов. Анализ материалов позволил Комиссии выработать основные начала преобразования судебной части степных областей: «1. Восстановление народного суда в размерах, проектированных Положением; 2. Преобразование русского суда на началах, согласованных с местными условиями и характером народа; 3. Подчинение общему суду всех обывателей степи, за исключением киргизов; 4. Предоставление киргизам права обращаться для разбора дел между собой к русскому суду». В целом, Комиссия пришла к заключению о необходимости введения в степных областях «одинакового управления, с определенной целью постепенного слияния киргизских степей, с прочими внутренними частями России»[283].

Наряду с подготовкой реформы управления степными областями, в регионе на протяжении 60-х гг. XIX в. предпринимались частичные меры, свидетельствующие о стремлении имперских властей усилить модернизационные начала в системе управления центральноазиатскими окраинами, в том числе в судебной системе. Так, законом 4 апреля 1861 г. установлен ценз и порядок избрания волостных управителей, причем правом этим могли пользоваться не только султаны, но и рядовые казахи, если они отвечали цензовым требованиям. В 1864 г. на казахов за преступления, связанные с «несправедливыми доносами и ложными показаниями при следствии» было распространено действие общеимперских законов. Наконец, законом 21 ноября 1866 г. на казахов была распространена паспортная система, установленная для крестьян[284].

В 1867 г., на основании Положения Сибирского комитета 1864 г. о упразднении городовых судов и ратуш (как дореформенных институтов) Томской и Тобольской губерний и передаче их дел в окружные суды и городские думы, был закрыт Семипалатинский городской суд с передачей

[283] Объяснительная записка к Положению об управлении в Степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств. Б.м., 1868. С. 21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elib.osu.ru/handle/123456789/2859

[284] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 29.

его дел и функций в ведомство Семипалатинского окружного приказа (в связи с отсутствием в области окружных судов) [285] . Необходимость реорганизации была обусловлена неудовлетворительным характером работы городового суда, непрофессиональным личным составом, «не могущим по недостатку образования добросовестно и правильно рассматривать незначительное число подсудных ему дел», сложностями при формировании состава суда, так как «население Семипалатинска, в особенности купечество, состоит из татар, по большей частью не знающих русского языка и обегающих, всеми средствами, общественную службу» [286] . К тому же, реорганизация городового суда «есть только дальнейшее последовательное развитие законодательной меры». В результате рассмотрения вопроса в центральных ведомствах: Министерства юстиции, МВД, Государственном совете, преобразование было утверждено.

Однако основные изменения судебной системы были связаны с реформой 1868 г. Для окончательного уточнения проекта реформы административного управления Степных областей в марте 1867 г. был создан Комитет во главе с военным министром Д. Милютиным. 11 июля 1867 г. было издано «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях», 21 октября 1868 г. утверждено «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» [287].

Согласимся с мнением исследователей, что Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 1868 г. стало важным этапом сближения центральноазиатских окраин с остальными частями Российской империи. Ликвидация специфических областных управлений казахами, унификация их администрации в рамках областей, близких уже к общероссийским

[285] РГИА. Ф. 1149. Оп. 7–1867. Д. 50. Л. 5 об. – 6.
[286] РГИА. Ф. 1149. Оп. 7–1867. Д. 50. Л. 5 об. – 6.
[287] Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Т. V. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 441–463.

губерниям, введение общегосударственных учреждений и институтов свидетельствуют о завершении реализации в казахском регионе принципов прямого управления и форсировании адаптации региональных административных систем (оренбургской и западносибирской) к общеимперской[288].

В результате принятия в октябре 1868 г. «Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» [289] судебная система была реорганизована, но приобрела сложную конфигурацию. Ее основу составили дореформенные судебные институты, частично были внесены элементы общеимперской юстиции и норм права, сохранен традиционный суд биев у казахов. Низовыми судебными инстанциями для русских переселенцев выступали волостные суды, для жителей казачьих станиц - станичные суды. Важным стало утверждение ведения судопроизводства по общеимперским законам.

Судебные учреждения, действующие на основании общеимперских законов, были представлены: уездными судьями, учрежденными по одному на каждый уезд; военно-судными комиссиями и областными правлениями. Высшей судебной инстанцией, по аналогии с остальными регионами Империи выступал Правительствующий Сенат[290].

Уездным судьям были подсудны, на правах мировых судей по судебным уставам 20 ноября 1864 г., уголовные дела по проступкам и преступлениям, за которые наказание не сопряжено с лишением или ограничением прав состояния, а также гражданские дела ценностью до 2000 р. Окончательными признавались решения уездных судей по гражданским делам на сумму не свыше 100 р. и приговоры, присуждавшие виновных к

[288] Васильев Д.В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4 (73). С. 5–21.

[289] Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Т. V. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 441–463.

[290] РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084. Л. 4.

внушению, замечанию, выговору, денежному взысканию до 100 руб. и аресту до 3 дней.

Областные правления принимали апелляционные жалобы на решения уездных судей по делам на сумму выше 100 р. Областные правления в своих решениях руководствовались правилами Уставов уголовного и гражданского судопроизводств. В степных областях обжалование решений и приговоров областных правлений по делам мировой подсудности вплоть до 1871 г. происходило в Правительствующем Сенате. Но, решениями Сената от 20 августа и 14 октября 1871 г. обжалование решений областных правлений в Сенате более не производилось.

Гражданские дела на сумму более 2000 руб. были отнесены во всех областях Степного края в ведение Областных правлений, которые при рассмотрении выступали в качестве судов первой инстанции по правилам Законов о судопроизводстве и взысканиях гражданских. В Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях Областным правлениям были подведомственны также уголовные дела, превышающие круг полномочий уездных судей[291]. Особая категория преступлений: дела об измене, сопротивлении правительству и властям, убийстве должностных лиц и т.п. входили в компетенцию военно-судных комиссий. Апелляционные жалобы на решения и приговоры областных правлений переходили в судебные департаменты Правительствующего Сената.

Производство следствий по делам, превышавшим подсудность мирового судьи, возложено было на уездных судей, которые таким образом, совмещали в себе судебную и следственную власть. В Акмолинской, Уральской, Тургайской и Семипалатинской областях были учреждены должности областных прокуроров с правами и обязанностями губернского прокурорского надзора на общем основании.

[291] Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.). Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Т. V. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 441–463.

В то же время, Временное положение 1868 г. сохранило, с внесением определенных корректив, и неформальные институты судебной системы, представленные народным судом биев и нормами адата, что было обусловлено осторожностью и взвешенностью в подходах реформирования Степного края. В правительственных кругах превалировало убеждение, что практика включения традиционных институтов в общеимперскую судебную систему позволит снизить напряженность и противостояние казахского населения проводимым в Степи административным и социальным реформам, избежать изменений и подъема антироссийских настроений[292]. Но в целом, в пореформенный период трансформация народных судов в Степном крае, была сложным и противоречивым процессом[293]. Для 60-х гг. XIX в. характерно усиление российского контроля над судами биев, частичная интеграция института в систему региональной юстиции, представление суду биев компетенций низшего звена судоустройства Степного края. Можно утверждать, что именно в указанные годы народный суд был подвергнут наиболее значительным изменениям. Компетенциям народного суда и его месту в региональной судебной системе посвящены §§ 135–167 Временного положения 1868 г.

Важнейшим нововведением стали выборы биев и утверждение их в должности военными губернаторами областей Степного края. Бии выбирались на три года, в каждой волости избиралось от 4 до 8 биев. За свою службу биям не предполагалось жалованья, они могли рассчитывать лишь на получение бийлыка, установленного адатом. Важным шагом на пути интеграции традиционной судебной системы казахского общества в общеимперскую стало наделение биев во время исполнения обязанностей

[292] Анисимова И.В. Модернизация судебно-правовой системы имперских центральноазиатских окраин: основные направления и результаты // Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов: монография / отв. ред. Ю. А. Лысенко [и др.]. – Барнаул : Азбука, 2021. – С. 33–52; Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 6. С. 71.

[293] Свечникова Л.Г. Государственно-правовая политика в национальных окраинах Российской империи // Платон. 2013. № 1. С. 25.

отличительными знаками и печатями установленного образца для регистрации решений. Было введено в народный суд понятие фиксированного судебного решения. Уездные начальники и волостные правители отныне обязаны были записывать в специально утвержденные книги решения волостных и чрезвычайных съездов биев, которые по мере заполнения отправлялись в Областное правление. Это нововведение, по мнению ряда исследователей, имело и негативные последствия. Во-первых, большинство «народных судей» были неграмотны, и им был необходим штат судебных чиновников – писарей и пр., которые привлекались либо из числа представителей мусульманского духовенства, либо русского населения, в большинстве своем не имеющего отношения к судопроизводству. При этом, новые обязанности дали прекрасную возможность для расцвета взяточничества. Во-вторых, суд, основанный на имперской бюрократической традиции, унаследовал и ее недостатки – в первую очередь, затянутую процедуру, которая весьма невыгодно отличала новый суд от прежнего суда биев, одной из ярких черт которого была его оперативность в решении дел[294].

На основе Временного положения 1868 г. утверждалась трехуровневая структура народного суда, которая напрямую зависела от общей сумму иска. Единоличный суд биев решал дела ценностью до 300 руб., но окончательные решения, т.е. не подлежащие обжалованию, касались дел стоимостью до 30 руб. Второй уровень – волостные съезды биев, окончательные решения которых касались дел ценностью до 500 руб. На съезде обязаны присутствовать все бии волости, место и время проведения съезда определялось уездным начальником, проводились съезды в присутствии волостного управителя, но без его вмешательства в судебный процесс.

[294] Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). Апрель. С. 56.

Третий уровень - чрезвычайные съезды биев, которые созывались по решению уездного начальника для рассмотрения наиболее сложных дел[295].

Существенные изменения Временное положение 1868 г. внесло и в систему правоотношений. Принятый документ закреплял подсудность казахов как общеимперской судебной системе, так и народному суду (§ 92 Временного положения). Ряд правонарушений были отнесены к ведомству военного суда (измена, сопротивление против правительства, повреждение государственного имущества, убийство должностных лиц, нападение на почтовый и казенный транспорт и т.д.). Согласно Временному положению значительно расширился список правонарушений, подлежащих разбору в общеимперском суде. Помимо утвержденных Уставом 1822 г. к уголовным преступлениям стали относиться «разбой, нападение на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, делание и перевод фальшивой монеты, похищение казенного имущества, нарушение уставов казенных управлений и преступления по должности местных киргизских властей» (§ 94).

В ведении суда биев остались решения различного рода тяжб и исков между казахами и семейно-брачные дела, которые согласно Временному положению решались по народным обычаям – адату. Однако в законе не содержалось четкого представления о сущности норм адата, что на практике представляло биям широкие полномочия в принятии решений. Временное положение позволяло в случае несогласия с решением суда биев, обращаться с жалобой к уездным властям, а при взаимном согласии сторон дело могло быть перенесено в общеимперский суд.

Эти меры, по праву, могут считаться стремлением российской администрации превратить народный суд казахов в низшую судебную инстанцию в регионе. Предпринятые реформы должны были приблизить систему судопроизводства у казахов к той, которая существовала во

[295] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014. С. 158–160.

внутренних областях России. По мнению исследователей, «реформирование проводилось в русле правовых представлений российских чиновников; их можно было бы охарактеризовать как попытки «прогрессивных преобразований» в духе гуманизма, но едва ли не основной их целью было обеспечить хотя бы частичный, внешний контроль над правовыми институтами кочевого общества»[296].

При этом, сохранение народного суда было продиктовано характером имперской власти в регионе, представители которой, по мнению исследователей, во избежание неприятия изменений и подъема антироссийских настроений, выражали и в той или иной мере, последовательно воплощали идею использования традиционных административных институтов[297].

Но, при проведении реформы не были учтены возможные последствия сочетания в рамках одной системы разных по сути и происхождению элементов. Опираясь на основные положения неоинституциональной теории [298], ситуацию, сложившуюся в судебно-правовом пространстве Степного края, можно охарактеризовать как потенциально «конфликтную». Импорт формальных институтов (имперский суд), установленных органами власти и опирающихся на общепризнанные правовые нормы, преднамеренно менял характер судебной системы. Траектория развития формальных и неформальных институтов (суд биев, адат) зачастую не совпадала, что приводило к серьезным проблемам функционирования судебной системы. Введение общеимперских институтов юстиции вступало в противоречие с традиционными представлениями казахского общества о судопроизводстве и

[296] Брусина О. И. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи // Норма, обычай, право: законодательство и практика. Материалы круглого стола. М., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/brusina.html

[297] Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 6. С. 71.

[298] Захаров В.В. Неоинституционализм в историко-правовых исследованиях: к проблеме расширения методологического инструментария отечественной истории государства и права // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scientific-notes.ru/pdf/015-041.pdf

судебной власти, что, безусловно, вызывало непонимание, а зачастую и неприятие новых элементов.

Показателем административных упущений при введении в действие Временного положения могут служить восстания местного населения в Уральской и Тургайской областях в 1868–1870 гг.[299] Введение новой системы управления вызвало серию беспорядков в Степных областях уже в 1869 г. Выступления сопровождались грабежами, нападением местного населения на военные отряды, торговые и почтовые караваны, линейные селения. По распоряжению Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского в Уральской области была учреждена особая следственная комиссия, которая должна была выявить виновных в беспорядках и привлечь их к ответственности[300]. Работа следственной комиссии продолжалась несколько лет, до 1872 г. На участников выступлений был наложен штраф – единовременное взыскание в размере 1 руб. серебром с кибитки. При этом, по сведениям Оренбургского генерал-губернатора всего с казахов, принимавших участие в беспорядках было взыскано 3973 руб. [301]

Через несколько лет после введения Положения 1868 г. стало очевидным, что устройство судебной части в регионе имеет существенные недостатки. Данный факт в начале 70-х гг. XIX в. признавался как Министерством юстиции Российской империи [302], так и региональными властями. В 1871 г. в Оренбургском и Западно-Сибирском генерал-губернаторствах были созданы Комитеты для обсуждения результатов реализации Временного положения 1868 г. Представители местной власти выявили целый ряд замечаний и претензии к организации судебной власти. Подчеркивалось, что судебные установления неясны, расплывчаты, вопросы связанные с народным судом совершенно запутаны, а соединение

[299] Васильев Д.В. Проведение административной реформы 1868 года в казахской степи: судьба одной семьи // Новый исторический вестник. 2019. №. 1 (59). С. 61–76.

[300] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 12–1872. Л. 1–2.

[301] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 12–1872. Л. 35 об.

[302] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 727. Л. 46 – 46 об.

административных и судебных функций в руках одной управленческой структуры делает работу этих органов власти неудовлетворительной.

Не нашли отражения во Временном положении 1868 г. и многие вопросы общественной жизни региона. Реалии социально-экономических условий жизни кочевого казахского общества выходили за рамки норм обычного права. Проникновение торгового и промышленного капитала, внедрение новых экономических механизмов, крестьянская колонизация привели к появлению таких юридических отношений как аренда, найм, заключение торговых сделок, решение земельного вопроса. Однако, данные отношения не регламентировались адатом[303]. Определенное значение имела и русская аккультурация кочевого общества, хотя она не носила в тот период масштабного значения и проявлялась наиболее отчетливо в контактных зонах русско-казахского взаимодействия[304]. В итоге, регламентация гражданско-правовых вопросов как между казахами и русскими, так и в самом казахском обществе требовала модернизации и правовой, и судебной систем.

В связи с этим, региональные власти предпринимали определенные шаги в направлении повышения эффективности судебной системы региона. Так, в 1869 г. Советом Главного управления Западной Сибири было принято Положение об учреждении при уездных правлениях Семипалатинской области особых временно-коллегиальных присутствий для рассмотрения дел о случайных происшествиях и о бродяжничестве. Присутствие в составе помощника уездного начальника и уездного судьи заседало под председательством уездного начальника[305].

Введение Положения 1868 г. привело к необходимости расширения штата региональной администрации и учреждения новых должностей. В 1869 г. в Совете Главного управления Западной Сибири рассматривался вопрос об

[303] Анисимова И.В. Временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. и его значение в модернизации судебно-правовой системы Степного края // СибСкрипт. 2023. № 25(3). С. 393–401.

[304] Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.

[305] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 14–1879. Л. 2.

устройстве следственно-судебной части в городах Степных областей, учреждении должностей городового судьи (компетенции которого были бы равными уездному судье) и судебного следователя, так как Временное положение не предусматривало наличие судьи в городской администрации. В частности, обсуждалась возможность сохранить рассмотрение судебно-следственных дел, возникающих в Омске в компетенции городской полиции и в подсудности Омскому окружному суду Тобольской губернии и Тобольскому губернскому суду[306]. Данная позиция региональных властей была обусловлена растущей численностью населения города и количеством судебно-следственных дел. В связи с этим, военный губернатор и командующий войсками Акмолинской области, генерал-майор Н.А. Окольничий заявил о необходимости введения в штат администрации Омска двух должностей: городового судьи и судебного следователя с отнесением расходов на их содержание за счет средств государственного казначейства. Однако, Министерство юстиции нашло проект «неудобным» для реализации. Вместо этого, было предложено, с учетом годовой статистики судебных дел, находящихся в производстве по г. Омску, учредить две должности помощника при Омском уездном суде «для избежание медленности в движении уголовных и гражданских дел и неизбежно предстоящего вследствие того накопления их»[307], что и было утверждено в 1870 г.

В 1876 г. Министерство юстиции для усиления состава судного отделения Уральского и Акмолинского областных правлений командировало в каждое из них по два чиновник, которым было предоставлено право участвовать, на правах членов, в судопроизводстве[308].

О недостаточности личного состава судебной части в уездах говорил и военный губернатор Семипалатинской области генерал-майор В.А. Полторацкий, который предлагал, в частности, ввести должности

[306] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 33–1869. Л. 2 – 2 об.
[307] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 33–1869. Л. 56.
[308] О временном усилении судного отделения Уральского областного правления // ПСЗРИ. Собр. 2. 1876. Т. 51. №. 55892. С. 426; О временном усилении личного состава судного отделения Акмолинского областного правления // ПСЗРИ. Собр. 2. 1876. Т. 51. №. 56723. С. 525.

помощников уездных судей Семипалатинского и Кокпектинского уездов. Однако, данная инициатива не была поддержана Главным управлением Западной Сибири.

Практические сразу после введения Положения 1868 г., региональные власти обратили внимание на широкие должностные обязанности уездных судей и фактическую невозможность их успешной работы, которая включала производство суда и следствия в уездах и областных городах. В связи с этим, по мнению Акмолинского военного губернатора Н.А. Окольничьего, необходимо было «установить общий порядок действий уездных судей, проведя определенную черту между их двоякою обязанностью (судьи и следователя), ибо в противном случае легко может статься, что действия следователя будут парализовать действия судьи и наоборот и таким образом это учреждение не достигнет цели указанной правительством и быть может заставит народ пожелать о прежнем судопроизводстве»[309].

Замечания Н.А. Окольничьего вызвала также система организации судебных участков. Так, в Акмолинской области мировым участком выступал целый уезд, обширная территория которого изначально ставила под вопрос эффективность работы уездного судьи.

Для улучшения работы судебно-следственной части на местах предлагались разные проекты. Например, военный губернатор Акмолинской области Н.А. Окольничий выступал за разделение уездов на более дробные судебные участки, с установлением постоянного местопребывания уездного судьи и сроков его нахождения. Военный губернатор Семипалатинской области В.А. Полторацкий просил предоставить ему право передачи производства следствий в введение полиции и уездного управления, что значительно бы облегчило обязанности и деятельность уездных судей.

Временный характер Положения 1868 г., незавершенность судебной реформы предполагали дальнейшее активное обсуждение и доработку преобразований судебной системы. Неоднократно региональные чиновники

[309] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 33–1869. Л. 27 – 27 об.

обращали внимание на двойственность нормативно-правовой основы работы судебной системы региона. Так, в Тургайской и Уральской областях, уездные судьи как судебная инстанция 1-й степени в производстве дел руководствовались порядком, установленным для мировых судей по уставам 1864 г.; судебные инстанции 2-ой степени – Областные правления, согласно Временному положению в производстве гражданских и уголовных дел должны были руководствоваться порядком, установленным для судебных мест дореформенного устройства, а именно принятым 11 октября 1865 г. Мнением Государственного Совета[310]. Такая ситуация нередко приводила к отсутствию понимания в какой судебной инстанции должны рассматриваться те или иные дела.

Например, в Тургайском областном правлении возник вопрос о подсудности исков по бесспорным взысканиям, превышающим компетенции уездных судей. По правилам 11 октября 1865 г. подобные иски находились в компетенции полиции, дела суммой до 500 р. рассматривались начальником полиции, полицмейстером и уездным начальником; дела, суммой свыше 500 р. относились к компетенции полицейских управлений. По Судебным уставам все подобные дела были включены в круг обязанностей судебных инстанций. Так, иски суммой до 2 тыс. руб. поступали на рассмотрение уездных судей. При этом иски выше 2 тыс. руб., не входящие в компетенцию уездного судьи, должны были подчиняться, на основании Временного положения, полицейско-судебному производству (согласно правилам 11 октября 1865 г. – полицейским управлениям). Однако, в Степных областях отсутствовали коллегиальные полицейские институты в виде управлений, а все полицейские функции входили в компетенцию уездного начальника. В связи с этим, Тургайский областной прокурор предложил производство дел по искам свыше 2000 руб. осуществлять в Областном правлении, согласно

[310] Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 11 октября 1865 г. об изменении и дополнении статей свода законов, касающихся судопроизводства и делопроизводства в судебных местах прежнего устройства // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. V. СПб., 1867.

правилам 11 октября 1865 г., что вызвало еще большее недоумение: «Областное правление полагало, что оно не может брать к своему производству бесспорные дела по этим правилам, так как по учреждению своему оно не есть полицейское место», но, «оно не может производить эти дела судебным порядком, так как эти дела относятся к полицейскому производству»[311]. Подобные противоречия не только замедляли судебное производство, но и вносили дисбаланс в работу судебной системы региона.

Широкое обсуждение получил вопрос о порядке обжалования решений уездных судей в Областных правлениях. В 1871 г. Тургайское областное правление обратилось с просьбой руководствоваться при рассмотрении апелляционных и частных жалоб на решения уездных судей судебными уставами 1864 г.[312] Проблема заключалась в том, что в Положении 1868 г. отсутствовал механизм, регламентирующий процедуру обжалования принятых уездным судьей решений.

Отношение региональных властей к работе сложившейся судебной системы отчетливо прослеживалось в записке, составленной в августе 1872 г. Акмолинским областным прокурором Кондратовичем. В первую очередь, чиновник обратил внимание на функции Областных правлений, которые в судебном отношении представляли сразу две инстанции: 1-ю степень суда по делам Палаты уголовного и гражданского суда и 2-ю степень суда по Мировому Съезду, которые в процессе судопроизводства руководствовались разной нормативной базой: по делам палаты – общими законами уголовного судопроизводства и по делам мирового съезда – судебными уставами 24 ноября 1864 г. Ведение этих двух линий судебного процесса, безусловно, оказывало негативное влияние не только на результативность работы Областного правления, но и снижало эффективность судебной системы региона. Обращалось внимание правительства на негативные последствия

[311] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 12–1877. Л. 3–4.
[312] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 8–1871.

совмещения чиновниками Областных правлений административных и судебных функций.

Характеризуя, в целом, деятельность Областных правлений как судебных инстанций Кондратович пришел к заключению, что улучшение в судопроизводстве региона не будет достигнуто до тех пор, пока судебная власть не будет изъята из компетенции данного института, так как, «советники управляющие распорядительным и хозяйственным отделениями более заботясь об усиленном ходе административных по своим отделениям дел, считают дела судебные на втором плане, советник же управляющий судным отделением постоянно отвлекаемый делами других административных отделений, имеет недостаточно времени для приготовления надлежащего числа дел к докладу»[313].

Не менее важной проблемой работы Областных правлений как судебных инстанций был кадровый вопрос. В частности, Акмолинский областной прокурор важнейшим недостатком учрежденных в Степных областях общеимперских институтов называл некомпетентность при выполнении судебных обязанностей служащих Областных правлений. Кондратович отмечал, что «образовательный ценз советников Областных правлений, рассматривающих и решающих дела, поступающие от судебных следователей и мировых судей – ниже среднего; а при столь низком умственном уровне, его не может заменить практическое познание на службе, представляющее как показывает опыт качество фиктивное. Невольно чувствуется страх при мысли, если судебная власть в Степных областях достанется в руки стоящих ниже дела личностей: тогда высокие начала лежащие в основе судебной реформы могли бы если не пропасть, то пошатнуться в ущерб правосудию и интересам частных лиц»[314].

В качестве меры, способной улучшить характер судопроизводства, Кондратович предлагал упразднить состоящие при Областных правлениях

[313] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 2.
[314] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 3.

Судные отделения, создав вместо них в г. Омске Палату уголовного и гражданского суда, «к чему окажутся от упраздняемых двух отделений достаточные средства, без всяких новых от казны издержек. Состав предполагаемой палаты, в виду того, что Степные области преимущественно населены кочевыми киргизами, которые судятся по общим законам империи только за более важные преступления, может быть ограничен одним председателем и двумя членами; в случае же болезни или отсутствия членов вместо их приглашаются ближайшие судебные следователи». Важным Кондратович считал и введение образовательного ценза для работников судебных инстанций. По его мнению, кандидаты на должность председателя и членов палаты должны иметь «юридическое или высшее специальное и не ниже среднего образование и притом прослужившие по судебному ведомству не менее 3-х лет»[315].

Акмолинский прокурор предлагая внести изменения в работу мировых съездов, которые заключались в отделении от деятельности областного правления подчеркивал, что «от изъятия дел мирового съезда из ведомства Палаты уголовного и Гражданского Суда последовала бы та существенная польза, что Палате представилась бы возможность к более успешному окончанию собственно подсудных ей дел и восстановлено было бы коренное правило о решении дел по жалобам, отзывам и протестам на приговоры Уездных судей самими мировыми судьями в составе мирового съезда, без сомнения более компетентного в делах мирового института, чем Палата уголовного и гражданского суда»[316].

В 1873–1876 гг. Министерству внутренних дел было представлено несколько заключений региональных властей о недостатках Временного положения 1868 г. исходя из опыта его реализации[317]. Существенной критике судебная система подверглась со стороны оренбургского генерал – губернатора генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского. Глава региона обратил

[315] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 4.
[316] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 4–5.
[317] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 371.

внимание на подсудность казахского населения трем совершенно независимым между собой судам: военному, гражданскому и народному. По мнению Н.А. Крыжановского, «сокращением числа судебных инстанций различных ведомств в отношении киргиз ни сколько не пострадают интересы правительственные, а напротив подчинением киргиз как граждан одного государства общим уголовным законам Империи, достигается единство судебной власти и устраняется возможность взаимных пререканий о подсудности между разными ведомствами» [318] . По мнению Н.А. Крыжановского, коррекции со стороны закона требовал и перечень правонарушений, при совершение которых казахами дело поступало на рассмотрение в имперский суд. В заключении своих рассуждений Крыжановский отмечал, что в Положении присутствует идея о необходимой будущей интеграции народного суда с общеимперским. В частности, принимая Положение и предоставляя широкие права народному суду, властями подчеркивалось, что «Правительство не должно отказываться на всегда от объединения и этой народности общим судом, в видах государственного единства, и народный суд должен быть оставлен до тех пор, пока постепенный успех гражданственности в среде киргизского народа не поставит его в уровень с остальным населением России». Однако, как заметил оренбургский губернатор, в самом Положении «столь справедливая мысль» не получила надлежащего развития[319].

Критике подвергся также и механизм обращения казахов в имперский суд, утвержденный Положением 1868 г. Так, согласно § 164 Временного положения обращение в имперский суд было возможно только при обоюдном согласии тяжущихся, что фактически означало «совершенное отнятие права прибегать к русскому суду», так как «правая сторона всегда обращалась бы к нему, если бы виновная сторона, боясь неподкупности русских судей, не искала себе опоры в народном суде, где скорее можно

[318] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 54.
[319] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 56.

было склонить весы правосудия в свою пользу подкупом или иным незаконным способом». Не менее резко оценивал эффективность подобного порядка обращения в имперский суд и Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман, который полагал, что введение обязательным условием рассмотрения дела в русском суде согласие обеих сторон значительно затрудняет само правосудие. Проблема заключалась в том числе и в формальной стороне процесса. Для передачи дела в имперский суд, обе стороны должны выразить свое согласие в письменной форме. Однако, «при недоверии неразвитого народа к письменным документам вообще, понятно, какое влияние будет оказывать в этом случае требование подписки судом, по своим обрядностям и духу мало знакомым для туземцев.. такая затруднительность для туземцев вверять разбор своих дел русскому суду, равносильно отказу в правосудии, и не может не оказать вреднаго влияния на отношение туземцев к русской власти…»[320]. К.П. Кауфман подчеркивал, что «предоставляя уездным судьям деятельность мировых судей проект положения уничтожает гарантии независимости их, не указывая на это никакой уважительной причины. Соединение же в Областном правлении права надзора и всех дисциплинарных взысканий, право привлечения к ответственности по суду и самого суда, с полным отсутствием прокурорского надзора, ставит правление в необходимость быть судьею в собственном деле, и смешивает в одном органе права административного характера с правами суда»[321].

К.П. Кауфман проанализировав характер судебной системы, утвержденной Временным положением и опыт его реализации и в Степных областях, и в Туркестане, считал необходимым для придания суду региона более высокого статуса в глазах населения и роста его эффективности, расширить границы подсудности русскому суду, придать русскому суду статус общего суда в крае «не в отношении только порядка производства дел,

[320] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7108-а. Л. 137.
[321] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7108-а. Л. 135 об.

т.е. официальной стороны судоустройства и судопроизводства, но и внутренней ее стороны – разрешения самой сущности дела, применением норм русского права», предоставить местному населению свободный доступ к имперскому суду. При этом, Кауфман не настаивал на ликвидации институтов традиционного судопроизводства, народный суд «должен остаться только как исключение из суда общего, допускаемое в определенных делах между туземцами одинаковой народности, если обе стороны согласны на этот исключительный порядок суда, и ни одна из них не заявит желания судиться в суде общем»[322].

Представленные в МВД заключения региональных властей о недостатках Временного положения 1868 г. [323] привело к активному обсуждению проблемы в центральных ведомствах. После рассмотрения ситуации, управляющий МВД в переписке с Министерством юстиции пришел к заключению, что в отношении судебной части «местные власти предполагают сделать <…> существенные изменения, зависящие от местных условий и требующие при том значительных расходов на усиление судебного персонала» [324] . В результате, в 1873 г. в Министерстве юстиции была образована специальная Комиссия для рассмотрения деятельности суда и организации судопроизводства в Степном крае. Уже в 1874 г. Комиссия представила проект Положения о судебном устройстве в Степных областях на заключение министра внутренних дел и военного министра[325]. Однако, проект так и не был согласован.

В первую очередь, критике подверглось выполнение судебных функций Областными правлениями и неэффективность введенного в степных областях мирового института в лице уездных судей. Так, в одном из заключений Комиссии подчеркивалось, что «двухлетний опыт показал неудобство такового исключительного совмещения нового, гласного

[322] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7108-а. Л. 144–167.
[323] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 371.
[324] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 6–8.
[325] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 66–133.

мирового суда с прежним закрытым учреждением. Для большей наглядности следует представить только то, что в основу мирового суда положены публичность, гласность, внутреннее убеждение судьи; Областное же Правление, соединяя в себе административную власть в качестве Губернского правления и Казенной палаты, а судебную – только в качестве Палаты гражданского и уголовного судов, действует на правах общих учреждений, по обрядности закрытых судов… и руководствуется общими законами, для тех только мест установленными. Из такого полнейшего различия в направлении и самой почве юридической деятельности Областных правлений и подчиненного им мирового суда вытекают многосторонние затруднения…» [326] . Мнения чиновников о реализации проекта разошлись. Министр внутренних дел выразил свое согласие с основными положениями проекта. Военный министр Д.А. Милютин предложил отложить реализацию данного проекта, в связи с необходимостью в первую очередь решить вопрос о административном устройстве региона.

В свою очередь, региональные власти все настойчивее требовали реорганизации судебной системы региона, в том числе отделения судебной власти от административного управления[327]. Так, в 1877 г. оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, обращаясь к министру внутренних дел писал: «Существующее в Уральской и Тургайской областях судопроизводство на основании Временного положения 1868 г. давно уже признано неудовлетворительным. Возбужденный вопрос о преобразовании суда находится на рассмотрении Высшего правительства, но до сего времени не получил законодательного разрешения и, по-видимому, не будет разрешен в скором времени» и настаивал на, пусть и временной, но реорганизации порядка производства судебных дел в степных областях[328]. В частности, речь шла о возможности применения в регионе принятого в дополнение к

[326] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 135.

[327] Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана: Полиграфия, 1998. С. 109.

[328] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 12–1877. Л. 1.

Положению 11 октября 1865 г. Высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 10 марта 1869 г. о согласовании старого порядка производства дел с новым судопроизводством [329]. Н.А. Крыжановский подчеркивал, что как в Уральской, так и в Тургайской областях все чаще на практике очевидными становились расхождения нового и старого судопроизводства, что приводило к разного рода противоречиям и сложностям в осуществлении правосудия.

В начале 80-х гг. XIX в. в регионе произошли существенные изменения в административно-территориальном устройстве. В 1881 г. было упразднено Оренбургское генерал-губернаторство, Уральская и Тургайская области перешли в непосредственное введение МВД. В 1882 г. по инициативе военного министра П.С. Ванновского было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в г. Омск. Новая административная единица включала часть территории упразднённого Западно-Сибирского генерал-губернаторства (Акмолинская область и Семипалатинская область), а также Семиреченскую область. В связи с данными изменениями обсуждение вопроса о необходимости реорганизации судебной системы в степных областях приняло новую силу[330].

В подготовленном для МВД докладе Министерства юстиции об устройстве судебной части Степного края региональная юстиция была подвергнута критическому анализу. Существенные недостатки в работе были обнаружены во всех учрежденных Положением 1868 г. институтах. Во-первых, особых замечаний и негативных оценок вызывало выполнение областными правлениями возложенных на них судебных функций. В докладе министерства отмечалась низкая эффективность работы областных правлений, о которых неоднократно сообщал генерал-губернатор Степного

[329] Высочайше утвержденное 10 марта 1869 г. мнение Государственного совета о порядке производства дел прежних судебных мест, как в местностях, где вводятся Судебные уставы в полном объеме, так и в тех, где вводятся мировые судебные установления отдельно от общих // Архивариус, или Сборник узаконений и правительственных распоряжений по устройству и разбору архивов судебных установлений. Сост. А.Г. Чудовичев. Казань: Типография губернского правления, 1880. С. 12–17.

[330] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 144–149.

края Г.А. Колпаковский. Глава региона подчеркивал, что «областные правления, отчасти вследствие неудовлетворительности личного состава, отчасти вследствие разнообразия и многочисленности поступающих на их рассмотрение дел, решают судебные дела вопреки прямому смыслу закона и с нарушением существенных форм судопроизводства»[331]. В связи с этим, Г.А. Колпаковский настаивал на необходимости принятия «скорейших мер» к улучшению судоустройства в Степном крае. Нередко Областные правления принимали решения, не соответствующие установленной в регионе нормативно-правовой базе, а также показывали свое незнание особенностей функционирования традиционного казахского суда. Например, в 1876 г. в Уральском областном правлении обсуждался вопрос о размере штрафов, налагаемых народным судом за проступки и преступления. В принятом Областным правлением постановлении подчеркивалось, что суд биев не имеет права налагать штрафы или выплаты на виновных. Решение Областного правления вызвало критику со стороны Уральского военного губернатора и после рассмотрения дела в Правительствующем Сенате было отменено[332].

Не меньшее замечание вызывала и работа военно-судных комиссий по рассмотрению дел общей подсудности. По мнению региональных властей данные судебные инстанции не справлялись со своими обязанностями. Причина такой ситуации виделась в том, что «обремененные массою собственно военно-судных дел, эти комиссии, не вполне удовлетворявшие и по личному составу необходимым требованиям, равным образом решали судебные дела общей подсудности неумело и весьма медленно»[333]. Один из исследователей судебной системы Туркестанского края Н.А. Дингельштедт писал, что «в комиссиях этих, кроме полного юридического невежества, пристрастия, несправедливости и, по всеобщему убеждению, весьма нередкого подкупа – царила страшная медлительность. Полная

[331] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1445. Л. 9.
[332] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 9–1879. Л. 40–42.
[333] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18–1897. Л. 2–12 об.

бесконтрольность деятельности этих комиссий являлась венцом всей этой организации» [334] . Автор подчеркивал, что над работой военно-судных комиссий практически отсутствовал контроль со стороны местных воинских начальников, комендантов или главного военного суда.

Критике подверглась и работа уездных судей, которые функционально сосредотачивали судебную и следственную власти, что приводило к увеличению времени производства и рассмотрения дела. Чиновники подчеркивали, что такое соединение двух линий судопроизводства в одних руках не только неудобно, но и весьма невыгодно для образа имперского суда «в глазах киргизов, не умеющих понять двойственных обязанностей одного лица, следователь, проявляющий власть свою преимущественно взятием под стражу и тяжелыми, не гласными допросами, заслоняет мирового судью с его разбирательством, знакомым киргизам по их народному суду»[335].

При этом, проблема заключалась не только в широких компетенциях уездных судей, но и в степени их профессионализма. Уездные судьи лишь частично имели высшее или средне образование, зачастую чиновники не соответствовали занимаемой должности ни по образовательному, ни по служебному цензу. В подобном положении находился и состав следственной части. Кадровый вопрос на протяжении всего периода реформ был одним из наиболее острых для судебной системы Степного края.

Столкнулась региональная администрация и с расхождениями введенного судебного порядка и реалий общественной жизни. В 1881 г. Оренбургским генерал-губернатором Н.А. Крыжановским было возбуждено дело о изменении подсудности казахов по делам, связанным с правонарушениями против системы управления и местной администрации. К этому времени в Тургайском и Уральском областных правлениях были собраны сведения о количестве невыполнения казахами законных

[334] Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане // Журнал гражданского и уголовного права. Год 22-й. Кн. 7. СПб., 1892. С. 12.

[335] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 136.

требований и постановлений волостных управителей, аульных старшин и уездных начальников. Нередко невыполнение решений администрации сопровождалось оскорблением чиновников при исполнении служебных обязанностей. По Временному положению 1868 г. в имперском суде из подобного рода правонарушений рассматривались только дела о возбуждении к сопротивлению против Правительства, явном сопротивлении властям и о бегстве в чужие владения. В связи с этим дела, связанные с правонарушениями против системы управления и местной администрации, так как не были напрямую указаны в ст. 93–94 Временного положения, переходили в ведение народного суда. Н.А. Крыжановский, в связи с этим, подчеркивал, что «опыт управления киргизами по Временному Положению весьма ясно показал все невыгоды для русской власти от такой передачи, сказывающейся в прогрессивном увеличении этого рода проступков» [336]. Необходимым разрешением данной ситуации, по мнению региональных властей в лице как военных губернаторов Тургайской и Уральской областей, так и Оренбургского генерал-губернатора, должно быть изменение подсудности данных дел, передача их в ведение имперского суда и рассмотрение по общим уголовным законам России. После рассмотрения дела в судебном отделе МВД, предложение Н.А. Крыжановского было признано несоответствующим установленному законодательству[337].

Несмотря на очевидные недостатки судебной системы Степного края в варианте, утвержденном Положением 1868 г., о которых неоднократно сообщала региональная администрация, проведение судебной реформы в полном объеме, модернизация существующих судебных институтов в регионе откладывались. Военным министром Д.А. Милютиным были даны подробные доказательства о невозможности введения новых судебных установлений в степных областях. В частности, глава военного ведомства отмечал, что введение судебной реформы согласно Уставу 1864 г.

[336] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16–1881. Л. 2 – 2 об.
[337] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16–1881. Л.6–7.

потребовало бы создание судебных палат и окружных судов, рассчитанных на наличие русского населения, которого, на тот момент было недостаточно.

Министр юстиции Д.Н. Набоков, соглашаясь с доводами военного министра, отмечал также, что финансовые затруднения не позволяли провести в жизнь до настоящего времени законоположения 1864 г. даже во многих губерниях Европейской России. Сложности заключались не только в принятии оптимального механизма реализации реформы, но и в выработке единого для степных областей проекта реформ. Области, безусловно, отличались друг от друга по численности населения, этническому составу, структуре и состоянию экономики, что, конечно, формировало представления об особенных условиях организации судоустройства.

Тем не менее, к середине 80-х гг. XIX в. как возможный вариант модернизации судебной системы региона появились проекты преобразования судоустройства в отдельно взятых областях Степного края, согласованные «с особенностями местного управления и экономическими условиями» [338] . Однако, в результате наличия целого комплекса причин, проведение судебной реформы в Степных областях согласно Уставу 1864 г. вновь не состоялось. Определенную роль в этом сыграли и изменения в административно-территориальном устройстве региона. Изменения в устройстве Степного края, отсутствие эффективного механизма управления, опирающегося на единую нормативно-правовую основу, побудили Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского приступить к разработке объединенного проекта Положения для трех областей, вошедших в состав генерал-губернаторства.

Сразу же новые региональные власти обратили внимание на недостатки устройства судебно-правовой системы Степного края, которые пытались нивелировать на местном уровне. Однако, принимаемые точечные меры не всегда были осуществимы и эффективны.

[338] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 57 об. – 58.

Так, в 1882 г. Степным генерал-губернатором Г.А. Колпаковским был издан циркуляр, согласно которому, за воровство у русского населения лошадей или скот, круговая денежная ответственность возлагалась на тот казахский аул, «до которого признается доведенным след украденного»[339]. Цель распоряжения заключалась в охране русского населения региона от процветающего ското- и конокрадства. Однако, принятая экстренная мера не привела к желаемому результату. Напротив, уездные начальники столкнулись с массовым обращением пострадавших от краж, но не имели возможности собрать достаточные для наложения штрафа доказательства, прежде всего в силу массы других обязанностей. В 1884 г. последовал новый циркуляр о мерах обязательного надзора за личным скотом как непременного условия к возбуждению ходатайства о вознаграждении административным порядком за украденное. При этом мер, направленных на усиление надзора со стороны администрации преследование судом лиц, подозреваемых в совершении кражи, не предпринималось.

Новую волну критику со стороны региональных властей вызывало сохранение в системе судопроизводства Степного края народного суда с широкими компетенциями. Так, Н.С. Черданцев, товарищ прокурора Сыр-Дарьинской области, в составе которой в силу административно-территориального разделения оказалась часть казахского населения, опираясь на широкую юридическую практику, подчеркивал, что деятельность народного суда и сохранение обычного права как регулятора правовых отношений, является бесконтрольным и в ряде случаев «несправедливым» по отношению к русскому населению. В качестве примера, Черданцев рассматривал компетенции народного суда о заключении сделок с недвижимостью. Согласно закону, казахи освобождены от уплаты налогов и пошлин при совершении сделок с недвижимостью, при этом речь идет не только о недвижимости в сельской местности, но и о городском имуществе. В то же время, «русские обыватели уплачивают

[339] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 93 об. – 94.

установленные законом пошлины: крепостные, актовые, публикационные и гербовые, хотя бы имущество переходило к ним от туземцев и в переделах туземного города»[340]. В своих рассуждениях чиновник обращал внимание, что такое предоставление казахскому населению существенных льгот и преференций, является несправедливым по отношению к русскому населению и не может быть оправдано «никакими политическими, финансовыми или религиозными соображениями». Необходимо подчеркнуть, что «особое» отношение к «туземцам» проявлялось не только в применении норм закона, но и в выполнении местным населением общегосударственных повинностей[341].

О проблемах судебной системы, связанных с функционированием народного суда, региональные власти неоднократно сообщали центральным ведомствам. В «Обзоре Семиреченской области» за 1885 г. прямо указывалось, что в «деятельности народного суда не произошло существенных перемен к лучшему и давно ожидаемое переустройство его на более соответствующих условиям народной жизни и существующим народным обычаям основаниях еще не произведено. Между тем, улучшение суда биев весьма важно, так как этому суду подведомственны все преступления между киргизами, кроме разбоя и грабежа»[342].

При этом было бы не правомерным утверждать, что проблемы судоустройства степных областей оставались без внимания центральных органов власти. Напротив, вопросы функциональной эффективности институтов судебно-правовой системы региона носили для центральных ведомств актуальный характер.

Действительно, начиная с 1871 г. для рассмотрения было представлено пять проектов реорганизации судебно-правовой системы региона (1871, 1874, 1881, 1883 и 1884 гг.), однако несогласованность позиций министерств и

[340] Черданцев Н.С. О некоторых ненормальностях в устройстве народного суда в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 2. С. 109.

[341] Лысенко Ю.А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. №. 4–2. С. 158–162.

[342] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 243. Л. 28.

ведомств откладывали законодательное утверждение проектов и введение их в действие[343].

Подтверждением возрастающего внимания органов власти к проблемам судебной системы в Степном крае является организация по инициативе различных ведомств ревизий делопроизводства судебных органов отдельных степных областей. Одна из таких комплексных проверок, охватывающих ревизию судебных органов Уральской области, была предпринята в 1881 г. Результаты ревизии важны не только выявленными недостатками в работе судебных органов, но и определенным влиянием на принятие решения о необходимой модернизации юстиции края, что позволяет остановиться на них более подробно.

По поручению министра юстиции Д.Н. Набокова для исследования делопроизводства уездных судей Уральской области и их помощников, судного отделения Областного правления и Уральского областного прокурора за 1880–1881 гг. в Уральск был направлен прокурор Елецкого окружного суда Сергиевский[344]. После подробного исследования работы судебных органов области, Сергиевский предоставил в Министерство юстиции отчет, где отразил все выявленные в ходе проверки недостатки и проблемы деятельности региональной юстиции.

Структура органов юстиции Уральской области была определена «Временным положением об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской», утвержденным 21 октября 1868 г., согласно которому судебная власть в регионе принадлежала уездным судьям и судному отделению Областного правления[345]. В область было назначено 4 уездных судьи (Уральский, Калмыковский, Гурьевский, Эмбенский), что четко соответствовало внутреннему областному административному

[343] Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане // Журнал гражданского и уголовного права. Год 22-й. Кн. 7. СПб., 1892. С. 6–7.

[344] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320.

[345] Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 21 октября 1868 г. // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. В 10-ти тт. Т. 5. Алматы, 2005. С. 441–463.

делению. Для оптимизации работы органов судебной системы в начале 70-х гг. XIX в. в кадровый состав судебных инстанций была введена должность помощника уездного судьи в Уральский, Калмыковский и Гурьевский уезды. Функционально помощники уездных судей отвечали за организацию следственной части. Исключение составлял Эмбенский уезд, где следствие преступлений, подсудных Областному правлению, производил помощник уездного начальника. Основные судебные функции сосредотачивались в судном отделении Областного правления, делопроизводство которого распределялось между тремя столами: 1) уголовном, 2) гражданском и 3) крепостном. Последний до сентября 1881 г. ведал опекунскими делами, в качестве дворянской опеки и сиротского суда, а также делами о малолетних и несовершеннолетних лицах, не принадлежащих к Уральскому казачьему войску.

Особенности развития судебной системы Уральской области заключались и в том, что в регионе не существовало как самостоятельных институтов дворянской опеки и сиротского суда. После принятия в июле 1880 г. «Положения об общественном хозяйственном управлении Уральского казачьего войска» и «Наказа для войскового хозяйственного правления» осенью 1881 г. Областное правление передало в ведение Войскового хозяйственного правления все находящиеся в производстве опекунские дела. Ведению Областного правления, как органа кассации, на основании Положения об общественном управлении в казачьих войсках 1870 г., подлежали также дела станичных судов Уральской области. Прокурорский надзор в Уральской области сосредотачивался в лице Уральского областного прокурора, права и обязанности которого до 1 июня 1877 г. были приравнены к правам и обязанностям Губернских прокуроров и стряпчих.

Спустя несколько лет после введения Временного положения 1868 г., стали очевидны недостатки в организации судебной системы области. В первую очередь они были вызваны отсутствием подготовленных кадров с юридическим образованием, недостаточным финансированием, большой

территорией, сложным этническим и социальным составом населения региона. Региональные власти четко признавали наличие системных проблем в работе институтов юстиции и настаивали на модернизации судебных органов области. Так, в 1879–1880 гг. военный губернатор Уральской области Г.С. Голицын обращался в Министерство юстиции с просьбой принять меры к усилению следственной части в Уральской области[346]. Глава региона подчеркивал, что основные сложности в работе судебно-следственных органов вызваны отсутствием достаточного количество чиновников. «Столь ненормальное положение судебно-следственной части в области, влияющее весьма неблагоприятно на успешное отправление правосудия и напрасно обременяющее участь обвиняемых продолжительным содержанием их под стражей побуждает меня обратиться с просьбой, – писал военный губернатор министру юстиции Д.Н. Набокову в 1879 г., – не изволите ли признать возможным назначить теперь двух лиц на вакантные должности помощников Калмыковского и Гурьевского уездных судей, так как у меня не имеется соответственных чиновников <…> если бы Вам было угодно разрешить мне приглашать на судебные места в Уральской области молодых людей с юридическим образованием, назначать их временно исполнять вакантные должности <…> то, при таком способе замещения должностей отчасти устранились бы нынешние затруднения в приискании людей»[347]. С подобными просьбами в Министерство юстиции обращался и Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский, однако решений по данным вопросам так и не было принято.

Во многом, неоднократные сообщения властей Уральской области о необходимости реформирования судебной системы региона и обусловили проведение ревизии 1881 г. В первую очередь, внимание прокурора Елецкого окружного суда Сергиевского было обращено на работу уездных судей, которые при значительном объеме выполняемой работы, относились к ней

[346] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 302. Л. 3.
[347] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 302. Л. 5–6.

зачастую поверхностно. К такому выводу Елецкого прокурора подвигли материалы обследования делопроизводства Эмбенского уездного судьи, который территориально размещался в Уральске и одновременно выполнял обязанности Уральского уездного судьи. В частности, Сергиевский выявил, что судья, при рассмотрении дела, не имеет практики выезжать из Уральска, вызывая стороны и свидетелей на судопроизводство в город. При этом, для быстрого решения дела, «из всех дальних станиц и степных волостей он вызывал только одних обвиняемых, неявка которых, несмотря на отсутствие обвинителя и чьего бы то ни было требования о рассмотрении дела в отсутствие обвиняемого [не откладывала вынесение решения]»[348]. В итоге, судья выносил заочный обвинительный приговор. Чаще всего, таким образом решались дела о лесных вырубках, которые строились на основании составленных станичными атаманами приговоров.

Практика рассмотрения дела без присутствия ответчика применялась и в отношении исков, предъявляемых к казахам. Процедура представляла следующее: «Аккуратно посылались повестки ответчикам и в день назначенный для разбирательства, аккуратно постановлялось заочное решение, несмотря на то, что ни обратных повесток, ни уведомлений о вручении их в виду судьи не было. В результате происходило то, что через несколько месяцев со дня решения, от волостных управителей возвращались не только копии с заочного решения, но и повестки о явке в суд, так как ни те ни другие не могли быть вручены лицам, которым были адресованы за не нахождением их на указанном месте жительства. В таком случае копия с заочного решения посылалась вторично, чрез несколько месяцев вручалась ответчику, смутно понимающему, что ему нужно было когда то явиться в суд и по истечении срока на обжалование таких заочных решений по ним выдавались исполнительные листы»[349]. При этом, подчеркивает Сергиевский, уездными судьями принимались заочные приговоры не только по

[348] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320. Л. 9.
[349] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320. Л. 10.

гражданским, но и по уголовным делам. Более того, судьи не следили за действительным приведением приговора к исполнению, не считая это своей обязанностью, поэтому во всех проверенных Сергиевским делах за 1879 – 1880 г. отсутствовали уведомления об исполнении приговора.

В ходе проверки были обнаружены и существенные нарушения процессуальных форм. Прокурором Сергиевским были выявлены такие нарушения как неправильное ведение допроса свидетелей, несоблюдение сроков проведения следственных мероприятий, принятие решений по крестьянским делам без присутствия представителя волостного правления. Изучение делопроизводства Гурьевского уездного судьи по обязанностям судебного следователя показало, что последний, в случае кражи или грабежа даже не выезжал на место преступления, а обыски и розыск украденного имущества по Уральской области производили через станичных атаманов или волостных управителей, протоколы которых по закону не имели юридической силы.

Особые злоупотребления допускались судьями в процессе вынесения приговора. Последнее замечание анализировалось Елецким прокурором более подробно и было выявлено, что уездными судьями Уральской области «до неустановленных законом пределов» доведено дробление сроков ареста в случае несостоятельности обвиняемого к уплате наложенного на него денежного штрафа. Так, в отношении равной суммы штрафа, в случае ее невыплаты, «одному обвиняемому был назначен арест, как заменяющий штраф на 1½ дня, другому на три часа», «препровождаемые к судье арестанты были отправляемы в острог без всяких постановлений впредь до разбирательства дела» и т.д.

Елецкий прокурор с тревогой писал, подводя итог работы уездных судей, что «далеко не оправдала тех светлых ожиданий со стороны местного населения, которые оно вправе было иметь при введении в области в действие уставов 1864 г. хотя и не в полном их объеме <…> быстрота в решении дела идет в ущерб правосудию <…>. Эмбенский судья, оставляя в

стороне начала нового состязательного процесса, заменил его старым следственным процессом и не разбирает дела, а решает их по тем бумагам, которые окажутся в поступившей к нему переписке… при таком отношении судьи к началам нового процесса, конечно, трудно ожидать от него правильности в постановлении приговоров и решений по существу»[350].

Значительная ответственность за наличие серьезных проблем в работе уездных судебных органов области, по мнению прокурора Елецкого лежала на Областном правлении и прокурорском надзоре, работа которых вызвала серьезные замечания со стороны Сергиевского. Основным недостатком делопроизводства судебного отделения Уральского областного правления была его загруженность и медлительность в решении «старых» дел. «В течение года в судное отделение поступает до 1000 дел, - писал в отчете Сергиевский, - Областное правление занято исключительно делами позднейшего поступления, а разрешение дел прежних лет отложено до более благоприятного времени»[351].

В качестве меры, направленной на улучшение работы судебного отделения Областного правления и областного прокурора, Елецким прокурором Сергиевским было предложено «составить новые штаты для следственной части, прокурорского надзора и судного отделения, а еще крайне необходимо отделить суд от администрации, это ненормальное положение длится 12 лет». Также, Сергиевский настаивал на внесении существенных корректив в положение следственной части Уральской области. Так, прокурор предлагал разделить Уральский уезд на два следственных участка в связи с значительными подведомственными территориями[352], в городе Уральске назначить к помощнику судьи двух временных помощников судьи для разбора старых дел, которых ко времени проверки насчитывалось более 800[353], в Калмыковском уезде разделить

[350] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320. Л. 9–10.
[351] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320. Л. 22.
[352] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320. Л. 29.
[353] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320. Л. 31.

функции судьи и судебного следователя, в Эмбенском уезде открыть должность особого помощника судьи[354]. В качестве общей рекомендации, которая могла бы способствовать повышению эффективности работы судебно-следственных органов области, Сергиевский предлагал увеличить содержание и сумму разъездных помощникам уездных судей, которые выполняют обязанности судебных следователей.

Отчет прокурора Елецкого окружного суда Сергиевского был рассмотрен в Министерстве юстиции в декабре 1882 г. и вызвал широкое обсуждение. В целом, соглашаясь с необходимостью реорганизации судебной части в Уральской области, чиновники Министерства юстиции подчеркнули, что не все предложенные Сергиевским меры по улучшению судебной части целесообразны и финансово обеспечены. Тем не менее, министерством был разработан проект реорганизации областной судебной системы, согласно которому в регионе предполагалось ввести институт мировых судей, судебных следователей, учредить Уральский областной суд, закрыть судное отделение Уральского областного правления, упразднить должности уездных судей и их помощников[355]. Однако через год, в декабре 1883 г., министр финансов Н.Х. Бунге отказался финансировать проведение судебной реформы в Уральской области, «признавая необходимым отложить преобразования судебной части <…> до более благоприятных обстоятельств».

Нельзя сказать, что собранные Сергиевским материалы и высказанные замечания остались без внимания. Спустя несколько лет, министр юстиции Д.Н. Набоков подчеркивал, что благодаря, проведенной прокурором Елецкого окружного суда ревизии в Уральской области, Министерству хорошо известно не только о недостатках применения Временного положения 1868 г. в отношении устройства судебной системы региона, но и

[354] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320. Л. 33.
[355] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320. Л. 125–131.

«о вытекающей из сего потребности изменений в сем устройстве»[356]. Одним из результатов ревизии стало принятие в феврале 1884 г. Государственным советом решения об увеличении содержания помощникам уездных судей и Уральского областного прокурора.

Таким образом, материалы ревизии Сергиевского позволили сформировать четкое представление о наличии серьезных проблем в работе, должностных злоупотреблений, нежелании и медлительности в выполнении непосредственных обязанностей чиновниками по судебно-следственной части Уральской области. При этом выявленные проблемы носили не только личностный характер. Области не хватало юристов, судей и следователей, работу судебных органов осложняло недостаточное финансирование, сочетание в одних руках функций суда и следствия, что и обусловило низкую функциональную эффективность судебных институтов. Выводы и рекомендации ревизии легли в основу проекта реформы судебной части региона, которой не был реализован, но показал готовность органов власти к проведению комплексной модернизации областной юстиции.

Итак, 60-е гг. XIX в. стали важным этапом формирования в Степном крае судебной системы, в основу работы который были положены общеимперские принципы. Несмотря на исключение региона из сферы распространения Судебных уставов 1864 г., имперские власти разработали и реализовали комплекс мер по модернизации судоустройства и судопроизводства Степных областей. Основой реорганизации стало принятое в 1868 г. Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях. Нормативно-правовой акт, сыгравший важнейшую роль в становлении и развитии административного управления региона, внедрил новую конфигурацию судебной системы. Была утверждена иерархия судебных инстанций, определены функциональные компетенции судебных органов. И хотя, в рассматриваемый период власти не решились на ликвидацию традиционных элементов судебной власти. Однако,

[356] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 359. Л. 5–7.

традиционный судебный институт казахского общества – суд биев подвергся значительным изменениям, его реорганизация шла по пути превращения в низовую судебную инстанцию с сокращением полномочий. В целом, преобразование судебной системы Степного края на основе Временного положения 1868 г. свидетельствует как о реализации политики модернизации в регионе, так и первых шагах по пути дефронтиризации Степного края.

Несмотря на значимость проведенных реформ, их незавершенный характер, сочетание в судебной системе Степного края дореформенных судебных институтов, импорт общеимперских норм права и отдельных элементов пореформенной российской юстиции, сохранение традиционного суда и адата, делали суд Степных областей малоэффективным, не способным выполнять качественно свои профессиональные обязанности, не отвечающим потребностям общества и не всегда действующим в рамках общероссийского законодательства. Такая ситуация, спустя уже несколько лет после принятия Временного положения привела к широкому обсуждению проблем региональной судебной системы, исследованию сложившейся ситуации, разработке ряда проектов преобразований судоустройства и судопроизводства Степного края. Однако, на протяжении 70 – первой половины 80-х гг. власти не решились на проведение широкомасштабных преобразований. Новый этап в развитии судебной системы придется на вторую половину 80-х гг. XIX в. и вновь будет реализован в рамках реформы административного управления центральноазиатских окраин Российской империи.

2.2. Эволюция судебной системы Степного края в 80–90 е гг.: сочетание модернизационных начал и общеимперской политики контрреформ

До середины 80-х гг. XIX в. административно-территориальная, судебная и хозяйственная структура Степного края определялась Временным положением 1868 г., которое инкорпорировало систему управления регионом в общеимперскую административно-политическую систему и выступило в период его введения в действие важным шагом по пути модернизации региона. Однако в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. в регионе произошли значительные изменения, связанные с глубокой социальной дифференциацией в обществе, переменами в традиционном экономическом укладе – скотоводстве, процессами урбанизации, развитием городского населения, формированием новых производственных процессов. В этом плане основные направления Временного положения 1868 г., отвечающие уровню социально-экономического развития региона 60-х гг. XIX в., устарели и требовали модернизации. К середине 80-х гг. девятнадцатого столетия имперские власти, проведя подготовительную работу, были готовы к реформированию всей системы управления центральноазиатскими окраинами. Именно с принятием и введение в действие «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г. связан новый этап развития судебной системы Степного края[357]. Начиная с 1886 г., в своей деятельности судебные институты степных областей исходили из норм Положения 1886 г., что делает необходимым более подробно проанализировать суть и содержание основных преобразований судебной системы, законодательно утвержденных в данном документе.

Проведению реформы 80-х гг. XIX в. предшествовало подробное изучение имперскими властями опыта реализации Временного положения 1868 гг. В связи с этим, определенное значение для анализа работы судебных

[357] Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Т. 6. 1886. № 3814. С. 318–346.

институтов центральноазиатских национальных окраин к моменту проведения реформы оказали результаты ревизии Ф.К. Гирса 1882 г., которая хотя и проводилась в Туркестанском крае, но, безусловно, выявила общие тенденции и недостатки судоустройства и судопроизводства, свойственные и для Степного края. Именно материалы ревизии послужили основой для разработки «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г., организация судебной власти в котором была в последующем проецирована и на Степное генерал-губернаторство.

В современной историографии ревизия Ф.К. Гирса не получила должного внимания, хотя в ряде обобщающих исследований по истории Российской империи встречается анализ результатов проведенной Гирсом проверки [358] . Материалы ревизии Гирса, в контексте изучения административной и судебно-правовой системы Туркестана, рассматриваются и зарубежной историографией, которая представлена, прежде всего, работами ученых государств Центральной Азии[359]. В то же время, важным представляется не только итог ревизии, но и процесс ее подготовки и отношение региональных властей к ее проведению. Этот аспект напрямую может показать, насколько имперские власти были готовы к проведению всесторонней модернизации управления.

Поводом для проведения ревизии Туркестанского края стало высказанное в декабре 1881 г. императором Александром III на официальной встрече с будущим генерал-губернатором Туркестанского края М.Г. Черняевым мнение о крайне неудовлетворительном состоянии администрации региона. Военная и политическая карьера М.Г. Черняева широко освещена в современной историографии в связи с особой ролью будущего генерал-губернатора в присоединении Средней Азии к Российской

[358] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008; Судебная правовая политика в России и зарубежных странах. СПб., 2019.

[359] Абдуллаев А. Некоторые вопросы изучения истории социально-политической и судебно-правовой системы в Аму-Дарьинском отделе в конце XIX – начале XX вв. // Наука и мир. 2016. Т. 2. № 10. С. 10–13.

империи[360]. При этом, высоко оценивая полководческий талант и военные заслуги, исследователи отмечают отсутствие у Черняева управленческих способностей, подчеркивая, что на посту генерал-губернатора он не смог себя проявить[361]. Тем не менее, после назначения на должность генерал-губернатора Туркестана М.Г. Черняев приступил к активной деятельности в процессе подготовки и проведении сенаторской ревизии отдаленной национальной окраины.

В апреле 1882 г. генерал-лейтенант М.Г. Черняев представил на рассмотрение российского императора записку, где подчеркивал свое убеждение в необходимости ревизии Туркестанского края, так как «администрация требует значительные изменения и в своем личном составе, и в самом направлении ее действий[362]. По мнению Р.Ю. Почекаева, активное участие Черняева в подготовке ревизии было обусловлено и личными мотивами, стремлением выявить недостатки управления регионом своим предшественником К.П. фон Кауфманом [363] . Не отрицая личной заинтересованности Черняева в проверке вверенного ему региона, важную роль в организации сенаторской ревизии сыграли и действительные проблемы в административном управлении, социально-политической и судебно-правовой системах Туркестана, с которыми столкнулся новый глава региона.

Именно М.Г. Черняев предложил возложить проведение ревизии на командированного в Омск для проведения работ, связанных с упразднением

[360] Дубовицкий В.В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу // История и современность. 2010. № 2. С. 86–111; Брежнева С.Н. Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // Вестник РУДН. Сер. История России. 2014. № 1. С. 106–117; Васильев Д.В. К истории образования Туркестанского генерал-губернаторства (1864–1867 гг.) // Военно-исторический журнал. 2017. № 11. С. 75–81.

[361] Брежнева С.Н. Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // Вестник РУДН. Сер. История России. 2014. № 1. С. 106–117; Абашин С. Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860–1880 годах // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 35–62.

[362] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 359. Л. 2.

[363] Судебная правовая политика в России и зарубежных странах. СПб., 2019. С. 223–224.

Западно-Сибирского генерал-губернаторства тайного советника Ф.К. Гирса, который был хорошо знаком с Туркестанским краем.

Особое внимание, по мнению Черняева, при проведении ревизии необходимо было уделить состоянию судебно-правовой системы региона. Генерал-губернатор говорил не только о проблемах существующего в регионе судоустройства, но и «неудовлетворительности представленного с места проекта о преобразовании судебной части в крае». В связи с важностью для нового главы региона данного вопроса, обязательным для будущей проверки должно было быть включение в ревизионную комиссию чиновника от Министерства юстиции[364]. Однако, министр юстиции Д.Н. Набоков, обсуждая с военным министром П.С. Ванновским в мае 1882 г. необходимость командировать с Гирсом чиновника своего ведомства, подчеркивал, что «министерству близко известны подробности применения действующих в сем отношении правил Степного положения, тем более, что лишь в самом недавнем времени был командирован с этой именно целью для обозрения судебного устройства Уральской области, прокурор Елецкого окружного суда коллежский асессор Сергиевский, подробный отчет которого ныне представлен на мое рассмотрение. <…> при полной почти тождественности во всех существенных чертах судебного устройства Степных областей и в виду имеющихся данных о недостатках оного и о вытекающей из сего потребности изменений в сем устройстве – для Министерства юстиции не представляется необходимости в новом командировании в Степные области особого лица судебного ведомства»[365]. Однако, туркестанский генерал-губернатор М.Г. Черняев был настойчив и аргументируя свою позицию писал: «Крайне печальное положение судебной части в Туркестанском крае, чтобы не сказать полное отсутствие правильного суда, отражаясь весьма неблагоприятно на общем строе управления и личных интересах обывателей края, не однажды уже

[364] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 359. Л. 5–7.
[365] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 359. Л. 9–11.

побуждало предместника моего [генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана – *И.А.*] входить по этому предмету с отдельными представлениями и проектами нового устройства судебной части <…>. При полном отсутствии опытных юристов в крае, все проекты судоустройства для него представлявшиеся местной администрацией, неизбежно оказывались не удовлетворившими специальным взглядам Министерства юстиции»[366].

Только непосредственное участие в ревизии судоустройства региона чиновника Министерства юстиции, по мнению М.Г. Черняева, позволило бы добиться «согласования особенностей и потребностей края с общими взглядами Министерства юстиции». По мнению Черняева программа обследования судебно-правовой системы должна была включать исследование работы всех институтов судебной системы без исключения[367]. При этом, высказывания туркестанского генерал-губернатора пронизывали идеи интеграции региональной судебно-правовой системы в общеимперскую и необходимость реформы народного суда. Важным, по мнению генерал-губернатора вопросом, стоящем перед ревизией было определение юрисдикции народных судов, а также выявление категории правонарушений, которые «в видах пользы самого народа и для поддержания авторитета русской власти» необходимо отнести к компетенциям общеимперского суда.

О серьезном отношении региональных властей в лице Черняева к ревизии судебной системы Туркестанского края говорит и детализация отдельных вопросов, требующих более широко обследования и анализа. В частности, в инструкции ревизионной комиссии указывалось на необходимость подробного изучения механизма наложения народным судом биев наказаний на казахов за воровство. В инструкции подчеркивалось, что регламентация данного правонарушения «принадлежит к числу важных вопросов управления кочевым народом. Между тем, в настоящее время еще не существует точных законоположений определяющих размер штрафов и

[366] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 359. Л. 14–17.
[367] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 359. Л. 22–29.

степени наказаний налагаемых на виновных, кроме того существует разница по подсудности за баранту и убийство для киргизов Туркестанского края и Семиреченской области и для киргизов остальных 4-х областей»[368]. В связи с этим, на ревизионную комиссию возлагалось принятие заключения о возможности разработки общего положения о подсудности и наказаниях за данные преступления, идентичные для казахов Туркестана и Степного края. Разработанная инструкция по ревизии Туркестанского края была утверждена 20 октября 1882 г.[369]

В целом, значимость ревизии Гирса заключалась в том, что инициатива в ее проведении исходила не от центральных ведомств империи, а от региональных властей, отчетливо понимающих важность эффективной судебной системы для управления регионом. Результаты ревизии послужили основой широкого ведомственного обсуждения проблем развития центральноазиатских окраин империи и легли в основу нового Положения об управлении Туркестанского края.

После окончания ревизии, для изучения ее результатов и выработки итогового проекта Положения об управлении Туркестанским краем, в январе 1884 г., была образована особая комиссия под председательством члена Государственного совета генерал-адъютанта графа Игнатьева. В мае месяце того же года комиссия Игнатьева предоставила проект на обсуждение профильным министерствам, а в конце 1885 г. проект поступил для утверждения в Государственный совет[370]. 12 июня 1886 г. Положение об управлении Туркестанским краем было утверждено императором Александром III.

Второй раздел Положения был посвящен судебному устройству в регионе. Первый уровень судебной системы был представлен общеимперскими институтами. Подчеркивалось, что судебные установления

[368] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 359. Л. 39.
[369] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 359. Л. 36–43.
[370] О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 2. С. 70.

в Туркестанском крае образованы и действуют на основании общих законов Империи. Согласно Положению 1886 г. судебная власть в регионе принадлежала мировым судьям, областным судам, Правительствующему Сенату, а вся судебная часть края переходила в ведение Министерства юстиции. С 1 января 1887 г. полномочия уездных судей были переданы мировым судьям, а судебные функции судных отделений областных правлений и канцелярии туркестанского генерал-губернатора – областным судам [371] . Производство следственных действий при совершении правонарушений и преступлений возлагалось на помощников мировых судей и судебных следователей. В уездах, где должности помощников не были учреждены, производство следствия переходило к компетенциям мирового судьи. Мировой судья назначался в каждый уезд. При решении административных и гражданских дел мировой судья действовал согласно общеимперскому законодательству: Уложению о наказаниях (изд. 1885 г.), Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (изд. 1885 г.). При разборе уголовных дел мировые судьи руководствовались Уставом уголовного судопроизводства. В каждой области был открыт Областной суд. В функции Областного суда входило определение следственных участков и распределение по ним помощников мировых судей. Для осуществления прокурорского надзора в Областных судах присутствовал Областной прокурор и его товарищи. Положение 1886 г. четко регламентировало должностные обязанности, служебную иерархию. Надзор за судебными установлениями осуществлялся не только вышестоящими судебными инстанциями вплоть до министра юстиции, но и генерал-губернатором, представителем административной власти в регионе.

Второй уровень судебной системы региона в конфигурации, утвержденной Положением 1886 г. был представлен традиционным судом. Утверждая новый порядок управления, имперские власти отказались от

[371] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014. С. 161–163.

коренной трансформации судоустройства, народный суд был сохранен и институционализирован. Безусловно, Положение 1886 г. закрепляло превалирующее значение общеимперского законодательства в работе судебных институтов. Ст. 140 Положения подчеркивала, что судебная власть мировых судьей, областных судов и Правительствующего сената распространяется на «лиц всех сословий, а также на туземцев в случаях, означенных в статьях 141–143, 173 и 176 Положения» [372] . Основные направления, определяющие положение народного суда заключались в следующем.

Комплекс правонарушений, связанных с преступлениями против государственной власти, с нанесением вреда государственному имуществу (ст. 141) был изъят из компетенции народного суда и подлежал рассмотрению в общеимперском суде. Сюда относились преступления, совершенные казахами: «1) против веры Христианской; 2) государственные; 3) против порядка управления; 4) по службе государственной и общественной; 5) против постановлений о повинностях государственных и земских; 6) против имущества и доходов казны; 7) против общественного благоустройства и благочиния: а) нарушения Устава карантинного, б) нарушения постановлений против повальных и прилипчивых болезней и в) нарушения правил, установленных на случай скотских падежей; 8) против общественного спокойствия и порядка: а) составление злонамеренных шаек и притонодержательство, б) лживые доносы и лжесвидетельство по делам, судимых по законам Империи, в) укрывательство беглых, г) порча телеграфов и дорог; 9) против законов о состояниях; 10) против жизни, здравия, свободы и чести: а) убийство, б) нанесение ран и побоев, последствием коих была смерть, в) изнасилование, г) противозаконное задержание и заключение; 11) против собственности: а) насильственное завладение чужим недвижимым имуществом и истребление граничных меж и

[372] Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Т. 6. 1886. № 3814. С. 318–346.

знаков, б) поджог и вообще умышленное истребление чужого имущества, в) разбой и грабежи, г) похищение казенного имущества и подлоги русских документов»[373]. Также в ведении общеимперского суда оставались дела, совершенные казахами против русского населения, в пределах русских поселений, а также «дела по преступлениям и проступкам между туземцами различных народностей, имеющими отдельные народные суды» (ст.142). Рассмотрению в мировом или областном суде на общих основания подлежали гражданские споры и иски между казахами и представителями других народностей (ст. 143), в ст. 173 перечень гражданских дел, подлежащих ведомству мирового судьи был конкретизирован. К таковым были отнесены: а) иски по личным обязательствам и договорам, о движимом и недвижимом имуществе ценностью не выше 2000 руб.; б) иски о вознаграждении за ущерб и убытки, которые не превышают 2000 руб.; в) иски о личных обидах и оскорблениях; г) иски о восстановлении прав владения, о праве участия в пользовании чужого имущества; а также д) иски, основанные на актах, совершенных при участии русских властей[374].

Наряду с определением границ общеимперской подсудности в отношении казахов, Положение 1886 г. утвердило статус и компетенции народного суда, чем закрепило его особую роль в созданной региональной судебной системе. Правовые возможности народного суда были существенно расширены по сравнению с предшествующими этапами реформы. Ведению народного суда подлежали все дела о преступлениях и проступках совершенных казахами, а также гражданские дела между казахами, подведомственными одному и тому же народному суду. Согласно Положению 1886 г., народный суд получил право налагать наказания в виде денежных взысканий до 300 руб. и заключать под стражу до полутора лет.

[373] Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Т. 6. 1886. № 3814. С. 330.

[374] Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Т. 6. 1886. № 3814. С. 333.

Подтверждался выборный характер народного суда. Народные судьи выбирались на три года и утверждались губернатором (ст. 221, 225). Число народных судей и пределы их участков определялись Областными правлениями перед выборами и соотносились с числом аульных обществ в волости. Всего в волости выбирали не менее четырех судей (ст. 222).

Положение 1886 г. четко прописывало и критерии выбора на должность судьи, основные из которых можно отнести к субъективным качествам: «В народные судьи может быть избран всякий из жителей волости, пользующийся уважением и доверием народа» (ст. 223).

Новый порядок избрания судей подорвал одну из составляющих правовой основы прежнего суда биев – легитимность судей с точки зрения казахского менталитета и, собственно в глазах казахского общества, переставшего принимать участие в организации судебной власти: судьи фактически утверждались администрацией и, к тому же, периодически сменялись[375].

Сохранилась и структура народного суда, он представлял три уровня: 1) единоличные судьи, 2) съезды судей и 3) чрезвычайные съезды судей.

Низшей инстанцией для гражданских и уголовных дел являлся единоличный судья. Волостные съезды или съезды судей собирались по мере накопления дел и дата созыва определялась заранее уездным начальством. В ведении волостных судов находились дела, нерешенные единоличным судьей или опротестованные одной из тяжущихся сторон. Чрезвычайный суд собирался по представлению губернатора для решения дел, в которых участвовали жители разных уездов или волостей. Положение 1886 г. закрепляло введение фиксированного решения суда, т.е. запись постановлений в актовые книги. Обязанности надзора за ведением записей и правильностью оформления книг возлагалась на уездное начальство.

[375] Почекаев Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). Апрель. С. 57.

Судебный процесс объявлялся гласным и публичным, однако право выбора судьи принадлежала истцу. Также Положение 1886 г. ограничило право выбора тяжущихся судебной инстанции, перенесение дела в мировой или областной суд возможно было только при желании обеих сторон (ст. 213), что на практике практически не встречалось. Закреплялось понятие «независимости» народного суда, которая выражалась, в том числе, в системе материального обеспечения института народных судей, которые вместо установленной платы от государства, «содержали сами себя по обычаю». В связи с этим, привлечь судью за должностное правонарушение или взяточничество было практически невозможно, так как размер вознаграждения не регламентировался законом.

Таким образом, Положение 1886 г. сформировало новое содержание судебной системы региона. Имперские дореформенные судебные установления и инстанции были закрыты, появились институты (мировой суд, прокуратура) которые приблизили региональную юстицию к общеимперской. Однако, кардинальной трансформации судоустройства проведено не было. Прежде всего, государство не только сохранило в структуре власти народный суд, но и определенным образом усилило его позиции, путем расширения функциональных компетенций. Сложная конфигурация судебной системы Степного края и Туркестана сохранилась[376]. Тем не менее, несмотря на очевидные недостатки, Положение 1886 г. на несколько лет стало основой для осуществления судебной власти в Степном крае.

Параллельно с разработкой «Туркестанского положения» шел процесс принятия нового положения об управлении Степными областями. Уже в начале 80-х гг. XIX в. представление о необходимости модернизации порядка административного и судебного устройства Степного края получило обсуждение в органах власти различного уровня. В 1883 г. на совещании

[376] Анисимова И.В., Гостюшева Е.М. Имперская судебно-правовая система в Степном крае во второй половине XIX в.: особенности формирования и функционирования // Былые годы. 2018. № 47 (1). С. 271–279.

Соединенных департаментов законов и государственной экономии Государственного совета в связи с необходимостью учреждения в Западной Сибири и Степном крае особого управления государственным имуществом, обсуждался вопрос об административном управлении и судебной системе Степных областей. Подчеркивалось, что утвержденное в 1868 г. Положение носило временный характер и таким образом, «обширная часть Империи управляется в течение пятнадцати лет, на основании положения, не только не получившего Высочайшего утверждения, но и подвергающегося изменениям во всех его частях, в зависимости от усмотрения местной административной власти». По мнению чиновников Департаментов, такой порядок «представляется настолько ненормальным, что к прекращению дальнейшего его существования должны быть направлены самые энергические усилия правительства»[377]. В связи с этим, центральным органам власти (МВД, Министерству юстиции, финансов, государственных имуществ и Военному министерству) было предложено выработать на согласованных основах и внести на рассмотрение Государственного совета свои предположения о устройстве управления и судебной части в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях.

В связи с этим, при МВД была образована Особая комиссия под председательством товарища министра внутренних дел сенатора фон-Плеве, включающая в свой состав представителей профильных министерств и ведомств[378]. К этому времени региональные власти Степного края уже предпринимали шаги по подготовке проекта положения об управлении Степными областями. В связи с чем, товарищ министра внутренних дел, сенатор И.Н. Дурново, обращаясь к Степному генерал-губернатору Г.А. Колпаковскому предложили «ускорить выработку помянутого проекта об управлении в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской <…> совокупно с проектом положения об управлении в областях Уральской

[377] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 3 – 3 об.

[378] О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 2. С. 71.

и Тургайской» [379] . В итоге, для рассмотрения Особой комиссии было представлено несколько проектов: проект, разработанный Степным генерал-губернатором, проект преобразования судебной части в Уральской области и предположения о окончательном устройстве Тургайской области. Кроме того, в комиссию было передано заключение командированного в 1884 г. для ревизии Сибирского и Семиреченского казачьих войск генерал-адъютанта Свистунова по вопросу об упразднении Семипалатинской области в связи с введением в войсках военно-административного управления[380]. В результате работы, опираясь на представленные проекты комиссия выработала проект Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и предполагаемой Казалинской областей в виде общего законопроекта, «долженствующего установить правильное и прочное устройство в степной окраине». Основой проектируемого административного и судебного устройства были взяты общие начала губернского управления и Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. Однако, предложенное комиссией преобразование судебной системы встретило возражение со стороны Министерства финансов. Чиновник особых поручений Министерства финансов, действительный статский советник А.И. Вышнеградский счел учреждение общих судебных установлений в Степных областях преждевременным. Вместо реформы чиновник предлагал «не учреждая ныне областных судов, собрать обстоятельные и подробные сведения и числе и роде судебных дел, поступающих в областные правления, а также о числе дел, возникающих со времени введения судебной реформы в некультурных частях Сыр-Дарьинской области, сходных по составу населения и другим условиям с областями Степного края»[381]. Однако, мнение Министерства финансов было подвергнуто критике.

Как региональные, так и центральные органы власти одним из главных оснований эффективного управления Степным краем считали отделение суда

[379] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 38 – 38 об.
[380] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 372.
[381] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 378.

от административной власти. Рост численности населения в регионе, в том числе за счет переселенческого населения из внутренних губерний империи, развитие всех сторон общественной жизни, изменение социально-экономических условий требовали и кардинальных преобразований в системе осуществления правосудия. В связи с этим, отказ от реформы суда на неопределенное время, представлялся «крайне неудобным».

Комиссия Плеве окончила работу в 1888 г. Выработанный проект получил обсуждение в различных ведомствах, а 2 мая 1890 г. был представлен в Государственный совет. 25 марта 1891 г. Степное положение было законодательно утверждено[382].

При всей важности принятого документа, в судоустройство Степного края не было внесено кардинальных изменений, направленных на усовершенствование сложившейся модели судоустройства. Судебная система была представлена областными судами, мировыми судьями и их помощниками в уездах. В основе своей роль, место, компетенции народного суда Степных областей, утвержденные Степным положением 1891 г. исходили из Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г.

Отметим, что Степное положение 1891 г., как и Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. сделали определенный шаг назад в процессе модернизации судебной системы Степного края. Речь, прежде всего, идет о компетенциях народного суда. В Степном положении 1891 г. был отменен ряд принципов, закрепленных в судебной системе Степного края Временным положением 1868 г. и способствующих по сути модернизации региональной юстиции. Речь идет о изъятии из компетенций имперского суда рассмотрения семейных и брачных дел казахского населения, «дабы окончательными постановлениями сего суда не преградить возможность обиженной стороне отыскивать восстановления своих прав по народным обычаям». Имперская администрации была отстранена от

[382] Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанкого края // ПСЗРИ. Собр. 3. 1891. Т. 11. № 7574. С. 133–147.

разрешения этих дел «из опасения, что незнакомством своим с народными обычаями, неприкосновенность которых законодатель стремился охранить, она вселит беспокойство и неудовольствие в народе»[383]. Также, новым положением были отменены разграничения дел каждой подсудности, предоставив, по-прежнему, биям и их съездам решать по обычаям все возникающие между киргизами уголовные и исковые дела, но с правом для сторон более широко обжалования.

Таким образом, Степное положение 1891 г. лишь закрепило сложившуюся в Степном крае к началу 90-х гг. XIX в. систему судоустройства и судопроизводства, укрепив, при этом, позиции народного суда. Устройство суда, утвержденное Степным положением 1891 г., достаточно скоро проявило все свои недостатки. В июле 1894 г. степной генерал-губернатор М.А. Таубе признал необходимым пересмотреть некоторые нормы Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 г. В частности, М.А. Таубе писал о том, что некоторые нормы Положения не соответствуют современным условиям жизни Степного края, поэтому их необходимо подвергнуть тщательному пересмотру, не исключая положения о судоустройстве[384].

В целом, проводимые мероприятия отвечали общему духу преобразований в Российской империи в 80-90-егг. XIX в., вызванных контрреформистскими тенденциями. Государство так и не решилось на модернизацию судебной власти в степных областях, приводя в качестве обоснования неготовность региона к крупномасштабным реформам. В итоге к концу XIX в. судебная система Степного края сочетала в себе институты традиционного суда, полномочия которых по Положению 1886 г. и Степному положению 1891 г. были расширены и закреплены, и элементы

[383] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 106 об.
[384] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 647. Л. 1–2.

общеимперской дореформенной системы судов, что, в целом, значительно замедляло процесс интеграции региона в общеимперское пространство.

Безусловно, Положение 1886 г. и Степное положение 1891 г., несмотря на наличие деструктивных моментов, привнесли в судебную систему региона и совершенно новые судебные институты. Важным элементом нового устройства суда стало введение в регионе института мировых судей. Появление мирового суда в России было связано с качественными изменениями, произошедшими в государстве во второй половине XIX в. Модернизационная направленность реформ 1860-х гг. свидетельствовала о понимании правительственными кругами империи необходимости кардинальных перемен в социально-экономический, политической и правовой сферах. Важным элементом модернизации судебно-правовой системы стало внедрение мировой юстиции, что способствовало ускорению, упрощению и удешевлению судопроизводства. Действительно, учреждение института мировых судей стало наиболее демократичным звеном пореформенной судебной системы Российской империи [385] . Однако, внедрение мирового суда в юридическую практику в России сопровождалось значительными трудностями как теоретического, так и практического свойства. Многие сущностные аспекты данного звена судопроизводства встречали непонимание со стороны администрации губерний, их полицейских органов. Согласимся с мнением В.М. Деревсковой, что сочетание имперскими властями «консервативной модернизации» с местными условиями привело к тому, что на территории российского государства не сложилась единообразная судебная система[386].

В Российской империи к концу XIX в. было реализовано четыре варианта судебной системы, которые отличались степенью, полнотой и эффективностью преобразований. По основным характеристикам Степной

[385] Биюшкина Н.И. Некоторые практические проблемы внедрения мирового суда в российскую правовую действительность (пореформенный период XIX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2000. № 1. С. 23.

[386] Деревскова В.М. Судебная система Сибири во второй половине XIX века: сравнительный анализ общеимперских и региональных начал // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3. С. 12.

край можно отнести к четвертому типу, наряду с Закавказьем, Архангельской губернией, Сибирью, Закаспийской и Квантунской областями[387]. В этих регионах мировые судьи назначались от правительства, они имели широкие пределы подсудности, осуществляли производство предварительного следствия, выполняли функции нотариата и т.д.

В Степном крае процесс внедрения в судебную систему института мировых судей проходил достаточно остро. Так как Судебные уставы 1864 г. не были изначально распространены на Степное генерал-губернаторство, первые шаги в учреждении института мировых судей были предприняты лишь в 1886 г. К компетенции мирового судьи относилось рассмотрение исков по личным обязательствам и договорам, а также об имуществе на сумму до 2000 руб. Содержались мировые судьи и их помощники за счет областных земских сборов. Согласно утвержденному штату мировых судей в степных областях было учреждено 53 должности (Таб. № 1). Как свидетельствуют данные таблицы № 1, ежегодное содержание мировых судей составляло 138 тыс. руб. Финансовое обеспечение одного чиновника в год варьировалось в пределах 2600 руб., включая расходы на проезд по служебным делам.

Таблица № 1.

Распределение мировых судей по областям Степного края и суммы, выделяемые на их содержание (по Высочайше утвержденному штату мировых судей от 25 марта 1891 г.)[388]

Область	Количество должностей мировых судей (чел.)	Ежегодные расходы на содержание, включая расходы на разъезды (руб.)
Акмолинская	11	26600
Семипалатинская	11	26600
Семиреченская	13	37496

[387] Деревскова В.М. Судебная система Сибири во второй половине XIX века: сравнительный анализ общеимперских и региональных начал // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3. С. 10–14.

[388] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 98; РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084. Л. 81.

Уральская	11	26100
Тургайская	7	21800
Итого:	53	138596

Наиболее остро вопрос о положении института мировых судей в Степных областях зазвучал в ходе подготовки и обсуждения проекта реформы судебной системы Степного края, предусматривающей введение в полной мере в регионе Судебных уставов 1864 г.

По согласованию с Министерством юстиции, областными и уездными региональными властями Степного генерал-губернаторства в первой половине 90-х гг. XIX в. была проведена существенная работа по сбору материалов о характере судебной системы в крае, в процессе которой были выявлены основные недостатки организации судебных институтов, в том числе и мировых судей. В результате изучения материалов региональные власти и чиновники Министерства юстиции пришли к заключению, что большинство проблем в работе судебных институтов Степного края носило системный характер. Прежде всего, критике подверглось штатное расписание судебного ведомства Степного края.

Министерство юстиции признало недостаточным существующий в Степных областях штат мировых судебных установлений, который состоял из 53 мировых судей и их помощников. Для усиления работы института мировых судей предлагалось назначить 56 участковых и 6 добавочных мировых судей (всего 62 должностных лица), которые сочетали бы в себе обязанности судей и участковых судебных следователей[389].

Подтверждением необходимости усилить мировую часть может послужить ситуация, сложившаяся в Уральской области. В октябре 1895 г. в Министерстве юстиции был поднят вопрос об усилении личного состава мировых судебных установлений в Уральской области. Согласно штатам судебных установлений в Степных областях от 25 марта 1891 г., в Уральскую

[389] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 98.

область было назначено пять мировых судей. Обязанностями одного из них являлось рассмотрение дел мировой подсудности по г. Уральску и его окрестностям, в компетенции остальных находились дела, возникающие в уездах области. Однако, с первого дня работы мировые судьи столкнулись со значительным объемом работы, связанным с передачей новым судебным учреждениям всех нерешенных уголовных и гражданских дел из уездного суда, одного из дореформенных судебных институтов в крае.

Отметим, что проблемы в судоустройстве степных областей были известны императору Александру III. На всеподданнейшем отчете военного губернатора Уральской области за 1893 г., где К.К. Максимович обозначил наиболее очевидные недостатки деятельности судебных органов вверенного региона, была сделана собственноручная пометка императора «*Это жаль*»[390].

Как подчеркивал военный губернатор Уральской области, в связи с передачей «весьма значительного количества нерешенных дел», мировые судьи, «с самого начала их деятельности были поставлены в невозможность разбирать без замедления вновь возникающие производства». Так, к мировому судье Уральска поступило 2688, а к мировому судье Уральского уезда 4942 «старых» дела. Наряду с чем, происходило увеличение дел мировой подсудности, требующих безотлагательного разбирательства, например, дела о порубках в войсковых лесах, о самовольной распашке земли, о краже казахами лошадей у казаков, об угоне скота и т.п. Однако, чрезвычайная загруженность мировых судей приводила к медлительности в отправлении правосудия и пагубно сказывалась на статусе самого вновь учрежденного судебного института. Данными причинами и было вызвано ходатайство военного губернатора Уральской области генерал-майора К.К. Максимовича о необходимости усиления личного состава мировых судебных установлений в Уральском уезде.

[390] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1895. Д. 129. Л. 2.

По распоряжению Министерства юстиции было проведено изучение данного вопроса, в результате которого были выявлены следующие проблемы. Если делопроизводство мировых судей Темирского, Калмыковского и Гурьевского уездов Уральской области находилось в сравнительно благоприятном положении в результате небольшого количества переданных им от уездных судов старых дел (в Темирском уезде всего 26 дел, в Калмыковском – 1053 дела), так и вновь поступающих к ним производств, то ситуация в судебных учреждениях Уральского уезда и г. Уральска действительно находилась в критическом состоянии (Таб. № 2).

Таблица № 2.

Движение дел мировой подсудности в Уральской области за 1893–1894 гг.[391]

Название участка	1893 г.				1894 г.		
	Передано дел из дореформенных судебных учреждений	Возникло в текущем году	окончено	Осталось нерешенными на 1 января 1894 г.	Возникло в текущем году	окончено	Осталось нерешенными к 1895 г.
г. Уральск	2688	401	82	3007	1189	2061	2135
Уральский уезд	4942	686	5	5623	2545	3329	4839
Темирский уезд	26	59	11	74	218	280	12
Калмыковский уезд	1053	115	54	1114	590	876	828
Гурьевский уезд	961	184	463	682	763	1119	326

[391] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1895. Д. 129. Л. 11 об.

Как свидетельствуют данные таблицы № 2, в некоторых судебных участках закрытие дел в связи с окончанием не превышало 50 %. Необходимо отметить, что мировым судьям Уральской области дела были переданы в конце 1893 г., когда они и приступили к работе. Этим, отчасти и объясняется незначительный процент оконченных в 1893 г. дел. Однако, эффективность работы в 1894 г. все равно оставалась низкой.

Важно и то обстоятельство, что большинство вновь возникающих дел мировой подсудности требовали незамедлительного проведения следствия и рассмотрения в суде (дела о краже леса и причинении вреда лесному хозяйству, краже личного имущества, самовольной распашке земли и т.п.). Однако, в условиях загруженности мировых судей решение таких дел откладывалось на неопределенный срок.

Министр юстиции Н.В. Муравьев признавая «дальнейшее оставление мировой юстиции в Уральском уезде в настоящем затруднительном положении совершенно невозможным и соглашаясь с мнением местного губернатора о необходимости безотлагательного усиления личного состава судебно-мировых учреждений», постановил с 1 января 1896 г. внести изменения в штатное расписание и временно, на три года, ввести в Уральской области две должности помощника мирового судьи[392].

Позднее, в 1898 г. вопрос о временном характере учрежденных должностей помощников мировых судей вновь был поднят. В Министерстве юстиции отмечали, что «временное усиление личного состава мировых судебных установлений в Уральской области в виду значительного возрастания числа возникающих дел мировой подсудности оказалось однако недостаточным для обеспечения правильного правосудия в области… [и] в случае упразднения двух временных должностей помощников мировых судей с 1 января 1899 г. мировые судьи Уральской области… были бы поставлены в … неблагоприятное положение». В итоге, было принято решение о сохранении временных должностей помощников мировых судей

[392] РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 257–259.

Уральской области, вплоть до введения в Уральской области судебной реформы в полном объеме[393].

Уже через несколько лет после введения в действие судебных установлений 1891 г. стала очевидной необходимость учреждения должности помощника мирового судьи в Актюбинском уезде Тургайской области. Проблема заключалась в том, что по утвержденным штатам в Актюбинском, Иргизском, Тургайском уездах Тургайской области не было выделено штатной единицы помощников мировых судей. Лишь в марте 1892 г. в распоряжение Оренбургского окружного суда был назначен один помощник мирового судьи. Безусловно, отсутствие помощника мирового судьи приводило к значительному увеличению объема работы последнего. Население Актюбинского уезда неоднократно обращалось с заявлениями к региональным чиновникам о возникающих сложностях и неудобствах. Мировой судья Актюбинского уезда, вынужденный для производства следствий проводит много времени в разъездах в пределах обширной подведомственной ему территории, практически отсутствовал в г. Актюбинске, где располагалась его судебная камера, а приезжающие в Актюбинск для подачи заявлений или рассмотрения дела жители отдаленных местностей уезда вынуждены были ожидать мирового судью неделями. К Тургайскому военному губернатору неоднократно обращались волостные управители, народные судьи, уездные власти с ходатайствами об учреждение в Актюбинском уезде особой должности помощника мирового судьи для производства следственных действии вне уездного города. Тургайский губернатор Я.Ф. Барабаш поддержал данную инициативу и в результате Министерство юстиции согласилось с необходимостью учредить в уезде должность помощника мирового судьи[394]. В июне 1895 г. Госсовет принял постановление о внесении изменений в штат управления Степными

[393] РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 276 – 276 об.
[394] РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 268–269.

областями и учреждении должности помощника мирового судьи с годовым окладом в размере 1400 руб.[395]

Важным недостатком судебной системы Степного края оставалась низкая материальная обеспеченность должности мирового судьи. Согласно утвержденным 25 марта 1891 г. штатам судебных установлений в Степных областях, мировым судьям сверх содержания было назначено по 800 руб. в год на канцелярские расходы и на наем переводчиков. Производство следствия, согласно установлениям, было возложено на помощников мировых судей, которым, для исполнения обязанностей, связанных с частными разъезды по их участкам выделялось на издержки по 1000 р. ежегодно. Однако на деле реализация такой модели распределения обязанностей происходила далеко не всегда. Например, в октябре 1894 г. Министерство юстиции выступило с предложением внести изменения в штаты мировых судебных установлений Тургайской области. Основанием для инициативы послужило расширение на практике обязанностей мировых судей Тургайского, Иргизского и Актюбинского (Илецкого) уездов Тургайской области. По факту на эти должностные лица было возложено не только рассмотрение дел мировой подсудности, но и производство следствий в самих уездах. Но расходы по должности, по-прежнему, составляли согласно штатам судебных установлений 800 р. ежегодно. В результате, как подчеркивалось в представлении министра юстиции Н.В. Муравьева, «они (мировые судьи. – *И.А.*), исполняя обязанности как мировых судей, так и помощников мировых судей, поставлены по размеру канцелярских средств, в худшее положение, чем помощники мировых судей». В то же время, отмечалось далее министром юстиции, помощник мирового судьи Тургайской области, состоящий при Оренбургском окружном суде и получающий, согласно Штатам по 1000 р. ежегодно, выступая в качестве члена суда, не имел никаких вообще канцелярских расходов, а «издержки его

[395] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1895 г. Второе полугодие. СПб., 1896. № 116. С. 2180–2181.

на выезды из Оренбурга в места нахождения камер мировых судей по заявлению Тургайского военного губернатора не превышают 30–32 р. в месяц»[396]. В связи с этим Н.В. Муравьев предложил сократить канцелярские расходы помощника мирового судьи, состоящего при Оренбургском окружном суде с 1000 до 400 р. в год, и за счет освободившихся средств усилить ежегодное содержание мировых судей Тургайского, Актюбинского и Иргизого уездов с 800 до 1000 руб. каждому. Министерство финансов в лице товарища министра А.Я. Антоновича признало возможным внесение данных изменений[397].

Не менее активно обсуждался вопрос о назначении разъездных денег мировым судьям Степных областей. По штатам судебных установлений 1891 г. особые разъездные деньги выделялись только помощникам мировых судей, исполняющим обязанности судебных следователей[398]. Однако, большинство мировых судей в Степных областях, не имея помощников, сами выполняли функции следователя, что было сопряжено с частыми разъездами в пределах вверенных им уездов или областей, но дополнительного финансирования на эти поездки им не выделялось. На эту проблему неоднократно обращал внимание Степной генерал-губернатор М.А. Таубе, подчеркивая насколько негативными для региона является бедственное положение мировых судей.

В одном из своих отношений в Министерство юстиции генерал-губернатор М.А. Таубе писал, что «при значительном протяжении степных уездов, в коих, как например в Лепсинском, Зайсанском, Усть-Каменогорском и др., многие населенные пункты отстоят от уездных городов, в коих имеют пребывание мировые судьи на 300 и более верст, разъезды сих должностных лиц по их участкам сопряжены с весьма большими расходами. Потому местные мировые судьи, не имея в своем распоряжении … средств на покрытие издержек разбирают, за редким исключением поступающие на их рассмотрение дела в помещение их камер.

[396] РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 220.
[397] РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 220–221.
[398] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1896. Д. 112. Л. 2.

Этот порядок оказывается столь обременительным для обращающихся к суду лиц, что многие их них предпочитают вовсе не прибегать к содействию суду»[399].

После изучения сути вопроса, чиновники Министерства юстиции согласились с региональными властями о необходимости дополнительного ассигнования мировых судей Степных областей. В своих рассуждениях министр юстиции опирался на тот факт, что в дореформенный период уездные судьи сверх содержания и канцелярских расходов получали еще особые «разъездные деньги», и имели возможность проводить следствие по делу не только в судебных камерах, но и на местах возникновения дел. Однако в пореформенное время, отмечал Н.В. Муравьев, «условия деятельности мировых судей степных областей в сравнении с бывшими уездными судьями оказываются менее благоприятными, … [а] устранить встречаемые затруднения путем вменения мировым судьям степных областей в обязанность производить разъезды на счет личного их содержания или канцелярских средств совершенно невозможно, ибо ограниченная сумма в 800 р. ежегодно, отпускаемая на содержание канцелярии и на наем переводчиков и в настоящее время во многих случаях оказывается недостаточною, а личное содержание мировых судей (в Семиреченской области 2000 р., в остальных 1800 р.) и ныне представляется весьма скудным и не обеспечивающим безбедного существования этих чинов судебного ведомства»[400].

В результате долгого обсуждения вопроса, в котором активное участие принимали чиновники Министерства финансов, было выработано решение об ассигновании с 1 января 1897 г. дополнительных средств мировым судьям Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Уральской областей для осуществления поездок по вверенным участкам, с поступлением финансирования для дальнейшего распределения председателям областных

[399] РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 261–262.
[400] РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 262–263.

судов: председателю Уральского областного суда – 1200 р., председателям Акмолинского и Семипалатинского областных судов – 1500 р. ежегодно, председателю Семиреченского областного суда – 2400 р. в год[401].

Наличие многочисленных проблем привело к активному обсуждению вопросов реорганизации института мировых судей Степного края в Министерстве юстиции. В конце 1897 г. чиновниками ведомства был подготовлен доклад «Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях», в котором подробно рассматривались все недостатки действующей судебной системы и предлагались механизмы ее улучшения. Одной из проблем, обозначенных в докладе была малочисленность мировых судей в Степных областях. Действительно, области Степного края, а также Сырь-Дарьинскую и Семиреченскую области Туркестанского генерал-губернаторства обслуживало 67 мировых судей (табл. № 3).

Таблица № 3.

Количество участковых мировых судей в областях Степного края и Сырь-Дарьинской и Семиреченской областях Туркестанского генерал-губернаторства[402]

Область	Общее число участковых мировых судей и их помощников	Число дел, приходящихся на каждого		Размеры подведомственной территории (кв.верст)
		мировой подсудности	следственных	
Сыр-Дарьинская	14	433	43	26390
Акмолинская	11	666	55	42921
Семипалатинская	11	445	48	37902
Семиреченская	13	717	42	25871
Уральская	11	477	42	25167
Тургайская	7	647	38	56804

Особенно сложная ситуация, как свидетельствуют данные таблицы № 3, складывалась в Акмолинской и Тургайской областях, где размеры подведомственных судьям территорий доходили до 56 тыс. кв. верст.

[401] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1896. Д. 112. Л. 9.
[402] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 727. Л. 80 об.

Рассматривая данную проблему, министр юстиции предлагал в качестве примера для расчета, необходимого для обеспечения эффективной работы судебной системы региона числа участковых мировых судей, принять практику, внедренную в Сибири. Здесь на каждого из должностных лиц должно было приходиться не более 500–600 дел мировой подсудности и не более 70–80 следственных дел, а территории мировых участков ограничивались 31000 кв. верст. Реализация данной модели была бы, по мнению министра юстиции, наиболее оптимальной для региона, в то время как, исходя из расчетов, применяемых для внутренних губерний Российской империи, численность мировых судей в степных областях необходимо было увеличить в 5–6 раз[403].

Несвоевременность, половинчатость проводимых мероприятий сделали работу мировых судей малоэффективной. Особенности местных социальных, экономических и географических условий требовали практически сразу внесения корректив в работу вновь учрежденного института судебной системы.

Проявившиеся в течение нескольких лет после утверждения нормативной основы проблемы судебной власти в Степном крае были известны и на уровне Министерства юстиции. Министр юстиции Муравьев признавал, что наиболее эффективным способом устранения всех недостатков и решения проблем в работе региональной юстиции будет проведение полномасштабной судебной реформы и унификация судебного устройства Степного края с общеимперскими процессами. Но, при этом, понимая сложности и отчасти, невыполнимость такого мероприятия, Муравьев считал необходимым вносить хотя бы частичные преобразования в организацию судебной системы региона, направленные на снижение наиболее острых вопросов.

В частности, в 1895 г. ведомство обратило внимание на сложную конфигурацию нормативно-правовой основы деятельности суда в регионе,

[403] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 727. Л. 80.

сочетающую в себе, наряду с актуальными законами, дореформенные постановления, используемые для решения дел, изъятых из ведения мировых судебных учреждений. За несколько лет отчетливо обозначились и несоответствия утвержденных Положениями 1886 г. и 1891 г. штатов судебных установлений Степных областях «количеству лежащего на сих установлениях труда»[404]. По штатному расписанию, состав Семиреченского и Акмолинского областных судов включал председателя и 3 членов суда в каждом; Семипалатинский и Уральский областные суды состояли из председателя и двух членов. В Тургайской области областной суд отсутствовал. Ст. 101 Степного положения подразумевала в случае отсутствия председателя суда или одного из его членов, включать в работу заседания «не принимавших участия в производстве следствия мировых судей или судебных следователей». В теории, такая схема должна была обеспечить бесперебойное и соответствующее закону отправление правосудия. Однако, здесь были не учтены региональные особенности системы правосудия, так как исходя из численного состава чиновников судебного ведомства, «не принимавших участия в производстве следствия мировых судей или судебных следователей» найти было невозможно.

В Семиреченской и Семипалатинской областях должность судебного следователя по особо важным делам учреждена не была, в Акмолинской и Тургайской областях по штатному расписанию состояло по одному судебному следователю на область, которые «в виду самого характера возлагаемых на них обязанностей и обширности подведомственных им территорий, находятся в течение почти всего года вдали от областных центров», а значит принимать участие в заседаниях областного суда представлялось для них крайне сложным. Подобная ситуация сложилась и в институте мировых судей, обслуживающих регион. В областных городах Степного края: Омске, Семипалатинске, Верном и Уральске работало по 2 мировых судьи. Объем работы по делам мировой подсудности, как

[404] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1895. Д. 136. Л. 2.

свидетельствовали документы, ежегодно возрастал, эффективность производства была невысокой, разбирательства дел отличались медлительностью и т.д. Так, в Уральской областной суд в 1896 г. поступило 1734 дела, требующих незамедлительного рассмотрения. (Табл. № 4.) В связи с чем, участие одного судьи в заседании областного суда могло еще более снизить эффективность выполнения прямых обязанностей. Таким образом, нередко работа областного суда, из-за отсутствия своевременной замены одного из членов суда, ставилась под вопрос.

Таблица № 4.

Количество дел, поступающих для решения в областные суды Степного края (по данным 1896 г.)[405]

Название областных судов	Число дел 1-й инстанции			Число дел 2-й инстанции			Всего
	уголовных	гражданских	всего	уголовных	гражданских	всего	
Акмолинский	798	173	971	274	257	531	1502
Семипалатинский	568	123	691	288	177	465	1156
Семиреченский	650	359	1009	276	302	578	1587
Уральский	834	161	995	339	400	739	1734
Оренбургский и Троицкий окружные суды	201	14	215	94	135	229	444

Степное положение 1891 г., как и Положение 1886 г. в свое время, вызвало замечания и со стороны областной администрации и «породило массу недоумений». Причины этого заключались по признанию уездной администрации в отсутствие знаний местных условий и оторванности законодательства от реальной ситуации в регионе.

[405] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 727. Л. 81 об.

Вице-губернатор Семипалатинской области В.Г. Котюхов уже в отчете за 1887 г., т.е. по прошествии года после введения Туркестанского положения 1886 г. подчеркивал, что устройство как имперского суда, так и традиционного суда биев имеет существенные недостатки. Среди наиболее актуальных проблем В.Г. Котюхов выделял совмещение в руках уездных судей судебных и следственных функций, малоэффективность работы областных правлений, порядок выбора народных судей [406]. Аналогичное мнение звучало и в рапорте военного губернатора Семипалатинской области в 1893 г. По мнению А.Ф. Карпова, совмещение множества обязанностей «в лице одного человека является вообще неудобным, а в Семипалатинском уезде, в коем находится областной город с населением до 29 000, труд уездного судьи делается совершенно непосильным и неминуемо отражается на движении дел»[407].

Проблемы, которые возникли перед региональными властями, в связи с введением Положения, потребовали от последних эффективных механизмов их разрешения. Так, по распоряжению Тургайского военного губернатора Я.Ф. Барабаша в январе 1894 г. был назначен и проведен съезд уездных начальников и «сведущих лиц из киргизов» для обсуждения в Общем присутствии Областного правления возникших в течение трех лет противоречий и сложностей, вызванных введением Степного положения. Повестка съезда была достаточно широкой, касалась как вопросов административного управления, экономической жизни региона, положения народного образования, так и организации судебной части. Отдельно рассматривался вопрос о выработке мер для обеспечения правильного отправления правосудия и ликвидации такой актуальной проблемы как «медлительность» в рассмотрении и решении дел. Обсуждался вопрос о сроках периодических и чрезвычайных съездов народных судей, а также о

[406] Всеподданнейший отчет исправляющего должность военного губернатора Семипалатинской области за 1887 г. С. 6–7.

[407] Рапорт военного губернатора Семипалатинской области Его Императорскому величеству. 1893 г. С. 3.

функциях уездного начальника по организации надзора за приведением в исполнение приговоров и решений народных судей[408].

На съезде развернулась широкая дискуссия, так как ряд предложений был связан с необходимостью внесения изменений в само Степное положение. В итоге Общее присутствие Областного правления лишь приняло все мнения к сведению, подчеркивая, что будет иметь их в виду «при возбуждении ходатайства о соответственной реформе народного суда». Таким образом, цель которая ставилась военным губернатором перед съездом, так и не была достигнута.

Проблемы судоустройства в Тургайской области получили рассмотрение в Министерстве юстиции в 1895 г. В судебном отношении Тургайская область была подчинена ведению Оренбургского окружного суда и прокурорского надзора. Исключение составлял Николаевский уезд, дела мировой подсудности которого находились в ведение Троицкого окружного суда, выступающего в качестве мирового съезда, что было утверждено мнением Государственного совета от 9 марта 1892 г. В результате, часть дел мировой подсудности, по которым допускалась явка сторон во вторую инстанцию суда рассматривались в Троицком окружном суде, дела общей подсудности, не требующей присутствия тяжущихся на слушании дела, рассматривались в Оренбурге. Достаточно скоро такое положение «вызвало значительные неудобства» как для населения Николаевского уезда, так и для чиновников Оренбургского окружного суда и прокуратуры[409].

В ходе рассмотрения дела чиновники неоднократно подчеркивали, что подобные ситуации значительно осложняют судопроизводство и уменьшают престиж имперского суда у местного населения. После обсуждения, дополнительным нормативно-правовым актом была утверждена новая подотчетность уездов Тургайской области между Оренбургским и Троицким

[408] Вопросы управления, хозяйства, суда и народного образования в Тургайской области, разрешенные в общем присутствии Тургайского областного правления с участием уездных начальников и сведущих лиц из киргизов в заседаниях с 25-января по 12 февраля 1894 г. Оренбург, 1894 г. // Журнал юридического общества. 1895. Кн. 5. Май. С. 18–26.

[409] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1895. Д. 51. Л. 2 об.

окружными судами. Права и обязанности областного суда по Актюбинскому и Иргизскому уездам Тургайской области возлагались на Оренбургский окружной суд. По Николаевскому и Тургайскому уездам права и обязанности областного суда переходили к Троицкому окружному суду. Принятое положение распределяло также обязанности прокурорского надзора, был увеличен штат мирового суда Тургайской области[410]. Однако, принимаемые единичные меры не могли в корне решить проблемы судоустройства в регионе.

Но, наибольшей критики и обсуждения на разных уровнях власти вызывали разделы Положения 1886 г. и Степного положения 1891 г., регламентирующие деятельность народного суда в Степном крае. Этот вопрос актуализировал широкую дискуссию в высших правительственных кругах, в результате чего сложилось четкое убеждение о необходимости реформы народного суда по пути его дальнейшей инкорпорации в общеимперскую систему. Закрепление Положением 1886 г., а затем и Степным положением 1891 г. широких функциональных компетенций народного суда не могло не вызвать обсуждение со стороны региональных властей, которые подчеркивали, что «совершенное обособление туземцев в области гражданских правоотношений самым неблагоприятным образом отражается на деле сплочения их с русским населением и, без сомнения, надолго замедлит приобщение их к русской гражданственности»[411].

Проблемы, вызванные широкими компетенциями народного суда были очевидны и для высших правительственных инстанций. По мнению министра юстиции Н.В. Муравьева, высказанного в начале 90-х гг. XIX в. «действующее ныне устройство народных судов представляется далеко не удовлетворительным и нуждается в улучшении»[412]. Аналогичной позиции

[410] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1895. Д. 51. Л. 12 – 12 об.; О распределении между Оренбургским и Троицким окружными судами прав и обязанностей по делам, возникающим в Тургайской области // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1895 г. № 116. Ст. 869. С. 2179–2181.

[411] Черданцев Н.С. О некоторых ненормальностях в устройстве народного суда в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 2. С. 116.

[412] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 52 об.

придерживался управляющий Министерством внутренних дел, который отмечал, что к середине 90-х гг. XIX в. недостатки условий деятельности народного суда проявились достаточно отчетливо[413]. Положение 1886 г. не только не способствовало интеграции народного суда региона в общеимперскую систему, но закрепило его обособленность и не подотчетность русской судебной и административной системе. Так, решения, принятые народным судьей или съездом народных судей, являлись окончательными и могли быть кассированы общеимперским судом только в исключительных случаях при выявлении нарушения пределов ведомства. И чиновники Министерства юстиции, и администрация Степного генерал-губернаторства признавали, что установленная «Туркестанским положением» возможность отмены решения народных судов общеимперскими судебными органами слишком ограничена. «Народные суды часто, - подчеркивалось в докладе Министерства юстиции, - не выходя из пределов ведомства и власти, постановляют такие решения, которые противоречат основным понятиям справедливости и нравственности. <…> бывали случаи присуждения за неисполнения обязательств или за личные обиды в пользу обиженного штрафа в виде лошади и девицы. Едва ли целесообразно придавать особую устойчивость решениям обычного суда народа, стоящего в массе своей на столь низкой степени культуры»[414].

Негативно оценивал действие Положения 1886 г. туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский. В июне 1891 г. в обращении к Военному министру барон Вревский отмечал «упадок авторитета административной власти в Туркестанской крае»[415]. Причина упадка, по мнению главы региона, заключалась в совершенном отдалении судебной власти от административной. Вревский писал: «Население увидело, что органы суда

[413] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 96 об.

[414] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 727. Л. 97 об. – 98.

[415] Выписка из отзыва Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта барона Вревского к Военному министру (от 5 июня 1891 г.) // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. X. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895. С. 118.

пользуются огромными правами, назначая высшие наказания и приводя немедленно в исполнение такие свои приговоры, по которым виновные присуждаются даже к каторжным работам, тогда как административные лица, на которых собственно и лежит все бремя управления и тяжелая ответственность, лишены почти всякой власти»[416]. Более того, по мнению генерал-губернатора, «с введением положения судебные учреждения даже при отличном своем составе <…> не могут осуществлять основных требований русского судопроизводства в среде здешнего мусульманского населения, не понимающего наших судебных порядков и требований»[417].

Критически оценивало устройство судебной системы, закрепленное Положением 1886 г. и общественное мнение. Исследователь Туркестанского края, действительный статский советник Н.А. Дингельштедт в своей работе, посвященной анализу судебных преобразований по Положению 1886 г., подчеркивал, что «произведенная в крае судебная реформа представляется вообще <…> не существенной, а результаты состоявшегося преобразования не соответствуют тем денежным затратам, которые вызываются введением областных судов»[418]. Неуместным, по мнению автора, было и сохранение прежней громадной компетенции народного суда, которые препятствует развитию в населении гражданственности, затрудняют влияние идей прогресса, науки и образования на общество, препятствуют укреплению позиции имперских властей.

В июне 1891 г. министр юстиции Н.А. Манасеин в своем отношении в Министерство внутренних дел подчеркивал, что при применении на практике положения об управлении Туркестанского края возникли «существенные недоразумения по поводу некоторых постановлений, касающихся

[416] Выписка из отзыва Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта барона Вревского к Военному министру (от 5 июня 1891 г.) // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. X. СПб., 1895. С. 119.

[417] Выписка из отзыва Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта барона Вревского к Военному министру (от 5 июня 1891 г.) // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. X. СПб., 1895. С. 120.

[418] Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане // Журнал гражданского и уголовного права. Год 22-й. Кн. 7. СПб., 1892. С. 56–57.

производства дел в народных судах»[419]. В связи с существенными недостатками в работе новой конфигурации судебной системы региона, в 1890–1891 гг. в Министерстве юстиции были составлены предложения об изменении ряда статей Положения, касающихся порядка деятельности народного суда, которые министр юстиции и предлагал распространить на все Степные области. Министр юстиции, опираясь на представления региональной администрации, председателей местных областных судов и областных прокуроров, определил круг вопросов, которые необходимо было передать в юрисдикцию общеимперских судебных органов.

Прежде всего, из компетентности народного суда предлагалось изъять иски по делам, связанным с ростовщичеством, так как, по мнению местных властей, «ростовщичество между инородцами Степных областей должно быть признано одним из наиболее подрывающих благосостояние населения проявлений…, а между тем иски по ростовщическим сделкам всегда удовлетворяются, так как по обычному праву киргизов ростовщичество не наказуемо». Вопрос о включении ростовщичества в число преступлений, преследуемых судом по общеимперским законам, приняло широкое обсуждение. При рассмотрении дела в Военном министерстве было отмечено, что «ростовщичество среди туземного населения … составляет, по отзывам всех губернаторов, зло, с которым при настоящем положении дел невозможна никакая борьба». Действительно, ростовщичество приняло в конце XIX в. в Степных областях широкий размах. Российские чиновники подчеркивали, что кочевое население «бессовестно эксплуатируется ростовщиками - бухарскими евреями и индийцами, которые, внося свои иски в народные суды и производя небольшие затраты на ведение дел, никогда не получают отказа в своих претензиях»[420]. Причина безнаказанности со стороны ростовщиков заключалась в том числе в производстве исковых дел между кочевым населением не по документально подтвержденным фактам, а

[419] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 15–1891. Л. 1–2.
[420] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 97.

на основании свидетельских показаний, вследствие чего отсутствовала возможность установить различия между исками по действительным займам и ростовщическими сделками.

Принимая во внимание все аргументы, Военное министерство признало необходимым исключить дела о ростовщичестве среди населения Туркестанского края и Степных областей из ведения народного суда и передать под юрисдикцию общеимперского суда, внеся дополнения в «Положение об управлении Туркестанским краем». Позицию Министерства и предлагаемые преобразования поддерживал Степной генерал-губернатор М.А. Таубе, который настаивал на изъятии из ведомства народного суда не только исков о ростовщичестве, но и ряда других преступлений. К числу важных правонарушений М.А. Таубе предлагал отнести «продажу ядовитых и сильнодействующих веществ (речь идет о наркотических веществах – *И.А.*), составление подложных видов и проживательство по оным, нарушение правил осторожности от пожаров» [421] . Министерство юстиции также предлагало изъять из компетенции народного суда дела «о продаже ядовитых и сильнодействующих веществ, а также о несоблюдении правил при хранении и употреблении оных». По мнению главы ведомства, проблема распространения наркотических средств вышла далеко за пределы народного суда. В переписке с военным министром Н.А. Манасеин подчеркивал, что «употребление сих веществ весьма распространено среди туземцев Туркестанского края. По заявлению Сыръ-Дарьинского областного прокурора, на базарах туземных частей городов совершенно открыто продаются мышьяк, сулема и т.п., а в особенности так называемый кукнар (опиум местного приготовления). Хотя со стороны высшей администрации принимались меры к пресечению торговли и распространения данных веществ, их употребление было широко распространено [422] . На практике мировые судьи в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях

[421] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 98.
[422] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 15–1891. Л. 3–15.

Туркестанского края и степных областях принимали к рассмотрению дела о продаже «кукнара» и даже привлекали виновных к ответственности по общеимперскому законодательству, трактуя данные правонарушения как «неисполнение законных распоряжении административной власти». Однако, сложившийся механизм решения актуальной проблемы не был эффективным, что и требовало передачу подобных дел в ведение общеимперских судебных установлений.

Генерал–губернатор Степного края М.А. Таубе также приводил серьезные аргументы в пользу позиции Министерства юстиции. По его мнению, разведение мака с целью добывания опиума и дальнейшая его продажа, приобрели широкое распространение в Степных областях. Например, в Акмолинской области по официальным сведениям «опиум в большом употреблении у кочевников и в редком ауле нельзя достать этого наркотического средства». Однако бороться с данными пагубными явлениями практически невозможно, так как ст. 141 Положения об управлении Туркестанским краем четко определяет принадлежность дел о продаже «инородцами ядовитых сильнодействующих веществ» ведению народного суда[423].

Следующим шагом в проекте министра юстиции был вопрос о передаче в ведение общих судебных учреждений дел о подсудности казахов, выполняющие должностные обязанности в системе общественного управления. Данный вопрос неоднократно возбуждался представителями региональной власти, которые подчеркивали, что народные суды «нередко постановляют по этим делам пристрастные приговоры». В связи с выявленными фактами, министр юстиции предлагал дополнить ст. 142 Положения 1886 г. «постановлением о том, что разбирательству народных судов не подлежат дела о преступлениях и проступках, совершенных должностными лицами из туземцев». Более того, аргументом в пользу позиции Министерства был и тот факт, что в Степном положении 1891 г. (ст.

[423] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 98.

109) дела о преступлениях и проступках, совершенных должностными лицами из инородцев были изъяты из ведения народных судов. При этом, гражданские иски в отношении должностных лиц в Степных областях «в виду меньшей важности означенных дел сравнительно с уголовными преследованиями», а также в связи с тем, что «в делах гражданских общий суд, совершенно незнакомый с обычным правом инородцев, не будет в состоянии защитить даже вполне справедливую претензию должностного лица»[424], были оставлены в компетенции народного суда.

В проекте Министерства юстиции говорилось и о необходимости включения дел «о составлении подложных видов на жительство и проживательстве по оным» в ведение имперской юстиции. Актуальность такой меры подтверждал и Степной генерал-губернатор М.А. Таубе, так как подложные документы используются казахами, прежде всего для проживания в русских селениях, а значит и к ответственности нарушители должны привлекаться по общеимперскому законодательству.

В компетенцию общеимперских органов юстиции, по мнению министра юстиции, было необходимо включить дела о преследование и туземцев за неосторожное обращение с огнем. Подобные правонарушения не регламентировались народным судом, в связи с чем вопрос о их подведомственности и требовал решения. Степной генерал-губернатор М.А. Таубе подчеркивал, что передача в ведомство русских судов дел о неосторожном обращении с огнем представляется целесообразной, так как на практике неосторожное обращение с огнем приобретает все больший характер и составляет «преступление общеопасное и требующее скорее усиления уголовной репрессии, чем уменьшения ея»[425].

В процессе обсуждения проекта, Степным генерал-губернатором было также поддержано положение о насущной необходимости расширения полномочий окружных судов в процессе отмены решений народного суда.

[424] Степное положение 25 марта 1891 г. с объяснениями по официальным источникам. СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1891. Прим. к ст. 109. С. 89.

[425] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 15–1891. Л. 19–21 об.

М.А. Таубе предлагал расширить категорию условий, указанных в ст. 218 Положения 1886 г., позволяющих отменить решения народного суда, за счет введения «нарушение общечеловеческих понятий справедливости и нравственности». Хотя сама формулировка носила достаточно абстрактный характер, но, по сути, речь шла об уменьшении влияния в судебной системе норм обычного права. Степной генерал-губернатор рассуждал, что «отменяя решения народного суда, постановленные вопреки коренных основ справедливости, окружной суд, тем самым, вносил бы в сознание инородцев понятия о правде и подготовлял бы почву для их культурного развития. Установление этим путем связи между русскими судебными учреждениями и народным судом и юридического воздействия первых на второй могло бы быть весьма благотворно и облегчило бы введение в народные суды русскаго права, вместо неопределенного обычая, под прикрытием которого постановляются иногда самые несправедливые решения»[426].

Все предложения были рассмотрены Военным министром и Советом Туркестанского генерал-губернатора, и после долгих обсуждений с дополненными замечаниями, в апреле 1895 г. вновь поступили на заключение Министерства юстиции. Изменение порядка деятельности народных судов должно было стать частью проектируемых преобразований всей судебной части Туркестанского края и Степных областей. Об этом заявлял министр юстиции, подчеркивая, что «условия деятельности его (народного суда – *И.А.*) представляются весьма схожими с положением этого суда в Туркестанском крае и намеченные для последнего предположения могут быть почти всецело распространены и на упомянутые области»[427].

Министр юстиции Н.В. Муравьев отмечал, что «не подлежит никакому сомнению, что туземное население этих окраин еще мало знакомо с деятельностью русскаго суда, а вместе с тем имеются уже достаточные указания на то, что оно начинает тяготиться неурядицею своего собственного

[426] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 98.
[427] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 53.

народного суда». Однако, при всей «желательности возможно широкого культурного воздействия русских судебных установлений на жизнь туземного населения», положительные результаты, по мнению Н.В. Муравьева, могут быть достигнуты «лишь путем постепенного и притом осторожного сокращения нынешней обширной подсудности народных судов. Русскому суду не может быть предъявлено требование подробного изучения местных обычаев, мало исследованных вообще, а также положений мусульманского права, коими руководствуются в своей деятельности народные суды»[428].

Министерство юстиции придерживалось четкой позиции о «постепенном поглощении» народного суда общеимперскими институтами, избегая «прямого вмешательства русского суда в жизнь и деятельность народного»[429]. В качестве меры, способствующей нивелировке недостатков Положения 1886 г., чиновники Министерства юстиции предлагали внести изменения в ст. 215 и предоставить казахам право обращаться для рассмотрения дела в общеимперские судебные инстанции не только по обоюдному согласию, но и по желанию одного из тяжущихся[430]. Однако, дальнейших шагов предпринято не было.

Таким образом, вопрос о роли народного суда в судебной системе Степного края не терял своей актуальности на протяжении 90-х гг. XIX в. В объяснительной записке, составленной Министерством юстиции к законопроекту об общественном устройстве, управлении и суде инородцев Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей описывая современное состояние организации суда, подчеркивалось, что наибольшее количество жалоб как со стороны администрации, так и особенно со стороны населения вызывает работа института народных

[428] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 53.

[429] О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 2. С. 81, 99.

[430] О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 2. С. 81.

судей [431] . Особой критике подверглась роль традиционных судебных институтов в процессе выборов волостной администрации. Чиновники подчеркивали, что выборы со временем превратились в настоящую партийную борьбу с активной предвыборной агитацией. «Главари партий устраивают совещания, намечают заблаговременно своих кандидатов на общественные должности, подсчитывают голоса, вырабатывают план кампании, собирают деньги на подкупы и не останавливаются ни перед чем, чтобы достичь победы на выборах. Прежде всего вербуются сторонники в аульных обществах, избирающих выборных волостного съезда. Для привлечения сторонников допускаются всякие средства – подарки, подкупы, угрозы, притеснения, а иногда и насилие… Борьба в <…> последней стадии обостряется до такой степени, что главари уже не перед чем не останавливаются; в ход пускаются все средства, не исключая преступлений, подлогов, ложных обвинений и даже убийств… Цены на покупку голосов становятся невероятно высокими, нередко по несколько тысяч рублей… Если такой партии, в конце концов, все таки, не удается добиться победы, то принимаются меры к опорочению противников, чтобы лишить их первенства и сорвать выборы: составляются подложные решения биев, чтобы лишить выборных противной партии избирательных прав, портятся подлинные посемейные списки, чинятся насилия и даже убийства и притом не только лиц противной партии, но даже из своей среды, дабы этим способом навлечь обвинение на своих противников»[432] и т.д.

Описывая выборные технологии, получившие распространение в Степных областях, чиновники Министерства юстиции пришли к выводу, что «при таких условиях роль народного суда сводится не к отправлению правосудия, а к лицеприятному служению хищническим инстинктам партийных главарей с их приверженцами и к угнетению народных масс. Пользуясь неопределенными, расплывчатыми и не имеющими обязательного

[431] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 107.
[432] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 107 – 108 об.

нормами обычного права, народный суд имеет возможность привлекать туземцев к ответственности даже за несуществующие ни в каких кодексах преступления»[433].

Важным выглядит заключение Министерства юстиции о характере норм традиционного права в начале XX в. «Киргизские обычаи (адат) под влиянием частью более культурных национальностей, частью вследствие принятия магометанства, распылились, видоизменились и перепутались с обычаями русскими и казачьими, татарскими, сартскими и китайскими. Если же к этому прибавить, что с изменением условий кочевой жизни правоотношения сторон усложнились и выдвинули массу дел, совершенно неведомых прежнему бытовому укладу киргизов (иски по арендным сделка на землю, по обязательствам и пр.), то становится понятным то затруднительное положение, в котором должен очутиться даже самый добросовестный народный судья. Не находя ответа в народном обычном праве и не имея возможности применять русские законы, ему незнакомые и непонятные, народный судья должен был руководствоваться не столько даже личным усмотрением, сколько партийными расчетами своих покровителей, подорвавших окончательно в глазах населения всякое уважение к своему суду»[434].

Безусловно, середина 80 – первая половина 90-х гг. XIX в. стала важным этапом развития судебной системы Степного края. Происходящие изменения в социально-экономическом развитии региона ставили перед властными органами новые задачи и требовали их решения. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. и Степное положение 1891 г. закрепили основные контуры реализации судебной власти и выступили очередным шагом по пути интеграции степных областей в общеимперское судебно-правовое пространство. Однако, выбранный путь «постепенных» или «мягких» реформ судоустройства и судопроизводства не всегда

[433] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 108 об.
[434] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 108 об. – 109.

учитывал особенности региона и не отвечал его потребностям. Вскоре после введения в действия законоположений проявились все недостатки сложившейся системы судебной власти, решение которых стало первоочередной задачей следующего этапа реформ.

2.3. Судебная реформа 1898 г. и опыт внедрения судебных уставов 1864 г. в Степном крае

К середине 90-х гг. XIX в. имперские власти признали необходимость крупномасштабной реорганизации судебной системы Степного края и приступили к подготовке ее проведения. Подготовка реформы и ее обсуждение и процесс реализации растянулся на несколько лет[435]. Важным является и тот факт, что проведение реформы в Степных областях происходило на фоне реорганизации общеимперской судебной системы. В 1894 г. министр юстиции Н.В. Муравьев, незадолго после вступления в должность, подготовил императору Александру III доклад, в котором изложил свое видение организации судебной системы Российской империи. Министр, в целом, критически подошел к анализу существующей в государстве судебной системы, подчеркивая ее «неудовлетворительное положение», причины которого кроились в судебной реформе 1864 г. Отмечая безусловную важность и значимость введения «Судебных уставов», Н.В. Муравьев писал, что реформа не соответствовала особенностям государственного и общественного быта России, что «господствовавшее в то время общее увлечение теоретическими построениями и западно-европейскими образцами не осталось без влияния и на составителей

[435] Глазунов Д.А. Подготовка судебной реформы 1898 г. в Степном генерал-губернаторстве // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 163–169; Нестеренко Л.С. Распространение судебной реформы 1864 г. в Туркестанском крае // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Краснодар: Агенство "Пресс-Имидж", 2012. С. 292–296.

судебных уставов… благодаря этому влиянию, Россия получила весьма стройный процессуальный кодекс, вполне пригодный для действия в любом государстве Западной Европы, но мало приспособленный к условиям нашего отечества с его огромным пространством и редким разноплеменным населением»[436].

Подтверждая свое мнение Н.В. Муравьев подчеркивал, что Судебные уставы 1864 г., в своем первоначальном варианте, не могли быть распространены и не получили распространения на ряд регионов империи. Принимаемые со временем в судебное законодательство поправки «неорганически, без связи следовавшие одна за другой» еще более ухудшили и усложнили работу имперской судебной системы. Важным представляется вывод министра Н.В. Муравьева о необходимости реорганизации судебной системы империи. В частности министр подчеркивал, что улучшения судебной системы «должны быть сообразованы с жизненными потребностями страны и населения. При том, хотя эти потребности и неодинаковы в разных частях обширного нашего отечества, тем не менее, во избежание пестроты, запутанности и неравномерности в распределении судебных гарантий, основания судоустройства и судопроизводства должны быть установлены, по возможности, одни и те же» [437] . В качестве подготовительной меры полномасштабной судебной реформы, Н.В. Муравьев предложил образовать специальную комиссию для пересмотра законоположений по судебной части, на что получил одобрение императора, который в своей резолюции отметил «необходимость всестороннего пересмотра наших судебных уставов, чтобы наконец действительно правосудие царило в России» [438].

В 1894 г. была создана Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части (так называемая «Муравьевская комиссия»), призванная осуществить полный и систематический пересмотр судебных уставов

[436] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 217. Л. 2 – 2 об.
[437] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 217. Л. 7.
[438] РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

1864 г.[439] Основной задачей комиссии было обсуждение возможных проектов реформ имперской судебно-правовой системы. При открытии работы Комиссии 30 апреля 1894 г., ее председатель, министр юстиции Н.В. Муравьев, со всей отчетливостью обрисовал проблемы судебной системы Российской империи. «До 12-ти различных на пространстве империи судопроизводственных порядков, до 9-ти различных типов одной местной юстиции, действующих нередко рядом в разных комбинациях, – звучало в речи министра, – крайнее разнообразие в подсудности и обжаловании, принципиально важные отличия в устройстве судебных мест; одновременное и совместное существование таких разнохарактерных судебных институтов, как кассация и ревизия; суд присяжных, суд выборный, сословный и коронный; суд, так сказать чисто судебный и суд судебно-административный; следствие предварительное, производимое следователем-судьей и следователем-чиновником, следствие формальное, производимое и следователем, и мировым судьей, и полицейским заседателем <…> – таковы выдающиеся признаки той чрезвычайной дробности, которая пестрит нашу судебную организацию»[440]. В связи с этим, одной из важнейших задач созданной Комиссии, по мнению Н.В. Муравьева, было объединение различных судебных установлений в общем типе, который был бы пригоден, с некоторыми частными изменениями, для всех местностей империи[441].

Частью долгой дискуссии в правительственных и общественных кругах о необходимости модернизации сложившейся к концу XIX в. судебной системы Российской империи стало обсуждение проблем судебной системы центральноазиатских окраин. Так, в 1895 г. в Министерство юстиции для

[439] См. подробнее: Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореферат дис. ... д-ра юр. наук. М., 1999; Щедрина Ю.В. Реформирование механизма формирования судейского корпуса в России в конце 1890-х – начале 1900-х годов: проекты комиссии Н.В. Муравьева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. № 9–2. С. 115–131; Краковский К.П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 9–28.

[440] Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. Речи и сообщения. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. С. 477–478.

[441] Краковский К.П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 12.

дальнейшего обсуждения поступил проект преобразований системы правосудия Степного края и Туркестана, который был выработан ведомством в 1890 г. и направлен на рассмотрение и доработку региональным властям в лице Туркестанского генерал-губернатора[442]. Проект касался, прежде всего, вопросов роли и места народного суда в системе регионального правосудия.

Недостатки сложившейся в Степном крае судебной системы, так же как и необходимость ее модернизации, были очевидны. Однако, от кардинальных реформ судебной системы региона в ведомстве отказались. Такое отношение было обусловлено позицией министра юстиции Н.В. Муравьева, который подчеркивал, что «при всей желательности возможно широкого культурного воздействия русских судебных установлений на жизнь туземного населения благодетельные в сем отношении могут быть достигнуты лишь путем постепенного и притом осторожного сокращения нынешней обширной подсудности народных судов, подчинение же их означенным установлениям в порядке инстанций было бы мерою едва ли удобною и даже практически осуществимою»[443]. В данной связи, Министерство юстиции предложило стратегию постепенного поглощения народного суда русским, отказавшись от прямого вмешательства русского суда в жизнь и деятельность народного[444].

Одним из обоснований важности проведения судебной реформы и сокращения компетенций народного суда было возрастающее число обращений казахского населения в имперские судебные инстанции. При этом, как подчеркивалось, несмотря на «кажущееся однообразие судебного материала в Киргизской степи, который сводится главным образом, к грабежам, кражам лошадей и скота, лжедоносам, жалобам на поборы туземной администрации и народного суда и сопротивлениям власти, нельзя не прийти к тому заключению, что все эти явления служат ясным

[442] Анисимова И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о преобразовании традиционной судебной системы Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства в конце XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/1 (80). С. 102–106.

[443] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 727. Л. 53.

[444] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18–1897. Л. 2–12 об.

показателем: <…> стремления киргиз судиться во что бы то ни стало русским судом, стараясь всякую баранту, подходящую под понятие самоуправства, обратить в разбой или грабеж»[445].

Свое мнение о предполагаемой реформе народного суда высказывали и представители региональных органов власти. Так, председатели областных судов признавали, что преобразования судебной части необходимы, но при пересмотре «Положения об управлении Туркестанского края» действие некоторых статей нельзя отменять. В частности, председатель Акмолинского областного суда считал необходимым сохранить действие ст. 218 Положения 1886 г., согласно которой приговоры и решения народного суда, принятые с превышением власти или выходящие за пределы его компетенции, не приводятся в исполнение, и окружной суд имеет право отмены приговора. Также чиновник подчеркивал, что «инородцам и туземцам» необходимо предоставить право подавать в двухнедельный срок через уездного начальника в Окружной суд жалобу на решения волостных и чрезвычайных съездов народных судей, так как «нельзя оставлять без всякого контроля народный суд, пользующийся ныне слишком большой властью»[446].

По мнению Туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского[447], организация судебной части, введенная Положением 1886 г., «представляет собой попытку совместить основные начала уставов императора Александра II с дореформенными судебными установлениями, но подобное совмещение весьма скоро высказало свою несостоятельность и потребовало принятия особенных мер для устранения вредного влияния своего на общественную жизнь края»[448].

Во всеподданнейшем докладе за 1895–1897 гг. барон А.Б. Вревский, анализируя преобразования судебной части в Туркестанском генерал-губернаторстве на основе Положения 1886 г., определил наиболее

[445] Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом // Журнал министерства юстиции. 1898. № 9. С. 26.

[446] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 767. Л. 4.

[447] Вревский Александр Борисович – генерал губернатор Туркестанского края в 1889–1898 гг.

[448] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

существенные недостатки нововведений. Наиболее критично генерал-губернатор относился к «независимости» народного суда и подчеркивал, что Положение 1886 г. юридически закрепило «полное обособление в судебном отношении туземного населения от влияния на него русской администрации, русского суда и русских законов и подчинение его безапелляционному и бесконтрольному народному суду с громадной для низшей инстанции юрисдикцией и пристрастными продажными судьями, представляющими в то же время столпы мусульманского фанатизма»[449]. В своих отчетах генерал-губернатор неоднократно докладывал о «пагубности для Туркестана полного отделения власти судебной от административной» и говорил о необходимости усиления последней «в виду прямого воздействия на быт местного населения для скорейшего его слияния в одно целое с населением остальной империи».

Подобная позиция в отношении судебной системы была характерна и одному из предшественников А.Б. Вревского генерал-губернатору К.П. Кауфману, который признавал необходимым ограничить замкнутость, бесконтрольность и широкие компетенции народных судов по следующим статьям: по наложению взысканий по уголовным делам до 3 месяцев, вместо утвержденных Положением 1886 г. полутора лет, а в отрасли гражданского права изъять из ведения народного суда семейные и брачные дела, «в которых гнет мусульманского обычнаго права всего больше отражался на печальном положении всей женской половины местного населения»[450].

Хотя бы постепенное принятие подобных мер, по мнению барона Вревского, могло способствовать укоренению в населении сознания справедливости русских законов, но Положение 1886 г. внедряя принцип «независимости» народного суда, сводило на нет этот процесс.

Генерал-губернатор А.Б. Вревский, видя значительные недостатки существующей судебной системы, указывал на необходимость скорейших

[449] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.
[450] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

преобразований. В качестве меры, способствующей унификации традиционного казахского суда с общеимперским, А.Б. Вревский предлагал ввести в Туркестане институт, аналогичный земским начальникам в Европейской России, отмечая, что в таком случае казахскому обществу «может быть дан суд близкий, скорый, устный и правый, который ослабив значение казиев и биев подготовит слияние отдаленной мусульманской окраины с остальной Империей на почве общего правового порядка и позволит в недалеком будущем упразднить непомерную юрисдикцию народных судов в Туркестане, сведя их на вполне подобающую им роль общеимперских волостных судов» [451] . Таким образом, необходимость преобразований сложившейся к концу XIX в. системы народного судопроизводства в Степном крае и Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях Туркестанского генерал-губернаторства, где проживало казахское население, была очевидна для всех уровней власти. Чиновниками предлагалось ограничить возможности народного суда, либо полностью инкорпорировать его в общеимперскую правовую систему. Но, рассмотрение большинства вопросов остановилось на уровне обсуждения.

Проблема длительного межведомственного обсуждения необходимых преобразований судебно-правовой системы отчасти была вызвана и тем, что, по мнению ряда дореволюционных исследователей, у центральных органов власти так и не сложилось четкого понимания о подведомственности народного суда Степных областей и Туркестанского края [452] . С одной стороны, низшие судебные инстанции в Российской империи (начиная от волостных крестьянских), куда можно отнести и народный суд казахского населения, входят в круг обязанностей Министерства внутренних дел. Устройство суда, порядок избрания судей, их взаимодействие с уездной и областной администрацией – это компетенции МВД. С другой стороны, решения народного суда, незаконные приговоры поступают для

[451] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 – 12об.

[452] Максимов Н. Народный суд у киргизов (суд биев) // Журнал юридического общества. 1897. Кн. 7. Сентябрь. С. 85.

рассмотрения прокурором и вносятся для отмены в областные суды, относящихся к компетенции Министерства юстиции. Безусловно, такая двойственность в положении народных судов, лишь осложняла характер судебной системы региона.

К концу XIX в. критика со стороны региональных властей работы общеимперских судебных институтов в Степном крае и Туркестане сохранялась. Так, туркестанский генерал-губернатор А.Б. Вревский в своих отчетах давал негативную оценку деятельности института мировых судей. Причина неэффективности виделась главе региона в «недостаточной приспособленности (института мировых судей. – *И.А.*) к местным условиям». По его мнению, мировые суды были настолько ограничены в своих полномочиях, что «двери оказываются закрытыми даже для тех туземцев, которые, сознавая превосходство русских законов, пожелали бы обратиться к русскому суду, вместо своего народного». Более того, «мировые судьи для Туркестана не подходят, так как по незнанию местных языков мировые судьи оказываются в зависимости от переводчика»[453]. Администратор подверг критике и нововведенный институт областных судов – вторую инстанцию судебной системы. Барон Вревский подчеркивал, что областной суд был создан на основании практически повсеместно отмененных дореформенных судебных установлений, которые «дали суд не только письменный, заочный и тягостный своей медленностью, но и не всегда правый – по невозможности иногда судить безошибочно на основании одних следственных материалов, без опроса подсудимого и свидетелей, суд доходивший поэтому в своих невольных ошибках даже до осуждения не тех лиц, которые принадлежали суду»[454].

Наиболее значимым недостатком существующего судебного устройства как в Туркестане, так и в Степных областях являлось, по мнению генерал-губернатора А.Б. Вревского, отсутствие в созданной региональной

[453] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8. Л. 10–11.
[454] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 – 10 об.

судебной системе объединяющей деятельность судов апелляционной инстанции, соответствующей судебным палатам Российской империи, юрисдикцию которой для края заменял Правительствующий Сенат.

Необходимо отметить, что данный недостаток являлся следствием общего характера реализации судебной реформы в России. В Степном крае долгое время судебная палата не была учреждена. В Сибири открытие первой судебной палаты состоялось после введения в 1897 г. Судебных уставов 1864 г. В этом году была открыта Иркутская судебная палата. Далее формирование судебных палат в Сибири было продолжено и в 1899 г. открылась Омская судебная палата. В 1899 г. состоялось открытие Ташкентской судебной палаты. Последней в 1904 г. была открыта Новочеркасская судебная палата[455].

Региональные чиновники подчеркивали, что при всей важности проводимых реформ в степных областях, «положение судебной части в сих последних не может быть признано удовлетворительным, так как дальнейшее сохранение по делам наибольшей важности, изъятым из ведения мировых судебных установлений, дореформенных процессов, с их отяготительными, совершенно устаревшими формальностями, не только не соответствует современным условиям края, но и препятствует в значительной степени его преуспеянию»[456].

В 1897 г. глава Министерства юстиции Н.В. Муравьев, рассматривая вопрос об улучшении работы судебной части в Степном крае, привел детальное обоснование необходимости модернизации последней. Министр подчеркивал, что требования реорганизации судебной системы тесно связаны с уровнем социально-экономического развития региона. Действительно, с момента введения в действие Временных положений 1867 и 1868 гг., которые легли в основу судебной реформы в регионе, характер правоотношений значительным образом изменился, как изменились и потребности в

[455] Курас Т.Л. Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 57–58.

[456] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18–1897. Л. 2–12 об.

регламентации экономических отношений. В качестве примера Н.В. Муравьев указывал на изменение этнической карты региона (рост численности деревень и селений с почти исключительно славянским населением), рост численности городского населения, которое к концу столетия в таких городах как «Омск и Петропавловск достигает нескольких десятков тысяч [человек]». Важное значение, по мнению чиновника, имело развитие торговли и промышленности региона: расширение мануфактурного производства, открытие частных и общественных коммерческих предприятий, учреждение отделения и конторы Государственного банка, строительство Закаспийской и Западно-Сибирской железных дорог. В силу возникновения в Степном крае новых потребностей общественного развития стало необходимым появление новых отраслей права, совершенствование системы права и модернизация региональной юстиции в целом. Учитывая данные обстоятельства, министр юстиции подчеркивал, что «введение судебной реформы в полном объеме является делом неотложной и настоятельной необходимости»[457].

В 1896 г. Министерство юстиции инициировало рассмотрение вопроса о преобразовании судебной части в Степных областях. В ходе обсуждения было предложено несколько возможных вариантов проведения реформ. Свою позицию по вопросу о необходимости окончательного введения в действие общеимперских судебных уставов в Степном крае в 1897 г. представил министр юстиции Н.В. Муравьев [458] . Признавая важность проведенных во второй половине XIX в. реформ судебной системы региона, министр вместе с тем отмечал, что улучшения составили «нечто среднее между старым строем и учреждениями нового суда, или точнее говоря искусственное сочетание того и другого»[459]. В сложившейся двойственности, «в переходном, промежуточном характере всей постановки правосудия в Туркестанских и Степных областях», руководитель министерства видел весь

[457] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18–1897. Л. 2–12 об.
[458] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 280.
[459] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 280. Л. 1 – 1 об.

комплекс проблем судебной системы региона, который обозначился перед имперскими властями к концу XIX в. В своем заключении министр подчеркивал, что в крае «с сильным военным и гражданским управлением, сосредоточенном в ведение высших представителей власти в лице Генерал-губернаторов и подчиненных им областных губернаторов, судебные установления, отделенные от администрации, явились небольшими, слабыми, разрозненными единицами, вовсе необъединенными между собой в главных местных центрах, без ближайшего общего руководства и бдительного надзора»[460]. В то же время, «введение судебных уставов с необходимыми изменениями в Степных областях, независимо от огромного местного значения, составит целую эпоху в постепенном ходе нашего судебного преобразования: то будет последний крупный шаг на многолетнем и многотрудном его пути»[461].

Министерство юстиции, рассматривая вопрос об окончательном устройстве судебной системы в Степном крае в мае 1897 г., выработало комплекс положений, которые на взгляд ведомства необходимо реализовать в ходе проведения судебной реформы региона. Так, например, предлагалось использовать применительно к Степному краю систему организации судебных мест, установленную для Архангельской губернии по Положениям от 12 декабря 1888 г. и 29 января 1896 г. Необходимо отметить, что в Архангельской губернии реформирование судебной системы шло четко в рамках общероссийского законодательства и в основе своей опиралось на Судебные уставы 1864 г. Особенностью проведения судебной реформы в Архангельской губернии было несколько причин, в том числе, низкая плотность населения на значительной территории. Похожие условия были характерны для Степного края, что и позволило чиновникам предложить применение имеющегося опыта. В качестве модели судебной системы предлагалось взять вариант, планируемый для введения в Сибири с

[460] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 280. Л. 2.
[461] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 280. Л. 5 – 5 об.

незначительными изменениями, отвечающими этнокультурным особенностям Степных областей.

В своем обосновании проекта реформ судебной системы Степного края министр юстиции Муравьев подчеркивал, что проведение реформы вызвано растущими потребностями региона. Социально-экономическое развитие центральноазиатских окраин и следующие за этим изменения в характере общественных отношений, появление новых вызовов в сфере социального взаимодействия, требовали от судебно-правовой системы региона адекватного ответа. Министр подчеркивал, что основные нормативно-правовые акты, регламентирующие сферу судебно-правовых отношений и судоустройства региона (Положение о управлении Туркестанского края 1886 г. и Положение об управлении Степных областей 1891 г.), выступили «искусственным сочетанием» дореформенных традиций и принципов нового имперского суда, в чем и заключались «капитальные недостатки», требующие кардинальных преобразований[462]. В своем докладе «О ходе работ по улучшению судебной части за 1894–1899 гг.» Н.В. Муравьев, оценивая проделанную работу во модернизации судебной системы Российской империи, подчеркивал, что «по разным причинам, отчасти финансового свойства, повсеместное осуществлением судебного преобразования крайне замедлилось, и новые суды учреждались лишь через долгие промежутки времени и без соблюдения какой-либо последовательности в районах, так что к 1894 г., т.е. через 30 лет после издания Судебных Уставов, распространение их еще далеко не было закончено, и двадцать три губернии и области, северные, восточные и юго-восточные, в том числе и вся Сибирь, и Туркестанский край, оставались при старом, дореформенном суде, уже давно и бесповоротно осужденном как жизнью, так и законодательством»[463].

Одним из направлений судебной реформы в регионе, по мнению чиновников Министерства юстиции, должна была стать регламентация

[462] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 128. Л. 1 об.

[463] Всеподданнейший доклад министра юстиции о ходе работ по улучшению судебной части за 1894–1899 г. // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 7. С. 118.

штатного расписания. Речь идет о решении комплекса проблем, связанных с нехваткой кадров. После предварительного изучения вопроса, чиновники ведомства согласились с необходимостью увеличения штатов судебных институтов Степных областей: мировых судей и их помощников, что привело бы к значительному усилению мировых учреждений и значительно повысило бы их эффективность; окружных судов; службы судебных приставов и прокурорского надзора [464] . Для этого были разработаны «Временные правила о применении Судебных уставов к Туркестанскому краю и Степным областям»[465], а также «Проект временных штатов судебных установлений ы Туркестанском крае и Степных областях»[466].

Проект Министерства юстиции предполагал учредить в регионе 2 судебные палаты: Ташкентскую (в ведение которой по проекту отнесли Туркестанский край и Семиреченскую область) и Омскую (Акмолинская и Семипалатинская области). При этом, выбор Омска представлялся министру юстиции вполне обоснованным, так как город располагался в центре судебного округа, генерал-губернаторства и военного управления. Не маловажным было и прохождение через город крупных транспортных артерий [467] . Также предполагалось расширить компетенции Саратовской судебной палаты и отнести к ее округу Тургайскую и Уральскую области. Проект предусматривал образование 7 Окружных судов: Ташкентского, Самаркандского, Ново-Маргеланского, Омского, Верненского, Семипалатинского и Уральского; 90 участковых и 9 добавочных мировых судей и 7 судебных следователей, регламентируя в целом, состав мировых судебных установлений во всех областях Туркестана и Степного края. Содержание созданных институтов и нового штатного расписания, по подсчетам Министерства юстиции, требовало ежегодно 783650 руб. Сумма

[464] РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084. Л. 39–42.
[465] РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084. Л. 51–57.
[466] РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084. Л. 58–62.
[467] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 280. Л. 4 об. – 5.

распределялась между земскими сборами (374700 р.) и средствами казны (408950 р.)

После разработки проект модернизации судебной системы Степного края был представлен в Государственный совет для рассмотрения и утверждения, но вызвал серьезные возражения к реализации в предложенном министром юстиции виде. При этом, в своем заключении члены Государственного совета подчеркивали, что «статс-секретарем Муравьевым проекты узаконений об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях имеют целью объединение в судебном отношении обширных среднеазиатских владений с остальной Россией»[468].

Требовали дальнейшего обсуждения на министерском уровне и вопросы, связанные с ролью и местом традиционных судебных институтов и норм права в региональной судебной системе. Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин и министр Императорского двора и уделов И.И. Воронцов-Дашков имели четкое убеждение о необходимости полного подчинение «инородцев» общегосударственному суду. Чиновники предлагали распространить на казахов некоторые нормы «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г., в вопросах, которые касаются судебной власти. Министры предлагали оставить казахам народный суд «лишь в тех пределах, в каких пользуются крестьяне в империи, т.е. в пределах волостного суда для мелких проступков и мелких гражданских дел», а именно споры и тяжбы до 100 руб. включительно, а также «маловажные проступки», совершенные между лицами одного состояния и не имеющие отношения к уголовным преступлениям.

Иное мнение на преобразование традиционной судебной системы было высказано Государственным советом при рассмотрении Проекта об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях, представленного Министерством юстиции в 1897 г. Члены Государственного

[468] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 128. Л. 1.

совета в целом, соглашались с необходимостью реформ суда в регионе и подчеркивали, что «указания Министерств юстиции и Внутренних дел на существующие недостатки народного суда в Туркестанском крае и Степных областях убеждают в необходимости его реформы. Она желательна как в интересах самого правосудия, так и в целях проведения в азиатскую народную массу более здравых культурных понятий». Однако, «было бы весьма нежелательно, – говорилось в заключении Государственного совета, предоставленного в Министерство юстиции в 1898 г., – не обладая всесторонним по означенному предмету сведениями, предрешать направление правительственных в этом отношении мер. Предлагаемые министерствами Юстиции и Внутренних дел поправки в действующих правилах о суде туземцев и инородцев именно составляли бы такое предрешение – в смысле близкого поглощения туземного суда русским судом. Между тем, не следует упускать из вида, что, по своим представлениям о праве и справедливости, туземцы и инородцы нередко вполне еще расходятся с русскими законами. Поэтому слишком поспешное привитие им этих законов могло бы породить смуту в их умах и в сложившемся изстари строе их жизни. В виде сего, пока, придется, может быть, держаться по обсуждаемому вопросу несколько иного пути, а именно постепенного улучшения народного суда»[469].

В марте 1898 г. состоялось заседание Соединенных Департаментов законов, Государственной экономии и Гражданских и духовных дел, на котором рассматривались вопросы, связанные с незавершенностью судебной реформы в Степных областях и обсуждались проекты преобразования судебной системы региона[470]. На заседании Департаментов также отдельно был представлен вопрос о статусе и компетенциях народного суда и его месте в судебной системе региона. Подчеркивалось, что реформы народного суда «желательны как в интересах самого правосудия, так и в целях

[469] РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084. Л. 228.

[470] О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 2. С. 87.

проведения в азиатскую народную массу более здравых культурных понятий», однако поспешность в их проведении может привести к негативным последствиям[471]. В связи с этим, на заседании было принято решение вновь отказаться от радикальных преобразований, а идти по пути «постепенного улучшения народного суда». В качестве меры, направленной на функциональное изменение народного суда в системе судопроизводства, предлагалось подчинить рассмотрение исков, возникающих между казахским и русским населением ведению общеимперского суда при условии проживания ответчика в русском селении, а также унифицировать действующие в Степном крае правила о подсудности должностных лиц.

Директор Департамента окладных сборов высказался против значительного расширения штатов судебных институтов Степных областей и увеличения денежного содержания. В своей резолюции он, в частности, отмечал: «Не могу согласиться с предположением Министерства Юстиции об увеличении окладов мировым судьям в Степных областях до 4000 руб. в год каждому и полагал бы справедливым определить этот оклад по соображению к содержанию мировых судей в Сибири и Архангельской губернии, не свыше 3000 р.»[472].

Серьезные возражения Департамента окладных сборов вызвало предложение министра юстиции отнести издержки на преобразование мировых судебных установлений за счет земских сборов, так как это было не целесообразно. Ежегодное содержание мировых судей и их помощников согласно принятому в 1891 г. «Высочайше утвержденного Штату управления областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» было отнесено на земские сборы, из которых ежегодно в доход казны на эти цели перечислялось 129100 руб.

Директор Департамента подчеркивал, что состояние сумм земских сборов в областях Степного края существенно варьируется в зависимости от

---

[471] О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. 1899. №. 2. С. 99.

[472] РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084. Л. 67–69.

социально-экономического потенциала региона. «Если положение земских сборов Семипалатинской и Семиреченской областей и допускает производство расходов на преобразование собственно мировых судебных установлений с предположенного министром юстиции срока[473], – говорилось в заключении Департамента, – то остальные области, а особенно Акмолинская, Тургайская и Уральская находятся в настоящее время в положении, не допускающем безусловно возможности отнесения на земские их средства каких-либо дополнительных расходов: в первых двух областях[474] земские сборы <…> оказались недостаточными даже для покрытия сметных земских расходов текущего года…». Директор Департамента окладных сборов подчеркивал, что проведение реформ согласно предложенному министром юстиции проекту, с финансовой стороны будет возможно не ранее 1899 г. Более того, Департамент в целом высказывал мнение, что издержки на содержание мировых судебных установлений в Степном генерал-губернаторстве должны быть полностью включены в смету Министерства юстиции, а не производиться за счет земских сборов.

Департамент государственного казначейства Министерства финансов также высказал свое несогласие с рядом положений разработанного Министерством юстиции проекта. Министр финансов С.Ю. Витте в своем заключении подчеркивал, что относительно реформы судебной системы в Степных областях он не имел принципиальных возражений, но поддерживал позицию Департамента окладных сборов Государственного совета о преувеличении необходимости расширения штатов судебных институтов и увеличении их финансового обеспечения[475].

В течение года продолжалось рассмотрение проекта и переписка между Министерством юстиции, Министерством финансов, Военным министерством и Государственным советом. В первую очередь, обсуждались

---

[473] По проекту Министерства юстиции преобразование судебной системы региона планировалось в 1898 г.

[474] Речь идет о Акмолинской и Тургайской областях.

[475] РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084. Л. 84 об.

вопросы финансового обеспечения проводимой реформы, особенности проведения реформы в степных областях, функции судебных институтов, положение народного суда во вновь проектируемой конструкции судебной системы. После продолжительной работы в проекте была устранена большая часть отдельных разногласий. В итоге, Государственный совет согласился, что «распространение судебных уставов Императора Александра II на Туркестанский край и Степные области действительно является мерой, заслуживающей особого внимания»[476] и 14 марта 1898 г. принял решение предоставить на утверждение императора Александра III Проект «Временных правил о применении судебных уставов к областям Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской», а также Проект временных штатов судебных установлений в указанных областях[477].

Таким образом, проведению судебной реформы 1898 г. предшествовало не только признание серьезных недостатков в работе судебных институтов в Степном крае, но и разработка ряда проектов по модернизации судебно-правовой системы региона.

2 июня 1898 г. получило высочайшее утверждение мнение Государственного совета «Об образовании в составе Правительствующего Сената судебного департамента и об устройстве судебной части в областях Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской»[478].

В результате, законом от 2 июня 1898 г. «О преобразовании судебной части в Туркестане и Степной области» судебная система Степного края была приведена в соответствие с Судебными уставами 1864 г. Принятый закон способствовал распространению пореформенных судебных институтов и норм права в регионе и включению Степного края в общеимперское судебное пространство. Были созданы мировые суды, окружные суды

[476] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 128. Л. 4.
[477] РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29084. Л. 221–234.
[478] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1898 г. № 72. Ст. 934. С. 3359–3364.

(вместо областных) и судебные палаты[479]. Весной 1899 г. судебная система региона стала принимать реальные контуры. 14 мая были торжественно открыты Ташкентская и Омская судебные палаты, а также Ташкентский, Самаркандский, Новомаргеланский, Верненский, Асхабадский, Омский, Семипалатинский и Уральский окружные суды. Тогда же судебная реформа была распространена в Тургайской области, последняя была причислена к открытым судебным округам [480].

Однако, при этом была сохранена и система традиционного судопроизводства [481] . Военный губернатор Семиреченской области М.Е. Ионов уже в 1899 г. подчеркивал, что, безусловно, с открытием 14 мая 1899 г. Верненского окружного суда, судебная часть в области получила прочную организацию, а состоявшаяся реформа «отразится благотворно на устроении здешней окраины и развитии гражданственности». Однако, действующий народный суд «находится не на высоте своего развития и нуждается в реорганизации». При этом губернатор Ионов подчеркивал особую важность данного вопроса, как необходимого для управления краем[482].

Основные направления деятельности и полномочия народного суда, определенные «Положением об управлении Туркестанского края» 1886 г.[483], подтверждались новым законом и не подверглись изменениям. Компетенции народного суда функционально не изменились. И хотя, по мнению русских юристов, современников реформы, закон 1898 г. должен был стать дальнейшим шагов в модернизации судебной системы Степных областей, он «не только не расширил юрисдикции русского суда, а наоборот сократил

[479] Закон 2 июня 1898 г. о преобразовании судебной части в Туркестане и Степных областях // Судебные уставы Императора Александра Второго в Сибири, Туркестане и Степных областях: [полный текст судебных уставов, формы разных прошений и бумаг по гражданским и уголовным делам] / сост. : В. К. Сальмонович, Н. А. Громов. 2-е пересм., и доп. изд. Томск : Издание книжного магазина П. И. Макушина, 1898. С. 701–713.

[480] Открытие новых судебных установлений в Туркестанском крае, Степных и Закаспийской областях // Журнал министерства юстиции. 1899. № 5. С. 73–74.

[481] Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях. Сост. И.И. Крафт. Оренбург, 1898. С. 118–184.

[482] Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1899 г. С. 2–3.

[483] Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Т. 6. 1886. № 3814. С. 318–346.

ее»[484]. Например, реформа 1898 г. во-первых, утвердила ст. 215 Положения 1886 г., согласно которой подведомственные народному суду дела, могли подлежать разбору мирового судьи только при обоюдном желании обеих сторон[485], во вторых ограничила характер дел, по которым можно было обратиться к мировым судьям только возникающими между казахами гражданскими делами[486]. Как подчеркивал судебный деятель начала XX в. С.Н. Трегубов, на практике случаев взаимного соглашения сторон на передачу гражданского дела в мировой суд не встречалось. Более того, «взаимное соглашение на разбор дела в том или другом суде представляется трудно достижимым, вследствие чего благое предположение закона о расширении этим путем общим судов осталось мертвой буквой»[487].

После реформы 1898 г. в отношении деятельности народного суда сохранилось незнание народными судьями принятого в регионе законодательства. Для объяснения новых принципов работы суда на местах разрабатывались «Инструкции народным судьям», в которых подробно описывалось содержание статьей Туркестанского и Степного положений, касающихся судебного процесса[488].

Несогласованность позиций, широкие компетенции народного суда приводили к развитию конфликтных ситуаций между представителями региональных органов власти и традиционных судебных институтов в регионе. В 1902 г. поверенный биев чрезвычайного съезда в г. Кокчетаве обратился с жалобой к генерал-губернатору Степного края Н.Н. Сухотину на превышения полномочий уездного начальника, в том числе, назначение председателей на чрезвычайном съезде народных судей, передачу метрических книг от муллы волостным управителям и аульным старшинам,

[484] Трегубов С.Н. Прокурорский надзор в народном суде Туркестанского края // Журнал министерства юстиции. 1903. № 7. С. 112.

[485] Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Т. 6. 1886. № 3814. С. 318–346.

[486] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1898 г. № 72. Ст. 934. С. 3370, 3374.

[487] Трегубов С.Н. Прокурорский надзор в народном суде Туркестанского края // Журнал министерства юстиции. 1903. № 7. С. 112.

[488] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938. Л. 57–62.

отказ от выполнения требования присяги свидетелями или поручителями в мечети. После проведения расследования председатель Омского окружного суда, пришел к заключению о правомерности решений уездного начальника, который действовал в рамках Степного положения 1891 г. Неприемлемым, по мнению председателя суда, является требование «о выполнении присяги непременно в мечети». Чиновник подчеркивал, что «отсутствие в степях на пространстве в тысячу верст мечетей явно показывает, что подобного обычая прежде у киргиз и не могло быть»[489]. По Степному положению (ст. 97–98) на каждую волость казахским обществом избирается всего один мулла «из своей среды, т.е. из числа лиц, едва грамотных, непревосходящих по образованию народных судей», при таких условиях, «когда мулл мало и каждого муллу легко может заменить народный судья, нет основания затруднять народный суд введением нового обязательного привода к присяге через муллу» [490] . Председатель Омского окружного суда Ковалевский подчеркивал, что «участие ахунов, имамов и мулл, заботящихся о распространении ислама и законов шариата, которых киргизы прежде не знали, нельзя признать желательным». Таким образом, региональные власти пытались предотвратить усиление роли мусульманских духовных лиц в традиционном судебном процессе.

Необходимо подчеркнуть, что при рассмотрении судебных исков соблюдалась четкая властная вертикальная иерархия. Итоговой судебной инстанцией в регионе выступал Степной генерал-губернатор, которому губернаторы областей, в виде представлений, сообщали о результатах судебных процессов, даже в случае прекращения иска в связи с достижением соглашения[491].

В целом, рассматривая судоустройство Степного края после проведения реформы 1898 г. можно отметить, что наиболее значимым недостатком сложившейся системы судопроизводства региона было

[489] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938. Л. 63.
[490] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938. Л. 63 об.
[491] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2147. Л. 5.

сохранение народного суда. На данную проблему сразу после проведения реформы стали обращать внимание региональные власти. Так, в докладе о недостатках «Положения об управлении Степными областями», представленном в 1902 г., значительное место уделялось проблемам деятельности народного суда. Статский советник Мельников, автор доклада, подчеркивал, что «киргизский народный суд, поддерживая… традиции прошлого, и водворяя в современную жизнь киргиз взгляды на женщину, личность и имущество и, вообще, на правовые отношения, диаметрально противоположные современным взглядам, задерживает развитие здравых понятий в народе» [492]. Подобные взгляды позднее звучали и в работах прокурора Уральской области барона Б.Н. Дельвига, по мнению которого, «киргизский народный суд, этот совершенно своеобразный институт, которому русская власть непредусмотрительно предоставила разрешение всех без исключения гражданских дел между киргизами и большинства уголовных правонарушений, находится явно в недостойных руках и совершенно не соответствует задачам правосудия»[493].

Региональные чиновники неоднократно отмечали, что адат, лежащий в основе народного правосудия, утратил свое значение как юридическая норма и выступал как рудимент традиционного права. Так, народный суд, за неимением уголовного кодекса, не мог выносить объективные, соответствующие степени уголовного правонарушения наказания. Немало коллизий в правовой практике народного суда возникало при необходимости вынесения в качестве формы наказания лишение свободы и тюремное заключение, понятия о которых отсутствовали в традиционном казахском судоустройстве. В связи с чем, к отбыванию срока в тюрьме нередко

[492] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2249. Л. 19 об. – 20.

[493] Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 124.

приговаривались за гражданские правонарушения, уклонение женщин от брака и т.д.[494]

Безусловно, существующие недостатки осложняли работу судебной системы региона и снижали ее функциональную эффективность. В качестве мер, направленных на модернизацию судебной системы региона чиновники судебного ведомства Степного края предлагали передать все дела, находящиеся в компетенции народных судов в ведение существующих в крае общеимперских судебных инстанций, в том числе мировой суд.

Однако центральные министерства и ведомства по прежнему придерживались позиции, обозначенной министром юстиции Н.В. Муравьевым и поддержанным Государственным советом, о сохранении народного суда, с внесением частичных и постепенных изменений. Подчеркивалось, что несмотря на «злоупотребления и несправедливости, допускаемые народным судом, преждевременность его совершенного упразднения доказывается, помимо разности воззрений туземцев на право с русскими понятиями, еще слишком поверхностным знакомством нашим с взглядами и обычаями туземцев, и в особенности необходимостью сношения с большинством чрез переводчиков, далеко не отличающихся нравственной благонадежностью» [495].

Неоднократно подчеркивалась неготовность казахского общества принять сложный механизм общеимперского судоустройства и, в целом, неготовность населения центральноазиатских окраин к законодательной работе. Эти идеи отразились, например, и на решении вопроса о предоставлении казахам избирательного права в начале XX в. Т.В. Котюкова отмечает, что данную точку зрения поддерживали не только центральные властные органы, но и правые политические круги края, которые в том числе полагали, что «нет никаких оснований думать, что прогресс настолько проник в среду туземной массы и выдвинул из нее широко образованных

[494] Дельвиг Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 5. С. 131.

[495] РГИА Ф. 1291. Оп. 84. Д. 4–1901. Л. 26 – 26 об.

людей, которые бы сознательно стремились к устройству жизни этого населения на прогрессивных началах»[496].

В целом, результаты реформы 1898 г. носили неоднозначный характер. И.Г. Щегловитов, в своем очерке «К сорокалетию Судебных уставов 20 ноября 1864 г.» признавал, что по мере постепенного распространения Судебных уставов (которое завершилось в 1899 г. введением Уставов в Квантунской области) по отношению к многим местностям были допущены существенные отступления от судебного устройства 1864 г. Во-первых, в национальных окраинах, северных губерниях, Сибири не был введен суд присяжных «по условиям бытовым, и отчасти политическим». В ряде регионов выборный мировой институт был заменен мировым институтом по назначению от правительства. В Закавказье, Сибири, Степном крае и Туркестане мировые съезды были замещены окружными судами и т.д.[497] Данные отступления привели к изданию новых процессуальных законов, направленных на восполнение имеющихся пробелов, изменение начал судопроизводства и судоустройства, что еще более осложнило систему судоустройства и судопроизводства в государстве. Безусловно, такой характер судебной системы не мог не сказаться на ее эффективности.

В итоге, к началу XX в. судебно-правовая система Степного края, несмотря на предпринятые реформы, сохранила архаичные элементы и выглядела нерациональной. Противоречия между формальными (общеимперскими) и неформальными (в лице народного суда и обычая) правовыми институтами были очевидными, а их сочетание в юстиции региона снижало функциональную эффективность судопроизводства, ухудшало характер правоотношений и, в целом, негативно сказывалось на восприятии населением судебной власти. Российской администрации на протяжении второй половины XIX в. так и не удалось выработать

[496] Котюкова Т.В. Подданные или граждане? Выборы в Туркестане: от Империи к Республике // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 8 (72) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. Режим доступа: https://history.jes.su/s207987840002486-3-1/

[497] Щегловитов И.Г. К сорокалетию Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Вестник права. Журнал юридического общества. 1904. Ноябрь. Кн. 9. С. 12–14.

отвечающую потребностям Степного края модель взаимодействия между имперскими институтами юстиции и традиционным судом казахского общества.

Народный суд к концу XIX в. сохранил свои широкие компетенции, рассматривая как уголовные, так и гражданские дела. Региональными имперскими властями велась сводная статистика (волостная и поуездная) количества вынесенных народными судьями решений. Среди дел, поступающих на рассмотрение в народный суд преобладали дела о кражах, оскорблениях, нанесении побоев, потравах, по-прежнему встречались дела о баранте, значительный процент рассматриваемых дел был связан с регламентацией семейно-брачных отношений. Например, анализ рассмотренных народными судьями дел и вынесенных ими решений по уездам Акмолинской области за 1890–1900 гг., свидетельствовал о сохранении роли традиционного судебного института в жизни казахского общества. Лишь частично, начиная с 1899 г. наблюдалось снижение количества дел, рассматриваемых в народном суде [498] . Наряду с политическим аспектом сохранения народного суда, важную роль играл и финансовый фактор. Упразднение народного суда как института юстиции привело бы к внушительному росту издержек на содержание общеимперских судебных органов в связи с расширением их функциональной компетенции. Немаловажную роль играли и географические особенности региона. Согласимся с мнением Е.А. Крестьянникова, что «чем дальше двигалось преобразование от густонаселённого центра к полупустынным окраинам, тем обширнее становилась площадь, на которую распространялась подсудность того или иного органа юстиции и тем менее доступным он становился»[499]. В полной мере этот тезис может быть применим к Степного краю.

После проведения реформы 1898 г., Министерство юстиции планировало предпринять дальнейшие шаги по модернизации судебно-

[498] ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 5607. Л. 19–32.

[499] Крестьянников Е.А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Российская история. 2018. № 2. С. 26.

правовой системы Степного края. Напомним, что проведение судебной реформы 1898 г. шло параллельно с активным обсуждением проектов преобразования имперской судебной системы. К весне 1899 г. «комиссия Муравьева» по пересмотру Судебных уставов 1864 г. завершила свою работу, а выработанные проекты были представлены для рассмотрения в министерства и ведомства в декабре 1899 г. и феврале 1900 г. На протяжении нескольких последующих лет продолжалось активное обсуждение выработанных комиссией принципов реорганизации судоустройства империи. Предполагаемые изменения затрагивали основные институты имперской судебной системы. При этом, территория Степного края сохраняла «особый» статус, где изменения не получали распространения в силу особенности сложившейся административной и судебной системы.

Интерес в связи с этим, представляет сама попытка его распространения, в случае принятия, в Степном крае. В 1899 г. проекты новой редакции Уставов были представлены Степному генерал-губернатору М.А. Таубе для обсуждения возможности введения в степных областях. Мнение Степного генерал-губернатора опиралось на местные условия и особенности общественной жизни и социально-экономического развития региона. Так, после изучения новой редакции Устава гражданского судопроизводства, региональные власти пришли к заключению о значительном несоответствии ряда его статей потребностям и реалиям жизни Степного края[500].

Например, резкой критике, подверглись положение Устава о поверенных (п. 1. Ст. 246 уст. Гр. Суд.), согласно которому неграмотные не могли выступать поверенными. Невозможность реализации данного принципа в степных областях исходила уже из того, что «вся степь кишит неграмотными или обучившимися только мусульманской грамоте киргизами, крестьянами и малограмотным в большинстве казачеством. Трудно провести какую-либо градацию между совсем безграмотным и полуграмотным,

[500] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2165. Л. 17.

читающим машинально и пишущим несколько заученных фраз, или только свое имя и фамилию, а еще труднее определить минимум грамотности, не препятствующий быть поверенным»[501]. Замечаний со стороны региональных властей вызвали также такие разделу новой редакции Устава, как «О подсудности по месту жительства», «О исковых прошениях», «О вызове к ответу», «О присяге» и др.

Рассмотрев, представленные на обсуждение проекты, исполняющий обязанности Степной генерал-губернатора генерал-лейтенант Н.И. Санников высказал свои замечания в «Отзыве и.д. Степного генерал-губернатора» [502]. Чиновник обратил внимание Министерства юстиции на необходимость «привлечь в Степном крае общественный элемент к отправлению правосудия и учредить в некоторых пунктах уездные отделения окружных судов». Позиция была обоснована ограниченным штатом окружных судов, проведением частых выездных сессий для осуществления правосудия в отдаленных уездах, незнанием судебных чиновников особенностей уклада жизни местного населения. Так, Н.И. Санников настаивал на учреждение в Степном крае института присяжных. По мнению министерства, основанием для исключения участия присяжных в судебном процессе в регионе является нехватка лиц, способных выполнять данные обязанности. В связи с этим, применительно к региону важно изменить требования к кандидатам в присяжные (в том числе, допустить внесение в списки присяжных новых лиц, например учителей народных и церковно-приходских школ; допустить понижение имущественного ценза; а также, «допустить участие окончивших в русских школах и знающих хорошо русский язык инородцев»). В своем отзыве Н.И. Санников выражал опасение, что без участия «местного общественного элемента суды не всегда могут стать на правильную точку

[501] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2165. Л. 19 об. – 20.

[502] Отзывы и.д. Степного генерал-губернатора от 7 ноября 1900 г. // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Свод отзывов ведомств по выработанным Комиссией законопроектам. СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 353–400.

зрения при разрешении дел, и что в них при перечисленных условиях мало помалу проявится формальное отношение к своим обязанностям»[503].

Ряд положений новой редакции Уставов, исходя из особенностей развития региона, действительно невозможно было внедрить в Степном крае. Так, одно из положений новой редакции Судебных уставов в разделе «Учреждения судебных установлений» рассматривало вопрос об устройстве апелляционной инстанции по делам участковой подсудности, однако в связи с отсутствием в Степных областях института земских начальников, подобная инстанция по проекту не вводилась в регионе, а ее функции возлагались непосредственно на окружные суды[504]. Также, территория Степного края была ограничена в учреждении института присяжных заседателей. В докладе И.Г. Щегловитова, который спустя несколько лет займет пост министра юстиции Российской империи, подчеркивалось, что «высоко ценя участие общественного элемента в отправлении уголовного правосудия, Комиссия высказалась в принципе за желательность привлечения к отправлению правосудия <…> во всех окраинных местностях, где это окажется возможным, общественного элемента в той или иной комбинации (т.е. в виде присяжных заседателей общего или особого состава). Однако, в итоге введение института присяжных заседателей общего и особого состава предполагалось только в Акмолинской и Семипалатинской областях. На остальной территории Степного края «за невозможностью в настоящее время привлечения к участию в отправлении правосудия представителей общественного элемента», предполагалось сохранить существующий порядок рассмотрения уголовных дел единоличными судьями[505]. Спустя несколько лет проект получил реализацию. Законом от 10 мая 1909 г. в

[503] Отзывы и.д. Степного генерал-губернатора от 7 ноября 1900 г. // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Свод отзывов ведомств по выработанным Комиссией законопроектам. СПб.: Сенатская типография, 1901. С. 398.

[504] Щегловитов И.Г. Пересмотренные Судебные Уставы накануне законодательного обсуждения // Журнал министерства юстиции. 1902. № 1. С. 155–159.

[505] Щегловитов И.Г. Пересмотренные Судебные Уставы накануне законодательного обсуждения // Журнал министерства юстиции. 1902. № 1. С. 166–167.

Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях было введено учреждение суда с участием присяжных заседателей[506].

Что касается самого проекта новой судебной реформы, то после его рассмотрения и достаточно весомой критики со стороны Министерства финансов, МВД, Военного министерства, в 1901 г. он поступил в Государственный совет, однако, так и не был принят. В 1904 г. было высказано предложение об учреждении в составе Государственного совета особого совещания для обсуждения проектов о преобразовании судебной части Степного края во главе с членом Государственного совета действительным тайным советником И.Л. Горемыкиным [507] . Однако, дальнейших действий и реальных изменений не последовало. В мае 1905 г. обсуждение проектов прекратилось. По мнению К.П. Краковского, правительство и сам царь «остыли» к идее тотальной перестройки судебной системы, требующей немалых средств. Изменение социально-политической ситуации в стране (русско-японская война, революция 1905 г.) сняли вопрос о новой реформе суда с политической повестки[508].

Таким образом, вторая половина XIX в. стала важным этапом развития судебной системы Степного края. Была разработана и утверждена нормативно-правовая основа деятельности суда. Шаги, предпринятые в конце 60-х гг. XIX в. в реформировании судоустройства края соответствовали идее постепенной интеграции Степных областей. Именно в 60-е гг. XIX столетия в процессе создания институтов судебной системы отразилась модернизационная направленность политики России в Степном крае. Были сделаны важные шаги по интеграции региона в общеимперское судебное пространство. Однако, очевидным недостатком всего периода было исключение Степного края из сферы распространения положений и

[506] О введении учреждения суда присяжных заседателей в Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, в некоторых уездах губерний Архангельской и Тобольской, в губернии Томской и в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 29 (1909). № 31862. С. 325–329.

[507] РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

[508] Краковский К.П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 22.

принципов Судебной реформы 1864 г. Данное обстоятельство обусловило незавершенность модернизации судебной системы вплоть до конца XIX в. Проведение судебной реформы 1898 г. в большей степени приблизило судебную систему Степного края к общеимперской. На регион получили распространение Судебные уставы 1864 г., были учреждены пореформенные судебные институты (мировые суды, окружные суды и судебные палаты). Однако, исходя из особенностей социально-экономического развития региона, ряд достижений реформы 1864 г. так и не получил развития в Степном крае.

Важное значение на протяжении второй половины XIX в. уделялось вопросам роли и места традиционных судебных институтов в формируемой конфигурации суда. Проведенные на протяжении второй половины XIX в. реформы традиционного казахского суда, в частности, введение выборности судей, обязательное фиксирование судебного решения, предоставление населению права выбора судебной инстанции, должны были способствовать интеграции казахского общества в общеимперскую правовую систему и инкорпорации народного суда в российское судопроизводство. Однако, уже в конце столетия стали отчетливо проявляться недостатки преобразований традиционной судебной системы Степного края, все чаще звучали мнения о необходимости ликвидации народного суда как судебного института и переходе казахского населения в компетенцию общеимперских судебных инстанций.

Глава 3. Механизмы создания общеимперских институтов социального контроля в Степном крае: особенности и противоречия процесса (вторая половина XIX в.)

3.1. Становление и развитие органов прокурорского надзора в Степном крае

В современной историографии подчеркивается модернизационная направленность политики Российской империи в центральноазиатских национальных окраинах[509], в силу которой в регион были привнесены нормы и институты общеимперской судебной системы и системы социального контроля. Становление и развитие прокуратуры, полиции и пенитенциарной системы в Степном крае, безусловно, проходило в русле общеимперских тенденций, однако, практически с момента трансплантации деятельность данных институтов приобрела структурные отличия, что в итоге, обусловило их функциональную малоэффективность.

Особое место в системе социального контроля региона занимал институт прокуратуры, становление которого нельзя рассматривать в отрыве от общеимперских процессов. По мнению ряда исследователей, в развитии российской дореволюционной прокуратуры исторический перелом связан с периодом подготовки и проведения судебной реформой 1864 г., определившей место прокурорских органов внутри системы юстиции и наделившей их обвинительной властью в суде[510]. В 1862 г. Государственным советом были приняты Основные положения о прокуратуре, в которых прокуратура определялась как единая и централизованная система органов прокурорского надзора, предусматривалась подчиненность нижестоящих по статусу прокуроров вышестоящим, устанавливались независимый статус

[509] Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги российской колонизации Туркестана. Тель-Авив, 2001.

[510] Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПб., 1993; Крестьянников Е.А. Правосудие в Западной Сибири (XIX – начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения. Тюмень, 2018.

прокуроров и их несменяемость. Прокуратура была призвана осуществлять надзор за точным и единообразным исполнением законов. В компетенцию генерал-прокурора (он же министр юстиции) входил «верховный» надзор в империи. Генерал-прокурор и губернские прокуроры назначались и освобождались от должности императором. Назначение и освобождение от должности нижестоящих по статусу прокуроров являлось предметом ведения генерал-прокурора (министра юстиции)[511]. Особое значение для развития российской прокуратуры и правового регулирования ее деятельности имела судебная реформа 1864 г. Основной задачей прокуратуры стало осуществление уголовного преследования. Особое внимание уделялось надзору за законностью действий органов предварительного следствия. Прокуроры состояли при судах, и их деятельность ограничивалась делами судебного ведомства. Смысл реорганизации прокуратуры в соответствии с основными принципами судебной реформы 1864 г. состоял в ограничении прокурорского надзора исключительно судебной сферой, возложении на прокурора функции поддержания государственного обвинения в суде и усилении надзора за дознанием и следствием, который фактически превращал прокуроров в руководителей предварительного расследования. Однако от судов прокуроры были независимы и действовали лишь на основе закона и внутреннего убеждения, подчиняясь вышестоящим прокурорам и министру юстиции как генерал-прокурору.

В Степном крае Российской империи институт прокуратуры был учрежден сравнительно поздно. Согласно Временному положению 1868 г. об управлении в Степных областях, областной прокурор был наделен правами и обязанностями губернского прокурорского надзора на общем основании[512]. Однако организация системы прокурорского надзора в Степном крае

[511] Шобухин В.Ю. Правовое регулирование организации и деятельности прокуратуры России в 1722–1917 гг. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 3. С. 93. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%A8%D0%BE%D0%B1%D1%83%D1%85%D0%B8%D0%BD_0.pdf

[512] РГИА. Ф. 1405. Оп. 99. Д. 1986. Л. 4.

практически сразу приобрела специфические черты. Так, в регионе в полной мере не получили распространения принятые 7 марта 1866 г. Правила «О порядке действия прокурорских чинов в судебных установлениях губерний до окончательного введения в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года». Сами Правила стали важным этапом преобразования прокурорского надзора в Российской империи. На основании Правил права и обязанности губернских прокуроров и стряпчих были аналогичны лицам прокурорского надзора в судах. Также, начиная с 1866 г. судебная прокуратура наделялась полномочиями по надзору за содержанием арестантов и управлению тюрьмами, а в должностные компетенции прокуроров был включен надзор по административным делам и т.д.[513] Исключение же Степного края из сферы распространения Положения 1866 г. было обусловлено отсутствием в системе региональной власти должности уездного стряпчего, значительной удаленностью уездных городов от места нахождения областного прокурора и т.д. При этом региональные власти, понимая малоэффективность прокурорского надзора в вверенном регионе, заявляли о необходимости применения в Степном крае общеимперских положений[514].

Подчеркнем, что уже в 1873 г. генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущев обратился в МВД с представлением о необходимости распространить Правила 1866 г. на Акмолинское и Семипалатинское областные правления [515] . Дело получило рассмотрение в центральных государственных ведомствах: Министерстве юстиции, МВД, Военном министерстве. Требование А.П. Хрущева поддержал военный министр. Министерство юстиции в мае 1875 г., рассмотрев поставленный вопрос, высказало идею о расширении сферы распространения Правил 1866 г. и распространении их также на Тургайскую и Уральскую области. Мотивируя

[513] Бриль Г.Г., Корняков А.А. Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России (вторая половина XIX века) // История государства и права. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://regiment.ru/Lib/C/310.htm

[514] Анисимова И.В. Формирование и развитие системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. // Былые годы. 2018. № 48 (2). С. 618–627.

[515] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1873. Д. 27. Л. 1–2.

тем, что все Степные области в результате введения Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 1868 г. идентичны в системе управления, министр юстиции статс-секретарь Эссен предлагал внести изменения в ст. 42 Положения, согласно которой «прокурорский надзор в степных областях учреждается на общем основании». В качестве изменений глава министерства предлагал дополнить статью словами: «с применением Высочайше утвержденного 7 марта 1866 г. мнения Государственного совета о правилах и обязанностях лиц прокурорского надзора [516] . При этом данные изменения могли быть осуществлены на региональном уровне, так как Временное положение 1868 г. наделяло главу региональной власти данными полномочиями. Однако, идея не получила единогласной поддержки в лице Тургайского и Уральского военных губернаторов. По мнению главы Тургайской области генерал-майора Баллюзека, прокурорский надзор в области опирался на Правила 1866 г. с момента введения Положения 1868 г. Но реализация в полной мере Правил 1866 г. не представлялась возможным, п. 8. которых подразумевал наличие в уездном управлении уездных стряпчих, функции которых включали просмотр постановлений полицейских управлений по ряду дел. Однако, в Степных областях подобная должность не была учреждена, что затрудняло применение Правил [517] . После длительной переписки между чиновниками МВД, Министерства юстиции и Военного ведомства, Совет Главного управления Западной Сибири принял решение о распространении Правил 1866 г. «О правах и обязанностях лиц прокурорского надзора» только в Акмолинской и Семипалатинской областях[518].

В то же время, в работе прокурорского надзора были сделаны определенные ограничения. В частности, прокурорский надзор в Оренбургском и Уральском казачьих войсках, а также Войсковом хозяйственном управлении Сибирского казачьего войска, распространялся

[516] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1873. Д. 27. Л. 6 – 6 об.
[517] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1873. Д. 27. Л. 11 – 11 об.
[518] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1873. Д. 27. Л. 28–29.

лишь на дела местных Войсковых хозяйственных правлений, указанных в ст. 3, 9–14 Правил 1866 г.[519]

Как свидетельствуют документы, существенные недостатки в деятельности прокурорского надзора Степного края были связаны с малочисленностью штата. Показательным является записка Акмолинского областного прокурора Кондратовича. В 1872 г. Кондратович рассуждая о положении прокурорского надзора в степных областях, указывал на широкий круг обязанностей прокурорской части. Они включали: «1) по производству следствий: назначение следствий, надзор за правильностью и полнотою их…; 2) по делам Палаты уголовного и гражданского суда: а, уголовным: рассмотрение следствий, внесение их в Палату с заключением и поддерживание обвинения по делам подвергающим виновных лишению или ограничению прав, протесты на судебные решения, настояния и отчетность по делам и арестантам, возбуждение ответственности должностных лиц и проч., б, по гражданским делам: заключение и просмотр определений по делам означенным в 343 ст. Устава гражданского судопроизводства и 3) по делам Мирового съезда: а, по уголовным: заключения и протесты… и б, гражданским: заключения в случаях указанных 179 ст. Устава» [520] . Исполнение данных обязанностей по Судебным уставам и Общим губернским учреждениям были возложены на товарищей прокурора, численность которых являлась ограниченной.

Данная проблема получила обсуждение в Министерстве юстиции и было решено назначить к прокурорам Степных областей по одному товарищу. Однако, учитывая их широкие компетенции, областной прокурор Кондратович настаивал на необходимости введения в прокуратуре области дополнительной штатной единицы товарища прокурора, подчеркивая, что «одного товарища прокурору не достаточно, в чем нетрудно убедиться

[519] О применении к землям казачьих войск Оренбургского, Уральского, Астраханского, а также к Акмолинскому войсковому хозяйственному управлению Высочайше утвержденных, 7 марта 1866 г., Правил о правах и обязанностях лиц прокурорского надзора // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 48 (1875). № 55143. С. 303.

[520] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 4.

перечневым исчислением круга обязанностей. Этот круг занятий лиц прокуратуры еще более увеличится с образованием одной Палаты уголовного и гражданского суда для двух областей; в виду сего следовало бы к Прокурору палаты назначить не менее 2-х товарищей»[521].

В начале 80-х гг. XIX в. Министерство юстиции в рамках ревизии (в регион был командирован прокурор Елецкого окружного суда Сергиевский) делопроизводства судебных институтов Уральской области, обратило внимание и на работу прокурора области[522].

В результате изучения деятельности областного прокурора, права и обязанности которого регламентировались введенными в действие в Уральской области с 1 июля 1877 г. Правилами от 10 марта 1869 г., касающиеся прав и обязанностей губернских прокуроров и их товарищей, были выявлены существенные недостатки. Прежде всего, прокурором допускалась некомпетентность в вынесении письменных заключений по делам и медлительность в их производстве. Рассмотрение некоторых дел затягивалось более чем на год, ежегодно около ста дел оставалось у прокурора без направления на дознание или в Областное правление. «Представляется необходимым усилить Уральский прокурорский надзор двумя товарищами прокурора, один в Уральске, второй в Калмыкове… при таком распределении можно ожидать, что следственная часть в Уральской области выйдет из беспризорного положения, и появится возможность избежать замещения прокурора в случае его болезни членом суда – явлении ненормального, но терпимого в силу необходимости»[523].

В 1885 г. военный губернатор Уральской области подчеркивал «затруднительное» положение областного прокурора в связи с объемом работы, возложенной на него. Так, кроме непосредственных функций осуществления прокурорского надзора, в обязанности Уральского областного прокурора с 1877 г. входило рассмотрение и направление в суд с

[521] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 5.
[522] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320.
[523] РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 320. Л. 34–34 об.

письменными заключениями формальных следствий по всем уголовным делам области, что во внутренних губерниях относилось к обязанностям товарищей губернских прокуроров. При этом, канцелярия прокурора включала одну штатную единицу чиновника – письмоводителя, жалование которого составляло 250 руб. в год. Конечно, низкое финансирование, по мнению военного губернатора области, «исключает всякую возможность иметь при камере прокурора лицо до известной степени способное помогать…»[524].

Действительно, круг обязанностей областных прокуроров Степного края был значительно шире по сравнению с компетенциями губернских прокуроров внутренних областей Российской империи. К ним относились назначение следствий по поступавшим делам, контроль за правильностью ведения следственных действий, целый комплекс функций прокуроры выполняли по делам Палаты уголовного и гражданского суда, в том числе рассмотрение следствий по уголовным делам и внесение их в Палату с заключением, обеспечение обвинения по уголовному делу, объявление протестов на судебные решения, ведение отчетности и т.д. В ведении областных прокуроров находились также уголовные и гражданские дела Мирового съезда[525].

Принятое в 1886 г. «Положение об управлении Туркестанским краем» уточняло положение и функции прокурора в Степных областях. Положение определило права и обязанности областных прокуроров, расширив их компетенции. Более четко был определен характер деятельности прокурора по отношению к народному суду. Ст. 218 Положения 1886 г. гласила: «Приговоры и решения народного суда, постановленные с превышением власти или по делам ему неподсудным, не приводятся в исполнение, и о них Уездный Начальник представляет Прокурору Окружного Суда. Последний вносит протест в Окружной Суд, который, в случае отмены приговора,

[524] РГИА. Библиотека. Приложение к всеподданейшему рапорту военного губернатора Уральской области в 1885 г. Л. 30–31.

[525] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 2–5.

возвращает дело, с подлежащими указаниями, в народный суд, для постановления нового решений, а при неподсудности дела народному суду – дает ему законное направление» [526]. В 1887 г. на областных прокуроров Степного края были возложены обязанности прокуроров судебных палат о производстве дознаний и рассмотрении дел по государственным преступлениям.

Выполняли прокуроры Степных областей и ряд административных функций. Так, весной 1895 г. в Министерстве юстиции рассматривался вопрос о деятельности окружных судов и прокурорском надзоре в Тургайской области. В докладе отмечалось, что в области «на прокуроров возложены такие, требующие непременного пребывания их в губернских и областных городах, обязанности, которые не лежат на прокурорах областных судов и из коих главнейшими являются просмотр постановлений и журналов губернских присутственных мест, а равно наблюдение за правильным и безостановочным течением дел в сих установлениях…, но и эти обязанности имеют всецело административный характер и находятся вне всякой связи с возложенными на прокуратуру судебными обязанностями»[527].

Не менее важной проблемой региональной прокуратуры оставался вопрос о необеспеченности и недостаточной квалификации состава прокурорского надзора Степных областей. При обсуждении в конце 80-х гг. XIX в. региональными властями проекта Положения об управлении в Степных областях подчеркивалось[528], что реализация части проектируемого Положения о прокурорском надзоре будет возможна не везде. По проекту при областных судах должны были состоять Областные прокуроры и их товарищи, что, не всегда, соответствовало реальной ситуации. Например, в Тургайской области не было должности товарища прокурора. При отсутствии прокурора, его обязанности исполняли чиновники прокурорского

[526] Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Т. 6. 1886. № 3814. С. 318–346.

[527] РГИА. Ф. 1405. Оп. 100. Д. 552. 1891–1898 гг. Л. 230–234.

[528] Речь идет о Степном положении 1891 г.

надзора Оренбургской губернии, располагавшиеся в Оренбурге. В штате Казалинского областного суда должность товарища прокурора также была не предусмотрена. В связи с этим открытым оставался вопрос, кто на время отсутствия прокурора должен исполнять его обязанности [529] . Однако, проектируемое Положение предусматривало увеличение компетенций прокурорского надзора. В частности, Казалинскому областному прокурору, «кроме сложной деятельности по надзору за судебными делами, соединенной с разъездами по области, придется иметь наблюдение за тюрьмами в области находящимися, находиться при отправке арестантских партий (Казалинск стоял на пути следования партий) и производить дознание по государственным преступлениям» [530] , в связи с чем необходимость расширения штата областной прокуратуры была очевидна.

В итоге, расширенные функции прокурора препятствовали исполнению непосредственных служебных задач. Когда в 1897 г. на Сибирь были распространены Судебные уставы, прокурорская организация стала частью судебного ведомства и представляла собой иерархию из трех ступеней: товарищей прокурора в округах (уездах), прокуроров окружных судов и прокуроров судебных палат. Прокуратура заняла особое место в судебной системе. Прежде всего, она была призвана обеспечить уголовную репрессию в интересах общества и государства, на нее возлагалась задача искоренения преступности[531]. Аналогичная роль возлагалась и на прокурорский надзор в Степном крае после реформы 1898 г. Однако, достаточно скоро, после проведения реформы, проявились проблемы прокурорского надзора, которые выражались в перегруженности прокуроров делами, судебной волоките, недостатке финансирования, кадровом дефиците, что было свидетельством изъянов сложившейся судебной системы.

[529] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 270.
[530] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 270 об.
[531] Крестьянников Е.А. Правосудие в Западной Сибири (XIX – начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения. Тюмень, 2018. С. 181.

При этом, нельзя сказать, что, как на уровне центральных органов власти, так и в регионе, не предпринимались попытки модернизации системы прокурорского надзора. Так, в 1909 г. на заседании Департаментов Правительствующего сената рассматривался вопрос о компетенциях прокурора Степных областей в вопросе опротестования решения народного суда в трактовке ст. 218 Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. Согласно Положению 1886 г. прокурор мог возбудить вопрос об отмене решения народного суда только в случае предоставления уездным начальником сведений о превышении народным судом своих полномочий или нарушения правил о подсудности. Попытки расширить компетенцию прокурорского надзора в данном вопросе предпринимались практически сразу после введения Положения. Однако в 1895 г. Сенат подтвердил законность и действенность ст. 218. Спустя несколько лет, в 1899 г., потребности регионального судопроизводства привели Сенат к санкционированию положения, которое допускало заявление прокурорами протестов на решения народного суда не только по представлению уездного начальника, но и в результате обращения граждан[532].

В 1909 г. Сенат вновь рассматривал вопрос о компетенциях прокурорского надзора в Степных областях и своим решением ограничил возможности прокурора в реализации судебной власти. При этом, как подчеркивалось в документах, принятое 2 марта 1909 г. определение «внесло существенную ломку в устоявшуюся судебную практику». Было утверждено ограничение власти прокурора ст. 218 Положения 1886 г., в том числе по вопросу о инициаторе обращения, ограничив круг лиц, подающих протест уездным начальником.

Между тем, случаи обращения частных лиц в прокурорский надзор с просьбами об отмене приговоров и решений народного суда – «явление не единичное», а увеличивающееся с каждым годом. Решение 2 марта 1909 г.

[532] О применении 218 статьи Положения об управлении Туркестанским краем // Журнал министерства юстиции. 1910. № 4. С. 134–135.

сводило положение прокурорского надзора до положения «простой передаточной инстанции», так как принимая жалобы частных лиц, прокурор суда был обязан направлять их уездному начальнику [533]. При этом, на практике, утвержденное распределение обязанностей, вызывало определенные затруднения, так как уездные начальники, и без того обремененные служебными обязанностями, решали вопросы юридического свойства, в которых, как правило, были некомпетентны.

Таким образом, институт прокуратуры, выступая важным и необходимым элементом региональной юстиции, занимал особое месте в судебной системе Степного края. Организация системы прокурорского надзора в регионе практически сразу приобрела специфические черты. В степных областях в полной мере не получила распространения общеимперская нормативно-правовая основа организации прокурорской службы. Выявленные в работе прокурорского надзора проблемы были вызваны особенностями социально-экономического развития региона, не укомплектованностью кадрового состава, сложными профессиональными компетенциями должности прокурора. До конца имперского периода деятельность прокурора в Степном крае оставалась малоэффективной, а сам институт прокуратуры требовал реорганизации.

3.2. Основные направления развития полицейской системы Степного края

Важной составляющей системы социального контроля являлась реализация полицейско-надзорных функций. Осуществление полицейско-надзорных функций является неотъемлемой частью эффективной

[533] О применении 218 статьи Положения об управлении Туркестанским краем // Журнал министерства юстиции. 1910. № 4. С. 137–139.

государственной политики. Этим обусловлен интерес к данной проблематике в отечественной и зарубежной историографии.

Немаловажное значение для становления системы полицейского надзора в центральноазиатских окраинах России оказывал имеющийся опыт организации имперской полицейской службы, которая на протяжении всего XIX в. подвергалась критике. По мнению Е.А. Крестьянникова, в дореформенной России привлечение полиции к отправлению правосудия являлось естественным и определялось характерным для времени пониманием роли и места суда в государстве и обществе: розыскной порядок судопроизводства, направленный лишь на результативное изобличение преступника и его наказание, не оставлял в данном отношении выбора[534].

В конце XVIII – начале XIX в. были сделаны шаги по созданию в Степном крае общеимперских механизмов реализации судебной политики. Так, в 1798 г. был принят закон об учреждении полиции в Оренбурге, необходимость которой была вызвана как ростом численности городского населения, так и отсутствием в городе правоохранительного органа. Изначально функции полиции выполнялись Управой для охранения порядка, которая состояла из офицеров гарнизона. Однако, отбытие военных к месту службы прекратило деятельность управы. По положению 1798 г. в Оренбурге учреждалась должность полицеймейстера, приставов, магистратских ратманов, низших полицейских служащих[535]. В декабре 1803 г. должности полицмейстера, частных приставов и надзирателей были учреждены в Уральске[536]. Подчеркивалось, что под особым контролем полицеймейстера должны были находиться городская больница, тюрьма, ночная и пожарная команды.

---

[534] Крестьянников Е.А. Участие полиции Западной Сибири в организации судебной власти края (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 125–127. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_8-1_28.pdf

[535] Об учреждении полиции в Оренбурге // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 25 (1798). № 18478. С. 197–199.

[536] О образовании внутреннего управления Канцелярии войска Уральского // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27 (1803). № 21101. С. 1098.

По принятому 1822 г. Уставу о сибирских киргизах, регламентирующему административно-территориальное устройство и управление казахов Среднего жуза, полицейские функции были отнесены к компетенции Окружного приказа. Выступая полицейским органом, Окружной приказ отвечал за «сохранение внутренней тишины и частной безопасности лиц и имуществ мерами предупреждения и пресечения». В этом отношении Приказ приравнивался по положению к «земскому суду внутренних округов» и имел «все права и обязанности сего установления с применением к особенным о киргизах правилам»[537].

Основные полицейские обязанности Окружного приказа заключались в охране правопорядка, предупреждении и предотвращении распространенных среди казахского населения Степного края правонарушений (грабежей, баранты, неповиновения власти), проведении следствий и передаче в суд исковых дел, взятии под стражу и передаче в суд правонарушителей, заботе о просвещении и хозяйственном благосостоянии населения округа и т.д. Окружной приказ был обязан выполнять функции паспортной службы и «знать всех тех, кои имеют пребывание на земле, управлению его вверенной» [538] . В частности, чиновники окружного приказа обязаны были вести покибиточную перепись населения и проверять сведения раз в три года.

В Младшем жузе, согласно принятому в 1844 г. Положению об управлении Оренбургскими казахами, полицейские функции были возложены на Оренбургскую пограничную комиссию[539].

Изменения в организации работы полиции Степного края связаны с введением в 1868 г. в регионе нового административно-территориального деления и принятием Временного положения об управлении в Уральской,

[537] Высочайше утвержденный Устав о Сибирских киргизах (22 июня 1822 г.) // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 38 (1822). № 29127. С. 420.

[538] Высочайше утвержденный Устав о Сибирских киргизах (22 июня 1822 г.) // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 38 (1822). № 29127. С. 420.

[539] Положение об управлении Оренбургскими казахами. 14 июня 1844 г. Санкт-Петербург, 1844.

Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях [540] . Согласно Положению 1868 г., реализация полицейских функций в Степных областях была возложена на уездные управления. Уездным начальникам предоставлялись права и обязанности уездных исправников на основании общеимперских законов, регламентирующих деятельность уездной полиции. Изменений в деятельность городских полицейских управлений в Уральске, Омске, Петропавловске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске Временное положение 1868 г. не вносило. Единственным новшеством в работе городской полиции стало учреждение в Акмолинске должности полицейского пристава, а в 1875 г. – нового штата полицейского управления в Акмолинске. Само управление подчинялось Акмолинскому уездному начальнику. В штат, помимо полицейского пристава входили письмоводитель и полицейские надзиратели, работа которых финансировалась из средств государственной казны. Также городское общество за счет доходов Акмолинска, в случае потребности, могло увеличивать штат за счет вольнонаемных полицейских служащих[541].

В 1880 г. на Уральскую и Тургайскую области были распространены Правила о порядке производства дознаний по государственным преступлениям, согласно которым обязанности чинов корпуса жандармов по производству дознаний о государственных преступлениях возлагались на чинов полиции, так как в регионе не были учреждены жандармские управления.

В 1884 г. Степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский выступил с инициативой введения полицейской стражи в городах Семиреченской области с ее содержанием за счет земских сборов. Предложение было поддержано как Земским отделом МВД, так и Департаментом полиции[542].

---

[540] Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 21 октября 1868 г. // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. В 10-ти тт. Т. 5. Алматы, 2005. С. 441–463.

[541] О штатах полицейского управления в городе Акмолинске // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 50 (1875). № 54384. С. 137–138.

[542] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16–1884. Л. 1–2, 6–7.

В большинстве уездов обязанности полиции выполнялись уездными начальниками, в Семипалатинске и Усть-Каменогорске полицеймейстерами. В качестве представителя полицейско-надзорного органа в компетенции уездного начальника, в том числе, входили: обязанности общей полиции (обнародование законов и распоряжений правительства, наблюдение за их исполнением, предупреждение и пресечение народных волнений и т.д.), содействие судебному ведомству в исполнении его решений, а также контроль за приведением в действие судебных приговоров[543].

Однако, как показывала практика, уездным начальникам приходилось выполнять и сопутствующие основным обязанностям функции. Например, в Акмолинской области отсутствовали полицейские учреждения с коллегиальным составом [544] . В связи с этим, сложности возникали с рассмотрением некоторых категорий дел (например, о бродяжничестве, дел с участием ссыльно-поселенцев и ссыльно-каторжных), решение которых, по закону, выносилось полицейскими управлениями с коллегиальным составом. Областное правление вынуждено было открывать при Уездных правлениях временные коллегиальные присутствия под председательством уездного начальника. Это, безусловно, увеличивало нагрузку на уездных судей и сказывалось на эффективности их работы. Осложняло работу полиции и отсутствие в большинстве городов должности полицеймейстера. Например, только в 1886 г. в г. Верном Семиреченской области была учреждена должность полицеймейстера, которая заменила должность городничего.

Нельзя не отметить, что определенные шаги по усилению полицейской системы региона были сделаны. Частично предпринимались меры по увеличению штата городской полиции. Так, в 1889 г. штатный состав полицейской команды в Верном был определен в 44 человека, в числе

[543] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 86–87.
[544] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 14–1879. Л. 9.

которых состояло 9 старших и 35 младших городовых с содержанием всего штата за счет государственного казначейства[545].

На низовом уровне полицейские функции были возложены на волостных управителей. Охрану находящихся под следствием и надзором осуществляли особые надзиратели. Военный губернатор Семипалатинской области А.Ф. Карпов в 1893 г. подчеркивал, что «до 1892 г. особые надзиратели имелись во всех пунктах пребывания поднадзорных, но так как кредит на эту потребность уменьшен, то пришлось ограничиться наймом особых надзирателей только в тех пунктах, где по числу поднадзорных и в силу некоторых местных условий необходимо иметь за поднадзорными более усиленное наблюдение»[546]. В связи с чем, в 1893 г. особые надзиратели находились на постоянной основе лишь в Усть-Каменогорске и Семипалатинске; в Каркаралинском городском поселении особый надзиратель нанимался лишь в летнее время, а в Павлодаре и Зайсанском посту эта должность отсутствовала.

По мнению военного губернатора Семипалатинской области А.Ф. Карпова, причины неудовлетворительной работы полицейско-надзорных органов заключались в малоэффективности уездного управления, служащих в которых крайне не хватало в регионе. Как правило, уездное управление состояло из уездного начальника и двух – трех чиновников. В своем отчете о состоянии области за 1898 г. Карпов писал, что «уездный начальник и его помощник – единственные лица, посещающие степь <…>. Но при огромных пространствах уездов и значительной канцелярской работе посещение степи не может быть частым». Из этого и проистекало, что производство дознания и другие поручения, возлагаемые на чиновников исполнительной полиции, исполнялись преимущественно казахскими волостными управителями, а иногда и переводчиками[547].

---

[545] О штатном составе полицейской команды в городе Верном и о способе покрытия расхода по ее содержанию // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 9 (1889). № 6439. С. 655.

[546] РГИА. Библиотека. Рапорт военного губернатора Семипалатинской области за 1892 г. Л. 5.

[547] РГИА. Библиотека. Отчет военного губернатора Семипалатинской области за 1898 г. Л. 7.

В одном из документов так описывалась эффективность работы уездной полиции: «Входящие в круг обязанностей уездной полиции, предварительные, для возбуждения следствия и суда, дознания – самими уездными начальниками или их помощниками никогда не производятся: они по необходимости поручаются письмоводителям и даже, в видах облегчения этих последних, возлагаются на их помощников, или полицейских стражников. При совершенной неподготовленности к делу этих чинов, результатом сказанного порядка являются: крайняя медленность производства дознаний, весьма серьезные упущения, затрудняющие потом действия следствия и суда, нередко до полной невозможности возбудить судебное преследование, наконец совершенно стеснение свободы лиц подозреваемых в преступлении»[548].

Новым этапом в развитии полицейской службы Степного края стало принятие в марте 1891 г. Степного положения[549] и утверждение штата региональной администрации Степных областей. Положение 1891 г. регламентировало количество чиновников полицейского управления и их должностную иерархию. В городах исполнительные функции находились в руках полицеймейстера и приставов, численность которых варьировалась. В большинстве уездов обязанности полиции выполнялись уездными начальниками, на низовом уровне полицейские функции были возложены на волостных управителей. Усиление полицейской службы в регионе на низовом уровне было сделано за счет образования полицейских команд из числа вольнонаемных, содержание которых относилось к расходам городского бюджета. Исключение составляла полицейская служба Уральской области, находившаяся на балансе Уральского казачьего войска[550]. Через несколько лет после введения Положения 1891 г., потребности общественной

[548] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 3–1884. Л. 95.

[549] Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей от 25 марта 1891 г. // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. В 10-ти тт. Т. 5. Алматы, 2005. С. 500–518.

[550] Анисимова И.В. Полиция Степного края в пореформенный период: общеимперские реформы и региональная повседневность // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 116.

жизни потребовали внесения изменений в существующий штат полиции. Так, уже в 1893 г. Государственный совет утвердил учреждение в Уральской области трех должностей конно-полицейских урядников с назначением содержания за счет государственной казны[551].

Однако, несмотря на частичные нововведения, с момента принятия Временного положения 1868 г., деятельность полицейской службы Степного края оставалась практически без изменений, что привело к серьезным недостаткам в ее работе. Проблема заключалась, прежде всего в недостаточности кадрового состава региональной полиции. Например, в 1896 г. власти Акмолинской области о значительном росте преступлений (кражи, грабежи, убийство). Рост преступности был вызван увеличением крестьянских переселений из Тобольской губернии в поисках работы, в том числе, на строительстве Сибирской железной дороги. Власти подчеркивали, что значительная часть совершаемых преступлений оставалась не раскрытыми «вследствие крайне ничтожного состава местной полиции»[552].

В 1897 г. Степной генерал-губернатор М.А. Таубе обратился в Министерство внутренних дел с представлением о необходимости реорганизации городской полицейской службы в крупнейших центрах вверенного ему края: Омске, Семипалатинске и Верном. В своем докладе глава региона подчеркивал, что в современном ему состоянии полицейская служба города не может качественно нести свои обязанности. Штат городской полиции был регламентирован Степным положением 1891 г. В частности, штат Омского городского полицейского управления состоял из полицмейстера и пяти приставов, низовые полицейские функции выполняли городовые Омской полицейской команды, охрану находящихся под следствием и надзором осуществляли особые надзиратели. В качестве недостатков работы полиции Омска, М.А. Таубе выделял не только слабое кадровое обеспечение полицейских органов города, но и нерациональное

[551] Об учреждении в Уральской области трех должностей конно-полицейских урядников // ПСЗРИ. Собр 3. Т. 13 (1893). № 9344. С. 86.

[552] Обзор Акмолинской области за 1896 г. Омск: тип. Акмолин. обл. правления, 1898. С. 70.

распределение обязанностей между полицейскими чинами[553]. Так, широкие функциональные компетенции полицмейстера, который сочетал в своих руках не только полицейские функции, но и общее руководство полицейским управлением, контроль делопроизводства и документооборота, не позволяли ему эффективно выполнять непосредственные обязанности. Особые сложности, по мнению М.А. Таубе, возникали при отсутствии полицмейстера в городе, когда часть его функциональных прерогатив автоматически переходила в компетенцию полицейского пристава «с оставлением на нем же и прямых его обязанностей». Это лишало последнего возможности рационально управлять вверенным ему городским участком. В качестве меры, способной улучшить деятельность городского полицейского управления и оптимизировать работу полицейских чинов, Степным генерал-губернатором предлагалось ввести должность помощника полицмейстера с окладом 1200 руб. в год.

В 1894 г. правительство пошло навстречу региональным властям и утвердило новый штат полицейской команды г. Омска, который включал 10 старших городовых и 43 штатных единицы младших городовых, содержание нового штата обошлось казне в 7985 руб. ежегодно. В 1897 г. был утвержден новый штат полицейской команды г. Усть-Каменогорска. В состав полицейской команды входили 2 старших городовых и 10 младших. Содержание нового штата также обеспечивалось за счет казны, при этом, сохранялись обязанности города по найму городовым помещения с отоплением и освещением и снабжению чинов полиции вооружением (шашками и револьверами) [554] . Неудовлетворительной, по мнению глав региона, выглядела и работа полицейских приставов Омска, численность которых при растущем населении города была явно недостаточной, в связи с чем требовать от пяти приставов быстроты исполнения предъявляемых к ним требований являлось невозможным.

[553] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1897 г. Д. 88. Л. 2–2 об.
[554] Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898. С. 491.

М.А. Таубе в обосновании своей позиции писал: «Иногда пристав целые недели и более бывает занят описанием имуществ в порядке охранительного судопроизводства, или командируется из города для розысков виновных, а участок остается совершенно без надзора и останавливается исполнение текущей переписки». В данном случае, мерой, направленной на реорганизацию работу городского полицейского управления, могло стать увеличение штата омской полиции за счет введения должности помощника пристава с годовым содержанием 750 руб., в том числе для Омского уездного управления – пять человек, для Семипалатинска и Верного – по две должности помощника пристава[555].

Потребность усиления полиции Семипалатинска была обусловлена увеличением населения города, связанного как с развитием торговли и промышленности, так и с активным переселенческим движением. Более того, «зимой из ближайших киргизских волостей приходит в город более 3000 киргиз для заработков»[556]. Данные обстоятельства, безусловно, увеличивали делопроизводство по полицейской части и требовали изменений в штатном расписании. Недостаточная для обеспечения правопорядка численность полицейских приставов была общерегиональной тенденцией.

Следующий шаг преобразования существующей городской полицейской системы виделся региональным властям в учреждении должности околоточных надзирателей (от 12 до 15 в зависимости от города) и изъятии низовых полицейских функции из компетенции городовых, «людей в большинстве малоразвитых, полуграмотных и вообще совершенно не способных для исполнения обязанностей околоточного надзирателя»[557]. Это должно было также способствовать более эффективной работе полицейской службы.

Всего, по проекту Степного генерал-губернатора, на реорганизацию городской полиции в трех городах региона требовалось в пределах 32 тыс.

[555] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1897. Д. 88. Л. 2 об., 4–4 об.
[556] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1897. Д. 88. Л. 4.
[557] РГИА. Ф. 1149. Оп. 12–1897. Д. 88. Л. 3.

руб. Однако, после рассмотрения в Министерстве финансов, проект был частично изменен. Министр финансов указывал на отсутствие дополнительных ресурсов в казне для столь масштабных преобразований и высказался как за сокращение числа учреждаемых должностей помощников пристава, околоточных надзирателей, так и общей суммы канцелярских издержек управления. После обсуждения проекта, Министерство финансов согласилось на выделение из средств Государственного казначейства суммы в размере 16900 р., что позволило внести частичные изменения в штатное расписание. В результате длительной дискуссии между ведомствами было выработано решение о введении проектируемой реформы городской полиции Степного края с 1 января 1898 г. 1 декабря 1897 г. было утверждено мнение Государственного совета «Об усилении Омской, Семипалатинской и Верненской городских полиций» [558] . В Омске в штат полицейского управления вводились должности помощника полицеймейстера, четырех помощников приставов, 12 околоточных надзирателей. Штат полиции г. Семипалатинск был дополнен должностью полицейского пристава, 3 помощников пристава. В полиции Верного были учреждены должности двух помощников пристава и 4 околоточных надзирателей. При этом, даже в редакции Министерства финансов, проект реформ в большей степени соответствовал потребностям городского населения и его реализация была крайне необходима.

В Степном крае, вплоть до введения в 1898 г. Судебных уставов Александра II, полицейская служба занималась расследованиями по криминальным делам, являясь в определенном смысле органом юстиции и вершителем правосудия [559] . Однако, многочисленные нарушения полицейскими служащими своих обязанностей, дискредитировали государство в глазах населения края. Ученые подчеркивают, что имперские

[558] Об усилении Омской, Семипалатинской и Верненской городской полиций. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 01 декабря 1897 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 17 (1897). № 14727. С. 665–666.

[559] Крестьянников Е.А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.) // Российская история. 2013. № 3. С. 84–99.

полицейские были «плохо подготовленными, подчас малоразвитыми, с эластической нравственностью, допускавшей их делать вопиющие злоупотребления», на должности, как правило поступали «люди некомпетентные и неспособные к службе»[560].

Вторым важным фактором, оказавшим влияние на становление и развитие полицейско-надзорных органов в Степном крае стала тесная связь с формированием государственного аппарата управления регионом. Как справедливо отмечает А.Д. Тимошевская, важнейшей особенностью организации полиции в этнорегионах была зависимость административно-полицейского управления от государственно-правового статуса региона[561]. Данный критерий правомерно относится и к Степному краю.

В начале XX в. в работе полиции степных областей сохранялись серьезные проблемы. Полицейская служба численно и квалификационно не отвечала растущим потребностям края. Так, в 1903–1904 гг. Степным генерал-губернатором Н.Н. Сухотиным был вновь поднят вопрос о необходимости реорганизации работы полицейской стражи, в том числе увеличении чинов городской полиции, как пеших, так и конных, в Акмолинской и Семипалатинской областях. Поводом для обращения стало активное развитие в областных городах питейной торговли, которая приводила к росту и усилению беспорядков не только в городе, но и в близлежащей округе. Имеющиеся в распоряжении городского управления штаты полиции не справлялись с охраной питейных заведений, в связи с чем Степной генерал-губернатор, поддерживая позицию областных начальников, предлагал увеличить полицейский штат и учредить в городах дополнительные должности конных полицейских стражников, а в уездах - конных полицейских урядников [562] . Обращение Степного генерал-

[560] Крестьянников Е.А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.) // Российская история. 2013. № 3. С. 85; Шиловский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. С. 21.

[561] Тимошевская А. Д. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX – начале XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 4 (32). С. 92.

[562] РГИА. Ф. 1149. Оп. 13–1903 г. Д. 155; Оп. 13–1904 г. Д. 138.

губернатора вызвало широкое обсуждение в министерских кругах. Прежде всего, за сокращение предполагаемых в связи с реформированием расходов выступало Министерство финансов, доводы которого в итоге поддержало Министерство внутренних дел. Результатом работы стало принятие Государственным советом положения «Об усилении полиции в Акмолинской области 35 пешими стражниками и 61 конно-полицейским урядником» (29 декабря 1903 г.) и положения «Усилении полиции Семипалатинской области 8 пешими стражниками и 15 конно-полицейскими урядниками» (22 декабря 1904 г.)[563]. Безусловно, принятые постановления отличались от варианта, предложенного Степным генерал-губернатором, и в силу ограничительного характера, не соответствовали потребностям региона.

Наряду с учреждением новых должностей, требовала решения проблема обеспечения нового полицейского штата необходимым обмундированием и вооружением. Согласно общеимперским законам, казенное вооружение полицейских урядников состояло только из шашки, разрешалось ношение огнестрельного оружия, которое полицейские могли приобрести за свой счет. Однако, сумма денежного довольствия полицейских урядников не всегда позволяла покупку дополнительного, более современного вооружения. Так, в 1908 г. губернатор Семипалатинской области обратился в Департамент полиции МВД с просьбой рассмотреть вопрос об изменении правил вооружения низших полицейских чинов и ассигновании из кредитов, выделенных на содержание полиции, 305 руб. для приобретения 15 револьверов и патронов. В обосновании просьбы подчеркивалось, что «в настоящее тревожное время, когда разного рода убийцы и грабители вооружены огнестрельным оружием самых последних систем, вооружение урядников одними шашками представляется недостаточным, а на то скудное содержание, которое они получают[564], урядники лишены возможности, в

[563] РГИА. Ф. 1149. Оп. 13–1904 г. Д. 138. Л. 10.

[564] По положению 22 декабря 1904 г. об «Усилении полиции Семипалатинской области 8 пешими стражниками и 15 конно-полицейскими урядниками», конно-полицейским урядникам назначено

виду дороговизны жизни, приобрести огнестрельное оружие за свой счет»[565]. Совет министров, на рассмотрение которого поступило дело, признав обоснованность просьбы, утвердил выделение запрашиваемой суммы на покупку вооружения.

Серьезные замечания региональных властей вызывала полицейская служба на уездном уровне. Так, обзор состояния Семипалатинской области за 1905 г. выявил, что в Каркаралинском уезде Семипалатинской области в начале XX в. отсутствовали полицейские урядники, «на все 22 волости имеется всего лишь три стражника, да и те исполняют посторонние обязанности – двое писцы Уездного управления, а один в качестве переводчика при Уездном начальнике». В связи с этим, единственными органами полиции выступали волостные управители, которые по заключению региональных властей выполняли свои функции крайне небрежно, не справлялись со своими обязанностями: затягивали с приведением решения суда в исполнение, оставляли поступающие к ним жалобы без рассмотрения и т.д. [566] При проверке волостного делопроизводства было выявлено, что более 180 решений народного суда не приведено в исполнение, при этом ряд решений датировалось 1895 г.

По мнению военного губернатора Семипалатинской области А.Ф. Карпова, причины неудовлетворительной работы полицейско-надзорных органов заключались в малоэффективности уездного управления, служащих в которых крайне не хватало в регионе (Табл. № 5). Так, области Степного края с населением, насчитывающим 1 млн 799 тыс обслуживало 1209 пеших и 603 конных стражника и 299 урядников. Безусловно, данный штат полицейской стражи не мог в полной мере обеспечить выполнение профессиональных задач.

довольствие 340 руб. в год (в том числе «жалование, обмундировочное и фуражное довольствие и ремонт шашки»).

[565] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 29. Л. 4.

[566] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 91.

Таблица № 5.

Численность полицейской стражи в областях Степного края по данным 1907 г. [567]

области	количество				Сумма расходов (руб.)	количество			Сумма расходов (руб.)
	жителей	стражников				волостей	урядников		
		пеших		конных			старших	младших	
		старших	младших						
Уральская	673200	33	304	168	180360	93	9	84	48900
Тургайская	498700	24	225	124	133180	70	7	63	36820
Акмолинская (за исключением 3-х волостей)	689000	34	310	172	184360	44	4	40	23120
Семипалатинская (за исключением Каркаралинского уезда)	558300	27	252	139	149260	92	9	83	48380

Как правило, уездное управление состояло из уездного начальника и двух – трех чиновников, функциональные компетенции которых были весьма значительными. Военный губернатор Тургайской области А.А. Ломачевский подчеркивал, что круг обязанностей полицейских чинов уездного управления включал в себя не только обеспечение правопорядка в регионе, но и, например, «развозку казенной корреспонденции, из-за отсутствия правильной почты» [568] . Эффективному выполнению полицейских обязанностей на уездном уровне препятствовал комплекс факторов, в том числе, отсутствие в уездных правлениях чиновников исполнительной полиции, огромные размерами подведомственных территорий, невозможность своевременно вести дознание или проводить следствие[569].

[567] РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 3. Л. 21 об. – 22.
[568] РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 43. Л. 3.
[569] РГИА. Библиотека. Отчет военного губернатора Семипалатинской области за 1898 г. Л. 7.

Наглядным примером наличия проблем в организации полицейской службы может выступать ситуация в Тургайской области, которая включала в себя четыре уезда. На уездных начальников области, кроме полицейских обязанностей, возлагались «очень сложные обязанности по заведыванию хозяйством и благоустройством городов, по осуществлению всех разнообразных распоряжений администрации по отношению к инородцам, а также исполнение поручений по земско-хозяйственной части в уезде, как-то: по сооружению зданий, устройству дорог, мостов и т.п.»[570]. Объективно уездный начальник не мог выполнять эффективно свои должностные обязанности по организации и осуществлению полицейского надзора, тем более, в обширных по территории уездах Степного края.

В связи с отсутствием в большинстве уездов областей Степного края низших чинов полиции в лице становых приставов и полицейских урядников, полицейские функции (охрана личности и имущества, производство дознания по делам о преступлениях и проступках, исполнение судебных приговоров) на местах были возложены на представителей волостного и сельского управления у русского населения и волостных управителей и аульных старшин в казахских волостях. При этом региональные власти подчеркивали абсолютную «непригодность» волостного управления для компетентного осуществления полицейских функций. Особенно сложно ситуация развивалась в казахских волостях, так как волостные управители и аульные старшины нередко отступали от принятия законного решения в пользу интересов своих родственников или «партий». В документах подчеркивалось, что «ради получения денежной выгоды или в угоду своим однопартийным единомышленникам [обвинительные] приговоры почти не приводятся в исполнение <…>, штрафы совсем не взыскиваются <…>. Подобная постановка дела укореняет в умах местного населения полную уверенность в безнаказанности совершаемых ими проступков, в особенности по делам о лесных вырубках, сделавшихся как бы хроническим и

[570] РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 43. Л. 11 об.

неизбежным явлением»[571]. Выходом из сложившейся ситуации могло стать только изменение штатов уездной полиции и учреждение дополнительных должностей низших полицейских чинов (становых приставов и урядников). Конечно, отсутствие взаимодействия с нижестоящими полицейскими чинами выступало значимым обстоятельством неэффективной работы уездной полиции.

Так, в одной из станиц пригорода Каркаралинска Семипалатинской области полицейским органом являлся станичный атаман. По заявлениям уездного начальника, «полицейские дела ведутся медленно, вяло и неохотно. Станичный атаман, видимо, не желает признать, что он в полицейском отношении подчинен уездному начальнику. Несмотря на неоднократные требования являться утром в Уездное управление с докладом, станичный атаман не является, а между тем личные доклады необходимы, особенно в случае совершения преступлений, появления заразных заболеваний и проч.»[572] Нередко и сам уездный начальник был «совершенно устранен от всякого участия в полицейских делах», тогда как «во всей территории уезда должен быть в одинаковой степени Начальником полиции, иначе не будет достигнуто единство действий в надзоре, предупреждении и пресечении преступлений»[573].

Безусловно, низкая эффективность полицейского контроля на низовом уровне отражалась на качестве выполнения полицейских функции уездным начальником. Четкого убеждения, что проблемы в выполнении уездным начальником полицейских функций, напрямую зависят от широких должностных обязанностей, придерживался и сенатор граф К.К. Пален, проводивший ревизию Туркестанского края в 1908–1909 гг. Во Всеподданнейшей записке, отражающей основные результаты ревизии, Пален подчеркивал, что при широких должностных полномочиях уездного начальника, который выполнял одновременно обязанности исправника,

[571] РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 43. Л. 12.
[572] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 94.
[573] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 92.

полицмейстера, городского головы, городского управляющего, председателя больничного комитета, председательствующего директора тюремного отделения и т.д., а также наблюдал «за народным судом и вакуфами, заведует ирригацией, а в Семиречье участвует в образовании переселенческих участков», собственно полицейские обязанности отходят на второй план[574]. В качестве меры, направленной на улучшение ситуации, К.К. Пален предлагал организацию в регионе уездной полиции, освобождение приставов от административных обязанностей, создание должности помощника уездного начальника по полицейской части и команды полицейских нижних чинов по типу европейских губерний. Не менее важным, для повышения эффективности работы полицейской службы в регионе, по мнению сенатора, должно было стать усиление полиции в городах, которая также находилась, по оценкам ревизии, в неудовлетворительном состоянии.

Результаты ревизии полиции г. Верного обозначили проблемы, характерные для городов, как Туркестанского края, так и Степных областей. Во-первых, рост численности городского населения делал необходимым увеличение штата городской полиции (в 1907 г. в г. Верном насчитывалось 29 тыс. чел., которых обслуживало 44 городовых, что являлось, безусловно, недостаточным). Второй проблемой городской полиции, по мнению ревизующего, были вытекающие из многонациональности городского населения расхождения и конфликты. В документах подчеркивается, что «городское население состоит из разноплеменных народов, кроме русских тут много живет татар, сартов, таранчей, дунган, киргиз, есть и евреи и кавказцы. Каждая народность имеет свой обособленный язык, не понятный городовому, свои привычки и нравы, публичным проявлениям которых они не стесняются. Это последнее обстоятельство является фактором всевозможных уличных ссор и драк» [575], что безусловно, осложняет

[574] Всеподданейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. II. Административный строй. СПб., 1910. С. 99–125.

[575] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 153. Л. 63.

выполнение городовыми своих функций. Следующая проблема городской полиции заключалась в широком функционале. Так, на городовых полицейских, кроме непосредственных общих полицейских обязанностей, были возложены функции сыскной и жандармской полиции. На малоэффективности работы полиции сказывалась обширность территории полицейских участков, а также низкая оплата труда полицейских чинов.

При этом, нельзя утверждать абсолютно, что проблемы полицейской системы региона оставались без внимания центральных органов власти. На законодательном уровне принимались инициативы, направленные на улучшение работы региональной полиции. В 1906 г. по предложению региональных властей в лице Туркестанского генерал-губернатора, в Военном министерстве стали обсуждать возможность распространения на регион высочайше утвержденной 6 декабря 1905 г. «Мемории Совета Министров» об учреждении полицейских должностей на частные средства[576]. Она предоставила губернаторам и начальникам областей в губерниях, управляемых по Общему положению, право учреждать отдельные исполнительные полицейские должности и формировать команды полицейской стражи в сельской местности, для охраны частных имений, торговых заведений и т.п. Однако, 13 июня 1906 г. Совет министров утвердил распространение действия правил Мемории 1905 г. только на области Туркестанского края, исключив Степной край.

Подчеркнем, что недостатки полицейской службы в степных областях пытались нивелировать. Так, в 1908 г. был принят закон «Об учреждении в Тургайской области должностей становых приставов и полицейских урядников»[577]. В 1909 г. Акмолинский губернатор В.С. Лосевский, учитывая потребности региона в развитии полицейского надзора, поднял вопрос об учреждении в области 30 должностей становых приставов и о введении

[576] Высочайше утвержденная 6 декабря 1905 г. Мемория Совета министров // Законодательные акты переходного времени 1904–1906 гг. СПб., 1907. С. 288–290.

[577] Об учреждении в Тургайской области должностей Становых приставов и полицейских урядников // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 28 (1908). № 30742. С. 480.

института полицейской стражи, который получил лишь частичное решение. Результатом возбужденного ходатайства стало принятие закона 1 июля 1912 г. «Об учреждении в области 19 должностей становых приставов».

Одной из насущных проблем полицейской системы региона был вопрос о ее финансировании. Региональный бюджет (городской, уездный), выделяя статью расходов на содержание полиции, не всегда мог учитывать растущие потребности, связанные с увеличением числа полицейских чинов, покупкой вооружения и т.д. В этой связи Степной генерал-губернатор обращался в центральные ведомства с просьбой усилить финансирование полицейской системы региона за счет средств государственной казны. Частично просьбы получали удовлетворение. Так, в 1904 г. на содержание дополнительного штата Семипалатинской полицейской команды, решением Государственного совета было утверждено выделение из средств государственного казначейства 1932 руб. ежегодно (в течение пяти лет) с возможной пролонгацией выплат. В 1908 г. Семипалатинская городская дума выступила с ходатайством о продлении финансирования дополнительного штата местной полицейской команды за счет казны. Городские власти подчеркивали, что «финансовое положение г. Семипалатинск находится в крайне затруднительном состоянии. Городских доходов не хватает ежегодно на покрытие насущнейших текущих городских расходов, а по городским росписям ежегодно получается дефицит»[578]. Однако, после рассмотрения дела в Министерстве финансов, которое проанализировало финансовое положение Семипалатинска, сумма, выделяемая из государственной казны для содержания дополнительного штата полиции была сокращена вдвое до 966 р.[579]

Высокую социальную роль полиции в обществе подчеркивал Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит. Рассуждая о роли полицейских учреждений в 1910 г., он подчеркивал, что «полиция представляется главным жизненным

[578] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 74. Л. 5.
[579] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 74. Л. 6.

нервом административного управления; обслуживая население, она является тем звеном, которое соединяет разнородные классы населения и помогает правительству в его заботах о благе и преуспевании края»[580]. Однако, по мнению главы региона, полиция в Степном крае, «представляется почти пустым звуком», так как по закону эти функции возложены на ограниченное количество полицейских чинов[581]. Подобной точки зрения придерживался и туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов, который в 1912 г. подчеркивал, что «никакой низшей полиции в уездах края в настоящее время в сущности не имеется, если не считать учреждаемых сельскими обществами, а также по соглашению с частными лицами и установлениями, низших полицейских должностей, содержание которых обращается из средств этих обществ, лиц и установлений[582].

Генерал-губернатор Степного края Е.О. Шмит неоднократно говорил о крайне тяжелом положении полицейской службы региона. При этом, по мнению региональных властей, основная проблема была связана с недостаточным кадровым обеспечением полицейско-надзорных институтов. Наглядным примером выступает организация полицейской службы в г. Каркаралинске. Функции главы полицейской части в городе выполнял помощник Уездного начальника, в его распоряжении находилось пять городовых и три пожарных «служителя». Население города и окрестностей составляло более 4500 жителей, в том числе около 2 тыс. джатаков. Для обеспечения порядка в городе необходимым являлось усиление полицейской части и увеличение числа городовых до 9 чел. Однако, при расчете полицейских штатов, необходимых для города, джатаки исключались из числа городских жителей, что и обуславливало численность полицейских чинов[583].

---

[580] Анисимова И.В. Формирование и развитие системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX вв. // Былые годы. 2018. № 48 (2). С. 618–627.

[581] Всеподданнейший отчёт Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края за 1910 г. Омск, 1911. С. 2.

[582] РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 13.

[583] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 93.

До введения института крестьянских начальников в Каркаралах, как и других городах Степного края, существовала выборная должность джатакского старшины, который частично выполнял и полицейские функции. Региональные чиновники подчеркивали, что «ни один городовой не в состоянии сделать того, что сделает старшина джатаков, знающий поименно всех подведомственных ему лиц, их нужды, семейное и материальное положение и нравственные качества» [584] . Упразднение института джатакского старшины значительно осложнило работу полицейской части. Власти не смогли выработать эффективный механизм замены традиционной должности, что сразу сказалось на росте числа правонарушений в городе. Прежде всего, значительно увеличилось конокрадство, «пешие городовые не в состоянии отыскать украденную лошадь, если она спрятана у джатака, почти всегда в подобных случаях имущество и воры остаются не розысканными»[585].

Различия в организации полицейской службы в Степном крае по сравнению с центральными губерниями Российской империи становилось в начале XX в. все более очевидным. Признавая, в целом, неудовлетворительный характер полицейского надзора во внутренних губерниях, где существовал сформированный штат в лице сотских, десятских и полицейских урядников, чиновники МВД акцентировали внимание на полном отсутствие этого надзора в Степных областях, где в принципе не существовало должностей сотских и десятских.

В регионе ощущалась острая нехватка полицейских урядников, которых на весь Степной край насчитывалось 97 чел. (для сравнения в Тобольской и Томской губерниях существовало по 135 полицейских урядников). В Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях полицейские урядники из-за небольшой численности, обслуживали лишь отдельные уезды или поселения (Табл. № 6).

[584] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 93.
[585] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 93 об.

Таблица № 6.

Численность полицейских урядников в Степных областях (по данным МВД за 1907 г.)[586]

Области	Пространство (кв.в.)	Население (по данным 1907 г.)	Число волостей, станиц, инородческих управлений	Число урядников
Уральская	313328	673200	93	9
Тургайская	386502	498700	70	12
Акмолинская	512221	709900	47	61
Семипалатинская	405819	724300	114	15

Таким образом, из данных таблицы следует, что на одного урядника в Степных областях приходилось от 11,6 тыс. чел. в Акмолинской области до 48 тыс. чел. в Семипалатинской области. «При таком положении, – подчеркивалось в докладе МВД, – названные чины очевидно являются не только обремененными, но и бессильными справиться с возложенными на них по закону обязанностями»[587].

Осенью 1908 г. в Департаменте полиции МВД получил рассмотрение вопрос «О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края», по аналогии с внутренними губерниями Российской империи. Основой для проекта послужило утвержденное 5 мая 1903 г. мнение Государственного Совета «Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи»[588]. Содержание законоположения сводилось к упразднению сотских и полицейских урядников и образовании уездной полицейской стражи из урядников и стражников.

Спустя несколько лет после принятия закона 5 мая 1903 г., власти Степного края, Томский и Тобольский губернаторы обратили внимание на

[586] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 157. Л. 3.
[587] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 157. Л. 3.
[588] Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 05 мая 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). № 22906. С. 477–481.

необходимость распространения утвержденных принципов организации полицейского надзора на подведомственные им территории. В обращениях областных губернаторов Степного края подчеркивалось, что «условия жизни <…> сильно изменились. Благодаря проведению железной дороги, замечается прилив разного рода предпринимателей по заводской и фабричной промышленности, а с тем вместе и лиц, деятельность которых направлена к преследованию преступных целей»[589]. Не меньшее значение имело и развитие переселенческого дела в Степном крае, результатом которого было и увеличение численности населения, и образование новых поселков, и развитие социально-экономических отношений в регионе. В совокупности, перечисленные обстоятельства делали насущным модернизацию системы полицейского надзора, отвечающей реалиям развития региона.

Департамент полиции МВД полностью поддержал мнение региональных властей. Более того, было высказано предложение, учитывая обширность территории и разбросанности населения, увеличить предполагаемое по закону от 5 мая 1903 г. количество конно-пеших стражников. Разработанный МВД проект, с включением финансовой сметы и расчетами на учреждение новых должностей и их содержание, были представлены на рассмотрение в Министерство финансов и Государственного контроля.

Государственный контроль, в свою очередь, признал важность введения в указанных в проекте областях и губерниях, новой полицейской стражи, но, «с известной постепенностью». В качестве причины отсрочки принятия законопроекта перечислялись: новые требования государственного казначейства по сметам на ближайшие годы; необходимость обоснования предлагаемой реорганизации полиции от региональных властей, прежде всего Степного края. Более того, после подробного рассмотрения дела, чиновники Государственного контроля пришли к заключению, что

[589] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 157. Л. 3 об.

«учреждение в ближайшее время в Сибири и областях Степных уездной полицейской стражи в том <…> составе, который предположен по проекту не вызывается неотложной необходимостью»[590]. Предлагалось пересмотреть количество полицейских чинов и финансовую смету проекта положения. Однако Министерство внутренних дел не согласилось принять замечания Государственного контроля. В итоге, расхождения в позиции центральных ведомств перевели проект в плоскость обсуждения и отложили его реализацию.

В октябре 1908 г. Министерством внутренних дел в Государственную думу был внесен законопроект «Об усилении полиции в Азиатской России», который, однако не получил рассмотрения в законодательном органе. Спустя несколько лет, в 1912 г. МВД подготовил законопроект о введении полицейской стражи в губерниях и областях Сибири, Степного и Приамурского края. Однако, при обсуждении законопроекта депутаты Государственной думы отмечали слабую аргументацию представленного проекта, подчеркивая, что введение института полицейской стражи «не вызвано потребностями административного местного обслуживания».

Для детального обсуждения вопроса была учреждена специальная комиссия по исследованию положения полицейской системы, работа которой была результативна. Итогом работы стал проект преобразования полиции в Сибири, Степном крае и Приамурье, который был представлен на одобрение в Государственную думу. Реформа включала в себя, во-первых, введение уездной полицейской стражи (на основании принципов Общего учреждения губернского по Прод. 1906 г.). При этом должности полицейских урядников упразднялись. В Акмолинской области исключение составляли Нуринская, Аккумнуринская и Куманотбезнуринская волости Акмолинского уезда, в Семипалатинской области – Каркаралинский уезд, что было обусловлено отсутствием в этих регионах русского населения. Во-вторых, предоставление губернаторам ряда областей, в том числе акмолинскому и семипалатинскому,

[590] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 157. Л. 9.

права направлять отряды полицейской стражи в регионы, где отсутствует уездная полиция; в третьих, регламентировался механизм финансирования полиции. Предполагалось, что преобразования будут введены с 1 января 1913 г., но, реализация проекта была отложена.

Более того, по мнению депутатов Госдумы, более насущным для обозначенных регионов был вопрос об увеличение классных чинов уездной полиции[591]. Решение комиссии Госдумы, рассматривающей законопроект, послужило началом обсуждения вопроса как центральными, так и региональными органами власти. Департамент полиции МВД обратился к Степному генерал-губернатору Е.О. Шмиту с просьбой обосновать потребности вверенного ему региона в увеличении состава уездной полиции и полицейской стражи. Министерством была разработана программа исследования административных единиц Степного края, которая включала описание географического положения, численности населения, национального состава, распределения по уездам, объемов переселенческого движения, экономического положения населения, наличия транспортных коммуникаций, количества промышленных предприятий, а также описание объемов работы полиции (количество дознаний, характер преступлений) и т.д. Всего программа исследования содержала 17 пунктов[592]. Сбор Степным генерал-губернатором информации от губернаторов степных областей сформировал четкое представление о необходимости кардинальной реорганизации региональной полиции.

При быстром росте численности населения региона, развитии сельской и городской жизни, изменениях в трендах повседневности, до 1913 г. Степной край обслуживался 10 уездными начальниками и 10 помощниками уездных начальников, которые выполняли свои полицейские функции, с незначительным количеством урядников и стражников. При этом, именно

[591] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 177ч. 5. Л. 1.
[592] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 177ч. 5. Л. 1 об. – 2 об.

обеспеченность региона низовыми полицейскими чинами была наиболее актуальной проблемой.

В 1912 г. Е.О. Шмит в ежегодном отчете о состоянии и нуждах Степного края подчеркивал, что «в особенности в неудовлетворительном состоянии находится полиция. … Города имеют свою городскую полицию, по численности далеко не соответствующую количеству населения». Генерал-губернатор Е.О. Шмит сетовал, что «число священников, врачей, мировых судей, ветеринарных врачей, чинов полиции и других местных работников крайне недостаточно. Пространства ими обслуживаемые громадны, а население ежегодно, благодаря переселению быстро увеличивается. Напряженный темп работы правительственных учреждений и чинов едва успевает за быстрым ходом развивающейся в крае жизни, каждую минуту рискуя отстать от него» [593] . Безусловно, при таком положении дел обеспечение порядка в Степном крае требовало серьезных усилий со стороны региональных властей.

Состав уездной полиции в областях Степного края регламентировался, прежде всего, Степным положением 1891 г., которым определись количество уездных начальников, их помощников и полицейских служителей. На втором месте стояли нормативно-правовые акты, принятые в отношении отдельных областей. Так, Высочайше утвержденное 19 января 1904 г. Мнение Государственного совета определяло численность конно-полицейских урядников в Акмолинской области, а количество становых приставов и их распределение по уездам области определялось законом от 1 июля 1912 г.[594]

К 1912 г. уездная полиция Акмолинской области состояла из 5 уездных начальников, 5 помощников уездных начальников, 20 полицейских служителей (по 4 при каждом уездном управлении), 19 становых приставов, распределенных по пяти уездам и 61 конно-полицейских урядников. Акмолинский губернатор предлагал преобразовать уездную полицейскую

[593] Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора, генерала от кавалерии Шмита, о состоянии Степного края за 1912 г. Омск, 1913.

[594] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 177ч. 5. Л. 8 – 8 об.

стражу по правилам закона 5 мая 1903 г. в следующем составе: 197 конных урядников и 621 конных полицейских стражников с упразднением 61 должности полицейских урядников, учрежденных в 1904 г.[595]

Акмолинский губернатор признавал «настоятельно необходимым скорейшее введение в области института полицейской стражи, без которой немыслима продуктивная деятельность становых приставов, станы которых настолько обширны по территории, что при разбросанности населенных пунктов, многие из них по-прежнему останутся без всякого полицейского надзора»[596]. В качестве аргументации организации полиции во всех уездах глава области говорил о важных социально-экономических изменениях: проведение Сибирской железной дороги, рост переселенческого движения, развитие промышленности и хозяйственной деятельности населения области. При этом, штат низшей полиции Акмолинской области насчитывает всего 61 должность конно-полицейских урядников, которые не просто недостаточен, а «ничтожен в данное время при многочисленности вновь образованных поселков на громадной территории уездов».

Аналогичная ситуация складывалась в Семипалатинской области, где было возбуждено дело о введении 26 становых приставов и низшей полицейской стражи[597].

В феврале 1913 г. МВД в Государственную думу был внесен законопроект об учреждении в Тургайской области четырех должностей становых приставов. Однако, и данное предложение не получило разрешения.

Спустя несколько лет, в 1915 г., департамент полиции МВД вновь инициировал рассмотрение вопроса о необходимости усиления полицейского надзора в ряде регионов империи, в том числе, центральноазиатских окраинах России. В обосновании проекта делался акцент на изменение социально-экономических факторов, требующих незамедлительной

[595] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 177ч. 5. Л. 8, 15.
[596] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 177ч. 5. Л. 12 об.
[597] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 177ч. 6.

регламентации. Речь, в частности, шла о развитии транспортных коммуникаций (развитие железнодорожного движения), увеличении потока переселенцев и, связанного с этим, появлении новых населенных пунктов, что, безусловно, требовало усиления полицейского надзора [598]. Особого внимания заслуживала ситуация в Тургайской области, где вдоль линии Ташкентской железной дороги возник целый ряд как небольших поселков, так и крупных населенных пунктов. Примером последнего являлся поселок, основанный около железнодорожной станции Челкар Иргизского уезда. Поселок являлся начальным пунктом почтового тракта, связывающего Иргизский и Тургайской уезды с железной дорогой, и выступал центром тяготения населения волостей Иргизского уезда. По данным уездного начальника, численность поселка достигла 3000 чел., часть которых (около 700 чел.) «пришлое население… представляет собой толпу ищущих заработка, бездомных людей, всегда готовых на всякое бесчинство, буйство и преступление» [599]. При этом, полицейская служба в Челкаре была представлена лишь вольнонаемным полицейским стражником, выполняющим свою службу со времени строительства железной дороги. Безусловно, данные обстоятельства требовали внесения кардинальных изменений в полицейский надзор уезда и области. Тургайский губернатор возбудил ходатайство об учреждении в Челкаре должности станового пристава, в должностные обязанности которого должен был входить полицейский надзор не только в Челкаре, но и во всем районе, прилегающем к Ташкентской железной дороге в пределах Иргизского уезда. Учитывая и разделяя мнение региональной администрации о необходимости в ближайшее время усиления полицейского надзора, управляющий МВД Н. Щербатов обратился с предложением рассмотреть законопроект в Совет министров, но дальнейшая судьба не известна.

[598] РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 60. Л. 2.
[599] РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 60. Л. 7.

Несмотря на очевидную потребность в модернизации региональной полиции, в усилении полицейских органов всех уровней, в 1915 г. реформы полиции в Степном крае не были проведены. При этом, 27 ноября 1915 г. Совет министров утвердил ряд нововведений в полицейской службе для регионов Сибири и Дальнего Востока, исключив области Степного края[600].

В декабре 1916 г. Департамент полиции МВД Российской империи вновь инициировал вопрос о необходимости модернизации полицейской системы Сибири, Степного края и Приамурья. Предложение МВД предполагало распространить на вышеназванные регионы Положение 1903 г. Об учреждении уездной полицейской стражи[601]. Особое внимание, по мнению чиновников Полицейского департамента, необходимо было уделить организации конной стражи как в Сибири, так и в Степных областях, в связи с тем, «что обширность территории Сибири, Степного и Приамурского края и отсутствие путей сообщения именно обуславливают необходимость организовать такую подвижную силу, которую можно было бы распределить в наибольшей числе пунктов, дабы при надобности иметь эту силу всегда в наличности и в должном количестве»[602]. В документах подчеркивалось, что растущее ежегодно переселение «стесняющее пользование киргизов степными угодьями <…>, вызывает в киргизах враждебное отношение к переселенцам и переселенческим чинам, выражающееся <…> в различного рода притеснениях и преступлениях по отношению к переселенцам»[603].

Эти обстоятельства потенциально влекли за собой увеличение возможности правонарушений и происшествий, требующих вмешательства полиции. Однако, признавалось, что состав полиции в Степных областях чрезвычайно слаб, что приводило к ежегодному росту преступности в регионе. В большинстве областей полицейские функции выполнялись одним

[600] РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 3. Л. 23 – 23 об.

[601] Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 05 мая 1903 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 23 (1903). № 22906. С. 477–481.

[602] РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 3. Л. 13 об.

[603] РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 3. Л. 17.

уездным начальником и его помощником. При этом, «ближайший полицейский чин иногда оказывается почти за 100 верст, а в иных местах (Семипалатинская и Акмолинская области) и далее».

В полном объеме осуществление проекта преобразования полиции в Сибири, Степных областях и Приамурском крае началось 1 октября 1916 г., когда было утверждено Положение Совета министров «О введении полицейской стражи» в рассматриваемых регионах[604]. Министр внутренних дел в своем заключении поддержал проект преобразований и Положение Совета министров, после чего проект был передан на рассмотрение Государственной Думы для законодательного закрепления. Однако, и в 1916 г., несмотря на согласие центральных ведомств, реализовать планируемые преобразования не удалось. Февральская революция 1917 г., установление власти Временного Правительства в корне изменили отношение к имперской полиции и ознаменовали новый этап ее развития.

На наш взгляд, полицейская служба Степного края, выступая важным институтом социального контроля, являлась неотъемлемым элементом региональной судебной системы. При этом, необходимо отметить, что создание полицейской системы в Степном крае не приняло общеимперский формат. Для нее были характерны ряд специфических черт, опосредованные особенностями социокультурного и экономического развития региона. В итоге полиция, как структура призванная выполнять функции контроля и надзора, фактически была лишена возможности их реализации в Степном крае.

[604] О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916 г. Отд. 1. 13 октября 1916 г. № 280. Ст. 2211. С. 2823–2824.

3.3. Положение пенитенциарной системы Степного края во второй половине XIX – начале XX в.: функциональные проблемы и попытки реорганизации

Значительную роль в обеспечение эффективной деятельности судебной власти занимали тюремные институты и учреждения. Преобразование тюремной системы в России во второй половине XIX в. являлось одной из главных задач имперских властей, усилия которых были направлены, как на улучшение системы мест заключения, так и на рациональную организацию системы тюремного надзора и быта заключенных, создание единой системы управления местами лишения свободы, улучшение контроля над пенитенциарными учреждениями [605] . Организация работы тюремных институтов региона в 60-е гг. XIX в. была крайне слабой. Отсутствовало финансирование тюремной части, не были разработаны необходимые для реализации компетенций пенитенциарной системы механизмы. Например, в Акмолинской и Семипалатинской областях арестантов перевозили на почтовых лошадях из-за отсутствия земских подвод на основных трактах. Безусловно, тюрьма как институт обеспечения судебной власти появился в Степном крае в сложных условиях: отсутствовала материальная база, не было подготовленных кадров.

В 1877 г., по предложению центральных органов власти, начала работу Комиссия по тюремным преобразованиям, которая разработала основные направления тюремной реформы Российской империи. Спустя два года, в 1879 г. началась реорганизация пенитенциарной системы, ставшая важным этапом модернизации уголовно-исполнительной системы в контексте либерализации российского государства. В итоге, в Российской империи

[605] Казаченок В.В. Организационно-правовые основы деятельности пенитенциарных органов и учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 1. С. 13.

была создана единая структура пенитенциарных органов и учреждений, а сама система приобрела к началу XX в. качественно новые очертания[606].

Однако, реформа не коснулась в полной мере тюремной системы Степного края, положение которой, по мнению региональных властей, было крайне удручающим. Растущее население Степного края, увеличение количества правонарушений и преступлений актуализировали перед региональными властями вопрос о развитии пенитенциарной системы. Власти региона признавали, что тюрем не хватало, а содержание тюремного штата было крайне слабым. Одной из первых мер в реорганизации пенитенциарной системы Степного края стало учреждение в г. Омске женского тюремного отделения по аналогии с существующими при Губернских попечительных комитетах о тюрьмах[607].

Существенной проблемой для организации эффективной работы пенитенциарной системы региона было отсутствие в тюремных замках постоянного надзора. Основная караульная служба в тюрьмах обеспечивалась воинскими нарядами, численность которых постепенно сокращалась. Ситуация вызывала озабоченность областного руководства и требовала реорганизации.

В Семиреченской области тюрьмы были учреждены в Верном, Копале, Лепсинске и Пишпеке. Однако, только в Верненском тюремном замке, в результате неоднократных прошений Семиреченского областного начальства, в 1873 г. была учреждена должность смотрителя с ежегодным содержанием в размере 700 руб. Проблема учреждения постоянного тюремного надзора была связана с вопросами финансового обеспечения новых должностей. Так, содержание Верненского тюремного смотрителя несколько лет после учреждения осуществлялось за счет земского кредита. В

[606] Трофимова Н.Н. Пенитенциарная система Российской империи в эпоху общественно-политического кризиса революционного периода (1905 – февраль 1917 гг.) // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж, 2017. С. 450.

[607] Об учреждении в городе Омске женского тюремного отделения // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37 (1862). № 39096. С. 600.

1876 г. содержание тюремного надзора было исключено из земской сметы и переведено на счет городской казны. Однако, дефицитный городской бюджет не мог в полной мере обеспечить финансирование тюремного надзора и уже в 1878 г. эта статья была исключена из городских расходов и переведена на счет займов из сумм областного правления и экономических средств Тюремного комитета[608].

Постепенно сеть пенитенциарных учреждений в Степном крае расширялась, что было обусловлено ростом преступности в регионе и увеличением численности арестантов. В качестве подтверждения можно взять статистические данные, отраженные в отчетах степных областей за несколько лет (Табл. №7, №8).

Таблица № 7.

Динамика преступлений в Степных областях (1870–1876 гг.)

Области	**1870**	**1872**	**1874**	**1876**	**1878**	**1880**
Семипалатинская	141	247	331	396	307	476
Акмолинская	549	1283	1543	651	980	-

Таблица № 8.

Рост численности арестантов гражданского ведомства в Степных областях (1870–1876 гг.)

Области	1870	1872	1874	1876
Семипалатинская	24	76	139	233
Акмолинская	70	262	218	216

Данные таблиц № 7–8 свидетельствуют о росте правонарушений и преступлений в 1870–1880 гг. в Семипалатинской области более чем в три раза, в Акмолинкой области – практически в два раза. Рост численности

[608] РГИА. Ф. 1149. Оп. 10–1884. Д. 73. Л. 17.

преступлений увеличивал количество арестантов в областях и актуализировал расширение сети тюремных помещений.

В 1876 г. в Усть-Каменогорске было открыто каторжное отделение, которое перевели в Семипалатинскую область из Тобольска[609]. В 1880 г. была открыта тюрьма в Павлодаре Семипалатинской области, штат которой включал в себя должность смотрителя с содержанием 400 руб. в год и двух надзирателей с содержанием 180 руб. в год каждому. По состоянию на 1883 г., тюремные помещения находились в Степном крае в трех областных и шести уездных городах. Нередко, из-за отсутствия тюремного замка, арестанты гражданского ведомства содержались на военных гауптвахтах[610]. Управление тюрьмами было сосредоточено в областных попечительных о тюрьмах комитетах и их уездных отделениях. В частности, в Семипалатинской области тюрьмы находились в подотчетности Семипалатинского попечительного о тюрьмах Комитета, его отделений в уездных городах (Усть-Каменогорске, Павлодаре и Каркаралах), а также Дамском попечительном о тюрьмах комитете в Семипалатинске[611].

В Акмолинской области арестанты содержались в двух тюремных замках, расположенных в Омске и Петропавловске, а также на военных гауптвахтах Кокчетавского, Сарысуйского и Акмолинского уездов[612]. Финансовое обеспечение тюрем, содержание арестантов в тюремных замках области осуществлялось до 1877 г. за счет Тобольского губернского комитета попечительного о тюрьмах. В 1877 г. в области был образован самостоятельный о тюрьмах попечительный комитет. На военных гауптвахтах арестанты содержались за счет казны. В 1872 г. сеть пенитенциарных учреждений Акмолинской области была расширена за счет открытия арестного дома, находящегося при 2-ой полицейской управе г.

[609] Обзор Семипалатинской области за 1876 г. Семипалатинск: тип. обл. правления, 1877. С. 22.
[610] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 243. Л. 93.
[611] Обзор Семипалатинской области за 1882 г. Семипалатинск : тип. обл. правления, 1877. С. 33.
[612] Обзор Акмолинской области за 1870 г. Омск: тип. Акмолин. обл. правления, 1871. С. 44.

Омска. В 1888 г. в Омске был построен тюремный дом для заключения лиц, арестованных по приговорам мировых судей.

Сеть тюремных учреждений Уральской области была представлена Уральским тюремным замком на 124 чел., а также Калмыковским и Гурьевским тюремными помещениями. Часть арестантов содержались на гауптвахтах. Все тюремные помещения области в 1870 г., по мнению региональных властей, не соответствовали требованиям к организации мест заключения, требовали капитального ремонта и расширения[613].

Иначе развивалась ситуация в Тургайской области, где в начале 70-х гг. XIX в. система тюремных учреждений не была создана в связи с отсутствием в области городов и незначительным процентом русского населения. В связи с этим, лица, подлежащие аресту и тюремному заключению отправлялись в тюрьмы Оренбурга, Орска, Верхнеуральска, Троицка. Нередко, казахи Тургайском области, в отношении которых была принята мера наказания в виде заключения под стражу, содержались в организованных при Станичных управлениях Оренбургского казачьего войска временных местах заключения. Часть арестантов отправляли в Илецк. Находящиеся под следствием и арестанты, приговоренные уездными судьями к кратковременным срокам заключения, содержались на гауптвахтах степных укреплений: Ак Тюбе, Тургая и Иргиза. В Ак-Тюбе и Тургае места заключения представляли собой одну тюремную камера на 8 чел., в Иргизе для арестантов было предназначено 4 камеры на 16 чел.[614]

Власти области подчеркивали, что «такое отсутствие [в области] тюремных помещений для лиц, которые должны быть содержимы под стражею за преступления <…> влечет за собой существенные неудобства, как потому, что вынуждает по ходу следственного и судебного производства, необходимость отдаленных пересылок, весьма затруднительных, а иногда совершенно невозможных по местности, заселенной кочевниками, так и

[613] Обзор Уральской области за 1870 г. Уральск, 1871. С. 28.
[614] Обзор Тургайской области за 1872 г. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1873. С. 27–28.

потому, что содержание киргизов в тюрьмах постороннего киргизскому управлению ведомства, лишает областное начальство и прокурорский надзор возможности прямого участия и вполне ответственного наблюдения»[615].

Во второй половине 80-х гг. XIX в. тургайские власти еще с большей настойчивостью стали говорить о необходимости открытия тюрьмы в области. В качестве наиболее подходящего варианта предлагалось открытие тюремного учреждение в Кустанае, который динамично развивался и к 1886 г. русское население насчитывало около 15 тыс. чел.[616]

В Кустанае заключенные содержались в частном арестном доме, арендованном за счет средств местного бюджета. Арестный дом был рассчитан только на 15 человек. Однако, наряду с подследственными арестантами в Кустанайском арестном доме содержались также арестованные по приговорам Николаевского уездного судьи. Например, только в 1886 г. численность заключенных, содержащихся в Кустанае составляла 87 чел., в 1888 г. – 103 чел. Безусловно, помещение арестного дома не отвечало потребностям уезда в обеспечение законности и эффективности исполнения наказаний. Однако, решение об учреждении тюрьмы в регионе к концу 80-х гг. XIX в. так и не было принято. Только в 1889 г. от МВД было получено разрешение на строительство тюрьмы в Кустанае.

В 1890 г. сразу в нескольких городах областей Степного края были открыты тюрьмы. 12 марта 1890 г. вышел указ о упразднении Усть-Каменогорского временного военно-каторжного отделения и учреждении Усть-Каменогорской каторжной тюрьмы гражданского ведомства. Располагалась тюрьма в бывшем помещении временного отделения[617]. В апреле 1890 г. была учреждена тюрьма в Кокчетаве Акмолинской области[618].

---

[615] Обзор Тургайской области за 1870 г. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1871. С. 27–28.

[616] Обзор Тургайской области за 1886 г. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1887. С. 14.

[617] О преобразовании Усть-Каменогорского военно-каторжного отделения в центральную каторжную тюрьму гражданского ведомства // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 10 (1890). № 6629. С. 220–221.

[618] Об упразднении одних и открытии других мест заключения гражданского ведомства // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 10 (1890). № 6718. С. 298.

Также Акмолинская военная гауптвахта была передана в гражданское ведомство с преобразованием в уездную тюрьму[619]. 1 сентября 1891 г. была открыта Николаевская уездная тюрьма в Кустанае – единственная тюрьма Тургайской области. В 1895 г. был учрежден Каркаралинский тюремный замок в Семипалатинской области[620], в Иргизе Тургайской области открыт арестный дом[621]. В начале XX в. в Уральской области были открыты тюрьмы в областных городах Уральске, Лбищенске и Гурьеве, а также более 10 арестных домов в станицах и поселках области[622].

Важной проблемой пенитенциарной системы региона было отсутствие постоянного и в полной мере покрывающего расходы источника финансирования, что не могло не отражаться на ее работе. В связи с чем Степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский выступил с ходатайством, «указывая на крайнюю недостаточность источников, из которых до сего времени означенный расход производился, <…> об отнесении этого расхода на счет сумм государственного казначейства»[623]. В этом вопросе Г.А. Колпаковский исходил из финансовых возможностей региона и общеимперской практики финансирования пенитенциарной системы, которая частично находилась на обеспечении казны. В каждой из четырех тюрем Семиреченской области, генерал-губернатор предлагал ввести должность старшего надзирателя с должностным окладом в 300 руб. и от 1 (в Пишпекской тюрьме) до 11 (в Верненской) младших надзирателей с обеспечением в 180 руб. Свои расчеты генерал-губернатор обосновывал, во-первых, особенностями устройства тюрем. Например, в Верном и Копале арестанты размещались в двух отдельно стоящих зданиях, что затрудняло осуществление охраны и требовало дополнительных ресурсов. Вторым важным обстоятельством, подтверждающим необходимость заявленного

[619] Обзор Акмолинской области за 1890 г. Омск: тип. Акмолин. обл. правления, 1891. С. 35.

[620] Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1895. Ст. 230. Янв. 9; Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург, 1898. С. 474.

[621] Обзор Тургайской области за 1896 г. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1897. С. 36.

[622] Обзор Уральской области за 1915 г. Уральск, 1916. С. 95–97.

[623] РГИА. Ф. 1149. Оп. 10–1884 г. Д. 73. Л. 17.

количества надзирателей, было увеличение контингента тюремных замков области в зимнее время за счет размещения в них ссыльных партий.

После рассмотрения позиции Степного генерал-губернатора, в 1884 г. министр внутренних дел Д.А. Толстой инициировал дело об учреждении надзора в тюрьмах Семиреченской области. При этом глава МВД согласился с представлением Г.А. Колпаковского о необходимости содержания тюремного надзора области за счет средств государственного казначейства. Также Д.А. Толстой посчитал обоснованным предложенный региональными властями штатный состав тюремного надзора области и его ведомственное подчинение [624] . По предложению Степного генерал-губернатора, распределение надзирателей по тюрьмам, замена, в случае необходимости надзирателей надзирательницами, должно было стать компетенцией военного губернатора области. В итоге, в октябре 1884 г. Государственный Совет принял к заключению представление министра внутренних дел по данному вопросу в полном объеме. Для внутреннего надзора в тюрьмах Семиреченской области было назначено четыре старших и 18 младших надзирателей с содержанием соответственно 300 и 180 руб. в год каждому. Военному губернатору Семиреченской области было предоставлено право распределять надзирателей по тюрьмам, а для надзора в женском отделении тюрьмы нанимать надзирателей женщин[625].

Для обеспечения работы тюремной системы в 1891 г. были открыты Тургайский областной комитет общества попечительного о тюрьмах в Оренбурге и отделение Общества в Кустанае. В 1892 г. отделение Общества было учреждено в Зайсанском посту Семипалатинской области.

Недостаток финансового обеспечения тюремной системы региональные власти частично пытались компенсировать за счет привлечения средств из земских сборов с казахского населения. Так, в 1893 г. военный губернатор Тургайской области возбудил ходатайство в Земский отдел Министерства

[624] РГИА. Ф. 1149. Оп. 10–1884 г. Д. 73. Л. 19 об.

[625] Об устройстве тюремного надзора в Семиреченской области // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 4 (1884). № 2529. С. 528–529.

внутренних дел о перераспределении неиспользованных средств на необходимые для вверенного ему региона строительные работы. Среди прочего (строительство здания для русско-киргизского училища в Иргизе, расширения здания женского русско-киргизского училища в Тургае и т.п.) в ходатайстве была подчеркнута необходимость строительства в Кустанае тюремного помещения. При рассмотрении вопроса Тургайским областным правлением подчеркивалось, что «все предположенные к производству строительные работы…, составляют одну из насущнейших потребностей»[626]. По мнению чиновников областного правления, важность строительства «арестного» дома обуславливается неимением последнего в поселке, более того потребности в наличии тюремного помещения актуализируются в связи с открытием в Николаевском уезде второго судебно-мирового участка. На строительство тюремного помещения планировалось использовать также поступившие в общую сумму земских сборов штрафы и взыскания, налагаемыми мировыми судебными установлениями и поступающие непосредственно на организацию мест заключения. Всего на строительство тюремного помещения в Кустанае планировалось затратить около 7,5 тыс руб.[627]

Теснота и несоответствие своему назначению помещений для арестантов в наемных домах, особенно в уездных центрах, неоднократно обращали на себя внимание региональных властей. Сложная ситуация складывалась и Семиреченской области. Так, Верненский тюремный замок был рассчитан на 85 заключенных, а максимальный «ежедневный состав их в 1885 г. доходил до 291 человека. Поэтому иногда приходилось размещать арестантов в прачешной и в мастерской»[628]. Зимой численность арестантов в Верненском тюремном замке и в Копале значительно возрастала за счет размещения следующих из Туркестана в Сибирь ссыльных в связи с прекращением этапного движения. Военный губернатор Семиреченской

[626] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1893. Д. 21. Л. 3.
[627] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82–1893. Д. 21. Л. 6 об.
[628] Обзор Семиреченской области за 1885 год. Верный, 1886. С. 56.

области в связи с этим отмечал, что арестанты из Сыр-Дарьинской области отправленные в Сибирь, проходят через Пишпек, Токмак, Верный, Копал и Сергиополь Семиреченской области. В отчете за 1885 г. подчеркивалось, что приходящие из Туркестанского края в сентябре, задерживаются на зиму в Верненском замке и в Копале до весны, «чем еще больше увеличивают тесноту тюремных помещений»[629]. Проблема размещения ссыльных была особо актуальна для Акмолинской и Семипалатинской областей, куда с 1882 г., после принятия Положения о полицейском надзоре, было разрешено высылать из внутренних губерний империи политических поднадзорных[630]. В Уральской области тюремный замок располагался в Уральске, еще в двух уездных центрах, Калмыковском и Гурьевском, арестанты располагались в специально оборудованных тюремных помещениях[631].

В Акмолинской области для содержания лиц, состоящих под следствием и судом, приговоренных к срочному заключению, а также ссыльных и пересыльных арестантов было открыто два тюремных замка в Омске (рассчитанная на 240 чел.) и Петропавловске (вмещающая 50 чел.) и две уездные тюрьмы – в Кокчетаве и Акмолинске (рассчитанные на 15 человек каждая). В «Обзорах Акмолинской области» за 1892–1894 г. региональные власти подчеркивали, что в некоторых тюрьмах, например, Кокчетавской уездной тюрьме, число заключенных превышает нормы размещения в 2–3 раза (Табл. № 9). Исходя из данных таблицы № 9, особо сложная ситуация складывалась в Кокчетавской и Акмолинской тюрьмах, где, при разрешенном размещении 15 чел., содержалось к концу 1894 г. 26 и 39 арестантов соответственно.

Областные чиновники указывали также на необходимость капитального ремонта тюремных зданий, так как большинство из помещений были «ветхими», как например Петропавловская тюрьма, построенная в 1869 г.[632]

---

[629] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 243. Л. 93.
[630] Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора за 1883 г. С. 49.
[631] Обзор Уральской области за 1885 год. Уральск, 1886. С. 10.
[632] Обзор Акмолинской области за 1892 г. Омск: тип. Акмолин. обл. правления, 1893. С. 38–39.

Таблица № 9.

Число арестантов, содержащихся в тюрьмах Акмолинской области (по данным 1894 г.)[633]

Следственных, подсудимых и срочных заключенных								
Тюрьмы	находилось на 01.01.1894.		прибыло в 1894 г.		Итого в 1894 г.		Осталось к 01.01.1895 г.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Омская	161	18	403	54	564	72	175	15
Петропавловская	97	8	498	70	595	78	48	3
Кокчетавская	24	1	87	1	111	2	26	-
Акмолинская	60	2	172	3	232	5	39	-
Ссыльных и пересыльных								
Тюрьмы	находилось на 01.01.1894.		прибыло в 1894 г.		Итого в 1894 г.		Осталось к 01.01.1895 г.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Омская	16	8	2076	480	2092	488	23	8
Петропавловская	3	1	248	29	251	30	3	1
Кокчетавская	-		33	-	33	-	-	-
Акмолинская	-		7	-	7	-	1	-

Нехватка тюремных помещений в Степных областях приводила к тому, что в одном и том же помещении под стражей могли находиться и преступники, и провинившиеся волостные управители. В 1893 г. последовало «разъяснение» Правительствующего сената о определении наказания «заключение под стражу», налагаемыми народными судьями Степных областей. Согласно «разъяснению» Сената уездная администрация

[633] Обзор Акмолинской области за 1894 г. Омск: тип. Акмолин. обл. правления, 1896. С. 74.

подвергала виновного заключению в тюрьму за преступления, наказуемые по Уставу о наказаниях тюремным заключением, например за кражу. За более легкие проступки и правонарушения виновный подвергался аресту. Однако, например, в Семиреченской области не было арестных домов и всех арестованных лиц, как по судебным, так и административным приговорам, подвергали тюремному заключению [634] . Безусловно, такая ситуация не способствовала исправлению арестованных и росту общественной нравственности.

Чиновники местной администрации говорили о необходимости увеличить финансирование институтов пенитенциарной системы, что позволило бы обеспечить регион достаточным количеством тюрем и увеличить штат тюремных служащих. Особняком вопрос о финансировании стоял в Уральской области, где согласно действующему законодательству, расходы по строительству новых зданий для тюрем, расширению, ремонту, освещению этих зданий, а при отсутствии помещения, аренде частных строений, распределялись между государственной казной и Уральским казачьим войском[635].

Проблема финансирования заключалась также и в том, что на регион не получил распространение утвержденный 15 июня 1887 г. временный штат управлений отдельными местами заключения и тюремной стражей.

В 1895 г. тюремное ведомство перешло из ведомства Министерства внутренних дел в подчинение Министерства юстиции, что вселяло определенные надежды на модернизацию пенитенциарной системы Российской империи. Однако, как подчеркивал министр юстиции Н.В. Муравьев, в этом направлении ведомству пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Министр отмечал, что «наиболее существенные из них заключались в обнаружившейся невозможности быстро и сразу окончательно

[634] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2209. Л. 42 об.

[635] О распределении между казною и средствами Уральского казачьего войска расходов по содержанию гражданских тюрем и арестантов в Уральской области // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 12 (1892). № 8345. С. 112–113.

устроить само управление тюремной частью на новых основаниях и в недостатке крупных денежных средств, безусловно необходимых не только для полного ее преобразования, но даже и для повсеместного приведения ее в относительный порядок»[636].

К концу XIX в. проблемы пенитенциарной системы степных областей не только не находили разрешения, но, напротив, усугублялись с каждым годом. Так, власти Акмолинской области обращали внимание на ситуацию, сложившуюся в Петропавловском тюремном замке, который был построен в 1869 г. и рассчитан на 50 арестантов. Однако, начиная с 1893 г., число заключенных стало ежегодно возрастать. По данным 1898 г. в Петропавловской тюрьме среднесуточное содержание арестантов достигло 151 чел. Более того, тюремный замок изначально не был рассчитан и приспособлен для содержания пересыльных арестантов. Однако, в 90-е гг. XIX в. Петропавловск, с проведением Сибирской железной дороги и открытием движения по ней арестантских партий, стал выступать одним из пересыльных центров. В связи с чем, власти вынуждены были временно располагать пересыльных (численность партий варьировалась от 50 до 200 чел.) в Петропавловском тюремном замке. Чиновники областного правления констатировали, что «имеющиеся в тюремном замке арестантские камеры являются безусловно недостаточными для размещения такого значительного числа арестантов, а потому приходится размещать арестантов, где только возможно, занимая для этого не только все помещения, приспособленные для хозяйственной надобности, на даже тюремные коридоры»[637] и настаивали на принятии радикальных мер и организации в Петропавловске отдельного помещения для пересыльных арестантов.

Однако, преобразования в пенитенциарной системе региона шли крайне медленно. Например, власти Семиреченской области только в 1901 г.

---

[636] Всеподданнейший доклад министра юстиции статс-секретаря Муравьева о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894–1904 гг.) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 2. С. 65.

[637] Обзор Акмолинской области за 1898 г. Омск: тип. Акмолин. обл. правления, 1900. С. 68–69.

получили разрешение на строительство новых зданий для тюрем. Было выделено финансирование для строительства тюрьмы в Джаркенте и административного корпуса при Верненской тюрьме. Однако, эти меры, по мнению военного губернатора области лишь частично решали проблемы, по-прежнему в неудовлетворительном состоянии оставались помещения для тюрем в Копале, Лепсинске и Пржевальске[638].

Ценные сведения о состоянии пенитенциарной системы региона были сосредоточены в ежегодных отчетах по Главному тюремному управлению. Особый интерес представляют статистические ведомости, содержащие информацию о числе камер, арестантских мест, числе арестантов, количестве надзирателей. Исходя из данных таблицы № 10, в 1906 г. в тюрьмах Акмолинской области на 477 арестантов приходилось всего 28 надзирателей, а на одного надзирателя приходилось до 44 человек.

Таблица № 10.

Численность камер, арестантских мест, арестантов, надзирателей в местах заключения Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областей (по данным 1906 г.)[639]

Название области и места заключения	Число:			Среднее ежедневное число арестантов обоего пола (включает следственных, срочных, арестантов остальных категорий)	Среднесуточное число арестантов на одного надзирателя	Число надзирателей
	Общих камер	Мест в общих камерах	Одиночных камер			
Акмолинская область						
Омский тюремный замок	45	268	5	255	15	17
Акмолинская тюрьма	8	34	-	45	9	5
Кокчетавская тюрьма	4	21	-	46	16	3
Петропавловский тюремный замок	13	43	10	131	44	3
Семипалатинская область						
Семипалатинский тюремный замок	38	140	2	63	7	10
Каркаралинский	3	22	1	13	3	5

[638] Всеподданнейший отчет исправляющего должность военного губернатора Семиреченской области за 1901 г. Б.м., б.г. С. 7.

[639] Составлено по: Отчет по Главному тюремному управлению за 1906 г. СПб., 1908. С. 44–73.

тюремный замок						
Павлодарский тюремный замок	7	57	2	42	9	5
Усть-Каменогорская тюрьма	10	56	-	18	6	3
Тургайская область						
Кустанайская тюрьма	4	35	-	63	11	6
Уральская область						
Уральский тюр. замок	18	239	26	97	5	22
Гурьевский тюр. замок	5	24	-	11	3	4
Лбищенский тюр. замок	2	20	-	12	3	4

Кроме тюрем и тюремных замков, к началу 1907 г. в Акмолинской области насчитывался 1 арестный дом (количество арестантов – 8 чел.); в Семипалатинской области – 1 арестное помещение (количество арестантов – 18 чел.); в Тургайской области – 4 гауптвахты и 1 арестный дом с общим количеством арестантов 30 чел.

Спустя несколько лет, в 1908 г., в Тургайской области была открыта Актюбинская временная тюрьма, рассчитанная на 25 человек. При этом, уже в год открытия в тюрьме содержалось 290 чел. (282 м.п. и 8 ж.п.)[640]. Власти Тургайской области неоднократно сообщали о перегруженности тюрем в 2–3 раза. Растущая численность арестантов послужила основанием для строительства под временную тюрьму в Актюбинске деревянного здания на 40 чел.[641] 1 июля 1912 г. был принят указ об учреждении в Актюбинске постоянной тюрьмы[642].

Остро стоял вопрос с содержанием в регионе ссыльных, численность которых в областях Степного края ежегодно увеличивалась. Положение ссыльных регламентировалось общеимперским законодательством, однако, размеры содержания, определенные законом, не учитывали уровня развития регионов – мест ссылки и происходивших социально-экономических

[640] Обзор Тургайской области за 1908 г. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1909. С. 11.

[641] Обзор Тургайской области за 1910 г. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1911. С. 66.

[642] Об учреждении тюрем в городах Мерве и Красноводске Закаспийской области и Актюбинске Тургайской области // Тюремный вестник. 1912. № 8/9. С. 1286–1287.

изменений (рост цен на жилье и продукты т.д.). Так, в 1908 г. губернатор Уральской области выступил с предложением увеличить размер арестантской суточной суммы для ссыльных, подчеркивая, что «положение ссыльных вверенной ему области крайне тяжелое, что сказывается на их здоровье». По закону, на содержание ссыльных выделялось: для представителей высших сословий – не более 15 коп. в день и не выше 1 руб. 50 коп. в день квартирного пособия, с выделением равного пособия супруге ссыльного и 1/2 пособия для детей; для низших – содержание варьировалось в размере арестантской суточной дачи, выделение средств на содержание семьи не предусматривалось. В то же время, ссыльные в области, по мнению губернатора, не имели возможности получения дополнительного заработка, что делало их положение крайне сложным. Рассматривая данное дела департамент полиции предложил взять за основу законоположение, принятое в отношении Архангельской губернии[643], где размеры пособий для ссыльных, в силу тяжелого экономического положения, были увеличены. На заседании Совета министров в феврале 1908 г., опираясь на мнение министра внутренних дел, что «проектируемая мера послужит, с одной стороны к облегчению положения поднадзорных, а с другой – к предупреждению среди них волнений и беспорядков», было принято решение о распространении на лиц, высылаемых под гласный надзор полиции в Уральскую область, высочайших повелений 27 апреля и 4 июля 1881 г. об улучшении быта поднадзорных в Архангельской губернии[644]. Конечно, принятая мера лишь частично решила вопрос с положением ссыльных в регионе, не изменив в целом сложившуюся систему.

Отметим, что пенитенциарная система Степного края включала важные элементы социального контроля по аналогии с внутренними губерниями России. Местные органы Общества попечительного о тюрьмах проводили

[643] Подробнее об изменении содержания поднадзорных в Архангельской губернии см.: Палухина Е.С. Полицейский надзор как мера предупреждения преступлений террористического характера в законодательстве Российской империи // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 2 (97). С. 197.

[644] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 91. Л. 13–14, 17.

работу по организации в Степных областях приютов для арестантских детей и сирот. Например, 29 августа 1903 г. состоялось первое собрание Омского попечительства о арестантских детях, устав которого получил утверждение министра юстиции. Для призрения арестантских детей на выделенном городом земельном участке около Омского тюремного замка на личные средства троицкого купца М.И. Печенина было построен трехкомнатный дом для размещения 15 детей. Бюджет Попечительства формировался из членских взносов, пожертвований, а также сумм, собранных на благотворительных концертах. Например, в течение 1904 г. было собрано 1641 руб. 86 коп. К январю 1905 г. на содержании попечительства находилось 45 детей (34 мальчика и 11 девочек)[645].

В Тургайской области Кустанайский приют, состоящий в ведение местного тюремного отделения был открыт в 1894 г. Содержался приют за счет отделения и поступающие пожертвования. В 1906 г. от Кустанайского тюремного отделения в счет приюта поступило 641 руб., благотворительные сборы составили 469 руб., а также на 100 руб. поступило пожертвований продуктами и материалами. Годовое содержание 1 ребенка составляло 52 руб. 63 коп. К 1 января 1906 г. в приюте состояло: 19 человек (11 мальчиков и 8 девочек); к 1 января 1907 г. – 14 мальчиков и 8 девочек, возрастом от 3 до 17 лет. Большинство находящихся в приюте детей были сиротами. Важно, что содержание в приюте включало в себя образовательный аспект: дети обучались грамоте в зависимости от возраста: в церковно-приходской школе, в приходском одноклассном училище, в городском 3-х классном училище[646]. Был учрежден и приют для арестантских детей в г. Николаевске «с целью предохранения их от влияния тюремной среды»[647].

Важные сведения о состоянии пенитенциарной системы центрально-азиатских окраин предоставила ревизия Туркестанского края сенатора К.К. Палена, состоявшаяся в 1909 г. Проверке подверглись все аспекты

[645] Обзор Акмолинской области за 1904 г. Омск: тип. Акмолин. обл. правления, 1906. С. 53.
[646] Отчет по Главному тюремному управлению за 1906 г. СПб., 1908. С. 284–285.
[647] Отчет по Главному тюремному управлению за 1907 г. СПб., 1909. С. 350.

деятельности тюрем региона: порядок содержания арестантов, их питание, вещевое довольствие, обустройство камер, характер арестантских работ и т.д. Среди основных проблем, выявленных ревизионной комиссией, выделялось переполненность тюрем, содержание вместе заключенных по уголовным делам и отбывающих срок за политические преступления, отсутствие особых помещений для несовершеннолетних заключенных, плохое техническое состояние тюремных помещений[648]. В удручающем состоянии находилось арестное помещение при Верненском городском полицейском управлении. Находясь в подвале дома, где располагалось управление, оно состояло из трех отделений: женского, мужского и вытрезвителя. Так, «в мужском отделении оконные стекла выбиты. Печи устроены во всех отделениях, но в исправном состоянии находится только печь в женском отделении, в мужском она полуразвалена, а в третьем отделении вместо печи – груда кирпичей и мусора»[649], в целом «помещение это оказалось сырым, холодным и окончательно не пригодным для жилья не только продолжительного, но и кратковременного»[650].

Безусловно, неверным было бы утверждение, что положение тюремной системы Степного края коренным образом отличалось от состояния общеимперской пенитенциарной системы. Центральные органы власти не скрывали, что среди наиболее насущных проблем тюрем России выделялись теснота и аварийное состояние помещений, плохое финансирование и т.д. В отчетах Главного тюремного управления, рассматривая вопросы высокой смертности среди арестантов, неоднократно подчеркивалось, что причина кроется в плохом санитарном состоянии тюремных помещений. Так, в Отчете за 1907 г. приводились следующие данные: «Вследствие значительного переполнения мест заключения Империи, на каждого арестанта приходилось 0,65 нормального арестантского места, что составляет приблизительно 0.74 куб. саж. воздуха. При таких условиях было бы

[648] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 155. Л. 6–7, 9 об.
[649] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 155. Л. 34 об.
[650] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 153. Л. 3 об. – 4.

естественным, общее ухудшение санитарного состояния наших мест заключения, а следовательно и соответственное повышение болезненности и смертности заключенных»[651].

Итак, на протяжении первого десятилетия XX в. в пенитенциарной системе Степного края сохранялись основные проблемы: отсутствие финансирования, аварийное состояние тюрем, малочисленность штата тюремных служащих. Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит в 1912 г. оценивал состояние тюремной системы региона как неудовлетворительное. В своем отчете он писал: «Тюрьмы Акмолинской области поражали недостаточностью помещений для заключенных и крайней ветхостью зданий. В Атбасарском уезде совсем нет тюрем. Омская тюрьма, устроенная на 392 чел. вмещает от 450 до 600 человек. Петропавловская, рассчитанная на 67 заключенных содержит обыкновенно 150–200 человек. Особенно печально состояние Кокчетавской тюрьмы, помещающейся в деревянном здании. Тюрьма устроена на 15 заключенных, а содержится в ней от 120 до 150 человек. Наружные стены здания настолько прогнили, что во время зимних морозов промерзают и покрываются внутри инеем. Крыша протекает, потолки сгнили и прогнулись, полы во многих местах провалились»[652]. О перегруженности областных тюрем свидетельствовали данные, представленные в ежегодных статистических «Обзорах» степных областей (Табл. № 11). Так, только в Кустанайской тюрьме, при норме ежедневного содержания 35 человек, количество арестантов доходило до 153.

Одна из проблем пенитенциарной системы Степного края заключалась в недостаточности тюремных помещений, находящихся на государственном балансе. Так, в Семипалатинской области только в трех городах: Семипалатинске, Павлодаре, Усть-Каменогорске тюрьмы находились в казенных зданиях. В то время, как в Зайсане, Каркаралах и Усть-Каменогорске содержание арестантов осуществлялось в наемных

[651] Отчет по Главному тюремному управлению за 1907 г. СПб., 1909. С. 99.

[652] Всеподданнейший отчёт Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии Степного края за 1912 г. Омск, 1913. С. 18–19.

помещениях, совершенно не приспособленных для их размещения и охраны[653].

Таблица № 11.

Численность арестантов в тюрьмах Тургайской области (по данным 1910–1915 гг.)[654]

Тюрьма	Установленная норма кол-ва арестантов по кубическому содержанию воздуха (чел.)	Фактическое ежедневное число арестантов (чел.)					
		1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Актюбинская[655]	38	58	85	119	133	137	91
Кустанайская	35	97	104	98	130	143	153

Так, в 1906 г. Главным тюремным управлением Министерства юстиции было возбуждено дело о выделении дополнительных средств на ремонт помещения Каркалинского тюремного замка Семипалатинской области, арендуемого у вдовы отставного фельдшера Александровой[656]. Арендная плата в год составляла 500 руб. Когда в 1906 г. истек срок аренды помещения, военный губернатор Семипалатинской области принял решение о пролонгации договора аренды на четыре года. Однако, при обследовании тюремного замка оказалось, что «дальнейшее оставление Каркаралинского тюремного замка в занимаемых им ныне помещениях было признано возможным лишь при условии капитального ремонта последних». Министр юстиции, учитывая необходимость в аренде помещения, за неимением другого, принял решение выделить из сумм сборного тюремного капитала 1000 руб. в виде единовременной беспроцентной суммы для ремонта здания.

[653] Анисимова И.В. Формирование и развитие системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. // Былые годы. 2018. № 48 (2). С. 622. С. 618–627.

[654] Обзоры Тургайской области за 1910–1915 гг. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1911–1916.

[655] До 1912 г. Актюбинская тюрьма носила статус Временной с возможным единовременным размещением 40 арестантов.

[656] РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 98.

В целом, материальная база тюремной системы региона находилась в крайне тяжелом состоянии. Однако, шаги по ее модернизации предпринимались. Важное значение оказало решение о постепенной систематической замене зданий многих тюрем Империи. В результате Главным тюремным управлением был разработан и затем включен в проект сметы на 1911 г. подробный план строительства в течение нескольких лет новых и переустройства существующих тюремных зданий[657].

Так, в 1910 г. из тюремно-строительных кредитов Главного тюремного управления было выделено 10000 руб. на строительство главного и административного зданий для Кустанайской тюрьмы Тургайской области, завершить которое планировалось сначала к 1914 г., а затем было перенесено к 1916 г. На расширение комплекса помещений (бани-прачечной, больницы, барака для пересыльных арестантов, флигеля для чинов надзора, женского отделения и др.) Омской тюрьмы Акмолинской области было выделено 20 тыс. руб.. В том же году начался капитальный ремонт основных зданий[658]. Ежегодно выделялись средства на текущий ремонт областных тюрем. И хотя суммы были незначительными и не покрывали необходимые расходы, улучшение материальной базы тюремной системы Степного края наблюдалось.

Постепенно в регионе получила развитие система тюремного патроната. В 1909 г. были учреждены Омское и Семипалатинское Общества патроната[659]. В том же году в Уральской области и Семипалатинске начали свою работу «Общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения»[660].

Безусловно, при таком положении тюремных помещений и крайней малочисленности тюремных надзирателей невозможно установить для заключенных необходимый строгий тюремный режим, отсутствие которого

---

[657] Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г. Ч. I. Объяснения. Петроград, 1917. С. 35.

[658] Отчет по Главному тюремному управлению за 1910 г. Ч. 2. Приложения. СПб., 1912. С. 101–102, 107.

[659] Вновь открытые общества патроната // Тюремный вестник. 1910. № 5. С. 651–652.

[660] Отчет по Главному тюремному управлению за 1909 г. СПб., 1911. С. 370, 374.

подрывало в корне самую идею тюремного заключения как наказания и исправления. В феврале 1913 г. начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции представил на рассмотрение Государственной думы проект преобразований тюрем в сибирских губерниях, а также в Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областях. 7 июля 1913 г. закон «О преобразовании Управлений тюрем в губерниях: Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и областях: Уральской, Акмолинской. Семипалатинской, Семиреченской и Якутской был утвержден[661]. По закону 1913 г., который завершил имперский период модернизации, были упразднены должности смотрителя и помощника смотрителя тюрем, увеличены суммы, выделяемые из средств государственного казначейства на содержание личного состава тюремной стражи и канцелярские расходы. Также были выделены дополнительные средства на покрытие расходов по вооружению чинов стражи тюрем. Но, основные проблемы тюремной системы Степного края так и не получили решения, что не позволяло данному институту эффективно выполнять свои функции.

Институты прокуратуры, полиции и пенитенциарной системы стали важными механизмами реализации судебной власти в Степном крае. Однако, на протяжении второй половине XIX – начала XX в. их положение было крайне сложным. «Импорт» общеимперских институтов прокуратуры, полиции и тюремной системы протекал медленно, с ограничениями, что обусловило общее состояние судебной системы региона. Институты были импортированы в регион без учета особенностей цивилизационного, этносоциального и этнополитического развития региона. Безусловно, проблемы низкого финансирования, неукомплектованности штатов полицейского и прокурорского надзора, ветхости и переполненности тюремных учреждений носили системный характер, встречались они и во внутренних губерниях Российской империи. Однако, в Степном крае эти

[661] О преобразовании управлений тюрем в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и областях Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Якутской // Тюремный вестник. 1913. № 6/7. С. 898–899.

проблемы усугублялись особым статусом региона в имперской политике, что не позволяло распространять на Степные области реформы, способствующие модернизации и повышению функциональной эффективности работы институтов социального контроля. В связи с этим, вплоть до конца имперского периода прокуратура, полиция и пенитенциарная система Степного края сохраняла значительный комплекс проблем и нуждалась в коренных преобразованиях.

Деятельность прокурорского надзора в Степном крае требовала значительных изменений, прежде всего, за счет конкретизации профессиональных компетенций и повышении роли в судебной системе.

Низкая эффективность полицейской службы была обусловлена отсутствием подготовленных кадров, нехваткой чинов полицейского управления, размерами подведомственных территорий, сочетанием административно-управленческих и полицейских функций в одних руках. Региональные власти неоднократно заявляли о необходимости модернизации полиции региона, которая к началу XX в. не соответствовала нуждам и интересам Степного края. Однако, соглашаясь с необходимостью реорганизации полицейской службы, центральные ведомства, в лице Министерства финансов, МВД, Госсовета, проводили преобразования в сокращенном варианте, мотивируя свою позицию отсутствием в бюджете государства финансов на крупномасштабные реформы. В связи с этим, полицейская служба Степного края вплоть до конца имперского периода сохраняла недостатки в работе и была малоэффективной.

Проблемы пенитенциарной системы, которая на протяжении второй половины XIX в. проходила сложный этап своего становления в Степном крае, были обусловлены низким финансированием, отсутствием внутренних ресурсов для развития и осуществления своих компетенций, возрастающей нагрузкой в связи с меняющимися социально-политическими и экономическими условиями. Предпринимаемые правительством и региональными властями меры по улучшению работы тюрем лишь частично

решали насущные проблемы. Проблема устойчивости внедренных в судебную систему институт заключалась и в отсутствии в традиционном казахском правосознании понятий о полицейских функциях и сущности пенитенциарной системы.

При этом, развитие институтов социального контроля в Степном крае, несмотря на наличие системных проблем их деятельности, выступают свидетельством модернизационных тенденций в развитии региона. Анализ деятельности этих институтов позволяет говорить о реализации в Степном крае модели парциальной модернизации, в процессе которой сформировалось несоответствие между институтами, привнесенными в сообщество и самими сообществом, а также несоответствия внутри самих институтов, в итоге порождая «устойчивое фрагментарное развитие».

Глава 4. Трансформация традиционного правосознания в условиях модернизации судебной системы Степного края

4.1. Особенности регламентации семейно-брачных отношений традиционного казахского общества: конфликт традиционных принципов и общеюридической практики

Особую актуальность в конце XIX – начале XX вв. приобрел так называемый «женский» вопрос в традиционном казахском обществе. По мере распространения в казахской степи общеимперских судебных институтов и укрепления позиций российской системы управления, вопрос о браке и семье, положении женщины в казахском обществе стал активно обсуждаться не только в официальной делопроизводственной переписке, но и на страницах дореволюционной печати. В тематических публикациях и статьях авторы затрагивали вопросы социально-правового статуса казашек: полное бесправие в семье, пренебрежительное отношение к ним мужчин, отрицательные последствия ранних браков среди казахов и пр. [662] Дореволюционные исследователи, путешественники, ученые, занимающиеся изучением казахского общества отмечали отсутствие у казахской женщины права свободно распоряжаться своей жизнью, заключать брак по своему выбору и отказываться от мужа, выбранного ей по обычаю семейно-родственной группой.

Показательной, в связи с этим является опубликованная в 1904 г. в официальном печатном издании – «Журнале министерства юстиции» статья Н.Н. Малышева «Положение киргизской женщины по обычному семейному праву киргизов (адату)», в которой автор предпринял попытку проанализировать социальную роль женщины в казахском обществе.

[662] Бижигитова К.С. Образ казахской женщины в трудах русских авторов в контексте имперской политики в Степи (конец XVIII – начало XX вв.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 297.

Чиновник подчеркивал, что у казахской женщины отсутствовало право свободно распоряжаться своей жизнью, в том числе, право заключать брак по своему выбору. «Женитьба у киргиз, – пишет автор, – является обыкновенной сделкой, а брак не таинством, а гражданским договором купли-продажи, так как главным его условием является плата за невесту калыма»[663].

В современной историографии также уделяется внимание вопросам семейного права в традиционном казахском обществе. Привлекая широкий круг документальных источников, исследователи данного вопроса подчеркивают «бесправное» положение казахской женщины, причины которого находят в превалировании адата в правовом сознании казахов. При этом, традиционно в отечественной историографии большое внимание уделялется анализу норм адата, регламентирующих семейные отношения, семейным обычаям и традициям, социальной роли женщины. Так, Х.А. Аргынбаев подробно рассматривает распространение в казахском обществе таких институтов как левират и сорорат [664] . Одним из комплексных исследований начала XXI в. стала работа И.В. Стасевича [665] , которая содержит большой этнографический материал и показывает развитие социального и семейного статуса женщины в казахском обществе. Прежде всего, интерес к данной теме был вызван установленным у казахов Степных областей порядком решения брачных и семейных дел.

В меньшей степени в современной историографии освещается проводимая в конце XIX – начале XX вв. в Степном крае работа имперских региональных властей по изменению положения казахской женщины, расширению ее социальных прав и гарантий. При этом архивные документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, а также

[663] Малышев Н.Н. Положение киргизской женщины по обычному семейному праву киргизов (адату) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 2. С. 132.

[664] Аргынбаев Х.А. О некоторых пережиточных формах брака у казахов // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978.

[665] Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: «Наука», 2011.

Центральном государственном архиве Республики Казахстан, материалы Министерства юстиции Российской империи, дореволюционная публицистика позволяют говорить о значительном внимании имперской администрации к вопросам регламентации семейно-брачных отношении в казахском обществе.

Соприкосновение российского правосознания с традиционным мировосприятием казахского общества сделало очевидным различия в устройстве семейно-брачных институтов и распределение социальных ролей в обществе. Как правило, в документах положение казахской женщины описывалось как жалкое, тяжелое, печальное, бесправное, похожее на положение рабыни. Имперские региональные власти в Степном крае определили положение женщины в казахской семье как одну из насущных проблем традиционной судебной системы региона, требующей внимания со стороны органов государственной власти.

Уже в 70-е гг. XIX в. при обсуждении результатов введения Временного положения 1868 г. и внедрения в Степном крае новой конфигурации судебной системы оренбургский генерал – губернатор генерал-адьютант Н.А. Крыжановский придерживался четкой позиции о необходимости изъятия из компетенции народного суда дел, связанных с жестоким обращением с женщинами. «Есть еще преступления, - писал в своей записке Крыжановский, - которые довольно часто встречаются среди киргиз и при том такого свойства, что едва ли удобно предоставить их суду народному. Сюда относится: изнасилование женщин и девиц, сопровождаемое не редко жестокими истязаниями. Преступления сего рода важны сколько сами по себе, столько же и по своим последствиям, возбуждающим взаимную между киргизами ожесточенную вражду и месть, часто преходящую в баранту, грабеж, убийство, надолго нарушающую спокойствие мирных жителей»[666].

[666] РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7102-а. Л. 54.

Показательным является обращение губернатора Тургайской области к министру внутренних дел Российской империи в 1893 г., в котором подчеркивалось: «По обычаям киргизов, к сожалению сохраняющихся до сих пор, женщина составляет предмет купли-продажи. Запродается она родителями в первые годы своей жизни и после уплаты калыма становится имуществом того, кто ее купил и ее рода. Никакие последующие обстоятельства: болезнь, уродство или даже смерть жениха, не избавляют женщину от кабалы, созданной для нее родителями. Несмотря на физические недостатки жениха, на его дряхлость, порочное поведение и т.п., запроданная женщина не имеет права уклониться от брачного союза с ним, а по смерти жениха, до или после брака, она переходит в пользование брата или другого ближайшего родственника покойного как вещь» [667].

Безусловно, положение женщины в казахском обществе в полной мере исходило из обычаев, традиций и норм права – адата, который регламентировал семейно-брачные отношений. Проникновение в Степной край имперских судебных институтов не привело к разрушению сложившегося механизма регламентации одной из важнейших сторон жизни местного сообщества – брака и семьи. Более того, созданная в регионе имперскими властями конфигурация судоустройства и нормативно-правовая основа его деятельности сохраняла семейно-брачные дела в компетенции народного суда – суда биев.

Согласно Временному положению 1868 г. (ст. 162 и 165) брачно-семейные дела подлежали ведению народного суда, но решения последнего можно было обжаловать одной из сторон у уездных начальников. Более того в исключительных случаях тяжущимся предоставлялась возможность обратиться для пересмотра дела к губернатору области, решения которого признавались окончательными. Аналогичная ситуация сложилась и в Туркестанском генерал-губернаторстве, где согласно Временному положению об управлении Сырдарьинской и Семиреченской областями 1867

[667] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16–1893. Л. 1–5.

г., при рассмотрении дел в сфере семейно-брачных отношений недовольная сторона также имела право обжаловать решения народного суда в российской администрации. Исследователи подчеркивают, что введение этих статей объяснялось тем, что, по мнению законодателей, мусульманская женщина находилась в бесправном положении, мириться с которым царское правительство не могло. Женщине предоставлялась возможность выбирать между принятыми в народе обычаями и обращением к российской власти для защиты своих интересов[668]. Внесение определенных изменений в процедуру рассмотрения семейно-брачных дел были существенным успехом российской администрации, несмотря на устойчивость традиционного правосознания казахского общества[669].

Представители региональных властей обращали внимание на то, что возможность обращения казахской женщины к русской администрации является защитой ее социальных прав, так как «своим вмешательством администрация недопускала лишь проявления народных обычаев в самой грубой и бесчеловечный форме. Так, она всегда внимала жалобам девиц-детей, выдаваемых насильно замуж за дряхлых и развратных стариков. Она противилась насильной выдаче замуж, иногда за мальчиков, престарелых и болезненных вдов, моливших администрацию избавить их от такого поругания…» [670] . Действительно, обращение казахской женщины к российским властям с жалобами на незаконность или несправедливость решения народного суда становилось частым явлением. В 1884 г. военный губернатор Тургайской области генерал-лейтенант Я.Ф. Барабаш подчеркивал, что Временное положение 1868 г. предоставляло администрации право, «по жалобам обиженной стороны вмешиваться в семейные и брачные дела киргизов и, заслоняя своим авторитетом отжившие свой век обычаи, покровительствовать женщине во всех случаях, когда того

[668] Брусина О.И. Брак и развод в народных судах Туркестана: взаимодействие адата и шариата при российском управлении // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 151–152.

[669] Анисимова И.В. Регламентация семейно-брачных отношений в казахском обществе Степного края: традиционное право и имперская политика // Вопросы истории. 2021. № 10–2. С. 52–60.

[670] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16–1893. Л. 1–5.

требовало чувство справедливости и человечности». Только за в 1890–1892 гг. с просьбой о пересмотре решений в сфере брачных отношений к губернатору Тургайской области поступило 282 дела.

Безусловно, проводимые имперскими властями преобразования соответствовали содержанию общей политики модернизации потестарных обществ центральноазиатских окраин и были направлены на разрушение наиболее явных пережитков патриархальных отношений. В частности, особой критики российских властей вызывали институты калыма и левирата, за сохранение которых выступало традиционное право. Согласимся с мнением современных исследователей, что обычай аменгерства у казахов был достаточно вариативен. Предписания обычного права соблюдались строго, но единая трактовка «технологии» исполнения предписаний часто отсутствовала, и контроль обеспечивался общественным мнением семейно-родственных групп. Иногда декларировалось право вдовы на выбор нового мужа среди родственников умершего, но осуществлялось это далеко не всегда. Родня покойного чаще всего назначала его вдове нового мужа, не спрашивая ее согласия и не обращая внимания на протесты ни с ее стороны, ни со стороны ее родственников[671]. Более того, исполнение адата, зачастую приводило к заключению неравных «невероятных и возмутительных» браков, когда «вдова 40–50 лет становится женой 12–15 летнего мальчика, а иногда наоборот 15-ти летняя вдова должна быть женой расслабленного старца лет 80. Ужасно при этом особенно то, что тяжесть и бессердечность подобных правил адата распространяется на киргизскую девушку. Последняя, по просватании, когда за нее уже уплачена часть калыма, хотя и не совершено венчание, в случае смерти своего жениха, должна выйти замуж за брата его или одного из ближайших его родственников»[672].

[671] Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб., 2011. С. 80–81.

[672] Малышев Н.Н. Положение киргизской женщины по обычному семейному праву киргизов (адату) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 2. С. 140.

Реформы судебной системы Степных областей привели к принятию в марте 1891 г. Степного положения, согласно которому все имущественные, брачные и семейные дела казахов передавались в полное ведение народного суда, решения, принятые на волостных съездах, считались окончательными и не подлежащими обжалованию. Безусловно, при общем стремлении к ослаблению традиционных начал, их усиление в сфере регламентации семейно-брачных отношений выступало определенной контрмерой. Обоснование данной меры центральные органы власти видели «единственно в видах ограждения неприкосновенности народных обычаев от вмешательства лиц, с ними незнакомых, во избежание возможного беспокойства и неудовольствия в народе». Принятие данного правового акта вызвало резкое недовольство и осуждение со стороны региональных властей. «Непонятно почему дикие и вредные обычаи, – писал один из региональных представителей власти, – должны пользоваться правом неприкосновенности и администрация не должна прилагать стараний к смягчению и полному по мере возможности уничтожению их» [673] . Губернаторы Тургайской и Уральской областей с осуждением восприняли данное решение: «Легко представить после этого в каком тяжком положении оказались киргизские женщины, привыкшие обращаться к уездным начальникам и к губернатору с жалобами часто на самые вопиющие притеснения, жестокости и насилия со стороны родителей, мужей и их родственников и на неправосудие, лихоимство и произвол со стороны народного суда»[674]. По мнению генерал-губернатора, «изъятие из ведения администрации брачных и семейных дел киргизов, после 25-летнего периода, в продолжение которого не возникало никаких неудобств в решении этих дел администрацией, несогласно с русскими интересами и знаменует собою крупный шаг назад в деле упрочнения русского влияния в среде киргизского магометанского

[673] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16-1893. Л. 1–5.
[674] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 647. Л. 135 об.

населения»[675]. Уже в 1893 г. Я.Ф. Барабаш выступил с инициативой об изменении в законодательном порядке Положения 1891 г. о правилах рассмотрения семейно-брачных дел казахов[676]. В своем обращении он подчеркивал, что «изъятие из ведения администрации брачных и семейных дел киргизов после 25-летнего периода, в продолжение которого не возникало никаких неудобств <…> несогласно с русскими интересами и будет знаменовать собой крупный шаг назад в деле упрочнения русского влияния в среде киргизского населения»[677].

Поддержку областные губернаторы нашли и в лице Степного генерал-губернатора, которые также высказывались в пользу восстановления права администрации влиять на решения брачных и семейных дел местного населения, как кочевого, так и оседлого. Аналогичной позиции придерживался Степной генерал – губернатор, который в 1897 г. высказывая свое мнение министру внутренних дел подчеркивал, что народные суды, принимая решения в рамках своих компетенций часто, выносят постановления, противоречащие общепринятым нормам права, справедливости и морали. Например, в судебной практике суда биев встречались случаи, когда за неисполнение обязательств или личные обиды, в пользу истца назначался штраф «в виде лошади или девицы». «Народные суды, – пишет генерал-губернатор, – сплошь и рядом присуждают девушек, вопреки их воли, к насильственной выдаче замуж, если родители их получили за них калым и т.п. Придание такой особой устойчивости решению народных судов народа, едва вышедшего из состояния дикарей, едва ли целесообразно»[678]. Устоявшаяся практика решения семейно-брачных дел по адату сказывалась в целом на отношение к женщине в казахском обществе. Например в1896 г. в Тургайской газете было опубликовано сообщение о продаже казахом Бистамакской волости Шагинбаевым своей жены казаху

[675] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 647. Л. 136.
[676] Всеподданнейший отчет военного губернатора Тургайской области за 1884 г. Б.м., б.д. Л. 10.
[677] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16–1893. Л. 4–5.
[678] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 40–1894. Л. 19–21 об.

Темир-Ургачской волости Айбулатову за 10 голов скота и 50 руб., а после совершения сделки Шагинбаев женился вторично[679]. Глава региональной администрации в лице Степного генерал-губернатора однозначно высказывался в пользу восстановления права имперской администрации влиять на решения брачных и семейных дел местного населения, как кочевого, так и оседлого.

Рассмотрение вопроса было передано в МВД и Военное министерство. Министр внутренних дел подчеркивал, что губернаторы всех пяти Степных областей высказались единогласно в пользу восстановления отмененного права имперской администрации влиять на решения брачно–семейных дел инородцев. Глава Военного министерства П.С. Ванновский признавал «желательным», «в целях смягчения нравов и усиления значения местной администрации» предоставить автохтонному населению право обращаться при несогласии с решением народного суда в сфере семейно-брачных отношений к уездному начальнику, осуществляющему судебную власть на местах[680].

Однако Министерство юстиции Российской империи заняло принципиально иную позицию. В августе 1897 г. статс-секретарем министра юстиции Муравьевым был составлен официальный отзыв, отражающий позицию Министерства, которая в общих чертах выражалась в следующем: «Вполне сочувствуя мысли о представлении администрации Туркестанского края возможности стать на защиту человеческих прав киргизской женщины, я вместе с тем не могу, однако не выразить сомнения, чтобы пересмотр уездными начальниками и губернаторами решенных народным судом брачных дел мог сколько-нибудь существенно изменить указанное положение вещей, всецело коренящихся в бытовых условиях населения. Киргизская женщина, надо полагать, в крайне редких, исключительных

[679] Малышев Н.Н. Положение киргизской женщины по обычному семейному праву киргизов (адату) // Журнал министерства юстиции. 1904. № 2. С. 146.

[680] Анисимова И.В. Регламентация семейно-брачных отношений в казахском обществе Степного края: традиционное право и имперская политика // Вопросы истории. 2021. № 10–2. С. 52–60.

случаях, решится искать защиты у уездного начальника. Какой бы ни был результат ее жалобы, она все-таки должна вернуться в родные кочевья, где ее может встретить не только месть со стороны тех, на кого она жаловалась, но и огульное порицание ее поступка со стороны остальных обитателей степи»[681].

При этом, по мнению Министерства, важен не только социально-правовой аспект проблемы, но и нормативная основа для рассмотрения семейно-брачных дел коренного населения в русском суде. Согласно рассуждениям Муравьева, проект изъятия семейно-брачных дел из компетенции народного суда обходит совершенным молчанием вопрос о том, какими именно правовыми нормами должны будут руководствоваться представители региональной администрации при решении брачных и семейных дел. Обычное право не может быть основой для руководства в имперском суде, а многие правоотношения в среде казахов не нашли отражения в общеимперских правовых нормах. Такие расхождения затрудняют принятие судебными чиновниками объективных решений по семейно-брачным делам казахов.

Как некий компромисс между взглядами региональных и центральных органов власти, Министерство предположило возможным учреждение для пересмотра решений народного суда по брачным и семейным делам казахов, особой инстанции под председательством уездного начальника, но с непременным участием народных судей. В течение нескольких лет вопрос о возможности рассмотрения семейно-брачных дел казахского населения в русских судах обсуждался в различных ведомствах (МВД, Военное Министерство), которые зачастую действовали не согласованно между собой и не смогли выработать единую позицию. В свою очередь власти на региональном уровне стремились изменить порядок рассмотрения семейно-брачных дел и предпринимали попытки ограничить единоличную роль народного суда в принятии окончательного решения. Так, в 1899 г. в

[681] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16–1893. Л. 25–50.

Степном генерал-губернаторстве была разработана «Инструкция о народном суде» у казахов[682], в которой за народным судом признавался статус первой инстанции, рассматривающей дела семейно-брачного порядка. Но ст. 163–164 «Инструкции» допускали обращение недовольной вынесенным решением стороны «обратиться с жалобою к уездному начальнику, который и решает дело. На его постановление жалоба приносится губернатору», а при взаимном согласии обеих сторон дело можно было перенести для рассмотрения в общеимперский суд. Безусловно, данное положение не отражало позицию центральных властей, но показывало степень озадаченности региональной администрации сложившейся в сфере семейно-брачных отношений практике судопроизводства.

В начале XX в. механизмы рассмотрения семейно-брачных дел осуществлялись исключительно в правовом поле адата. Региональные власти, которые непосредственно сталкивались с последствиями подобных практик, неоднократно актуализировали данный вопрос перед центральными органами власти. В 1902 г. Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин в обращении к министру внутренних дел подчеркивал, что несмотря на многочисленные ходатайства дел об изъятии брачных дел из ведения народного суда «никаких новых законоположений не последовало». Обращения представителей региональных властей в Министерство внутренних дел с просьбами изменить порядок рассмотрения семейно-брачных дел и изъять их из компетенции народного суда, не приводили к изменениям. В 1906 г. Н.Н. Сухотин, обращаясь к министру внутренних дел, писал, что «изложенные ходатайства еще не получили разрешения и что с течением времени не только не уменьшаются, но даже увеличиваются факты жестокости положения в семье киргизской женщины и беззащитности ее прав перед судом, руководимым архаическими обычаями... покорнейше прошу содействовать в законодательном разрешении ходатайства»[683].

[682] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 437. Л. 1–7.
[683] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16–1893. Л. 69–71.

Не менее важной проблемой для укрепления роли и места имперского суда, по мнению региональных властей, был низкий авторитет российских судебных чиновников, а значит и принятие к исполнению выносимых ими решений, и превалирование народного суда над общеимперским. Так, нередко постановления имперского суда в отношении казахов не принимались к исполнению, выполнялись не в полной мере, пересматривались судом биев. Показательным является описанный в документе 1902 г. пример: « <…> По жалобе одной киргизки на истязания ее мужем, последний в общем порядке судопроизводства был присужден окружным судом к арестантским ротам, с лишением прав состояния; когда же этот киргиз возвратился, стал настаивать чтобы жена возвратилась к нему для совместного жительства и когда дело дошло до народного суда, то последний присудил возвратиться ей к мужу»[684].

В связи с этим, Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин подчеркивал необходимость не только возвращения в законодательном порядке возможности обращаться сторонам при рассмотрении семейно-брачных дел в общеимперские судебные институты, но и усиление и укрепление статуса решений, вынесенных административными властями над принятыми народным судом.

Еще один вопрос, связанный с регламентацией семейно-брачных отношений казахов Степного края, обсуждался в течение 1906–1908 гг. в органах центрального и регионального уровня власти. Речь шла о порядке рассмотрения семейно-брачных дел, возникающих между казахами, проживающими в русских селениях. В ходе обсуждения на объединенном заседании департаментов Сената было выработано мнение, что «<…> брачные дела киргиз, проживающих в пределах русских поселений, подлежат разбору народного суда по месту приписки сторон или по месту причисления ответчика»[685], что отвечало действующим в регионе нормативно–правовым

[684] РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 16–1893. С. 70–71.
[685] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 149–1905. Л. 24.

нормам. Однако на практике данное постановление вызвало значительные затруднения и затягивало принятие решения по делу. Казахи, проживающие в русских селениях, для участия в процессе должны были покинуть свои дома, оставить работу и т.д. В связи с чем, в январе 1910 г. Министерство юстиции признало возможным рассматривать «брачные дела, возникающие между киргизами проживающими в пределах русских селений» в общеимперских судебных инстанциях.

В итоге, несмотря на деятельность имперских региональных властей в Степном крае, коренным образом изменить правоспособность и социальные возможности казахской женщины в семье вплоть до конца имперского периода не удалось. Устойчивость норм адата, особенно в решении вопросов связанных с жизнедеятельностью социального организма, не позволяли провести коренные преобразования и наделить казахскую женщину правоспособностью. Не меньшую роль в сохранение сложившегося положения играло и отсутствие четко выработанной позиции в отношении данного вопроса у центральных органов власти. Документальные источники подчеркивают превалирование в казахском обществе традиционных форм брака, левирата, калыма, регламентации отношений в семье согласно нормам адата вплоть до 20-х гг. XX в.

4.2. Институт опеки и традиционное казахское общество: внедрение в Степном крае норм гражданского права

Достаточно сложно проходил в регионе импорт общеимперских правовых институтов. Наглядным примером служит попытка внедрить в традиционное казахское общество институт опеки, который выступает **в**ажнейшим аспектом социальной системы государства. Становление института опеки в России как формы защиты интересов детей, оставшихся

без попечения родителей, приходится на XVIII в. В период правления Екатерины II, в результате принятия «Учреждения для управления губерний», органы, ведающие опекой над осиротевшими детьми стали занимать заметное место в системе органов управления. Тогда же опека приобрела одну из своих главных черт – принцип сословности и являлась не единой организацией, а «агломератом как будто бы различных учреждений» [686]. По закону 1775 г. опекой ведали особые учреждения в зависимости от сословной принадлежности осиротевшего ребенка, его опекуна, были созданы дворянская опека, сиротский суд и другие органы. Однако за рамками законодательства оставалось развитие данного института среди коренного населения имперских национальных окраинах.

Предпринятые Екатериной II шаги по развитию опеки и попечительства в России стали основополагающими вплоть до конца XIX в. Безусловно, государственной властью делались попытки модернизации имеющейся нормативно-правовой основы деятельности данного института, однако они были безуспешными. Не был утвержден проект положения 1810 г., разработанный законодательной комиссией во главе с М.М. Сперанским, проекты, разработанные в 1847, 1860, 1864 гг., также по разным причинам были отклонены Государственным советом. В целом, при признании необходимости обеспечения интересов детей, оставшихся без родителей, закон в основном регулировал отношения по конкретным конфликтным делам, а сам правовой институт опеки и попечительства полностью сформирован не был[687]. К концу XIX в. в основе формирования системы опекунских учреждений сохранялся сословный принцип. Устройством дворянских детей занимались дворянские опеки, купеческих, мещанских, детей разночинцев - сиротские суды. Опека над сиротами - детьми духовенства относилась к ведению епархиального попечительства о бедных

[686] Нечаева А.М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 4.

[687] Макарова С.В. Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми: история его становления в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1. С. 5–8.

духовного звания. Опека над крестьянскими детьми возлагалась не на государственный орган, а на крестьянское общество. Однако, к концу XIX в. все очевиднее становилось несовершенство института опеки в России, причины которого виделись в нечеткости отношений опекунских учреждений и опекуна над личностью ребенка и сохранении принципа сословности. Неодновременное введение опекунских учреждений для всех сословий Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. привело впоследствии к наличию большого количества недостатков, обнаружившихся при реализации опекунских постановлений на практике. В связи с этим, государственная власть стояла перед необходимостью широкомасштабного реформирования законодательной базы по опеке и попечительству на основе принципа бессословности[688].

По опекунским делам губернии и области Российской империи делились на две категории: первая – это регионы, управляемые по Общему Учреждению, вторая, к которой, в том числе относился Степной край, управлялись по Особенному Учреждению, что, в целом, соответствовало организации системы местного управления в государстве[689]. Недостатки опекунского дела отчетливо проявившиеся во внутренних губерниях России, с большей силой заявили о себе в национальных окраинах империи. Постановка вопроса о реорганизации института опеки в Степном крае проходила в русле общеимперских тенденций реформирования законодательной базы института опеки и попечительства в отношении всех сословий Российской империи. Именно в конце XIX в. в органах управления Степного края стал активно обсуждаться вопрос о необходимости распространения в регионе общеимперской системы опекунства, в том числе введении его в действие среди казахского населения.

[688] Осипова М.П. Законодательные инициативы конца XIX – начала XX века об опеке в крестьянской среде // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3–2. С. 147.

[689] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1926. Л. 9–11.

Согласимся с мнением ряда исследователей, что проблема сиротства среди кочевого населения Степных областей не была первостепенной, так как малолетние сироты пользовались призрением родовых сообществ[690]. Особый характер развития опекунского дела тесно связан и с традиционными семейно-брачными отношениями в казахском обществе. Как правило, вдову вторично выдавали замуж за ближайшего родственника умершего мужа, который и принимал на себя попечение над малолетними детьми и их имуществом. Распространенный в казахской среде обычай аменгерства, безусловно, вызывал особого осуждения со стороны русских чиновников. Родня покойного чаще всего назначала его вдове нового мужа, не спрашивая ее согласия и не обращая внимания на протесты ни с ее стороны, ни со стороны ее родственников. Иногда декларировалось право вдовы на выбор нового мужа среди родственников умершего, но осуществлялось это далеко не всегда[691]. Таким образом, сироты оставались в семье, а их имуществом полностью распоряжалась родня умершего отца. Однако, такой механизм шел вразрез с общероссийскими правовыми нормами. Политика государственной власти, направленная на интеграцию центральноазиатских национальных окраин в общеимперской пространство, делала необходимым унификацию действующих в Степных областях судебных институтов[692].

Изначально сложности в организации опекунской части в Степных областях были вызваны отсутствием нормативно-правовой основы деятельности данного правового института. Частично деятельность института опеки регламентировалась Положением об управлении Туркестанского края 1886 г. и Положением об управлении Степными областями 1891 г. Важной особенностью опекунской части в Туркестанском крае и Степных областях было включение организации деятельности данного

[690] Волков И.В. Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: историко-правовой аспект // Власть. 2017. № 12. С. 137.

[691] Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. С. 80–81.

[692] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014.

института опеки в компетенцию судебного ведомства. Заведывание опекунской частью согласно Положению об управлении Туркестанского края 1886 г. было возложено на мировых судей. Существенными полномочиями были наделены областные суды, в том числе правом осуществления залога, продажи и отчуждения недвижимых имений малолетних[693]. Организация опекунского дела среди местного оседлого и кочевого населения находилась в компетенции народного суда. За назначение опекунов к малолетним и их имуществу отвечали участковые судьи, деятельность которых была подконтрольна съезду народных судей[694]. Положение об управлении Степными областями 1891 г. в плане организации опекунской части полностью апеллировало у Туркестанскому положению1886 г.[695] Статьи, регламентирующие учреждение опек у казахского населения региона включены в Положение 1891 г. не были, отчасти потому, что «опекунские дела регулируются родовым строем жизни кочевников и обычаями инородцев, не нуждаясь в законодательных определениях»[696]. В результате, отсутствие разработанной нормативно-правовой основы и четкого механизма организации опеки среди казахского населения Степного края породило разнообразные практики реализации и требовало регламентации[697].

Одним из вариантов организации института опеки у казахов Степных областей рассматривался механизм деятельности опекунской части у крестьян Российской империи. Крестьянская опека регламентировалась рядом нормативно-правовых актов. В крестьянской среде обязанность учреждения опек над личностью и имуществом, а равно ответственность за действия опекунов малолетних сирот лежала на сельском обществе, иногда опека устанавливалась сельским старостой, волостным старшиной,

[693] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 21.

[694] Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Т. 6. 1886. № 3814. С. 318–346.

[695] Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской от 25 марта 1891 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1891. Первое полугодие. № 46. СПб., 1891. С. 969.

[696] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 72.

[697] Анисимова, И.В. Особенности организации опекунского дела в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. / И.В. Анисимова // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). – С. 48–59.

волостным правлением и волостным судом. Это зависело от практики, которая имела место в той или иной губернии[698]. Надзор за опекунами и рассмотрение жалоб на действия опекунов являлось компетенцией земского начальника, решения которого в свою очередь рассматривались и утверждались в Губернском присутствии. В целом, функции земского участкового начальника, который, по мнению ряда исследователей, «получил единоличное руководство в отношении крестьянской опеки», были достаточно широкими[699].

Распространенное в 1903 г. на Степные области Положение о крестьянских начальниках включало в себя ряд статей, целиком взятых из действующего во внутренних губерниях закона о земских начальниках. Согласно Положению в компетенцию крестьянских начальников входил широкий круг обязанностей: «Попечение о нуждах, забота и представительство об удовлетворении потребностей крестьянского и киргизского населения, руководительство экономической, а отчасти и духовной жизнью населения, поддержание внутреннего порядка в селениях и аулах, обеспечение каждому обывателю в крестьянском участке возможности спокойно, по вере и обычаям отцов, жить, работать и пользоваться плодами своего труда». Важное значение имели судебные полномочия крестьянских начальников и функции посредника «во взаимных отношениях обывателей» [700] . В связи с этим, именно к обязанностям крестьянских начальников переходили функции земских начальников по опекунской части, а также те права и обязанности по наблюдению за общественным управлением казахов, которые лежали на уездных начальниках согласно Положению 1891 г. об управлении Степными областями.

---

[698] Макарова С.В. Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми: история его становления в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1. С. 7.

[699] Вьюнник Е.П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам сельских обывателей в Центральном Черноземье во второй половине XIX – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. № 16. С. 139.

[700] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–1. С. 21.

В августе 1904 г. вопрос о постановке опекунского дела у кочевого населения Степного края был рассмотрен на заседании Семипалатинского областного правления. В докладе подчеркивалось, что Степным положением 1891 г. совершенно не регламентирована защита интересов сирот среди казахского населения. Практика, по заключению региональных чиновников показывала, что дела об опеке либо вообще не заявляются, либо, при возникновении, находятся в введении народных судей. Однако, участие в данном деле последних вступает в противоречие с самой сутью института опеки, так как «забота о судьбе членов общества и охранение их интересов должны лежать, по принципу общинного строя аульных обществ, на самом обществе, роль же народного судьи в такого рода делах может быть допускаема лишь в качестве посредника между заинтересованными сторонами при разборе споров или исков»[701].

В связи с этим, по мнению Семипалатинского областного правления, более целесообразным выглядела бы передача организации и обеспечения опекунского дела аульным обществам, которые должны «по примеру сельских обществ установленным порядком избирать опекунов, поверять и следить за их действиями заботиться о личности и имуществе сирот». Данной позиции придерживался и Съезд крестьянских начальников области, который признал необходимым передать попечение о малолетних сиротах в компетенцию аульных обществ и организовать дело по аналогии с сельскими обществами под контролем крестьянских начальников. Выбор в пользу аульных обществ был определен традиционными взглядами на родственные отношения, сложившиеся в казахском обществе. Согласно казахским обычаям, «дети-сироты находятся на воспитании ближайших родственников, которые по управлению имуществом малолетних наследников не дают никакой отчетности, а в случае растраты его отвечают перед судом биев, уплачивая стоимость и штраф. Опекунов из посторонних лиц не бывает, а если ближайшие родственники окажутся неблагонадежными, то старики –

[701] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 27 об.

одноаульцы выбирают для опеки других лиц из дальних родственников»[702]. Такая, по мнению степного генерал-губернатора Н.Н. Сухотина, «несложная организация опекунского дела у киргиз, отличающаяся с первого взгляда как-бы полным безучастием в этом деле общественных сил», соединяет в себе основные требования к организации института опеки, как-то, участие в опеке ближайших родственников, общественная оценка деятельности опекунов и контроль за ними, судебная ответственность опекунов за сохранность вверенного имущества.

Однако, проект передачи опекунских функции аульным обществам вызвал определенную критику со стороны региональной администрации в лице волостных управителей, которые подчеркивали, что «избрание опекуна аульным сходом возможно, но проверка опекунских отчетов для общества будет делом крайне затруднительным и едва ли выполнимым <…>. На практике могут быть такие недоразумения, что опекаемые имущества не превышающие в большинстве случаев 100 руб., по оценке окажутся по отчетам недостаточными для содержания сирот на первые же два или три года, и тогда назначенный обществом опекун по представлении отчета в употреблении всего имущества на содержание сирот, или совершенно откажется от попечения над ними или потребует на содержание их средства от самого общества». Волостные управители также отмечали, что неуместно сравнивать опеку над имуществом среди русского крестьянства и в казахской семье, так как «у крестьян опека охраняет главным образом дом с усадьбой и земельный надел крестьянского двора, у киргизов ни того ни другого нет, землянка ценности не имеет, кибитка и скот имущество движимое; первая требует постоянного расхода на ремонт, а скот может давать доход только при заботливом уходе за ним»[703].

В сентябре 1904 г. Н.Н. Сухотин в своем обращении к военному губернатору Семипалатинской области А.С. Галкину подчеркивал, что «все

[702] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 32–33.
[703] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85-1904. Л. 82.

эти условия, опираясь на обычай, настолько успешно охраняют в жизни интересы опекаемых, что жалоб и споров по опекам в степи почти не слышно»[704]. Однако, несмотря на в целом позитивную оценку опекунского дела у казахов, степной генерал-губернатор говорил о необходимости реорганизации института опеки в вверенном ему регионе. Недостатки традиционной системы виделись губернатору, прежде всего, в нерегулярности аульных сходов, полный состав которых собирался не чаще одного раза в три года. В связи с этим, по мнению Н.Н. Сухотина, сохранение организации опекунских дел в традиционном виде приведет к негативным последствиям, в том числе к нескончаемой волоките в разрешении спорных дел, в незнании казахами основных положений закона об опеки, и, как следствие, неправильности его применения и возможного распространении в степи «до сих пор неизвестного сутяжничества по опекунским делам, которое с удовольствием будут возбуждать и подогревать бродячие адвокаты»[705]

После длительного рассмотрения дела о состоянии опеки у кочевого казахского населения, осенью 1904 г. Степным генерал-губернатором был издан приказ, направленный на регламентацию деятельности данного института.

Степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин подчеркивал, что развитие института опеки среди казахского населения возможно лишь при непосредственном участии крестьянских начальников, что нашло отражение в содержании приказа, основные положения которого сводились к следующему:

«1) Опекунские дела у киргизов (казахов. – И.А.) ведутся по народным обычаям, но под ближайшим надзором Крестьянских начальников, согласно п. 29 Высочайше утвержденного 2 июня 1898 г. Временного положения о Крестьянских начальниках <…>.

[704] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 32–33.
[705] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 32–33.

2) О всяком случае призрения путем опеки волостные управители должны доносить подлежащему Крестьянскому начальнику, с поименованием тех лиц, которые по народным обычаям приняли на себя опекунство и кратким указанием количества и рода имущества <…>.

3) Всем опекам крестьянские начальники должны вести алфавитную книгу и при служебных разъездах по участку лично удостоверяться о ходе опекунского дела и состояния имущества.

4) В случае недобросовестного ведения дела опекунами, Крестьянские начальники делают распоряжения о замещении их, по указаниям почетных киргиз аула и стариков, другими лицами, согласно народным обычаям.

5) При утрате опекунами имущества, дело о возмещении убытков передается в народный суд, а избрание нового опекуна производится порядком, указанным в предыдущем параграфе»[706].

Однако, несмотря на принятие столь важного постановления сложности в постановке опекунской части в Степных областях сохранялись. Более того, инициатива Степного генерал-губернатора об усилении роли крестьянских начальников в системе опеки среди казахского населения была поддержана не везде. В 1904 г. состоялся Первый областной съезд крестьянских начальников Уральской области, на котором отдельно рассматривался вопрос о постановке опекунского дела в Степном крае. В ходе обсуждения был заслушан доклад «Об опеке над личностью и имуществом малолетних сирот киргизского населения» крестьянского начальника 1-го участка Уральского уезда Ф.И. Тихомирова, в котором был представлен подробный анализ состояния института опеки в Степных областях[707]. Прежде всего, чиновник обращал внимание на особенности отношения к опеке в казахском обществе. В своем докладе Тихомиров подчеркивал, что «киргизам неизвестны опеки в том строгом смысле, как он определяется законом. По объяснению приглашенных мною на съезд в июне

[706] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 2–2 об.
[707] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 68 об. – 75.

этого года представителей киргизских обществ всех волостей участка в лице волостных управителей, аульных старшин и волостных выборных, по одному от каждого аула, в целях охранения имущества малолетних сирот у киргизов, по обычаю и шариату делается так: осиротевшие малолетние принимаются на попечение ближайшего родственника, в распоряжение которого переходит все имущество. Никаких споров о наследственных делах до суда не доходит, если они и бывают, то оканчиваются добровольным соглашением между родственниками при участии посторонних наиболее влиятельных киргиз»[708]. В итоге, после рассмотрения дела на съезде было выработано единое мнение о том, что учреждение опек у казахов по правилам установленным для крестьянских обществ не имеет законного основания и практически невыполнимо[709].

Нерешенность проблемы оставляла ее открытой и дискуссия продолжалась несколько лет. Региональные власти неоднократно говорили о сложности становления системы опеки и попечительства в Степных областях. Так, в январе 1907 г. военный губернатор Тургайской области А.А. Ломачевский подчеркивал, что кочевое население вверенной ему области совершенно не знакомо с институтом опеки. Военный губернатор объяснял это обстоятельство тем, что «малолетние сироты и вдовы рассматриваются киргизами как часть имущественного наследства, оставшегося после смерти кибитковладельца, которое по обычаю должен унаследовать ближайший родственник умершего. Последний принимает как все имущество, так и всю семью умершего в свою кибитку, женится на вдове и считает сирот своими детьми. До достижении ими совершеннолетия он их одевает, кормит, высватывает для мальчиков невест, платит за них калым, а девочек просватывает <…>. По достижении мальчиком совершеннолетия приемный отец выделяет ему часть имущества, снабжает кибиткой <…>, старается

[708] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 72.
[709] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2097. Л. 38.

сделать его самостоятельным кибитковладельцем»[710]. Однако, при всех возможных нарушениях имущественных интересов сирот, по мнению Ломачевского, такой способ призрения, когда опека возлагается на ближайших родственников, является для казахов оптимальным. В подтверждение своей позиции губернатор приводит сведения о минимальном количестве жалоб на действия родственников – опекунов, которые если и встречаются, то в виде гражданских исков достигшего совершеннолетия опекаемого. Данные иски рассматриваются в народном суде, который всегда оставляет исковые требования опекаемого без удовлетворения, «исходя из того правила, что «сыну» не следует предъявлять «отцу» исков».

В связи с этим, по мнению военного губернатора Тургайской области А.А. Ломачевского, рассуждать о реорганизации опекунской части в Степных областях, о приведении ее в рамки общеимперского законодательства безуспешно до тех пор, «пока родовые начала столь сильны в степи, пока установившийся жизнью обычай находит поддержку в народном суде, пока гражданские отношения кочевников не будут урегулированы точными законоположениями». Если и говорить о преобразованиях, то в первую очередь, по мнению губернатора, необходимо было подвергнуть реорганизации народный суд, «впредь до осуществления этих условий всякое вмешательство лиц служащих по крестьянским учреждениям в дела опеки будет рассматриваться населением как нарушение его прав, основанных на обычае, по которому родственник опекун есть полновластный собственник сиротского имущества, а более или менее действительный контроль со стороны крестьянских начальников за имуществом опекаемых вызовет недовольство опекунов, могущее повлечь за собой даже отказ в дальнейшем призрении сирот, в особенности если они бедны»[711].

[710] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 107.
[711] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 108.

Иной позиции придерживался военный губернатор Семипалатинской области А.С. Галкин. В циркуляре, адресованном крестьянским начальникам области весной 1907 г. Галкин подчеркивал, что исполнение в полной мере разработанных Степным генерал-губернатором правил в отношении защиты малолетних сирот сможет с достаточной гарантией охранять интересы малолетних. Семипалатинский губернатор указывал на растущие жалобы со стороны вдов о принуждении их к повторному выходу замуж за ближайшего родственника умершего мужа и насильный захват принадлежащего им и их детям имущества. Выходом из сложившейся ситуации, по мнению губернатора, может стать переход от формализма и фактическое усиление надзорных функции крестьянских начальников «за туземной администрацией и народным судом»[712].

Летом 1909 г. по инициативе Министерства внутренних дел была проведена ревизия крестьянских учреждений Степного края, в материалах которой содержался отчет о постановке опекунской части среди казахского населения региона. Выводы ревизионной комиссии были не утешительными, по мнению чиновников опекунское дело в казахских обществах было поставлено крайне неудовлетворительно, «опек почти не заводится, а если иногда такие попадаются, то постановка их чрезвычайно разнообразна; с одной стороны опеки учреждаются по распоряжениям крестьянских начальников с назначением ими же опекунов по правилам изложенным в циркуляре (Степного генерал-губернатора) от 6 сентября 1904 г. как например в Акмолинской области; с другой стороны к этому делу привлечены киргизские общества и их съезды , как это практикуется в Семипалатинской области <…>. Иногда этими делами ведают народные судьи, в большинстве же случаев дела эти не имеют никакой постановки»[713]. Деятельность последних вызывала особую критику со стороны региональной администрации. По мнению чиновников, «народные судьи при низком

[712] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 112–112 об.
[713] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 114.

умственном развитии и своеобразном понимании своего судейского достоинства давно приобрели печальную репутацию даже среди своих соплеменников, а при таких условиях нет, казалось бы оснований рассчитывать на их объективность в разрешении тяжб по сиротских делам и на их полное беспристрастие и справедливость»[714]. Безусловно, отсутствие единой нормативно-правовой основы и единого механизма организации опекунского дела в регионе приводили к неэффективности проводимых мероприятий и нарушению основного принципа института опеки – защиты интересов детей, оставшихся без попечения родителей.

В связи с этим, важным стало мнение министра внутренних дел П.А. Столыпина, высказанное осенью 1909 г. в обращении к степному генерал-губернатору Е.О. Шмиту, о необходимости унификации опекунского дела среди казахского населения с общеимперским процессом. В частности, П.А. Столыпин подчеркивал, что «как на сельских обществах лежат заботы по призрению малолетних сирот, а на сходах – обязанность назначать к сиротам и их имуществу опекунов, поверять их распоряжения и отвечать материально за их действия перед сиротами, то несомненно те же права и обязанности должны лежать и на киргизских обществах с соответствующим надзором Крестьянских начальников»[715].

Однако, несмотря на мнение Министерства внутренних дел, в Степном крае продолжало действовало несколько практик организации опекунского дела, а процесс реорганизации института опеки шел крайне медленно. Отчасти это было связано с неудачными попытками реализации общеимперского опекунского проекта 1915 г., который был разработан Межведомственным совещанием под председательством министра юстиции И. Е. Ильяшенко. Не меньше значение оказывало и сохранение норм адата в регламентации семейно-брачных отношений казахов. Определенную роль сыграл и падающий авторитет в Степном крае крестьянских начальников,

[714] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 115.
[715] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 85–1904. Л. 115 – 115 об.

недовольство деятельностью которых наблюдалось во всех без исключения уездах Степных областей[716]. На протяжении конца XIX – начала XX в. центральные и региональные органы власти уделяли серьезное внимание проблеме детского сиротства и стремились найти оптимальные для казахского кочевого общества формы организации и деятельности института опеки. Однако, провести в полной мере реорганизацию опекунской части в Степных областях вплоть до конца имперского периода так и не удалось.

В целом, можно говорить об определенной трансформации традиционного правосознания казахского общества на протяжении второй половины XIX – начала XX в. Внимание российских властей к вопросам семьи и брака подчеркивало необходимость модернизации традиционных правоотношений. Однако, процесс внедрения общеимперских гражданских институтов в Степном крае шел достаточно медленно.

[716] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–1. С. 23.

Глава 5. Судебная система Степного края в первой четверти XX в.: направления и результаты модернизации

5.1. Судебная система Степного края в начале XX в.: проблемы функциональной эффективности работы общеимперских институтов

Политические трансформации в стране начала XX в. в определенной мере способствовали формированию взглядов о реорганизации всей государственной системы по пути ее унификации. К началу нового столетия в системе государственной власти Российской империи сложилось четкое представление о важности совершенствовании государственной системы правосудия. В первые десятилетия XX в. среди прогрессивной части представителей имперской власти вновь актуализировалось обсуждение характера судебной системы Степного края. Так, к концу 1901 г. специальная комиссия Министерства юстиции подготовила новую редакцию Судебных уставов и ряда законодательных актов, которая была направлена на утверждение в Госсовет. В июне 1904 г. для обсуждения законопроектов по пересмотру законоположений об организации судебной части в Российской империи в составе Государственного совета было учреждено Особое совещание под руководством действительного тайного советника И.Л. Горемыкина[717]. Совещание, в том числе, рассматривало результаты работы Особой комиссии по председательством министра юстиции Н.В. Муравьева, созданной в 1894 г. и предшествовавшей проведению судебной реформы 1898 г. Однако, уже в 1905 г. все материалы без решения были возвращены в Министерство юстиции [718] . По мнению ряда исследователей,

[717] РГИА. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 1.

[718] Терентьев Р.В. Правительственные законопроекты по реформированию местного судопроизводства в России в конце XIX - начале XX веков // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2001. № 4. С. 142.

законодательному оформлению и внедрению новых редакций помешала революция 1905 г.[719]

В течение последующего за реформой 1898 г. десятилетия, проблемы в работе судебных институтов Степных областей увеличивались и вызывали критику как со стороны региональной администрации, так и высших органов власти. В 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин представил в Государственный совет проект реорганизации судебной системы Туркестанского края. Речь шла, прежде всего, о необходимости внесения в Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. изменений, затрагивающих работу народного суда у казахского населения. Проект А.Н. Куропаткина предполагал: изменение системы выборов народных судей, порядка их вознаграждения, ограничение компетенций народного суда, установление контроля имперской администрации над действиями народных судов[720]. Однако, проект не затрагивал «главные основания народного суда», что послужило поводом к его дельнейшему обсуждению. Позднее, проект Куропаткина был переработан Особой комиссией тайного советника К.А. Нестеровского, учрежденной туркестанским генерал-губернатором Н.А. Ивановым в 1902 г. для составления объединенного Положения об управлении Туркестанским краем [721] . Выбор фигуры Нестеровского в качестве председателя Особой комиссии был не случаен. К.А. Нестеровский более 15 лет служил управляющим канцелярией туркестанского генерал-губернатора, и по мнению современников, его заслуги и превосходное знакомство с краем были хорошо известны. Особая комиссия энергично принялась за дело, и менее чем через год генерал-губернатору Н.А. Иванову был представлен огромный печатный труд, состоящий из нового положения, объяснительной записки и сравнительного указателя всех статей Туркестанского и Степного положений. После рассмотрения в Совете

[719] Бабенко В.Н. Судебная система России: История и современность. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 146–147.

[720] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 594. Л. 9.

[721] Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2. С. 6–19.

выработанный проект был представлен военному министру в 1902 г.[722] По мнению Военного ведомства, которое высоко оценило проделанную работу, в основу проекта было положено начало «усовершенствование системы управления в соответствие с современными условиями»[723].

В своей работе К.А. Нестеровский уделил внимание судебной системе региона и в своей позиции относительно народного суда был более решителен, чем первоначальный проект А.Н. Куропаткина. Комиссия, рассмотрев проект Куропаткина заключила, что «самое существование народного суда с точки зрения водворения в крае русской гражданственности представляется явлением отрицательным, но зло это является неизбежным и останется таковым до тех пор, пока не представится возможным совершенно упразднить народный суд»[724]. При этом, несмотря на четкую позицию, Нестеровский, как и многие предшественники, говорил о необходимости «постепенного поглощения народного суда общеимперским». Важно подчеркнуть, что предложенный К.А. Нестеровским проект Положения об управлении Туркестанским краем так и не был реализован, а спустя несколько лет после разработки Военное министерство признало его несоответствие «требованиям жизни».

Отметим, что основания для критики деятельности народного суда были объективны. Поездки и экспедиции чиновников начала XX в. в Степной край служили важным источником информации о состоянии судоустройства и судопроизводства региона. Интересным в связи с этим выглядит отчет капитана Давлетшина о поездке в Степной край в 1900 г.[725] Во время экспедиции чиновнику удалось провести обследование традиционной судебной системы кочевого казахского населения Семиреченской и Семипалатинской областей. Традиционное

[722] Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. № 12. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Fedorov_G_P/text4.htm

[723] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 17. Л. 2 об.

[724] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 594. Л. 9.

[725] Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901.

судопроизводство в Семиреченской области действовало на основании Степного положения 1891 г. и соотносилось с судебным устройством в Туркестанском крае, имея, однако, некоторые отступления. Так, брачные и семейные дела коренного населения разбирались только единоличными судьями, народным судьям в Степных областях не предоставлялось право освидетельствования актовых записей и документов и, третье, из компетенции народных судей были исключены опекунские дела оседлого населения[726].

При этом, Давлетшин подчеркивал, что в таком варианте судопроизводство имело свои недостатки. «Деятельность единоличных судей весьма слаба, население более доверяет коллегиальному суду и обращается непосредственно в съезды. Отправление правосудия весьма осложняется необходимостью устанавливать большое число чрезвычайных съездов для решения дел, возникающих как между жителями разных волостей в пределах одного и того же уезда, так и между жителями разных уездов и областей. Созыв съезда сопряжен с значительными затруднениями и может производиться потому не чаще одного раза в год. Это одно уже исключает возможность суда скорого. Но, с другой стороны, при полной неудовлетворительности суда единоличных биев, чрезвычайные съезды являются некоторым противовесом, устанавливая для большего числа дел разбор в коллегиальном составе»[727]. Чиновник отмечал, что «по словам биев, население более предпочитает обращаться в съезды, чем к единоличным судьям. Решения судей редко обжаловываются, обыкновенно дело кончается у них же»[728]. Важным показателем статусности традиционной судебной системы, по мнению Давлетшина, было сохранение в компетенции народных судей права взыскания куна. Если уголовные правонарушения подлежали рассмотрению окружного суда, то сумма куна определялась народными

[726] Степное положение 25 марта 1891 года с объяснениями по официальным источникам: [Сборник]. Санкт-Петербург, 1891. С. 92.

[727] Отчет капитана Давлетшина о командировке в Туркестанский край и Степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. СПб., 1901. С. 75.

[728] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2209. Л. 44.

судьями и фиксировалась в эреже. По мнению чиновника, народный суд кочевников был по-прежнему широко распространен в регионе.

Особенности центральноазиатских окраин Российской империи (большая территория и удаленность от центра) приводили к необходимости корректировки общеимперского законодательства, вводимого на территории Степного генерал-губернаторства. В 1906 г. министр юстиции И.Г. Щегловитов представил на рассмотрение П.А. Столыпину проект «Об изменении подсудности дел о преступных деяниях государственных, возникающих в пределах Иркутского, Омского и Ташкентского судебных округов»[729]. В 1904 г. рассмотрение дел о преступных государственных деяниях было передано в компетенции судебных палат[730]. При этом дела «о менее важных преступлениях, когда высшее наказание определено в законе ниже исправительного дома, рассматривались судебной палатой в коронном составе; дела о более важных государственных преступлениях были отнесены в ведение судебных палат с участием сословных представителей»[731]. Первоначально, данный порядок вводился во внутренних губерниях и областях Российской империи, исключая окраины за отсутствием состава сословных представителей. В 1905 г. было признано необходимым распространить утвержденный законом 7 июня 1904 г. порядок рассмотрения дел на подведомственные Варшавской, Тифлисской, Омской, Иркутской и Ташкентской судебным палатам округа[732]. Оценивая в целом положительно унификацию в стране порядка рассмотрения дел и «значительное усовершенствование процесса по государственным

[729] РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 82.

[730] Закон 7 июня 1904 г. и 16 июня 1905 г. о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового уголовного уложения. М.: изд-во кн. маг. И.К. Голубева, 1905.

[731] РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 82. Л. 2.

[732] Высочайше утвержденное 16 июня 1905 г. мнение Государственного совета «О некоторых изменениях и дополнениях закона 7 июня 1904 г. о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. Изд. 2-е, пересмотренное и доп. по 1 янв. 1907 г. Санкт-Петербург: Издание Юридического книжного склада "Право", 1907. С. 99–103.

преступлениям», министр юстиции И.Г. Щегловитов выделил при этом ряд проблем, возникших в ходе реализации принятого законопроекта на территории Степного края, относящейся к компетенции Омской и Ташкентской судебных палат.

Обосновывая свое мнение, И.Г. Щегловитов подчеркивал, что незамедлительное рассмотрение государственных преступлений в указанных судебных округах «является трудно выполнимым, в виду обширности этих округов и затруднительности, вследствие сего, доставления в места нахождения судебных палат лиц, учинивших преступление, а равно и вызова потерпевших и свидетелей…, – судебные палаты, в целях ускорения производства дел, вынуждены устраивать частые выездные сессии, сопряженные со значительными расходами»[733]. Нередко, из-за удаленности, или даже полной недоступности ряда местностей, рассмотрение таких дел затягивалось более чем на год. Для оптимизации и повышения эффективности работы судебной системы регионов, министр юстиции предлагал «в качестве временной меры» передать дела о государственных преступлениях в компетенцию окружных судов, с условием участия в работе заседания сословных представителей, а полномочия судебных палат перенести на окружные суды и состоящих при них прокуроров. По мнению министра юстиции, «мера эта, распределив дела о государственных преступлениях, сосредоточенные ныне в трех палатах, между шестнадцатью подведомственными им окружными судами, несомненно… отразится на более успешном разрешении означенных дел»[734]. При рассмотрении дела в Совете министров, проект И.Г. Щегловитова выглядел обоснованным и получил утверждение[735]. Безусловно, принятое решение увеличило нагрузку

[733] РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 82. Л. 8 об.

[734] РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 82. Л. 9.

[735] Высочайше утвержденное 6 октября 1906 г. Положение Совета министров «Об изменении подсудности дел о преступных деяниях государственных, возникающих в пределах Иркутского, Омского и Ташкентского судебных округов» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. Изд. 2-е, пересмотренное и доп. по 1 янв. 1907 г. Санкт-Петербург: Издание Юридического книжного склада "Право", 1907. С. 640–642.

на окружные суды, организация работы которых и так требовала существенных изменений.

К началу XX в. наблюдались серьезные недостатки в работе института мировых судей. Мировой судья в Степных областях в конце XIX - начале XX в. выполнял значительный комплекс важных судебно-правовых обязанностей. В первую очередь, мировой суд - это низшая судебная инстанция, рассматривающая гражданские и уголовные дела, что и выступало основной компетенцией данного судебного института. Однако, по факту должностные обязанности мирового судьи были более широкими: нередко он проводил следствие на местах совершения преступления, выполнял функции нотариуса и обеспечивал работу опекунской службы. Установленные на законодательном уровне компетенции и функции мировых судей Степного края, значительно затрудняли их работу и делали ее малоэффективной. Судебная реформа 1898 г., которая инкорпорировала в регион общеимперские судебные институты, лишь частично смогла нивелировать имеющие противоречия в работе мировых судей, и уже в начале XX столетия на региональном уровне власти вновь стали заявлять о недостатках в работе мировой юстиции[736].

Так, наряду с проблемами институционального характера, требовали решения вопросы, связанные с финансовым обеспечением службы мировых судей. Как правило, приезжающий на должность мирового судьи в регион чиновник вынужден был арендовать как помещение для работы, так и квартиру. Для этой цели из земских сборов выделялись квартирные деньги. Однако, суммы были не значительные (сумма варьировалась в зависимости от региона), что приводило к неоднократным обращениям увеличить довольствие судебных чиновников региональной юстиции. Возникали ситуации, когда в месте расположения мирового судьи не было свободных арендуемых помещений, что осложняло своевременное начало выполнения

[736] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 21.

чиновником должностных обязанностей. Решение подобных вопросов входило в компетенцию нескольких ведомств и затягивалось на длительный срок. Наглядным примером может служить дело о рассмотрении вопроса строительства квартиры и служебной камеры для мирового судьи в укреплении Нарымском за счет земских сборов Семиреченской области. Дело рассматривалось Военным министерством, Министерством юстиции, Министерством финансов, Советом министров на протяжении 1906–1907 гг. Принятию решения о выделении 11 тыс. руб. на строительство камеры и квартиры для мирового судьи предшествовала долгая межведомственная переписка [737]. Безусловно, чиновники Министерства юстиции признавали наличие комплекса проблем судебной системы Степных областей. Частичные меры, направленные на улучшение работы судебных институтов региона, предпринимались, хотя и сложно. Однако, проводимые преобразования не носили системного характера и в целом, были малоэффективны.

В связи с этим в Министерстве юстиции был разработан законопроект об усилении следственно-мировой части в Степных областях, введение которого в действие предполагалось 1 января 1910 г. После длительного обсуждения законопроект был направлен для утверждения П.А. Столыпину в апреле того же года. Среди вопросов, которые рассматривались в законопроекте звучали: вопросы о численности участковых мировых судей в Степных областях, результативность их работы, особенности сложности выполнения служебных обязанностей[738].

Рассматривая сложный, но актуальный вопрос об необеспеченности региона участковыми мировыми судьями, министр юстиции И.Г. Щегловитов подчеркивал, что «в процессе проведения реформы 1899 г. в основу определения штатов мировых судей были положены данные о количестве дел, поступавших для рассмотрения в дореформенные судебные

[737] РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 134.
[738] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 116–1909; РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 57.

учреждения Степных областей»[739]. В результате проводимых при подготовке реформы подсчетов в Уральскую область были назначены 11 участковых мировых судей, в Тургайскую – 8, в Акмолинскую – 12, в Семипалатинскую – 12, Семиреченскую – 13. Кроме того, была учреждена должность добавочного мирового судьи, в Тургайской области – 2, в остальных степных областях – по 1 должности[740]. В итоге, в 1899 г. количество мировых судей Степных областей было утверждено законодательно принятием «Расписания судебно-мировых участков в Степных областях с определением мест постоянного пребывания участковых мировых судей»[741]. Позднее, в 1902 и 1908 гг., штат института мировых судей в Акмолинской и Тургайской областях, в связи с очевидным недостатком судебных чиновников, был увеличен за счет введения по одной должности участкового мирового судьи[742].

Важным обстоятельством, подтверждающим необходимость внесения изменений в судоустройство Степных областей выступало, по мнению министра юстиции, изменения в социально-экономической сфере жизни общества. Действительно, за прошедшее с момента проведения реформы 1898 г. десятилетие «условия жизни в Степных областях изменились в весьма сильной степени под влиянием переселенческого движения и общего развития экономической жизни. Особенно последнее обстоятельство было актуальным для Акмолинской и Семипалатинской областей. Развитие пароходства по Иртышу и Верхней Оби, укрепление и рост населенных пунктов, связанных с Сибирской железной дорогой, процессы урбанизации в регионе, рост численности населения не только значительно увеличили число возникающих в Степных областях судебных дел, но и изменили характер

[739] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 20.

[740] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1898 г. Первое полугодие. СПб., 1898. С. 3389–3393.

[741] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1899 г. № 32. Ст. 406. С. 1682–1703.

[742] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 57. Л. 12.

судебно-правовых отношений»[743]. Например, «в период с 1906–1908 гг. количество дел, поступивших для рассмотрения мировым судьям возросло в областях: Уральской – с 8409 до 11533, Тургайской – с 7830 до 10375, Акмолинской – с 16101 до 21698 и Семипалатинской – с 7936 до 9465»[744]. В связи с этим, количество судебных чиновников, утвержденных «Расписанием» 1899 г. не соответствовало действительным потребностям и требовало увеличения.

На острую необходимость усиления следственно-мировой части указывал Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит. Глава региона подчеркивал, что малочисленность мировых судей особенно ощущается при рассмотрении дел, требующих максимально быстрого следствия и определения виновного, как например дела по «расхищению и повреждению леса и нарушениям лесного устава», При этом, «эти дела, при редкости лесов в Степном крае, имеют весьма важное значение, и беззамедлительное их направление в значительной степени содействовало бы охране лесных богатств»[745].

В докладе министра юстиции были указаны не только общие цифры, но собраны и представлены сведения об объеме работы отдельных мировых судей. Так, в Уральской области за 1906–1908 гг. среднегодовое поступление дел на каждого из судей составляло 816 мировых дел и 57 следственных. В министерстве признавали, что сами по себе цифры не являются значительными, так как по нормам годовой работы, установленным для мировых судей в Степных областях и Сибири в год на одного судью приходится до 1000–1200 мировых производств или до 150 следствий, а при условии сочетания судебных и следственных обязанностей до 600 дел мировой подсудности и не выше 75–80 следствий[746].

---

[743] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 20.

[744] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 116–1909. Л. 3–4, 15.

[745] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 57. Л. 9–10.

[746] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 57. Л. 13 об.

По мнению И.Г. Щегловитова проблемы в организации работы судебной системы заключались в установленных для степных областей особенностях судоустройства и судопроизводства, с учетом которых, деятельность мировых судей представлялась «гораздо более сложною, чем соответствующих им судебных органов в Европейской России». К таким особенностям относилась, прежде всего: «1) широкая подсудность мировых судебных установлений, особенно по гражданским делам (разрешение исков ценой до 2000 р.), требующая со стороны судей для решения дела значительные трудовые и временные затраты; 2) соединение в лице мировых судей обязанностей судьи и следователя, влекущее необходимость частых разъездов по подведомственным участкам; 3) включение в обязанности мировых судей заведывание опекунскою частью; 4) выполнение мировыми судьями обязанностей нотариусов в тех регионах, где отсутствовали нотариальные конторы» [747]. В результате, эффективность работы мировых судей была незначительна. Например, в Уральском уезде, где на одного судью приходилось в среднем по 1007 мировых дел и 35 следствий, из 18127 мировых дел, поступивших за 1906–1908 гг., к началу 1909 г. осталось нерешенными 5908 дел, что составило 33% от общего количества.

Разница в загруженности судебно-мировых участков и их неравномерность наблюдалась во всех областях Степного края. Например, в Кустанайском уезде Тургайской области на каждого из четырех судей в среднем приходилось ежегодно по 1403 мировых дела и 52 следствия; в Актюбинском уезде – по 1070 мировых дел. Значительно превышены нормы годовой работы мировых судей были в Акмолинской области, где на одного судью в среднем в год приходилось по 1315 дел мировой подсудности и 122 предварительных следствия. Особенно сложно ситуация складывалась в Омском, Акмолинском и Петропавловском уездах.

[747] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 20–21.

В Семипалатинской области, в целом, ситуация развивалась менее сложно. По средним подсчетам, в год на каждого их 12 судей приходилось по 653 мировых дела и 76 следствий. Однако, в реалии в отдаленных уездах, а также в г. Семипалатинске обремененность мировых судей была значительной. Так, например, изучая движение дел мировой подсудности и следствия за 1905–1907 гг. в Павлодарском уезде было выявлено, что у мирового судьи в среднем в год находилось на рассмотрении по 572 мировых дела и по 90 предварительных следствий. Однако, по мнению чиновников «своевременное разбирательство такого количества дел мировой подсудности и беззамедлительное направление указанного весьма значительного числа предварительных следствий при необходимости частых и продолжительных разъездов оказалось для мировых судей невозможным»[748], что приводило к росту неоконченных дел как мировой подсудности, так и следствий.

Эффективному выполнению мировыми судьями своих обязанностей препятствовал ряд обстоятельств, прежде всего, значительные размеры подведомственных им территорий. В объяснительной к законопроекту записке министр юстиции И.Г. Щегловитов приводил следующие цифры: «Если принять в соображение, что помянутые области занимают площадь в 1634149 кв. верст и что во всех этих областях имеется всего лишь 45 участковых мировых судей, то окажется, что в среднем величина каждого судебно-мирового участка определится в 36314 верст. По отдельным же областям протяжение некоторых участков колеблется от 8210 кв. верст (в Омском уезде) до 118629 кв. верст (Атбасарский уезд Акмолинской области). Таким образом, многие из участков превышают по своим размерам целые губернии Европейской России и в подобных местностях выезды мировых судей для производства следственных действий или для разбора немногих

[748] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 116–1909. Л. 7.

дел единоличной подсудности отнимают у них иногда несколько недель времени на каждую поездку»[749].

В результате проведенного исследования Министерство юстиции, опираясь на сведения, полученные от чиновников Омской судебной палаты, пришло к выводу о необходимости внести коррективы в штатное расписание судебных установлений Степных областей в ближайшее время, и образовать в Степных областях в общей сложности 23 новые должности участкового мирового судьи[750]. Учитывая выявленные обстоятельства, министр юстиции также, в качестве необходимой для улучшения работы института мировых судей Степных областей, предложил увеличить размер должностного содержания чиновников судебного ведомства. В совокупности, полученные сведения легли в основу проекта реформы следственно-мировой части в Степных областях, предложенного министром юстиции И.Г. Щегловитовым на рассмотрение Кабинета министров. Законопроект представлял следующее:

«I. В дополнение к действующим штатам судебных установлений в областях Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской:

1) учредить с 1 января 1910 г. новые должности участкового мирового судьи: в Акмолинской области – семнадцать и по две в Семипалатинской, Уральской, Тургайской областях.

и 2) отпускать ежегодно, с того же срока, на усиление денежных средств, ассигнуемых на канцелярские расходы, на наем переводчиков и на разъезды участковых мировых судей областей: Акмолинской – 7500 р. и Семипалатинской – 3500 р., предоставив распределение означенных сумм между мировыми судьями общим собраниям отделений подлежащих окружных судов, с утверждения Министра Юстиции <…>.

---

[749] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 116–1909. Л. 4 об.

[750] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 20–21.

III. На осуществление указанных в отделе I (п.п.1и 2) мер отпускать из средств государственного казначейства, начиная с 1 января 1910 г., по 93800 руб. ежегодно.

IV. Отпустить в 1910 г. из средств государственного казначейства на расходы по устройству и обзаведению камер новых участковых мировых судей <…> – 4600 руб.»[751].

Представленный И.Г. Щегловитовым проект получил поддержку в центральных ведомствах: Министерстве внутренних дел и Министерстве финансов. В поддержку проекта выступил и Государственный контролер. Необходимо отметить, что опыт внесения изменений в действующее законодательство и преобразование судебной системы региона исходя из реальных потребностей и условий, конечно, имелся. Например, в 1904 г. Государственный совет принял постановление об усилении следственно-мировой части в округе Ташкентской судебной палаты, согласно которому «в Сыр-Дарьинской и Закаспийской областях было учреждено две новых штатных единицы участкового мирового судьи, в Семиреченской – три новых должности» [752] . Таким образом, проект И.Г. Щегловитова «Об усилении следственно-мировой части в Степных областях» имея все основания для реализации, был высочайше утвержден без изменений 28 мая 1911 г. [753] Безусловно, улучшения в работе института мировых судей в Степном генерал-губернаторстве, предпринятые в начале XX в., стали важным шагом в процессе интеграции судебно-правовой системы региона в общеимперское пространство.

Важным нововведением судебной системы региона начала XX в. стало учреждение в степных областях института присяжных заседателей. Законом

[751] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 116–1909. Л. 2.

[752] Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1904 г. Первое полугодие. СПб., 1904. С. 438–439.

[753] Об усилении следственно-мировой части в Степных областях // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 31 (1911). № 35328. С. 427.

10 мая 1909 г. суд с участием присяжных заседателей был введен в Семипалатинской области[754].

Одном из мероприятий начала XX в., связанных с реформированием сложившейся административной системы региона, затрагивающей в тоже время организацию судебных отношений Степного края, стало введение в Степных областях института крестьянских начальников. В современной отечественной историографии уделено достаточное внимание вопросам управления Степным краем во второй половине XIX — начале XX в. Подчеркнем, что «реформы центрального и регионального управления казахской степью были направлены на интеграцию региона в общеимперскую управленческую модель, при этом, несмотря на стремление к унификации системы управления в границах всей Российской империи, административно-территориальное устройство в казахской степи имело кардинальные отличия»[755].

Впервые должности крестьянских начальников были учреждены императором Николаем II в 1898 г. «Высочайше утвержденным Временным положением о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской»[756]. В начале XX в. действие Положения было распространено на Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области[757]. Крестьянские начальники являлись царскими чиновниками и выполняли широкий круг функций: выступали администраторами, следили за сбором платежей и исполнением крестьянами натуральных повинностей, отвечали за проведение санитарных и противопожарных мероприятий, выполняли часть

[754] Обзор Семипалатинской области за 1910 г. Семипалатинск : тип. обл. правления, 1912. С. 80.

[755] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014. С. 84.

[756] Высочайше утвержденное Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 18 (1898). № 15503. С. 403–416.

[757] Гермизеева В.В. Крестьянские начальники Западной Сибири: численность и состав (1898–1917 гг.) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=14359; Дамешек Л.М., Оглезнева Г.В. Крестьянские начальники Иркутской губернии (1898–1917) // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988; Дамешек Л.М. Закон 1898 г. о крестьянских начальниках в советской исторической литературе // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири. Иркутск, 1983.

обязанностей полицейских органов. Обладали крестьянские начальники и широкими судебными функциями. Согласно Временному положению о крестьянских начальниках 1898 г. на крестьянских начальников возлагался «разбор превышающих подсудность волостных судов споров на сумму не выше двух тысяч рублей: по найму на сельскохозяйственные работы и должности, по отдаче в наем земель или оброчных статей, когда не было заключено нотариального договора, по пользованию земельными или иными угодьями, отведенными в надел сельским обывателям, по потравам полей, лугов и других угодий. Данные споры подлежали ведомству крестьянского начальника лишь в тех случаях, когда: обе стороны подведомственны крестьянскому управлению, одна из спорящих сторон подведомственна крестьянскому, а другая инородческому управлениям, требование предъявлено к лицу, подведомственному одному из означенных управлений лицом, тому же управлению не подведомственным»[758] . Дела по спорам, подведомственным крестьянским начальникам, разбирались ими по правилам, установленным по закону для судебно-полицейского разбирательства Мировых посредников. Также, за крестьянским начальником закреплялось право разрешения, в качестве «третьей степени словесной расправы, судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям».

В целом, опыт введения института крестьянских начальников в четырех сибирских губерниях оценивался как положительный. Современные исследователи подчеркивают, что одними из наиболее эффективных векторов широкой деятельности крестьянских начальников выступало выполнение последними именно судебных и апелляционных функций, реализация которых «была наиболее полезна для крестьян»[759].

[758] Высочайше утвержденное Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 18 (1898). № 15503. С. 409.

[759] Гордеева М.А. Востребованность судебных функций крестьянских начальников со стороны крестьян Томской губернии в начале XX века // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 121–128. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-10.pdf

Практически одновременно с введением института крестьянских начальников в сибирских губерниях стала рассматриваться возможность учреждения данной должности в Степном генерал-губернаторстве. Впервые этот вопрос был инициирован в 1897 г. в Высочайшей резолюции на отчете генерал-губернатора Степного края М.А. Таубе. Целесообразность введения института крестьянских начальников в Степном крае объяснялась комплексом факторов. В первую очередь подчеркивалось, что «близко соприкасаясь со всеми сторонами хозяйственно-бытовой и общественной жизни кочевников и имея в своем заведывании сравнительно небольшие районы, крестьянские начальники легко освоятся с населением, узнают его нужды, поймут интересы, ознакомятся с родовыми подразделениями и, отправляя правосудие между туземцами, будут иметь полную возможность применять в затруднительных случаях присягу, как единственно надежное средство для обнаружения истины, когда нельзя положиться на свидетелей и нет других доказательств»[760].

В правительственных кругах развернулось широкое обсуждение механизма введения института крестьянских начальников в Степном крае, в котором приняли участие Министерства внутренних дел, юстиции, финансов, генерал-губернатор Степного края, военные губернаторы Степных областей. В целом, чиновники центральных и региональных ведомств не видели препятствий для учреждения должности крестьянского начальника в Степных областях. За введение института крестьянских начальников выступало и Министерство юстиции, которое ратовало за наделение будущих крестьянских начальников широкими судебными компетенциями, высказывая, однако, сомнение, «будут ли способны ли крестьянские начальники разобраться в особенностях обычного права местного

[760] Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях. Оренбург, 1898. С. 103–104.

населения»[761]. Мнение министерства поддерживал и губернатор Степного края, убежденный в том, что крестьянский начальник должен иметь широкие судебные права в степи до тех пор, пока государство не найдет средств поставить судебную и следственную части в соответствующее положение, и не только в качественном, но и в количественном отношении[762].

Такой взгляд на учреждение новой должности соответствовал убежденности чиновников Степного края в необходимости реформирования судебной системы в регионе. В частности, по мнению И.И. Крафта, старшего советника Тургайского областного правления, который в 1898 г. проводил исследование судебной части в Туркестанском крае и Степных областях, необходимо было «ограничить до нормальных пределов компетенцию народного суда и подчинить суду по общим законам многие гражданские и уголовные правонарушения, ныне изъятые из ведения русского суда»[763]. Важным, по мнению чиновника, было не только изменение порядка судопроизводства, но и вверение функции правосудия «органам, близко знакомым с местными условиями и особенностями». И именно институт крестьянских начальников виделся Крафту таким органом. Чиновник отмечал, что важнейшей функцией будущих крестьянских начальников в Степных областях должно было быть исполнение судебных обязанностей, превышающих права крестьянских волостных судов[764].

Позиция барона М.А. Таубе была поддержана и его преемником на посту генерал-губернатора Н.Н. Сухотиным, который занял эту должность в 1901 г. Новый генерал-губернатор был убежден в «необходимости введения института крестьянских начальников в степи как единственной меры,

---

[761] Ганибаева Ж.А. Образование института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 5. СПб., 2014. С. 45.

[762] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 21.

[763] Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург, 1898. С. 103.

[764] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 21.

отвечающей местным потребностям» [765] . В итоге, после длительного обсуждения, 10 июня 1902 г. высочайшее утверждение получило «Мнение Государственного Совета о распространении на Акмолинскую, Семипалатинскую, Уральскую и Тургайскую области Высочайше утвержденного 2 июня 1898 г. Временного Положения о Крестьянских Начальниках» и Временный штат крестьянских установлений в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и тургайской областях[766].

Всего, согласно утвержденному штатному расписанию, в Степных областях учреждалось 52 должности крестьянских начальников с ежегодным содержанием 104 тыс руб. (Табл. № 12)

Таблица № 12.

Штатное расписание крестьянских установлений в Степных областях[767]

	Оклады годового содержания											
	Акмолинская обл.			Семипалатинская обл.			Уральская обл.			Тургайская обл.		
	Кол-во чинов	На 1 чел	всего	Кол-во чинов	На 1 чел	всего	Кол-во чинов	На 1 чел	всего	Кол-во чинов	На 1 чел	всего
		Руб.			Руб.			Руб.			Руб.	
Непременных членов Областного правления	1	2500	2500	1	2500	25000	1	2500	2500	1	2500	2500
Делопроизводителей Областного правления	1	1000	1000	1	1000	1000	1	1000	1000	1	1000	1000
Помощников делопроизводителей	2	600	1200	1	600	600	1	600	600	1	600	600
Средства на			200			150			150			150

[765] Ганибаева Ж.А. Образование института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 5. СПб., 2014. С. 45.

[766] Высочайше утвержденное 10 июня 1902 г. Мнение Государственного Совета о распространении на Акмолинскую, Семипалатинскую, Уральскую и Тургайскую области Высочайше утвержденного 2 июня 1898 г. Временного Положения о Крестьянских Начальниках // Сборник узаконений и распоряжений Правительства об устройстве крестьян и инородцев Степного края. Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1903. С. 1–6.

[767] Временный штат крестьянских установлений в областях Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской // Сборник узаконений и распоряжений Правительства об устройстве крестьян и инородцев Степного Края. Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1903. С. 5–6.

увеличение канцелярских расходов Областных правлений			0			0			0			0
Крестьянских начальников	16	2000	32000	12	2000	24000	12	2000	24000	12	2000	24000
Средства на канцелярские расходы и служебные разъезды		800	12800		800	9600		800	9600		800	9600
Средства на найм переводчиков		300	4800		300	3600		300	3600		300	3600
Добавочный оклад крестьянским начальникам, председательствующим в уездных съездах		300	1500		300	1500		300	1200		300	1200
Кандидатов на должность крестьянского начальника	2	1000	2000	1	1000	1000	1	1000	1000	1	1000	1000
Секретарей уездных съездов крестьянских начальников	5	900	4500	5	900	4500	4	900	3600	4	900	3600
Средства на канцелярские и хозяйственные расходы уездных съездов			6000			6000			6000			6000
Итого	27		70300	21		55800	20		53400	20		53400

30 сентября 1902 г. степным генерал-губернатором Н.Н. Сухотиным был подписан приказ о введении в Акмолинской области Положения о

крестьянских начальниках, а с 1 января 1903 г. это положение вводилось и в Семипалатинской области[768].

Должностные обязанности крестьянских начальников в степных областях были достаточно широкими: «Попечение о нуждах, забота и представительство об удовлетворении потребностей крестьянского и киргизского населения, руководительство экономической, а отчасти и духовной жизнью населения, поддержание внутреннего порядка в селениях и аулах, обеспечение каждому обывателю в крестьянском участке возможности спокойно, по вере и обычаям отцов, жить, работать и пользоваться плодами своего труда»[769]. Важное значение имели судебные полномочия крестьянских начальников и функции посредника «во взаимных отношениях обывателей». Именно крестьянские начальники производили «дознание по делам, переданным в окружной суд или областное правление, в соответствие со ст.446 Временного положения о Крестьянских начальниках и ст. 84 Степного положения. Крестьянский начальник, после проведения дознания, в случае отсутствия состава преступления или проступка, должен был представить дело к прекращению»[770].

Генерал-губернатор Степного края Н.Н. Сухотин подчеркивал, что введение института крестьянских начальников в Степных областях, помимо унификации и оптимизации системы управления регионом, будет иметь в перспективе важное общественное значение. «По отношению киргизов, – говорилось в приказе Н.Н. Сухотина об открытии должности, – прошу Крестьянских начальников обратить особое внимание на искоренение сильно развитой в степи страсти к сутяжничеству и клевете, к партийным раздорам, к коно- и скотокрадству. Уважая обычаи и порядки отцов и дедов, поскольку они устраивают благополучие частной жизни и отвечают общественной жизни кочевого населения, установленной существующими

[768] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 21.

[769] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2241. Л. 1.

[770] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2290. Л. 9.

законоположениями, Крестьянские начальники должны энергично противодействовать всяким попыткам к изменению этих порядков и обычаев в духе противоположном упомянутым законам. Следует также позаботиться о сближении русского и киргизского населения на почве признания ими друг друга добрыми соседями, готовыми взаимно оказывать помощь в случае беды и услуги в случаях надобности»[771].

В своих рассуждениях о значимости института крестьянских начальников генерал-губернатор Степного края подчеркивал, что одной из важных функций крестьянских начальников непременно должна выступать организация и развитие просвещения, образования и школьного дела в Степном крае, как в русских поселениях, так и в казахских аулах. По этому вопросу Н.Н. Сухотин сделал заключение, что крестьянский начальник должен наблюдать о соответствии обучения в школах установленным программам, а также «должен при каждом посещении поселения не миновать школы и там лично убеждаться, насколько воспитываются в детях понимание и сознание обязанностей к семье, к России, к Царю»[772].

Спустя несколько лет после введения должности крестьянских начальников, в 1905 г. канцелярия Степного генерал-губернатора провела ревизию в Акмолинской и Семипалатинской областях, в ходе которой большое внимание было уделено результатам проведенной реформы. Ревизией были детально рассмотрены все аспекты деятельности крестьянских начальников. Итоги исследования показали наличие существенных недостатки в работе данного института.

Во-первых, замечание чиновников Канцелярии вызвало неисполнение крестьянскими начальниками своих обязанностей по сбору недоимок с населения. В частности, в Акмолинском уезде к 1905 г. было выявлено значительное количество недоимок как с крестьянского (славянского), так и казахского населения, сбор которых является прямой обязанностью

[771] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2241. Л. 2.
[772] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2241. Л. 2.

крестьянских начальников. В связи с этим, как отмечал в своем отчете ревизующий, «необъяснимо равнодушие к этому делу Крестьянских начальников, которые ни разу не применяли действие 148 ст. Степного положения, забыли о ее существовании и по отношению к волостным властям ограничиваются в большинстве случаев лишь предписаниями, а не принимают энергичных мер»[773].

Не менее важным недочетом в деятельности крестьянских начальников было невыполнение последними своих полицейских функций. В начале XX в. одной из важных проблем в Степных областях, по-прежнему, оставалось конокрадство. В связи с этим, управляющий канцелярией Степного генерал-губернатора неоднократно обращал внимание на то, что крестьянские начальники не предпринимают никаких мер по ограничению приобретшего широкий размах конокрадства в Акмолинской и Семипалатинской областях. Чиновник подчеркивал, что «почти во всех попутных селениях были принесены жалобы на коно- и скотокрадство. Урядники бессильны, необходимо, чтобы Крестьянские начальники со своей стороны принимали всевозможные меры и чтобы Мировые судьи отказались от усвоенной практики почти поголовного оправдания привлекаемых к ответственности киргиз» [774] . Неоднократно о росте конокрадства в Степи сообщали и занимающие должность заведующих переселенческим делом. Так, в 1909 г. в адрес Акмолинского губернатора В.С. Лосевского поступило сразу несколько донесений, вызванных повсеместным распространением кражи лошадей у крестьян Атбасарского и Кокчетавского уездов. В одном из докладов, опираясь на сведения полученные при посещении переселенческих поселков и участков, так описывалась ситуация в области: «Покража лошадей действительно приняла массовый характер и крайне разорительна для крестьян. Воруют лошадей не по одной или две, а целыми десятками сразу, как говорят прямо из рук вырывают их, воруют не только лошадей, но и

[773] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 73 об. – 74 об.
[774] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 76.

быков и не только с поля, но и со двора. Как виновников покражи лошадей все крестьяне единогласно указывают на киргиз»[775].

Неоднократно жаловались в канцелярию Степного генерал-губернатора на кражу почтовых лошадей жители Каркаралинского уезда Семипалатинской области, подчеркивая при этом, что «почтосодержатели не могут добиться никаких результатов ни от Крестьянского начальника Рогалевича, в участке которого живут, ни от Уездного начальника»[776]. С жалобами в канцелярию Степного генерал-губернатора обращались и жители Павлодарского уезда Семипалатинской области, которые отмечали, что «за последнее время конокрадство в Павлодарском уезде сильно развилось. На каждой почтовой станции почтосодержатели жаловались, что житья нет и что крестьянские начальники не оказывают никакого содействия»[777].

Причина усиления краж и бездействия чиновников, по мнению управляющего канцелярией Степного генерал-губернатора, заключалась в том, что с введением института крестьянских начальников уездный начальник не имел права заниматься данными делами, так как был лишен власти над волостными управителями, а крестьянские начальники не считали рассмотрение дел о конокрадстве своей обязанностью. В связи с этим данные дела оставались неразрешенными. В результате ревизии управляющий канцелярией Степного генерал-губернатора пришел к выводу, что увеличение в Степных областях коно- и скотокрадства связано именно с бездеятельностью крестьянских начальников, которые не считают пресечение этого правонарушения своей обязанностью, в то время как уездные начальники, лишенные всякой власти по отношению к должностным лицам, ничего сделать не могут[778].

---

[775] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2497. Л. 153–155.
[776] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 94.
[777] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 101.
[778] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 22.

Одна из причин неэффективности деятельности крестьянских начальников заключалась в обширности территорий, входивших в сферу их подотчетности. Для объезда своих участков крестьянским начальникам требовалось совершать длительные поездки, обеспечение которых дополнительными повинностями ложилось на казахское население. Безусловно, значительные размеры участков не позволяли обеспечить достаточный контроль со стороны крестьянских начальников, а обеспечение поездок вызывало недовольство со стороны казахского населения.

Так, в одном из своих отчетов управляющий канцелярией Степного генерал-губернатора привел описание поездки крестьянского начальника по своему участку. «Поездки по участку, ближайшая граница которого отстоит от города Акмолинска на 300 верст, сопряжены с большими неудобствами: приходится набирать лошадей верст за сорок и более в стороне от проезда, собранные лошади дикие, сбруя рвется, хомуты ломаются, повозка разбивается…, а исправить в степи негде; это неудобство усугубляется отсутствием дорог и малосильностью лошадей, приходится запрягать по пяти лошадей… Сплошь и рядом приходится Крестьянскому Начальнику оставлять повозку на дороге и совершать дальнейшее путешествие верхом… Выставка лошадей для проезда, – писал управляющий далее, – ложится тяжелым бременем на киргиз. Под проезд одного лица… приходится вместо тройки лошадей набирать 6, 10, 15 и до 25 лошадей. Вследствие такого способа передвижения, прогонные деньги попадают сопровождающим киргизам, а не хозяевам»[779].

Недовольство деятельностью крестьянских начальников наблюдалось во всех без исключения уездах степных областей. Так, жители Каркаралинского уезда Семипалатинской области обсуждали вопрос о подаче петиции на имя Николая II с требованием уменьшения податей и упразднения института крестьянских начальников. В 1904 г. из Павлодара в Петербург к председателю Комитета министров С.Ю. Витте ездила казахская

[779] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 86 об.

делегация в составе 11 человек[780]. Наряду с основной петицией, где казахи выражали желание об открытии у них мечети и медресе, они подали и так называемую дополнительную, содержащую целый ряд жалоб. Казахи выражали недовольство вынужденной арендой земли в десятиверстной полосе, изъятием лучших угодий и пресноводных источников под крестьянские участки, ведением в волостных канцеляриях делопроизводства на русском языке что, по их мнению, приводло к злоупотреблениями со стороны писарей, повсеместным замещением должности переводчиков при местной администрации русскими чиновниками, не знающими казахского языка. Отдельным пунктом в петиции звучали жалобы на деятельность крестьянских начальников, в том числе: «7) Крестьянские начальники не принимают прошений на туземном языке. 8) Крестьянские начальники не приносят пользу, а лишь деморализацию. 9) С введением крестьянских начальников в Степи растет беззаконие». С.Ю. Витте направил просителей к члену Государственного совета графу А.П. Игнатьеву, который заверил, что дело будет рассматриваться в сентябре[781].

В результате исследования двухлетней деятельности крестьянских начальников управляющий канцелярией Степного генерал-губернатора пришел к заключению о неэффективности деятельности данного института. Одной из проблем стало недостаточно ясное представление о разделении обязанностей и полномочий между крестьянскими и уездными начальниками, в том числе в судебно-правовой сфере.

Несмотря на негативную в целом оценку двухлетней деятельности крестьянских начальников в Степном генерал-губернаторстве, управляющий канцелярией отмечал, что «это, однако, не доказывает еще, чтобы из Института Крестьянских начальников нельзя было сделать полезного для

[780] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 23.

[781] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 107–108.

населения и Государства установления» [782] . Для эффективной работы крестьянских начальников, по мнению главы региона, необходимо было законодательно привести их положение в соответствие с особенностями самого региона. Прежде всего, на крестьянских начальников необходимо было возложить полностью полицейские функции. В результате преобразований деятельность крестьянских начальников в новом статусе уездных начальников стала бы намного эффективнее. Из-за сокращения территорий уездов начальники смогли бы без особых финансовых затрат на длительные поездки своевременно совершать объезд вверенной территории, производить ревизии, принимать жалобы от населения и участвовать в судопроизводстве.

Проведенная канцелярией Степного генерал-губернатора ревизия Степных областей обозначила основные проблемы действующей управленческой модели и предложила проекты ее модернизации. Однако институт крестьянских начальников продолжал действовать в этих областях без изменений вплоть до упразднения этой должности в 1917 г.[783]

В начале XX в. внимание региональных чиновников разного уровня привлекали результаты работы судебных учреждений Степного края разного уровня. Так, в 1903 г. на съезде крестьянских начальников Петропавловского уезда обсуждались итоги деятельности волостных судов. Проблема заключалась в крайне низкой эффективности низовой судебной инстанции, бюрократической волоките, формализме и нарушениях порядка судопроизводства. В документах съезда подчеркивалось, что «частая отмена решений волостного суда и при том по маловажным причинам лишает волостной суд должной авторитетности в глазах населения и дает повод к постоянным необоснованным жалобам, усложняющим делопроизводство»[784]. Причины данной ситуации виделись, прежде всего, в отсутствие у волостных

[782] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 115 об.

[783] Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. и особенности его деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 23–24.

[784] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2241. Л. 4.

судов профессиональных компетенций, незнание судьями прав и обязанностей, а самое главное, незнание судебного законодательства.

В качестве возможного решения проблемы делегатами съезда было предложено разработать специальную инструкцию волостным судам. Проект «Инструкции» был тщательно подготовлен уездными чиновниками и предоставлен на обсуждение военному губернатору Акмолинской области и Степному генерал-губернатору. Также авторы инструкции полагали, что для поднятия эффективности работы волостных судов необходимо выделить суд в самостоятельное от административного управления учреждение, придать ему больше прав, наравне с волостными судами внутренних губерниях империи, где введен институт земских начальников[785]. Предложенный проект вызвал критику со стороны других уездных съездов крестьянских начальников Акмолинской области и не был реализован. Однако, областные чиновники признавали наличие проблем в работе волостных судов, в результате чего волостным судам были разосланы «руководства» в видах однообразного понимания и ведения дел. Действительно, работа волостного съезда судей – второй инстанции народного суда, в начале XX в. была неутешительной. За 1908 г. по четырем Степным областям было обжаловано в волостные съезды судей 4960 дел, или свыше 70% всех решений и приговоров, постановленных единоличными судьями; рассмотрено же и утверждено решений биев всего 2994, или около 60%. Таким образом, свыше 40% жалоб оставались без рассмотрения[786].

Таким образом, в начале XX в. судебная система Степного края продолжала сохранять сложную конфигурацию. Реформы концы XIX в. не смогли в корне решить имеющиеся проблемы в судоустройстве и судопроизводстве. В результате имперские власти, реагируя на потребности региона в совершенствовании судебно-правовых отношений принимали точечные меры по ее модернизации. К таким решениям относится, например,

[785] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2241. Л. 4–5.
[786] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 112.

усиление института мировых судей в Степных областях, введение института крестьянских начальников по аналогии с сибирскими губерниями, издание «руководств» для волостных судов. Однако, было очевидно, что принимаемых мер недостаточно и необходимость кардинальных преобразований в судебной системе сохранялась.

5.2. Судебная система Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей в материалах ревизии сенатора К. Палена

Накопившиеся за пореформенное десятилетие проблемы судебной системы Степного края свидетельствовали о необходимости проведения комплексных реформ в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах. Демографический рост и изменение этнического состава региона, вызванные активной миграцией восточнославянского населения во второй половине XIX в., рост городов и развитие городской экономики, развитие института частной собственности, трансформация традиционного уклада и кочевого хозяйства требовали реорганизации механизмов управления регионом. Важную роль играли и территориальные преобразования, произошедшие в центральноазиатских окраинах Российской империи к концу XIX в. Внутренние административно-территориальные границы неоднократно менялись, в 1899 г. входившая ранее в состав Степного генерал-губернаторства Семиреченская область с проживающим в ней казахским кочевым населением была присоединена к Туркестанскому краю. Часть казахского населения проживала и в пределах Сыр-Дарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства. В связи с этим, важными для дальнейшего анализа деятельности судебных учреждений Степных областей представляются материалы сенаторской ревизии Туркестанского края 1908–1909 гг., которая уделила значительное внимание организации судебной

власти у казахского населения Туркестана. Причины, подготовка и основные результаты ревизии получили достаточное освещение в историографии[787].

Отметим, что в июле 1907 г. был утвержден особый журнал Совета Министров о составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем, а Военному министру, для реализации данной задачи, было поручено образовать особое вневедомственное совещание. В качестве председателя межведомственного совещания была предложена кандидатура К.А. Нестеровского, который «по своему опыту, блестящим способностям, авторитетному знанию дела <…> мог бы с большим успехом выполнить ответственную роль»[788]. Ввиду этих обстоятельств, а также в связи с назревшей необходимостью иметь в правительстве как можно более полные сведения о Туркестанском крае, Николай II 8 марта 1908 г. принял решение о проведении новой сенаторской ревизии Туркестанского края. Работа Особого междуведомственного совещания под председательством тайного советника Константина Нестеровского была приостановлена до получения результатов ревизии. 18 июня 1908 г. особым указом императора руководить этой ревизией было поручено опытному царскому чиновнику, сенатору, гофмейстеру графу Константину Константиновичу Палену, сыну известного царедворца графа К.И. Палена, сделавшего при дворе блестящую карьеру.

Проведению ревизии сенатора графа К.К. Палена, которая была вызвана необходимостью пересмотра Положения об управлению Туркестанским краем 1886 г., предшествовала серьезная подготовительная работа. В проекте инструкции сенатору К.К. Палену подчеркивалось, что «ревизия имеет главною целью осветить всесторонне настоящее положение Туркестанского края и дать материалы для предстоящего составления нового

[787] Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2(32). С. 6–20; Махмудова Н. Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134–150; Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 44–53; Васильев Д.В. Классический пример ориентализма. Мемуары К.К. Палена как взгляд высокопоставленного чиновника на миссию России в Туркестанском крае // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 28. С. 87–100.

[788] РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 17. Л. 3.

положения об управлении Туркестанским краем и обсуждения условий и порядка передачи этого края в ведение Министерства внутренних дел, в связи с вопросом о возможности применения к названному краю общих законоположений, на коих основано управление внутренних губерний Империи». Одной из задач ревизии была важность проверки особенно тех отраслей управления, которые вызывают «сомнение в удовлетворительности их законодательной постановки» [789] . В связи с этим, важнейшим направлением ревизии Туркестанского края Палена стало исследование судебной системы региона.

Согласно инструкции, подписанной министром юстиции И.Г. Щегловитовым, сенатор К.К. Пален получал широкие полномочия при проведении ревизии. Ревизии подвергались в полном объеме правительственные и общественные учреждения всех ведомств, исключение составляли управления православным духовенством и войсками, расположенными в Туркестане.

Во всеподданнейшей записке, содержащей главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. ревизии Туркестанского края, граф К.К. Пален подчеркивал, что «приступив к государственному строительству в завоеванном крае, первый генерал-губернатор Туркестана генерал-адъютант фон Кауфман, в основание судебного устройства у туземцев положил принцип сохранения народного суда с теми изменениями, кои необходимы для пользы народа и уменьшения в нем фанатизма, а следовательно и преград к сближению с русскими. Однако этот принцип остался неосуществленным»[790]. При проведении ревизии внимание чиновников было обращено на эффективность реализации Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. Однако, обращаясь к анализу организации судебной части по данному Положению, чиновники, участвующие в подготовке материалов для ревизии подчеркивали, что «вырабатывая

[789] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 639. Л. 3–4.
[790] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 441. Л. 3.

Положение 1886 г. составители смешали шариат и адат и выработали закон о народном суде непонятный»[791].

Производители работ по сбору сведений для сенаторской ревизии Н. Теплов и А. Соколов отмечали, что «старые, исторически сложившиеся условия быта киргиз - патриархально-родовые отношения, - служившие источником правосознания киргизского народа, подверглись значительной ломке под влиянием вторгнувшихся в степь в связи с русской колонизацией, новых товарно-денежных отношений. Род и патриархальная семья находятся в процессе все ускоряющегося разложения и на их место становится современная индивидуальная семья и отдельная личность, со всеми присущими им и фиксированными в общеимперском законодательстве правами и обязанностями. Вследствие этого, решения народного суда, руководствующегося обычным правом приобрели в новейшее время характер неустойчивости и противоречивости. По той же причине современным исследователям обычнаго права киргиз и других туземцев предстоит столкнуться с особенными трудностями, свойственными перелому, совершающемуся в правосознании киргизского народа: известные нормы обычнаго права еще сохраняются в сознании народа, особенно старшего его поколения, тогда как в реальной жизни они уже утратили свое значение и более не применяются»[792].

Неоднократно чиновники критиковали и данный казахскому народному суду принцип выборности, который был впервые обозначен во Временном положении об управлении в Степных областях 1868 г.[793], а позднее закреплен в Положении 1886 г. Предполагалось, что выборное начало суда позволит ему быть гласным, открытым и демократичным и даст казахскому обществу выбрать для управления достойных и компетентных, пользующихся уважением представителей. В действительности оказалось,

[791] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 392. Л. 24.
[792] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 390. Л. 1–2.
[793] Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях от 21 октября 1868 г. // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. В 10-ти тт. Т. 5. Алматы, 2005. С. 441–463.

что «родовое начало стало непреодолимым препятствием на пути развития общественности среди киргизов, а выборное самоуправление еще более обострило нескончаемую борьбу родовых партий. Быстро ориентируясь в местном законодательстве, родовые старейшины воспользовались самоуправлением, как средством для осуществления родовых домогательств и способом для личного обогащения и достижения власти»[794].

Верненский уездный начальник в своей записке о народном суде характеризуя предвыборную борьбу в Степи[795], отмечал, что в волостях партийные выборы сопровождаются подкупами, интригами, беспорядками и даже иногда убийствами. Вот как он описывал предвыборную борьбу родовых партий: «… Обе враждующие партии имеют особые названия: партия, имеющая в своих рядах наличного волостного управителя именуется «акъ-черю» и партия ей противная «кара-черю». Цель домогательств каждой партии – получить на свою сторону весь народный суд и волостного управителя, приобрести этим путем преобладание во всех делах над противною партией и средство эксплуатировать ее в течение трех лет. Игра, требующая внимания, расчета ведется мудрыми старейшинами, объединяющимися в каждой партии под управлением наиболее старших и почетных главарей партии и ведется на большинство выборных всей волости, избираемых на аульных съездах… Старшины каждой партии множество раз собираются на совещания, на которых избирают заблаговременно своих кандидатов на должности волостного управителя, народных судей, аульных старшин и волостных выборных, вырабатывают планы компании, выборной интриги, собирают деньги на подкуп с населения»[796].

Как отмечалось в материалах ревизии К.К. Палена, партия «акъ-черю», при помощи волостного управителя «прибегает нередко к подлогам в посемейных списках, лишь бы увеличить свои шансы, хотя бы

[794] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 40.
[795] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 393. Л. 21–21 об.
[796] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 393. Л. 21–21 об.

искусственным созданием большинства». Стремление ослабить соперника приводило к тому, что во время предвыборной кампании возбуждалось множество уголовных дел, «волостной управитель составляет протоколы, привлекая к ответственности представителей противной партии сплошь и рядом за вымышленные преступления…, партия «кара-черю» не остается в долгу и засыпает правительственные места кляузными жалобами против волостного управителя, народных судей и других представителей своих противников» [797] . Например, в качестве обвинения могли предъявить производство волостным правителем «неправильного сбора с киргиз по 50 руб. на устройство обеда при проезде Степного генерал-губернатора через станицу Баян-Аульскую». Как правило, в ходе расследования, жалобщики признавали необоснованность претензии и подчеркивали, что «жалоба была подана ими исключительно по партийной вражде»[798].

Такая борьба предсказывала итог выборной кампании. Победившая партия «живет в течение трех лет относительно спокойно под крылом «своего» суда и «своей» волостной администрации, освобождается от повинностей, не облагается поборами, выигрывает все начатые ее членами или против них дела. Побежденная партия, наоборот, несет двойные повинности… и разоряется народным судом» [799] . Безусловно, при таком характере выборов, говорить об эффективности нововведения было совершенно невозможно.

В связи с этим, чиновник ревизионной комиссии А. Соколов предлагал развести выборы судебной власти и волостной администрации и производить выборы судей «сходом домохозяев известного аула, а не пятидесятниками. Только в этом случае бии будут пользоваться доверием и будут меньше

[797] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 41.

[798] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2497. Л. 347.

[799] Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 44–53.

злоупотреблять своим влиянием» [800]. Эта мера, по мнению чиновника, могла стать эффективной в борьбе со злоупотреблениями биев при выборах.

Большое внимание со стороны чиновников ревизионной комиссии было уделено роли народного судьи в осуществлении правосудия. Один из чиновников туркестанской администрации, в своем докладе «О русском и народном судах» крайне негативно высказывался о народном судье: «Опыт службы и наблюдение за деятельностью народного суда привели меня к такому выводу, что избранные народные судьи стоят на низшей ступени умственного развития, не грамотны, часто совершенно не знакомы с адатом» [801]. По его мнению, компетенции народных судей должны быть сокращены, «народным судьям нельзя давать такую власть, какая им дана по ст. 219[802], денежное взыскание должно быть до 100 рублей и заключение под стражу до 6 месяцев» [803]. Чиновник отмечал, что принцип выборности народных судей необходимо сохранить, но срок полномочий должен быть увеличен до 9 лет[804], важным принципом для выбора на должность должна быть грамотность претендента, «хотя по туземному и знакомые с писанным адатом». Число народных судей у кочевников должно быть уменьшено с 4 до 2-х на волость. Региональные власти отмечали, что деятельность единоличных судей весьма слаба, «население более доверяет коллегиальному суду или обращается в съезды (чрезвычайные. – *И.А.*)»[805].

Мнение о сокращении штата судей нашло поддержку и в отчете по ревизии Туркестанского края, проводимой К.К. Паленом. В материалах ревизии подчеркивалось, что широкий состав народных судей (не менее 4 человек на волость) был изначально направлен на создание гарантий против личного или партийного пристрастия народных судей, однако на деле,

[800] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 389. Л. 14 об.
[801] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 392. Л. 23 об.
[802] Согласно статье 219 «Положения» 1886 г. народный суд имел право налагать на виновных следующие наказания: 1) денежные взыскания не свыше трехсот рублей, и 2) заключение под стражу не свыше одного года и шести месяцев.
[803] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 392. Л. 23 об.
[804] По «Положению» 1886 г. судья избирался на три года (ст. 221).
[805] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2209. Л. 38 об., 42.

оказалось, что в судьи попадают лица «принадлежащие к одной наиболее сильной в волости партии, и каждый из них, находясь в зависимости от избравших его, не позволит себе уклониться от соблюдения партийных интересов»[806]. В связи с этим, расширенный состав народных судей «не обеспечивает в достаточной мере беспристрастного отправления правосудия и, вместе с тем, тяжелым бременем ложится на население»[807]. Важным, по мнению одного из чиновников туркестанской администрации, должно было стать определение денежного содержания народного судьи, вместо неконтролируемых вознаграждений (бийлыков), утвержденных Положением 1886 г.[808]

Сенатор Пален также придерживался негативной оценки традиции бийлыка, называя этот порядок отрицательной стороной «в устройстве народного суда как оседлого, так и кочевого населения». Сенатор подчеркивал, что «… установленный Туркестанским положением порядок вознаграждения их за отправление судебных обязанностей на основании обычаев, без определения его размеров, что дает народным судьям возможность, под видом обычного вознаграждения, вымогать его в непомерно высоком размере»[809].

Производитель работ по исследованию судебной системы А. Соколов отмечал, что круг дел подведомственных народным судьям в казахских волостях обширен, в него входят «денежные иски на какую угодно сумму, все наследственные, семейные и имущественные дела, а также и уголовные, кроме убийств и грабежей». Такие широкие полномочия, по мнению Соколова, охватывали во всем объеме жизненные интересы и взаимоотношения казахов. К этому необходимо добавить, что размер налагаемых наказаний также настолько обширен и высок, что, по мнению

[806] Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 48.

[807] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 48.

[808] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 392. Л. 24 об.

[809] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 441. Л. 2–8.

чиновника, «становится понятным то огромное влияние, которое имеют у киргиз бии, владеющие таким страшным орудием воздействия на массу».

Таким образом, народный суд, как подчеркивали чиновники, в силу огромной компетенции, предоставленной ему законодательством, безгранично властвовал и действовал совершенно произвольно. К.К. Пален отмечал, что «назначение народного суда отправлять правосудие по обычаям, на основах патриархального быта, выродилось в лицеприятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетение народных масс»[810].

Важным недостатком существовавшей в конце XIX в. в Степном крае и в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях Туркестанского генерал-губернаторства с проживающим в них казахским населением судебной системы, по мнению большинства российских чиновников, связанных с регионом, являлись ограниченные возможности тяжущихся судиться в русском суде. Положение 1886 г. предоставляло такую возможность только при обоюдном согласии тяжущихся сторон[811]. Чиновники настаивали, что тяжущимся необходимо предоставить право вести дела в русском суде по заявлению одной стороны. «Введя 215 статью[812], - писал один из чиновников, - сделана была большая ошибка, отдав киргиз в руки народного суда: правая сторона всегда желает судиться у русского суда, а сторона неправая препятствует этому»[813].

Конечно, данная статья снижала эффективность самого процесса интеграции традиционной судебной системы в общеимперское правовое пространство. Осужденное или недовольное решением лицо не могло, без

---

[810] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 42.

[811] Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Т. 6. 1886. № 3814. С. 318–346.

[812] Согласно ст. 215 «Положения» 1886 г. дела, подлежащие разбору в народном суде, могут рассматриваться и мировым судьей или в областном суде только при обоюдном желании сторон, как истца, так и ответчика.

[813] Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 48.

согласия другой стороны, перенести дело в русский суд для пересмотра его по существу, а возможность обратиться с жалобой для рассмотрения на съезде народных судей не приводила к существенным изменениям. На съезде «решения единоличных судей редко отменяются, так как бии друг друга поддерживают. Русский суд вмешивается только при формальных нарушениях или когда дело не подсудно народному суду»[814].

Собрав значительный материал по действующей в регионе на начало XX в. судебной системе чиновник ревизионной комиссии А. Соколов пришел к выводу, что «потребность многочисленного туземного населения в справедливом нелицеприятном и неподкупном суде не может почитаться удовлетворенною; об этом свидетельствуют и заявленные ревизующему Сенатору многократные ходатайства различных групп туземнаго населения и прошения отдельных лиц об упразднении народного суда или разрешении обращаться по свободному выбору одной из сторон к русскому суду. Рассмотрение целого ряда решений народных судов, постановленных по однородным делам и друг другу противоречащих, привело вместе с тем, к убеждению, что причина неудовлетворительного отправления правосудия среди туземцев кроется, помимо процессуального несовершенства самих судов, в свойствах применяемых ими материального права, сбивчивого и недоступного пониманию широких масс населения» [815] . По мнению чиновника, «составители Положения 1886 г. не решились дать в руководство народным судьям доступный общему пониманию, приноровленный к местным потребностям и согласованный с основными принципами русского права кодекс, а ограничились изданием статьи 210, уполномочивавшей народные суды как кочевого населения решать дела «на основании обычаев»[816].

[814] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 389. Л. 8.

[815] Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 48.

[816] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8. Л. 49–50.

Особой критики со стороны российских чиновников, несших службу в Степных областях, заслужила деятельность чрезвычайных съездов, которые, как отмечал сенатор К.К. Пален «играли весьма заметную роль в правовом быту киргизов»[817].

Статус чрезвычайных съездов был определен Положением 1886 г. Однако на практике работа чрезвычайных съездов, как правило, не соответствовала установленным нормам. По мнению военного губернатора Акмолинской области М.Я. Романова, «съезды эти (чрезвычайные. – *И.А.*) совершенно не удовлетворяют своему назначению и дела по нескольку лет остаются нерешенными, только обременяя областную и уездную администрации излишнею перепиской»[818]. В своем письме от 12 октября 1905 г. Степному генерал-губернатору областной начальник указывал, что «в делопроизводстве областного правления состоит много дел по прошении киргизов, направленных на рассмотрение чрезвычайных съездов, и эти дела переносятся из года в год, оставаясь нерешенными или за неявкою тяжущихся сторон, или за неприбытием народных судей». «Очевидно, - приходит к выводу военный губернатор, - киргизский народный суд и особенно чрезвычайные съезды, в своем настоящем виде не удовлетворяют туземного населения и оно утратило веру в них»[819].

Свою позицию М.Я. Романов основывал, в том числе, на сведениях, поступавших от крестьянских начальников. Зимой 1902–1903 гг. состоялся 1-й съезд крестьянских начальников Акмолинской области, в повестке которого стоял вопрос и о казахском народном суде. На съезде было выработано единое заключение о необходимости продолжения реформ народного суда, так как «долголетняя практика со всей очевидностью доказала, что киргизский суд в современном его виде представляется

[817] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 49.

[818] Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). А.-А., 1960. Т. 1. Док. № 133. С. 411.

[819] Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). А.-А., 1960. Т. 1. Док. № 133. С. 411.

учреждением крайне неудовлетворительным»[820]. По мнению крестьянских начальников, «инородцы не довольны своим судом и рядом с этим наблюдается проявление симпатий к русскому суду, в лице мирового института. Сравнивая порядок судопроизводства в русском суде, киргизы невольно отдают предпочтение стройности порядка русского судопроизводства, замечая в тоже время и неподкупность русского судьи, чего они в своем родном суде почти находят»[821]. Съезд предложил свою модель реорганизации казахского суда, выделив в нем три инстанции. Первой инстанцией в этой схеме должен был стать единоличный народный судья. Второй, апелляционной, инстанцией был назван волостной съезд народных судей. Третьей инстанцией, выполняющей, главным образом, функции кассации, назначался съезд крестьянских начальников. Чрезвычайные съезды были исключены из предлагаемой модели устройства суда. По мнению участников съезда, они должны были подлежать упразднению, как «отжившая форма суда, действующая на киргизов развращающим образом вследствие своего неправосудия» [822]. Военный губернатор Акмолинской области отмечал, что членами съезда неоднократно высказывалось мнение, что «в деятельности чрезвычайных съездов нужно видеть причину тех крупных самоуправств и краж, которые во множестве происходят в степи».

Важным недостатком деятельности чрезвычайных съездов являлось неудовлетворительное выполнение последними судейских обязанностей. Не только вызываемые стороны, но и назначенные уездными начальниками народные судьи являлись на место созыва весьма неисправно, прежде всего, из-за значительных расстояний, причем «судьи предпочитают уплатить за неявку установленный ст. 250 Туркестанского Положения штраф в 10 руб.,

[820] Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 49.

[821] Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до великой октябрьской социалистической революции). А.-А., 1960. Т. 1. Док. № 133. С. 411.

[822] Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до великой октябрьской социалистической революции). А.-А., 1960. Т. 1. Док. № 133. С. 412.

чем проездить сотни верст»[823]. Нередко, эти обстоятельства требовали переноса съезда на другое время, что существенно затягивало решение дел.

Кроме того, сама работа судей на съездах требовала серьезной критики. Так, в 1905 г. между волостями одного из участков Акмолинского уезда по предписанию Военного губернатора с 25 мая по 15 июня был проведен чрезвычайный съезд народных судей, на котором была рассмотрено и решено 80 дел, преимущественно по кражам. Однако, народные судьи, по заверению крестьянского начальника «решали дела не справедливо, избегали наложения наказания на богатых и влиятельных, обвиняемых в краже и оправдывали их»[824].

Существенной критике со стороны администрации Степных областей подверглись введенные Сенатом в 1904 г. изменения в деятельность чрезвычайных съездов. Согласно Указу Сената было определено, что наряду с междууездными съездами, необходимо проводить и чрезвычайные съезды между волостями одного уезда. Эти нововведения «ввели полный сумбур в судопроизводство, население совершенно не понимало – почему должен быть съезд чрезвычайный между волостями одного и того же уезда, самое слово чрезвычайный показывает, что это съезд особый»[825].

В результате изучения собранного материала чиновники ревизионной комиссии графа Палена пришли к достаточно резкому заключению, что «составители Положения 1886 г. совершенно не ознакомились с чрезвычайными съездами, никогда не видали на них судопроизводства, поэтому 247, 248 и 249 ст.ст. и Указ Сената совершенно не применимы к делу»[826].

Таким образом, мероприятия по реформированию традиционной судебной системы показали свою несостоятельность. Положение 1886 г., которое по праву можно считать «итогом двадцатилетней законотворческой

---

[823] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 77.

[824] ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322. Л. 87.

[825] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 392. Л. 27.

[826] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 392. Л. 27 – 27 об.

деятельности местных и центральных властей, свидетельством сохранения главной тенденции политики царского правительства в Центральной Азии, направленной на органическое слияние Туркестана с остальной империей, частным проявлением общего курса имперской политики в отношении окраин» [827], в отношении реорганизации судебной системы региона показало свою неэффективность.

Важным с связи с этим выглядит мнение сенатора К.П. Палена, который понимая, что несмотря на веские основания к ликвидации института народных судов в Туркестанском крае, последнее вряд ли состоится в ближайшее время, предлагал в качестве подготовительного этапа изменить порядок выборов народных судей и «предложить органам, ведающим отправление туземного суда, руководствоваться теми нормами шариатного и адатного права, общепризнанность коих выяснена ревизиею»[828]. Но в целом, необходимо полностью менять судебную систему региона по пути ее унификации с общероссийской и устраивать ее согласно Судебным Уставам. Необъективным, по мнению Палена, являлось мнение ряда государственных чиновников, об отсутствии необходимых для проведения реорганизации судебной части в центральноазиатских окраинах финансовых средств. «Народный суд, – писал граф Пален, – обходится туземному населению очень дорого и введение судебных пошлин на содержание мирового суда или увеличение ради этого земского обложения будет расценено как облагодеяние»[829].

Собранные Сенаторской ревизией данные о положении народного суда в Туркестанском крае, свидетельствовали о том, что «туземное население лишено чрезвычайно важного бытового и экономического прогресса». Консервативные тенденции в народных судах соответствовали

[827] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 109.

[828] Всеподданнейший доклад К.К. Палена // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 875–876.

[829] Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. I. Правовой быт. СПб., 1910. С. 89–98.

первобытному патриархальному укладу жизни. Правила адата «далеко отстали не только от современных правовых порядков у культурных народов, но и от усложнившихся за последние годы условий гражданских отношений и экономического оборота среди самих туземцев». Народный суд, с учетом всех недостатков его устройства и деятельности «уже не в состоянии удовлетворить насущным запросам современной жизни туземнаго населения края, и сознание его неудовлетворительности начинает даже проникать в народные массы». В своем отчете граф Пален писал: «Не даром во время судопроизводства ревизии ко мне поступали от туземцев наиболее культурных местностей края <…> коллективные письменные и устные ходатайства об упразднении народных судов и просьбы отдельных лиц о разрешении им обращаться к русскому суду. Если при этом, принять во внимание продажность и партийную пристрастность народных судей в центральных областях Туркестана и в Семиречье, а также хаотическую безпорядочность устройства народного суда и отправления им правосудия в Закаспийской области, то станет очевидным, что упразднение народных судов с полною заменой их общеимперскими судебными установлениями являлось бы наиболее правильным разрешением назревшего вопроса об упорядочении отправления правосудия в Туркестанском крае» [830].

Также чиновник отмечал, что приводимые сторонниками народного суда в пользу его сохранения в будущем доводы о том, что этот суд ближе и понятнее населению, что нельзя производить ломки кроенных устоев туземной жизни – ее семейных и брачных обычаев, едва ли представляются убедительными. «Многие их них (семейных обычаев. – *И.А.*) уже давно отжили свой век и не могут быть терпимы в культурном государстве, а те обычаи, которые не противоречат русскому государственному строю, сохранятся и при введении мирового института для всех дел туземного

[830] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 203.

населения»[831]. А наиболее важно, что «государство не может и не должно приноравливать судебное устройство к уровню понятливости населения, которое часто находится на низкой степени развития. Наоборот, создавая более совершенные формы суда, гарантирующие его справедливость и безпристрастие, государство тем самым способствует повышению в населении правовых понятий. Убеждаясь в превосходстве новых судебных органов перед отмененными, население быстро осваивается с ними, скоро научается понимать и ценить их и через них растет в своем правосознании»[832].

Более оптимистично сенатор Пален видел итоги деятельности имперского суда в Туркестане, подчеркивая, что «преобразованный в 1899 г. русский суд в Туркестане оказался на высоте, на него нет у населения нареканий». Однако, в качестве наиболее проблемных сторон деятельности судебной системы ревизор отмечал, прежде всего, слабость организации («по соображениям экономии») и низкую производительность следственной части в регионе. Так в окружном суде г. Верный из-за недостатка улик за рассматриваемый период (1899–1909) было прекращено 65% уголовных дел. Не менее важной проблемой имперской судебной системы в регионе выступал кадровый вопрос, так как «из-за трудных условий службы… существует некомплект, заполняемый людьми недостаточно опытными и трудоспособными». Третья проблема, которую обозначил Пален, был языковой барьер между населением и судьями и ведение дел через переводчиков. В качестве меры, направленной на улучшение ситуации сенатор предлагал «побуждать местных деятелей и, в частности, чинов судебного ведомства к изучению местных языков»[833]. В ходе ревизии были выявлены и проблемы, связанные с особенностями географических и

[831] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 205.

[832] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведённой по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 204.

[833] Всеподданейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. I. Правовой быт. СПб., 1910. С. 89–98.

природно-климатических условий региона. В одном из отчетов подчеркивалось, что «судебным чинам приходится большей частью жить в глухих местностях, среди чуждого некультурного населения; частые случаи заболевания свирепствующей в крае лихорадки вынуждают уезжать на лечение в продолжительные отпуска, ослабляя недостаточный личный состав судебных установлений»[834].

Недостаточным, по мнению ревизующих было и финансирование судебных институтов региона. Примером служат суммы разъездных средств, выдаваемые чиновникам Ташкентской судебной палаты, которых было недостаточно для обеспечения дорогостоящих и длительных поездок по подведомственной территории. Так, председатель Ташкентской судебной палаты в 1909 г. получил для обеспечения командировок всего 8500 р., с поступлением в размере 700 р. ежемесячно. Этой суммы не хватало для обеспечения всех выездных сессий Палаты, нередко они выезжали не в полном составе, что отражалось на эффективности работы суда. Незначительные суммы разъездных пособий, а также несвоевременная их выплата ставили чинов Палаты в крайне затруднительное положение и «необходимость брать в долг для совершения отдаленных поездок»[835].

Таким образом, вызванная необходимостью пересмотра Положения об управлению Туркестанским краем, ревизия графа К.К. Палена вскрыла существенные проблемы в организации и деятельности региональной юстиции. Критике сенатора подверглись практически все судебные институты, как имперские, так и традиционные. Граф Пален придерживался четкой позиции о архаичности народного суда и необходимости его реорганизации [836] . Характеризуя традиционную судебную систему, К.К. Пален писал: «В господстве мертвых, по своей неподвижности, и неясных правил мусульманского права и первобытных подчас жестоких норм

[834] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 127. Л. 3.
[835] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 127. Л. 5, 36.
[836] Анисимова И.В. Имперская судебная политика в центральноазиатских окраинах во второй половине XIX - начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 207–228.

киргизского обычая, кроется едва ли не главнейшее основание неудовлетворительности решений туземных судов по гражданским делам <…>»[837].

Однако, несмотря на результаты ревизии, на выявление в ходе работы ревизионной комиссии системных проблем судебной системы Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей Туркестана, где проживало казахское население, кардинальных мер по ее реорганизации предпринято не было. В 1912 г. Степной генерал-губернатор в своем ответе вновь сообщал о насущных проблемах судоустройства вверенного ему региона. Е.О. Шмит обращал внимание на быстрый рост населения в степных областях и, как следствие, увеличение количества судебных дел, что делает «настоятельно необходимым усиление штатов местных судебных установлений»[838].

Важной проблемой региональной юстиции, по мнению генерал-губернатора, была нехватка в регионе судебных врачей, связанных с проведение судебной медицинской экспертизой, и незнание чиновниками судебных инстанций казахского языка. В качестве необходимой меры, Е.О. Шмит предлагал учредить в Омске курсы казахского языка для кандидатов на судебные должности в регионе, по аналогии с существующими в Санкт-Петербурге курсов кавказских наречий[839]. Конечно, замечаний главы региона вызывала и материальная база судебной системы степных областей, отсутствие казенных помещений для работы судебных инстанций, выездных сессий судебной палаты и окружного суда. Так, в Атбасаре, Акмолинске, Кокчетаве и Зайсане заседания проходили в общественных собраниях, в Павлодаре и Усть-Каменогорске – в народных домах, в Кокпектах – в

[837] РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 441. Л. 2–8.

[838] Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 50.

[839] Всеподданнейший отчёт Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края за 1913 г. Омск, 1913. С. 20.

училище, в Каркаралинске – в уездном управлении. Данная проблема не была решена и вплоть до 1917 г.[840]

Материалы и результаты сенаторской ревизии, показав необходимость коренного пересмотра Положения об управлении Туркестанского края 1886 г. и проведения реформы традиционной судебной системы региона, получили широкое обсуждение в российских правительственных кругах. На основании собранных ревизией материалов, Совет министров в декабре 1910 г. принял решение об образовании Особого совещания для выработки «основных начал преобразования управления Туркестанским краем» под председательством Государственного контролера статс-советника П.А. Харитонова. В работе Особого совещания, начавшегося в Петербурге в мае 1911 г., приняли участие представители различных министерств и ведомств, включая проводившего ревизию Туркестанского края сенатора графа Палена, и Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова[841].

Совещание согласилось с оценкой народных судов Туркестанского края как «неудовлетворительных» и несоответствующих современным реалиям жизни региона. Подчеркивалось, что «правила адата у киргизов и туркмен…, постановления и толкования шариата у сартов далеко отстали … от усложнившихся за последнее время условий гражданских отношений и экономического оборота среди самих туземцев» [842]. Предполагалось внести изменения в законодательство по вопросам управления в Туркестанском крае с учетом выявленных сенаторской ревизией недостатков, а полученные результаты должны были лечь в основу ведомственных законопроектов[843]. В частности, в отношении судебной системы совещание выработало мнение о необходимости сокращения компетенции народных судов; изменении порядка выборов народных судей; отмены не регламентируемых

[840] Всеподданнейший отчёт Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края за 1913 г. Омск, 1913. С. 28–29.

[841] Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 6–20.

[842] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 594. Л. 34.

[843] Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2(32). С. 13.

вознаграждений и предоставлении народным судьям определенного содержания; наделении лиц прокурорского надзора правом протеста в случае нарушения народными судьями правил о подсудности; установлении обязательной передачи дела в имперский суд при ходатайстве одной из тяжущихся сторон.

На окончательное упразднение традиционной системы судопроизводства Туркестана и Степных областей совещание так и не решилось. Участники совещания подчеркивали, что в проведении реформ нужно быть более «осторожными», «не упраздняя совершенно народных судов, принять в отношении их такие меры, которые устранили главнейшие отрицательные их стороны, <…>, обезвредили бы их» [844] . Такая половинчатость мер, по мнению членов высочайшего совещания, обусловлена невозможностью замены народных судов в Туркестанском крае в полном объеме из-за элементарной нехватки «русских людей, знающих язык и правовые порядки туземцев». В итоге, в качестве пути преобразования было признано необходимым ограничить компетенции народного суда путем передачи уголовных дел в общеимперские судебные инстанции, изменить порядок выборов народных судей с назначением последним государственного содержания, а также усилить прокурорский надзор за деятельностью народного суда.

Однако, можно выделить и причины более системного характера. Как подчеркивает В.С. Дякин, в 10-е гг. XX в. росло недовольство населения Казахстана и Средней Азии колониальной политикой царизма в регионе, в частности конфискацией земли для русских переселенцев. Так, туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко в 1909 г. отмечал, в настроениях местного населения произошел «крупнейший поворот» [845] . В связи с этим, предпринимать кардинальные меры по реорганизации традиционной судебной системы, подвергать ломке традиционные

[844] РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 17.

[845] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 49.

правоотношения представлялось нецелесообразным, а, напротив, способным ухудшить ситуацию в регионе.

В ноябре 1912 г. Совет министров, опираясь на заключение совещания П.А. Харитонова, утвердил основные направления реформирования краевого, областного, уездного, городского и сельского управлений Туркестанского края. Заседание Совета министров 20 ноября 1912 г. было посвящено обсуждению «Проекта основных начал преобразования управления Туркестанским краем» [846]. Совет министров одобрил передачу подсудных народным судам Туркестанского края дел в ведение органов мировой юстиции. Однако, сокращение компетенции народных судов имело определенные оговорки. Так, при рассмотрении дел в сфере семейно-брачных отношений, вопросов наследования, проблем, связанных с порядком водопользования, мировые судьи должны исходить из норм обычного права[847].

Сокращение роли и места народных судов в судебной системе степных областей, в полной мере соответствовало позиции региональных властей. В 1910 г. Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит в своем отчете подчеркивал, что «одной из бесспорных преград к правильному развитию бытового и экономического прогресса инородческого населения Степного края нужно признать существующий народный суд» [848]. Глава региона настаивал, что народный суд давно изжил себя, погряз в партийной борьбе, подкупе, малограмотности, в связи с чем, необходимо оказать государственную поддержку казахскому населения, стремящемуся «выйти из замкнутого и обособленного правового положения, поравняться на этой почве с массой русского народа»[849].

---

[846] РГИА Ф. 1276. Оп. 20. Д. 61. Л. 77–92.

[847] Особый журнал Совета министров «По проекту основных начал преобразования управления Туркестанским краем» 20.11.1912 г. // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб., 1998. С. 887.

[848] Всеподданнейший отчёт Степного генерал-губернатора Шмита о состоянии и нуждах Степного края за 1910 г. Б.м., б.д. С. 11.

[849] Всеподданнейший отчёт Степного генерал-губернатора Шмита о состоянии и нуждах Степного края за 1910 г. Б.м., б.д. С. 12–13.

Свое мнение о проблеме упразднения народных судов высказывали и представители властей Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, которые по просьбе Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова предоставили к концу 1912 г. свои отзывы. Однако четкого единства в позициях военных губернаторов не наблюдалось. Власти Семиреченской области выступали за полную ликвидацию народных судов и замену их общеимперскими судебными органами. По мнению Семиреченского военного губернатора, «выборные суды у туземцев большое зло». Для рассмотрения маловажных дел необходимо учредить волостные суды по типу казачьих станичных судов, большую часть дел передать в общеимперские суды, учредить третейские суды из почетных судей и т.д.[850]

Губернатор Сыр-Дарьинской области был более осторожен, полагая более эффективным не упразднение народных судов, а проведение некоторых реформ в области судопроизводства. Безусловно, такие расхождения были вызваны особенностями социокультурного развития тех или иных областей и степенью русского влияния в регионе.

Результаты ревизии Палена долгое время продолжали обсуждать в российских правительственных кругах. На одном из совещаний, созванном для разработки принципов реорганизации системы управления Туркестанским краем было высказано некое «общее отношение к проблеме», которое выражалось к следующем. При общем согласии с важностью проведения модернизации судебной системы Туркестана и Степных областей, в тоже время, в проведение реформ нужно быть более «осторожными», «не упраздняя совершенно народных судов, принять в отношении их такие меры, которые устранили главнейшие отрицательные их стороны, <…>, обезвредили бы их». Такая половинчатость мер, по мнению членов высочайшего совещания, обусловлена невозможностью замены народных судов в Туркестанском крае в полном объеме из-за элементарной нехватки «русских людей, знающих язык и правовые порядки туземцев».

[850] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 594. Л. 14.

Активные дискуссии о необходимости проведения широкомасштабной реформы судопроизводства привели к принятию правительством ряда законопроектов в сфере семейно-брачных отношений. Так, в 1910 г. Министерство юстиции признало возможным передачу в компетенцию общеимперского суда брачных дел казахов, проживающих в русских селениях[851].

То, что предпринимаемые шаги по модернизации судебной системы региона носили непоследовательный характер и в их проведении отсутствовал комплексный подход, свидетельствует обращение к министру юстиции в январе 1911 г. прокурора Омской судебной палаты по вопросу увеличения числа мировых судей в Акмолинской области. При проектировании расширения штата судей в Атбасарском и Кокчетавском уездах увеличения судей не предусматривалось. При том, по мнению прокурора «сложность обязанностей, поразительный рост дел, … пространственное протяжение мировых участков» делали необходимым увеличение числа судей[852].

Прокурор подчеркивал, что 13 мировых судей Акмолинской области не справляются с количеством возникающих дел мировой подсудности и предварительных следствий, увеличение которых вызвано в том числе и наплывом переселенцев в область. Так, Атбасарский уезд при территории в 118,6 кв.верст и населением в 133 тыс чел. составляет один мировой участок и обслуживается одним мировым судьей, на котором лежит разбор всех дел и вся следственная часть. Кокчетавский уезд с населением в 261 тыс обслуживается в судебном отношении двумя мировыми судьями.

Результаты ревизии К.К. Палена были положены в основу проекта упразднения народных судов в Туркестанском крае, составленного в 1913 г. прокурором Ташкентской судебной палаты Ненароковым. Чиновник подчеркивал, что аргументы сторонников сохранения в судебной системе

[851] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 149–1905 г. Л. 24.
[852] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 2. Л. 1–1об.

региона институтов и норм традиционного суда не выдерживают критики. По мнению Ненарокова, не подлежит сомнению, что повсеместное введение в регионе общеимперского русского суда послужило бы самым надежным средством «к уничтожению обособленности к объединению и слиянию инородцев с русскими».

Рассуждая о причинах сохранения в судебно-правовой системе Туркестана и Степных областей народных судов, в проекте говорилось, что в свое время, в период присоединения обширных среднеазиатских пространств в Российской империи «институт народных судов был уступкой со стороны русской власти малокультурному и чуждому населению <…>. Для того времени соображения о необходимости оставить туземцам их прежние правовые порядки и суды без существенных изменений – представлялись обоснованными и целесообразными, так как путем этой уступки достигалась первыми устроителями края цель спокойного без потрясений быта туземцев перехода их под власть России. Но в настоящее время, когда Туркестанский край прочно связан и развивается в полном единении с Империей, когда в этот край направляется коренное русское население, с которым туземцы находятся в постоянном общении <...>, задачи правительства в Туркестане, конечно, не могут оставаться прежними задачами – покорения и умиротворения враждебного населения чуждого края»[853]. Прежде всего, отмечалось далее, интересы государства требуют ассимиляции коренного населения с остальным населением империи, что может быть достигнуто распространением на Туркестан общеимперских уголовных и гражданских законов и российской юстиции.

После обсуждения итогов ревизии Палена и недостатков действующих судебных учреждений, проект содержал и собственно механизм реорганизации судебной системы Туркестанского края, который в целом можно охарактеризовать как прогрессивный, и отвечающий нуждам государственной политики в регионе.

[853] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 594. Л. 16 об.

В первую очередь, авторы проекта настаивали на упразднении всех форм народного суда, а подведомственные данным судам уголовные и гражданские дела требовали передать в компетенции мировых судей и общих судебных установлений на основании действующих в округе Ташкентской судебной палаты «правил о подсудности». Следующим предполагаемым шагом была приведение нотариальных и опекунских дел в соответствии с общеимперским законодательством, что подразумевало изъятие этих обязанностей у народных судей и возложение нотариальных дел по правилам нотариального положения на нотариусов (при отсутствии последних – на мировых судей), а опекунских дел на рассмотрение сельских сходов или волостных управителей под надзором мировых судей.

Конечно, такие преобразования требовали и дополнительного финансирования и увеличения штатов судебных учреждений. Для решения последней задачи в округе Ташкентской судебной палаты предполагалось учредить 66 новых должностей мировых судей; в каждом из пяти окружных судов открыть по одному отделению в составе товарища председателя и трех членов суда; расширить штат товарищей прокурора, секретарей окружного суда; образовать не менее 20 новых должностей судебных приставов окружных судов, расширить штат переводчиков при судах и окружной палате. Безусловно, увеличение аппарата региональной юстиции вызывало новые финансовые траты бюджета. Однако, как отмечалось в представленном на рассмотрение проекте, «столь значительные расходы государства, вызываемые проектируемым упразднением народных судов в Туркестане и передачею всех дел туземцев в Имперские суды, вполне оправдываются достижением благодетельной для многомиллионного населения среднеазиатских владений Империи цели установления для них суда равного и справедливого и устранения вредной обособленности

туземцев от населения Империи в их правовом укладе жизни»[854]. Однако, проект предложенный Ненароковым так и остался на этапе обсуждения.

В 1913 г. Министерством внутренних дел были разработаны предложения о пересмотре Степного положения 1891 г. в части касающейся общественного управления и суда казахов. Для обсуждения этого проекта было созвано Особое совещание во главе с товарищем министра внутренних дел тайного советника Лыкошина, в котором приняли участие чиновники различных ведомств, в том числе и министерства юстиции. По мнению министра внутренних дел одним и наиболее существенных вопросов, требующих обсуждения «является вопрос об устройстве судебной части в киргизских степях, в виду совершенной непригодности для целей правосудия института народного суда[855].

Интересным выглядит позиция самого министра внутренних дел, который при общем признании необходимости реформы судебной системы региона, в своем обращении к И.Г. Щегловитову, министру юстиции, писал, что не решается «на полную замену Народного суда коронным, как потому, что при таком разрешении настоящего вопроса в степных областях могло бы создаться резкое различие в устройстве низших степеней суда, так и в виду тех осложнений, какие могли бы возникнуть для коронного суда при рассмотрении дел между крестьянским и инородческим населением, одинаково принадлежащим к составу сельских обывателей , но подчиненным различным по существу, судебным установлениям»[856].

Как возможный вариант реформы, глава МВД предложил, не упраздняя народный суд, преобразовать его соответственно потребностям жизни. В частности, речь шла о возможном подчинении народного суда надзору крестьянских учреждений, об образовании участковых съездов судей под председательством крестьянского начальника и о присвоении уездному съезду обязанностей третьей кассационной инстанции. Предусматривалось

[854] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 594. Л. 23.
[855] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 1.
[856] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 1–1об.

расширение обязанностей мировых судей за счет обеспечения надзора за волостным инородческий судом, председательства в участковых съездах, а также выполнения обязанностей кассационной инстанции на окружные суды.

Такая организация народного суда могла привести, по мнению министра внутренних дел Н.А. Маклакова, к сокращению его компетенций и включению его в общую систему судебных установлений, хотя, и потребовала бы, увеличения штата мировых судей и окружных судов.

Министр юстиции И.Г. Щегловитов поддержал позицию Главы МВД о необходимости преобразования местной юстиции в степных областях. В результате работы межведомственной комиссии был выработан проект Положения об общественном устройстве, управлении и суде инородцев Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей, который был согласован с Степным генерал-губернатором и губернаторами Уральской и Тургайской областей[857]. Согласно проекту Положения, суд оседлых инородцев устанавливался согласно Общему положению о крестьянах[858]. Здесь можно согласиться с мнением Д.В. Васильева, что «в начале XX в. российский законодатель стремился утвердить казахов в ряду ординарных подданных империи, наиболее подходящих им по статусу – крестьян. И в этом нет никакого отступления от государственного курса на сближение окраины с внутренними губерниями страны, провозглашенного в 1868 г.»[859].

Основные положения преобразований суда кочевых инородцев сводились к следующему: каждая инородческая волость составляла самостоятельный волостной судебный участок и имела свой инородческий волостной суд, который состоял из председателя, двух членов и двух заместителей последних. На должность инородческого судьи можно было

[857] РГИА. Ф. 1291. Оп. 84–1896. Д. 15. Л. 16–31.

[858] Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах. СПб.: Зем. отд. М-ва вн. дел, 1911.

[859] Васильев Д.В. Реорганизация казахского общественного управления в контексте столыпинской аграрной реформы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). 2018. № 2 (26). С. 86. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41658045_95568063.pdf

выбрать любого кибитковладельца, в возрасте не менее 30 лет. При этом, не допускалось совмещение должности судьи с другими должностями в системе инородческого управления. Надзор за правильным движением дел в волостных инородческих судах возлагался на крестьянского и инородческого начальника, который был обязан не менее одного раза в год проводить ревизию каждого из волостных инородческих судов. Для разбора жалоб на решения и приговоры волостных инородческих судов учреждался в каждом участке Крестьянского и Инородческого начальника особый участковый съезд инородческих судей. Высший надзор за волостными инородческими судами и участковыми съездами судей, рассмотрение жалоб на перечисленные инстанции возлагался на уездный съезд крестьянских начальников.

Интерес представляла гл. 4 проектируемого Положения, которая рассматривала компетенции судебных инородческих инстанций. По проекту, волостной инородческий суд рассматривал: 1. Гражданские дела, возникающие между инородцами, так и между сими последними и аульными обществами; 2. Дела о преступных деяниях инородцев, возникающие в пределах одной волости; 3. Брачные и семейные дела о недвижимом имуществе, входящем в состав надела, дела по наследованию и разделам имущества между наследниками без ограничения суммы; 4. Гражданские дела с суммой иска не более 100 руб.

По проекту инородческий волостной суд мог рассматривать все без ограничения суммы споры и тяжбы между казахами, если истец и ответчик желают судится в этом суде. При желании стороны могли судится у Крестьянского или инородческого начальника, мирового судьи или в окружном суде.

Из числа уголовных дел ведению инородческого волостного суда подлежали дела о маловажных проступках и нарушениях, если они были совершены в пределах волости инородцами против лиц того же состояния и без участия лиц других состояний, а также когда означенные проступки и

нарушения не находились в связи с уголовными преступлениями, подлежащими рассмотрению общих судебных мест. Из ведения инородческого суда изымались дела о конокрадстве и краже домашнего скота.

В 1913 г. чиновники Министерства юстиции после составления объяснительной записки о Положении народного суда в Степных областях пришли к заключению: «Народный суд, в том положении, в каком он находится ныне, не отвечает целям правосудия. Недостатки сего суда… повелительно требуют полного упразднения его и введения в степных местностях суда выборного или, по крайней мере, коронного»[860], однако осуществление такой реформы по мнению чиновников ведомства вызывало серьезные затруднения. «Введение института выборных Мировых судей, в виду кочевого состояния населения составляющего при том же в общей массе подавляющее большинство (в Семипалатинской области 85%, в Акмолинской области 50%, Тургайской 60%, Уральской 80%), значительно уступающего русскому населению в культурном отношении, и в массе своей неграмотного не только по русски, но и по киргизски, представляется совершенно неосуществимым. Затем передача всех дел подведомственных ныне народному суду, мировым судьям по назначению от правительства представила бы также весьма существенные затруднения как в смысле финансовом, так еще более в смысле возможности подыскать соответствующий для сего контингент лиц, способных не только разобраться со всею массой мелких, повседневных дел, но и с тем обычным правопорядком и хозяйственно-общественным укладом, который не может не приниматься в соображение судьей при рассмотрении поступающих к нему дел… Все выше перечисленные соображения, в связи с затруднительностью подыскать, для замены народных судей, достаточное число русских людей, знающих в должной мере язык и правовые порядки туземцев, показывают, что было бы более осторожным пока не поднимать

[860] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 119 об. – 120.

вопроса о полном упразднении народного суда, а ограничиться лишь принятием в отношении его таких мер, которые устраняли бы главнейшие его недостатки и тем способствовали бы лучшей постановке правосудия в инородческой среде»[861].

К аналогичному выводу о роли и месте народного суда в судебной системе региона пришло Совещание под председательством Государственного контролера статс-секретаря Харитонова, занимавшееся в 1911 г. разработкой основных начал для преобразования управления Туркестанским краем. Однако, заключение Харитонова, в свою очередь, подверглось критике и коррекции со стороны Совета министров, который настаивал на совершенном упразднении народных судов в Туркестанском крае и передаче подведомственных им дел органам мировой юстиции. Позиция Совета министров была обусловлена усилением влияния среди населения региона ислама и более широкого распространения в судебной практике норм шариата с постепенным вытеснением адата. Однако, по мнению министерства юстиции, для Степных областей данная тенденция не характерна. Напротив, «вследствие широкого развития в Степные области переселения и значительного вселения сюда русского элемента, кочевое население теряет свою прежнюю обособленность и постепенно сближается с русским народом, заимствуя от него не только навыки хозяйственного и бытового уклада, но и обычаи. При таких условиях сохранение народного суда в Степных областях, в том или ином виде опасности для государственных интересов не представляет».

В качестве аргумента приводилось обстоятельство, что «если по закону 15 июня 1912 г. о местном суде признано необходимым сохранить временно для сельского населения волостной суд, то едва ли было бы правильным лишать киргизское население, без достаточных к тому оснований, права на такой же суд, особенно, когда полная замена его судом мировой юстиции представляется пока неосуществимой. Уравнивая, поэтому киргизов в этом

[861] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 119 об. – 120.

отношении с русским населением, надлежало бы, сохранив у них временный народный суд, внести в его организацию и строй такие улучшения, которые… способствовали бы постановке дела правосудия в киргизской среде»[862].

Общеимперская реформа местной юстиции 1912 г. не внесла существенных изменений в систему судоустройства Степного края. Подготовка наиболее значимого, по мнению исследователей, мероприятия имперских властей в судебной сфере, опиралась на Высочайший указ Правительствующего Сената от 12 декабря 1904 г., провозглашавший в России идеи правового государства и законности и предписывавший придать единообразие государственной судебной системе[863]. Однако, существовавшая в Степных областях судебная система, несмотря на ее интеграцию в общеимперское пространство, имела установленные на законодательном уровне ограничения. Например, в Акмолинской и Семипалатинской областях при составлении списков присяжных заседателей число лиц нехристианского происхождения не должно было превышать одной четвертой численности всего списка. При этом, как подчеркивалось в представлении Министерства юстиции, речь шла не только о «лицах еврейского вероисповедания, но и мусульманского» [864] . В итоге, обсуждение проблем судебной системы Степного ограничивалось разработкой проектов частичной модернизации судоустройства. Однако, начало Первой мировой войны поставило перед российскими властями новые задачи, что отодвинуло реализацию проектов реформ региональной юстиции на неопределенное время.

Таким образом, в последние десятилетия существования имперской судебной системы, юстиция Степного края продолжала сохранять комплекс проблем, вызванных особенностями регионального судоустройства и судопроизводства. Ревизия сенатора К. Палена объективно вскрыла все

[862] РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 491. Л. 121–121 об.

[863] Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. : автореферат дис. ... д-ра юр. наук. М., 1999. С. 36.

[864] РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 90. Л. 12 об.

недостатки организации судебной власти в регионе и актуализировала обсуждение реформ судоустройства. Региональные власти все настойчивее заявляли о необходимости унификации судебной системы с общеимперской, ликвидации народного суда, укреплении статуса имперских судебных органов. Подобной позиции придерживалась и прогрессивная часть чиновников центральных ведомств. Однако, стремление к модернизации суда Степного края ограничивался, как правило, разработкой проектов и положений, не получавших дальнейшего утверждения и реализации. Первая мировая война отодвинула проблемы реорганизации судебной системы Степного края на второй план. Вопрос о необходимости модернизации судебной системы вновь актуализировался в 1917 г. в связи с утверждением новых политических принципов государства.

5.3. Реформы институтов юстиции Степного края в 1917–1925 гг. как завершающий этап модернизации судебной системы

На протяжении XIX – начала XX вв. Российская империя планомерно проводила политику интеграции национальных окраин в общеимперское пространство, которая была неразрывно связана с трансформацией социально-правовых основ традиционного общества[865]. Наиболее сложно происходили изменения в традиционной судебной системе казахского общества, особенность которой заключалась в том, что наряду с формированием общеимперского правового поля, российские власти стремились сохранить и максимально интегрировать в него подвергшиеся модернизации традиционные судебные институты. При этом, народный суд казахского кочевого общества был основан на нормах обычного права и

[865] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: Азбука, 2014. С. 154.

сохранял значительное количество архаичных пережитков. Не были реализованы в полной мере и судебные уставы 1864 г., которые были введены в Степном крае лишь в конце XIX в. Такое положение в судебной системе сохранялось вплоть до 1917 г.

Однако, как подчеркивал В.С. Дякин, к концу имперского периода реализуемые правительством варианты национальной политики – официально-охранительная и «имперско-либеральная» – потерпели неудачу. Реализуемая в Степном крае охранительная политика первой продемонстрировала крах, свидетельством чего стало Среднеазиатское восстание 1916 г. Однако, как только этносы, включенные в состав многонациональных империй, достигают определенной степени зрелости, удержание их в одном государстве возможно только при помощи силы, а значит необходимы изменения и в региональных практиках национальной политики. По мнению исследователя, как только империя выказывает отсутствие такой силы, она разваливается [866].

Постепенное внедрение государственной нормативно-правовой основы судебной системы в Степном крае получило свое развитие лишь после Февральской революции 1917 г. Приход к власти Временного правительства знаменовал собой новый этап в политической истории России и предполагал изменение характера национальной и правовой политики государства. В марте 1917 г. при Временном правительстве был создан специальный орган - Юридическое совещание, на которое возлагалась выработка проектов наиболее важных законодательных актов.

В апреле и августе 1917 г. на совещаниях губернских комиссаров, которые проходили в Петрограде, обсуждались вопросы о местном суде. В его обсуждении принимал участие министр юстиции. В ходе развернувшейся дискуссии выступил В.С. Елпатьевский, представитель Туркестанского края, который защищал принцип независимости суда. Как следует из протокола

[866] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 52.

заседания, Елпатьевский не отрицал «дефектов суда», считая, что они связаны с «переживаемым моментом и являются временными». Елпатьевский подчеркивал, что на окраинах государства реализация идеи выборности судей неосуществима, поскольку «ощущается недостаток технических сил, а для занятия высших должностей, где особенно необходимы технические знания судебной практики, этот недостаток будет непреодолимым»[867]. Подобные сомнения звучали и в выступлениях других участников. Данный вопрос вызвал оживленные споры не нескольким причинам, главной из которых было то, что после февральской революции были приняты меры по реорганизации судебной системы Степного края, однако в регионе продолжала сохраняться ранее существовавшая система местных судов: судебные палаты, окружные суды, мировые судьи и их съезды.

В мае 1917 г. Временным правительством было принято Положение о судах по административным делам, которое провозглашало административное правосудие интегральной частью общей судебной системы России [868] . Согласно Положению, органы административной юстиции должны были быть связаны с системой общих судов страны, и привязаны к административно-территориальным единицам: государству, губерниям и уездам. Однако нововведения шли с трудом и вызывали много вопросов, и в конечном итоге, Положение так и не было реализовано.

Семиреченский областной съезд казахов, состоявшийся в Верном 12–23 апреля 1917 г. представил свое видение структуры власти, в том числе судебной, в Степном крае. В волостях предполагалось учредить особый народный суд биев по одному от каждого аула. Из этого состава, чередуясь периодически, пять биев должны были составить постоянный волостной суд биев. Вышестоящими инстанциями должны были быть уездные съезды биев,

[867] Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 года. Алматы, 2011. С. 24.

[868] Рустамова С.М. Институт административной юстиции в законодательстве Временного правительства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Pravo/71720.doc.htm

которые избирались по одному от каждой волости. Предполагалось разработать особый кодекс на основе шариата, обычаев и основных законов. Хотя, в целом, решения, принятые на Семиреченском областном киргизском съезде, по мнению его организаторов, «могли быть осуществлены в рамках программ Временного правительства и вполне совмещались с государственными интересами России»[869].

Отметим, что постановления Временного правительства так и не получили системного юридического оформления, а события осени 1917 г. прервали правовую традицию развития всей российской юриспруденции. Проекты реформы суда, разрабатываемые на местах, сохраняли институт суда биев в системе юстиции казахского общества, а в основе гражданского права сохранялись нормы шариата и обычного права. Конечно, такое видение судебной системы не отвечало требованиям социалистического общества и требовало кардинальных реформ.

Революции 1917 г., установление Советской власти в России и ее окраинах привели не только к кардинальным изменениям в социополитическом пространстве, но и повлекли за собой трансформацию всего механизма государственного управления, в том числе аппарата и органов юстиции. Важность судебной власти для эффективной работы государственного механизма отчетливо осознавалась большевиками, свидетельством тому является принятие в ряду первых документов Советов декрета СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. О суде[870], согласно которому в советском государстве прекращалась деятельность всех имперских судебных институтов.

В частности были закрыты судебные палаты, окружные суды, институты судебных следователей, прокурорского надзора и частной адвокатуры. Деятельность института мировых судей была приостановлена с

[869] Койгелдиев М.К., Жангуттин Б.О., Есеркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 года. Алматы, 2011. С. 35.

[870] Декрет СНК от 22 ноября 1917 г. «О суде». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/

дальнейшей заменой местными судами в лице постоянного местного судьи. Упразднение имперской судебной системы требовало от новых властей организации работы судебных институтов на новой основе. Провозглашалось выборность судей и участие в рассмотрении дел народных заседателей, гласность процесса, применение национального языка в судопроизводстве, право обвиняемого на защиту. Не менее важным было провозглашение демократических принципов работы нового суда.

При всей значимости первого законодательного акта Советской власти о суде, его проведение в жизнь столкнулось с определенными трудностями. Исследователи подчеркивают, что Декрет о суде № 1 был назван декретом «об уничтожении существующих судов» и «незакономерным», а Совет народных комиссаров «не являющимся общепризнанной народной властью». Поэтому и упразднение действующих судебных органов до формирования новых судов «квалифицировалось как антиобщественное, лишавшее граждан на неопределенное время судебной защиты»[871]. Несмотря на неоднозначную оценку Декрета № 1, вскоре советская власть приступила к его реализации по всей стране, в том числе и в центральноазиатских окраинах бывшей Российской империи.

Одним из первых мероприятий советской власти было упразднение дореволюционных органов юстиции и строительство нового суда. Проведение этого мероприятия было возложено на Народный комиссариат юстиции, являющийся органом судебного управления. При этом, по мнению ряда исследователей, НКЮ наряду с выполнением функций непосредственного судебного управления осуществлял и функции прокурорского надзора[872]. Происходило формирование новых институтов административно-управленческой системы Степного края. На съездах Советов, проходивших весной 1918 г., для конкретного руководства

[871] Абдулин Р.С. Развитие и становление судебного управления в советской России (1917–1922 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 31–52. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22622

[872] Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 годы. М., 1957. С. 54.

политической, хозяйственной и культурной жизнью областей были избраны исполнительные комитеты. Сами исполкомы имели внутреннее функциональное разделение: труда и промышленности, земельный, народного образования, судебный и т.д. Реорганизация судебной власти стала важным этапом становления нового государственного аппарата. При этом, «безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения <…>, а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат»[873].

Первым шагом в процессе реорганизации судебной системы Туркестана и Степных областей стало учреждение временных революционных судов, в состав которых входили представители от различных организаций[874]. Уже весной 1918 г. суды нового типа практически повсеместно стали создаваться в Степных областях. В утвержденном 2 марта 1918 г. Акмолинским уездным съездом Советов наказе предлагалось немедленно образовать народно-революционные суды по всему уезду. В марте 1918 г. окружной народный суд был организован в Семипалатинске[875]. Семипалатинский областной съезд Советов принял постановление о немедленном упразднении всех местных «судебных установлений» и замене их революционными судами, которые «должны стоять на страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства» [876] . При исполкоме Семипалатинского областного Совета уже в конце марта был создан судебный отдел, одновременно с упразднением старых судебных органов в городе. Важным шагом стало открытие 26 марта 1918 г. окружного народного суда в составе двух отделений: гражданского и уголовного. Члены суда избирались местным Советом и утверждались исполкомом областного Совета.

---

[873] Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 36. С. 162–163.

[874] Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 гг. М., 1957. С. 16.

[875] Объявление отдела юстиции Семипалатинского областного Совета населению области об упразднении судебных учреждений Временного правительства и формировании советского народного суда от 8 апреля 1918 г. // Образование Казахской ССР. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. Док. № 32. С. 63.

[876] История Казахской ССР. В пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1977. С. 64–66.

В апреле – мае того же года революционные суды созданы в Караганде, ряде районов Тургайской области. При Тургайском облисполкоме наряду с другими комиссариатами был организован Комиссариат юстиции и революционный трибунал. 5 июля 1918 г. Оренбургский губернский исполком советов издал приказ об организации народных судов, в котором аккумулировались основные принципы организации и деятельности суда, утвержденные «Положением о народном суде» РСФСР от 30 ноября 1918 г. и Декретами о суде № 1 и № 2.

Однако, уже с первых месяцев введения в действие положений, постановлений и узаконений, направленных на организацию новой судебной системы, региональные власти столкнулись с серьезными проблемами. Очевидным было отсутствие достаточного количества собственных кадров, способных профессионально выполнять судебно-следственные функции. Это обусловило принятие решения о привлечении к судейской работе бывших мировых судей. В принятом по этому вопросу наркомом юстиции КирАССР приказе говорилось, что «вследствие военных действий <…> наличные мировые судьи территории губерний гражданской и казачьей утверждаются постоянными народными судьями в занимаемых ими участках»[877].

Сложность реорганизации судебной системы Степного края заключалась и том, что наряду с государственными институтами юстиции особое значение для коренного населения играл традиционный суд, в отношении которого на протяжении имперского периода неоднократно предпринимались меры, зачастую безуспешные, направленные на сокращение функциональных компетенций [878] . Конечно, в новых политических реалиях, суд биев выступал «пережитком прошлого» и требовал окончательного упразднения. В 1918 г. рядом постановлений были

[877] Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 48–49.

[878] Анисимова И.В. Судебно-правовая система Степного края в пореформенный период: опыт взаимодействия традиционных начал и общеимперских институтов и норм права // ЭНОЖ «История». 2019. Т. 10. Вып. 8 (82) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. Режим доступа: https://history.jes.su/S207987840006007-6-1

отменены выборы в суды биев, прекращено государственное вознаграждение их работы, практически повсеместно биям было запрещено взимать бийлик[879].

Но, несмотря на определенные шаги в развитии законодательной основы работы новой судебной системы, большинство гражданско-правовых отношений, по-прежнему определялись нормами дореволюционного законодательства. Казахское население для решения насущных проблем традиционно обращалось к суду биев, а русское население региона – в мировые и окружные суды, решавшие дела согласно общеимперским нормам права, дополненным законодательством Временного правительства[880]. При этом, использование судебными органами дореволюционных правовых норм и законов не шло в разрез с положениями Декрета № 1 «О суде», который предоставил новым судам право руководствоваться законами свергнутых правительств так как, «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»[881].

Позднее данное положение было подтверждено декретом ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде», в ст. 36 которого говорилось, что в своих решениях по гражданским и уголовным делам суд «руководствуется гражданскими и уголовными законами, действующими доныне, лишь постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и не противоречат социалистическому

[879] Анисимова И.В. Реформы традиционной судебно-правовой системы казахского общества в первые годы советской власти // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур. Барнаул: АлтГПУ, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://library.altspu.ru/dc/pdf/barmin.pdf; История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. (1917–1925 гг.). Алма-Ата: изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961. С. 34–35.

[880] История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. (1917–1925 гг.). Алма-Ата: изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961. С. 70–71

[881] Декрет о суде. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 124–126.

правосознанию»[882]. Не получило распространения на Степные области и принятое в ноябре 1918 г. постановление, категорически запрещавшее народным судам Центральной России ссылаться в своих решениях на «законы свергнутых правительств»[883].

Согласимся с мнением исследователей, что политика советской власти в КазАССР на первых порах проводилась в русле прежней политики Российской империи: смешение в судебно-правовой системе норм и институтов традиционного права и советской юстиции, что выражалось в придании суду биев (аксакальский суд) статуса официального судебного органа[884]. В историографии подчеркивается, что наибольшее внимание обычному праву со стороны Советской власти было уделено в первые десять лет ее существования. В эти годы обычаи, традиции и правовые нормы казахов постоянно учитывались в деятельности как высших, так и местных органов власти, управления и суда. В дальнейшем Советская власть постепенно теряет интерес к проблеме обычно-правовой культуры, сведя ее к борьбе с пережиточными нормами адата[885].

Действительно, в первые годы становления советской власти отношение к обычному праву было выражением проводимой большевиками национальной политики, одним из главных критериев которой провозглашалось признание традиций и обычаев коренного населения национальных окраин и их постепенная замена прогрессивными институтами, что подтверждалось Декретом о суде № 1.

Утвержденные принципы организации судебной системы получили подтверждение и в планах работы Народного комиссариата РСФСР по делам национальностей. Одной из задач работы Киргизского отдела Народного

---

[882] Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_254.htm

[883] Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской республики». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_408.htm

[884] Мажитова Ж.С. Институт биев в казахском обществе в первое десятилетие советской власти // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2015. № 4. С. 75.

[885] Кенжалиев З.Ж., Даулетова С.О. Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.). Алматы, 1993. С. 26.

комиссариата по делам национальностей, который был открыт в мае 1818 г., определялась «выработка проектов гражданских и уголовных законов соответственно с обычным правом киргиз, кладя в основу идеи социализма»[886].

Применительно к условиям Казахстана данный принцип был реализован в Декрете СНК РСФСР «О революционном комитете по управлению Киргизским краем», принятого 10 июля 1919 г., в котором подчеркивалось, что «Революционный комитет имеет целью <…> проведение в жизнь всех постановлений центральной Советской власти в соответствии быту, обычаю и условиям местного населения»[887]. Особенности организации судебной системы региона и работы судебных институтов получили официальное подтверждение в принятом 10 июля 1919 г. Декрете СНК «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем» [888]. Как справедливо подчеркивали ряд исследователей, Декрет впервые наиболее полно затронул вопросы судебного устройства Казахстана [889]. Документ не только определил иерархию судебных институтов, но и обозначил их функции и полномочия. В работу судебных институтов региона был положен национальный принцип. Предусматривалась следующая система судебных органов в Казахстане: 1) третейский суд, 2) уездные народные суды и следственные комиссии, 3) окружной народный суд при Революционном комитете края, 4) революционные трибуналы (для рассмотрения дел о контрреволюционных преступлениях).

Низовой судебной единицей выступал третейский суд, который создавался при председателях аульных и волостных исполнительных комитетов и рассматривал «все тяжебные дела между киргизами по месту

[886] РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности. 1 ноября 1917 года – 20 июня 1918 года / Нар. комиссариат по делам национальностей. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина, 1918. С. 44.

[887] Декрет СНК от 10 июля 1919 г. «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istmat.info/node/38280

[888] Декрет СНК от 10 июля 1919 г. «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istmat.info/node/38280

[889] Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 49.

жительства». Решения третейского суда могли быть обжалованы в вышестоящей судебной инстанции - уездном народном суде.

Уездный народный суд строился с учетом национального состава населения. В местностях со смешанным населением (казахским и русским) уездный народный суд состоял из двух отделов: казахского и русского. В регионах с преобладанием представителей одной национальности – из одного. При этом, возникающие уголовные и гражданские дела, в которых участвуют казахи, русские и представители других национальностей, проживающих в регионе, рассматривались в объединенных заседаниях отделов (русского и казахского) уездного суда. В компетенции уездного суда входило рассмотрение всех уголовных и гражданских дел, кроме подсудных революционным трибуналам. Для проведения предварительного следствия при уездном суде учреждались следственные комиссии. Кассационные функции по решениям уездного суда в регионе должен был выполнять Окружной народный суд при Ревкоме Киркрая, состоящий также из двух отделений: русского и казахского. Организация окружного народного суда предусматривала создание в регионе единого кассационного органа и замену советов народных судей. Фактически же окружной суд организован не был и кассационной инстанцией для местных народных судов оставались советы народных судей[890].

Необходимо отметить, что на коренную ломку традиционного судопроизводства советская власть в сложных условиях гражданской войны не пошла и сохранила возможность решения дел между казахами на основе обычного права. В частности, в ст. 15 Декрета подчеркивалось, что «дела между киргизами разрешаются народным судом, по существу дела по обычному праву»[891]. Данная позиция была подтверждена принятой отделом юстиции ревкома в октябре 1919 г. инструкции «О третейском суде», в

[890] Сапаргалиев М.С. Очерки по истории советского суда в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1955. С. 17.

[891] Декрет СНК от 10 июля 1919 г. «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istmat.info/node/38280

которой подчеркивалось, что «суд посредников при решении дел руководствуется свидетельскими показаниями, обстоятельствами дела, народными правовыми обычаями и личным убеждением, сообразно интересам трудящихся масс»[892].

Для реализации в жизнь положений Декрета «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем», регламентирующих судебно-правовую отрасль, 1 октября 1919 г. в составе Киргизского революционного комитета был создан отдел юстиции, прерогативой которого стала работа по организации судебной системы края, в том числе организация народных судов, следственных комитетов, революционных трибуналов[893]. Осенью 1919 г. по мере утверждения в регионе советской власти работа по созданию советского судебного аппарата началась более активно.

К организации народных судов отдел юстиции Кирвоенревкома приступил с осени 1919 г., когда был разработан поуездный план открытия и определены компетенции данной судебной инстанции. Планом была предусмотрена организация уездных народных судов в первую очередь в Уральской и Тургайской областях (Темирский, Актюбинский, Иргизский и др. уезды). Штат народных судов (наличие двух постоянных заседателей) предусматривал беспрерывную работу судебного органа. Для каждого уезда намечалась организация следственных комиссий, на которых возлагалось расследование как наиболее крупных уголовных, так и контрреволюционных дел. Нередко следственные комиссии помимо предварительного расследования, выполняли судебные функции. Как правило, расширение компетенций следственных комиссий было связано с отсутствием в уезде революционного трибунала. Важным был закрепленный в инструкции запрет использовать в судебной практике родовую присягу как доказательство.

---

[892] Цит. по: Кенжалиев З.Ж., Даулетова С.О. Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.). Алматы, 1993. С. 28.

[893] Сапаргалиев М.С. Очерки по истории советского суда в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1955. С. 17.

На заседании Ревкома края 21 ноября 1919 г. разработанный план открытия судебных инстанций был утвержден как «Проект организации судебных установлений», 30 ноября 1919 г. были приняты временные штаты уездных и участковых народных судов[894].

В декабре 1919 г. отделом юстиции была разработана «Инструкция народному суду», за основу работы которых были взяты принципы установленные законодательством РСФСР[895]. В инструкции были подробно определены функции и компетенции третейских судов для русского и казахского населения. Так, третейский суд имел право рассматривать уголовные дела, наказание по которым не превышает одного года лишения или денежного штрафа до 1000 руб. К правонарушениям такого рода относились оскорбления, нанесение обид, угрозы, клевета, мелкие кражи, нарушение равноправия женщин. По гражданским делам подсудность третейских судов не была ограничена.

Дальнейшим шагом институционализации судебной системы советского Казахстана стала организация губернских советов народных судей. С этой целью назначались съезды народных судей судебных округов, в которых должны были принимать участие все уездные народные судьи[896].

Гражданская война и интервенция отложили на второй план вопросы социально-правовой модернизации и культурного строительства в Казахстане. Однако, уже в 1919 г. на областных и районных съездах и собраниях население Казахстана с большой остротой обсуждались вопросы о борьбе с «вредными пережитками старого общества» и высказывались требования отмены наиболее реакционных форм адата и шариата.

Рубежом в отношении к бийскому суду и адату стала победа советской власти в гражданской войне в 1920 г., после которой началось планомерное

---

[894] Сапаргалиев М.С. Очерки по истории советского суда в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1955. С. 18–19.

[895] Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 55.

[896] Уведомление отдела юстиции Кирвоенревкома Темирскому уездному ревкому о подготовке к съезду народных судей Тургайского судебного округа от 24 апреля 1920 г. // Образование Казахской ССР. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. Док. № 116. С. 184.

движение по пути упразднения институтов и норм традиционной судебно-правовой системы. На наш взгляд, процессы государствостроительства требовали от властей решительных мер по унификации государственного аппарата и создании действенного и единообразного механизма власти, чем и было вызвано изменение отношения к конфигурации суда региона.

Новый этап в развитии советских судебно-правовых институтов в регионе связан с принятием 26 августа 1920 г. ВЦИК и СНК постановления об образовании «Автономной Киргизской Социалистической Советской республики», согласно которому в КирАССР власть передавалась в руки местных Советов депутатов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Киргизской Советской Социалистической Республики. Согласно Декрету в республике учреждалось 12 народных комиссариатов[897].

На основе декрета об образовании КАССР 4–12 октября 1920 г. в г. Оренбурге состоялся Первый Всекиргизский Учредительный съезд Советов, который принял 6 октября 1920 г. «Декларацию прав трудящихся КАССР» и торжественно провозгласил, что КАССР входит как автономный член в свободную федерацию Советских республик, объединяемых в РСФСР. Важность реформирования судебной ветви власти советской республики подчеркивалась уже тем, что данный вопрос стал одним из основных в повестке Учредительного съезда.

Ключевым событием в процессе формирования советской судебной системы Казахстана стало образование в октябре 1920 г. в соответствие с резолюцией Первого Всекиргизского Учредительного съезда Советов Народного комиссариата юстиции. Первым наркомом юстиции был назначен

[897] Декрет ВЦИК «Об автономной Киргизской социалистической советской республике» // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. С. 6–8.

Губайдулла Алибекович Алибеков [898] , который впоследствии внес существенный вклад в развитие судебной системы республики.

В принятых на съезде «Декларации прав трудящихся КАССР» и резолюции «Об организации советской юстиции» утверждались принципы построения новой судебной системы: «Народную юстицию построить в точном соответствии с опытом народного революционного суда Советской России, считаясь с бытовыми особенностями киргизского народа там, где они не противоречат основным положениям прав трудящихся, устанавливаемых настоящей Декларацией»[899].

На съезде отмечалось, что наряду с советскими законами в республике существуют нормы обычного права. В отдельных случаях они успешно и бесконфликтно взаимодействовали, в других случаях их реальное существование приводло к противоречию друг другу. В «Резолюции» подчеркивалось, что одной из важных задач наркома юстиции Кирреспублики являлось «собирание и систематизация материалов обычного права киргизского народа для практического законодательства»[900]. В целом, документ предусматривал конкретные шаги по организации судоустройства в регионе, в том числе: обязательность ведения судопроизводства на родном для населения языке, выездные сессии народных судей в отдаленные районы, создание кадрового резерва народных судей для своевременного замещения, открытие курсов по подготовке нарсудей и народных следователей, организация бесплатной юридической помощи населению в виде консультаций и предоставления государственного защитника.

Ряд положений вносил изменения в систему исполнения наказаний. Так, наркому юстиции для расширения видов наказания было поручено принять меры к организации «принудительных работ, земледельческих и

[898] Наркомы Казахстана. 1920–1946 гг. Биографический справочник. Алматы: Издательство «Арыс», 2007. С. 49.

[899] Декларация прав трудящихся КССР // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. С. 85–88; Резолюция по организации советской юстиции // Там же. С. 96–99.

[900] Об организации советской юстиции от 10 октября 1920 г. // Образование Казахской ССР. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. Док. № 192. С. 284.

скотоводческих колоний, социальных клиник и т.п.» [901] . Отдельно в «Резолюции» рассматривался раздел о брачном, семейном и опекунском праве казахского общества, основные положения которого сводились к необходимости «раскрепощения казахской женщины и борьбы с многоженством», утверждению принципа заключения брака на добровольном и обоюдном согласии при достижении брачного возраста (женщины – 16 лет, мужчины – 18 лет), введению понятия «развода» как по обоюдному согласию супругов, так и в одностороннем порядке. В «Резолюции» нашло отражение и отношение к традиции «калыма», которая выступала как один из факторов многоженства, расценивалась как предосудительная по своей побудительной цели и ведущая к обогащению, в связи с чем, должна быть лишена права судебной защиты[902].

По окончанию работы съезда было принято решение о разработке законоположений, отменяющих отдельные институты адата, а именно: куна; семейно-брачных институтов обычного права, таких как калым, многоженство, аменгерство; процессуальных учреждений адата – барымты, суда биев. Безусловно, закрепление в Декларации механизма реорганизации судебной системы региона, позволило уже к концу 1920 г. провести в жизнь ряд важных нововведений. 9 декабря 1920 г. Совнарком Казахстана издал декрет «Об отмене куна»[903]. Были упразднены действовавшие в казахских областях «третейские» суды аксакалов, а неразрешенные ими дела были переданы в компетенцию народным судам. Согласно постановлению Наркома юстиции Киргизской АССР от 20 декабря 1920 г. народные суды должны были при решении дел исходить из «Положения о едином народном

[901] Об организации советской юстиции от 10 октября 1920 г. // Образование Казахской ССР. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. Док. № 192. С. 285.

[902] Из Резолюции I Учредительного съезда Советов КАССР об общих положениях брачного, семейного и опекунского права // Женщины Казахстана – активные строители социализма. 1918–1945. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1981. С. 26–27.

[903] Декрет СНК Киргизской АССР «Об отмене куна» от 9 декабря 1920 г. // Образование Казахской ССР. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. Док. № 209. С. 309–310.

суде»[904] и декретов Советской власти. Однако, в постановлении признавалось возможным в случае крайней необходимости «руководствоваться <…> «народными» обычаями»[905].

Одной из актуальных проблем, с которой столкнулась советская юстиция в регионе, была традиционность и архаичность регламентации семейно-брачных отношений казахского общества. Семейное право выступало компетенцией суда биев, которые в своем решении исходили из устоявшихся норм и правил. В связи с этим, в начале XX в. у казахского населения были, по-прежнему, распространены калым, многоженство и аменгерство. На Первом Учредительном съезде Советов КирАССР 1920 г. была выработан единая позиция по отношению к вопросам семьи и брака. В частности подчеркивалось, что «семейный быт киргиз содержит еще <…> целый ряд нелепых традиций, с которым необходимо бороться. Надо твердо установить новый курс на сущность брака и развода»[906]. В конце декабря 1920 г. был издан Декрет ЦИК и СНК КирАССР «Об отмене калыма»[907]. Декретом признавались недействительными сделки, договоры и соглашения о калыме. Нарушение Декрета становилось уголовным преступлением и влекло за собой конфискацию у получивших калым лиц калымного скота и калымного имущества в двойном размере, а также лишение свободы для обеих сторон сроком до одного года.

Однако, в полной мере к регламентации семейно-брачных отношений приступили в январе 1921 г., когда СНК КирАССР утвердил Декрет «О брачном праве киргиз». В основу принятого документа был положен Кодекс законов о браке, семье РСФСР. Документ законодательно закрепил

---

[904] Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. № 83. М., 1943. С. 599–608.

[905] История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. (1917–1925 гг.). Алма-Ата: изд-во Академии наук КазССР, 1961. С. 206.

[906] Протокол заседания № 8. 10 октября 1920 г. // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. С. 56.

[907] Декрет ЦИК и СНК Киргизской АССР «Об отмене калыма» от 28 декабря 1920 г. // Образование Казахской ССР. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. Док. № 211. С. 310.

равноправие супругов в семейно-брачных отношениях, отменил нормы обычного права, допускавшие похищение девушек для последующего вступления с ними в брак, и традицию аменгерства. Согласно декрету воспрещалось и многоженство, «как обычай, глубоко унизительный для нравственного достоинства киргизской женщины и создающий порабощение и эксплуатацию личности». В ноябре 1921 г. издается Декрет Совнаркома КирАССР «О наказуемости многоженства», где наряду с отменой этого обычая определялись и меры наказания уголовно-правового характера за его совершение. Принятые нормативно-правовые акты в сфере регламентации семейно-брачных отношений казахского населения стали важным шагом в модернизации судебной системы региона. В декабре 1923 г. Президиумом КазЦИК было утверждено постановление о праздновании Дня отмена калыма. Начиная с 1924 г. вплоть до 30-х гг. XX в. этот день, который получил название «Красный пир киргизок», праздновался в Казахской ССР как общий праздник всего населения республики[908].

Основополагающим для развития советской юстиции в регионе стал декрет ЦИК КирАССР «О народном суде Киргизской Социалистической Советской Республики», принятый 8 апреля 1921 г. И хотя документ по основным положениям воспроизводил Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г., однако ряд принципов организации и деятельности народного суда был изменен с учетом национальных условий региона. Декрет предусматривал замену следственных комиссий единоличными следователями, что способствовало повышению качества предварительного расследования. Также, предусматривалась организация параллельно народных судов, ведущих делопроизводство на русском и казахском языках. К подсудности народного суда, рассматривавшего дела с участием шести заседателей были отнесены дела о правонарушениях в сфере семейно-брачных отношений (похищение женщины, принуждение к замужеству,

[908] Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.). Сборник документов и материалов / Отв. ред. З.А. Астапович; Сост. Ю.П. Дзагурова. М.: Мысль, 1971. С. 80.

нарушение декретов об отмене куны и калыма и т.д.). Также, согласно декрету, народные суды по-прежнему могли опираться при вынесении решения на нормы обычного права. Однако, эти положения не остановили процесс по разрушению сохранявшихся в казахском обществе элементов патриархальных отношений.

Завершение Гражданской войны, укрепление советской власти в республике послужили началом нового этапа в развитии судебной системы Казахстана. Судебная система развивалась в русле общегосударственных тенденций. К концу 1920 г. в республике был сформирован основной контур судебного аппарата. Под руководством наркома юстиции Г. Алибекова создавалась сеть судебных и следственных участков (Табл. № 13). Как свидетельствуют данные таблицы № 13 всего в республике было открыто 207 судебных и 111 следственных участков.

Таблица № 13.

Количество судебных и следственных участков Казахской АССР (конец 1920 г.)[909]

№	Административно-территориальная единица	Судебные участки	Следственные участки
1	Оренбургско-Тургайская область	25	11
2	Омская губерния	31	10
3	Уральская губерния	29	7
4	Букеевская область	5	2
5	Семипалатинская губерния	32	35
6	Семиреченская область	42	21
7	Сыр-Дарьинская область	41	24
8	Адаевский уезд	2	1
	Итого	207	111

[909] История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. (1917–1925 гг.). Алма-Ата: изд-во Академии наук КазССР, 1961. С. 271.

В начале 20-х гг. XX в. в РСФСР была проведена кодификация законодательства, были изданы Уголовный, Уголовно-процессуальный, Гражданский, Земельный и др. кодексы, которые позднее получили распространение и на территории республики[910].

В июле 1922 г. на территории КирАССР постановлением 3-й сессии ЦИК Республики был введен Уголовный кодекс РСФСР. При этом, республиканские власти дополнили всесоюзный кодекс новой главой IX, которая получила название «Нарушения запретов куна, бармты (баранты), калыма, принуждения женщин к супружеству у киргиз КАССР» и отражала региональные особенности судебно-правовых отношений. Инициатором внесения дополнения в законодательство РСФСР выступил действующий в 1922 г. нарком юстиции Ш.Ш. Бекмухамедов[911]. Однако, поскольку такое самостоятельное, без санкции ВЦИК, дополнение Уголовного кодекса РСФСР противоречило закону о введении в действие Уголовного кодекса РСФСР, утверждение дополнений главы IX было затем приостановлено.

Так, циркуляр НКЮ КирАССР упоминал, что вопрос представлен на утверждение ВЦИК и впредь до утверждения и опубликования закона ВЦИК вопрос об ответственности за прием и уплату калыма надо оставлять открытым. Через два года, 16 октября 1924 г. было принято постановление ВЦИК «О дополнениях Уголовного кодекса РСФСР для автономных республик и областей», которое вносило в гл. IX «Бытовые преступления» УК РСФСР изменения, предусмотренные специально для автономной КирАССР[912]. Ст. 230 Дополнений подтверждала наказуемость уплаты калыма лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года. Принятие калыма наряду с лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года также каралось штрафом в размере калыма. Более строгому наказанию, лишению свободы на срок до пяти лет,

[910] Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 60.

[911] Наркомы Казахстана. 1920–1946 гг. Биографический справочник. Алматы: Издательство «Арыс», 2007. С. 84.

[912] История советского уголовного права. М.: Юрид. изд-во, 1948. С. 307.

подлежало принуждение женщины к выходу замуж вопреки ее воли (ст. 231). К бытовым преступлениям было отнесено также двоеженство и многоженство. Наказанием в данном случае определялись принудительные работы на срок до одного года (ст. 232)[913].

Принятые дополнения также четко определили степень ответственности за принятие куна (ст. 228) и совершение баранты (ст. 229). Если в первом случае наказание подразумевало конфискацию принятого куна или уплату штрафа в размере куна, то наказание за совершение баранты варьировалось от штрафа и принудительных работ сроком на шесть месяцев до лишения свободы до трех лет.

В циркуляре Народного комиссариата юстиции КирАССР от 12 января 1925 г. «О порядке применения IX главы УК РСФСР» отмечалось, что борьба с этими бытовыми преступлениями «нелегка, ибо они укоренились веками и воспринимались с молоком матери, что изжить их одними административными мерами нельзя, требуется развернуть широкую массово-просветительскую работу среди населения»[914].

В августе 1925 г. список бытовых преступлений, наказуемых на территории Казахской АССР был расширен включением в гл. IX «Бытовые преступления» УК РСФСР ст. 233, предусматривающей наказание в виде лишения свободы от трех до пяти лет за заключение брака с лицами, не достигшими половой зрелости. Наказывалось также и принуждение несовершеннолетних к со стороны родителей или родственников[915].

Безусловно, преодолеть устоявшиеся в обществе традиционные правовые нормы только изданием Декретов было крайне сложно. Власти

---

[913] Постановление ВЦИК «О дополнениях Уголовного кодекса РСФСР для автономных республик и областей» от 16 октября 1924 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18735#4xspuBUWO1vmXwe91

[914] Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы Советской власти в Казахстане // Проблемы казахского обычного права /Отв. ред. С.З. Зиманов. Алма-Ата, 1989. С. 92.

[915] Декрет ВЦИК СНК РСФСР о дополнении главы IX Уголовного Кодекса РСФСР о бытовых преступлениях, наказуемых на территории Автономной Казахской ССР от 24 августа 1925 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / Сост.: проф. А.А. Герцензон. М.: Госюриздат, 1953. С. 197.

проводили активную пропагандистскую работу среди населения о важности отказа от норм адата и принятии советских законов.

Так, в «Обращении Президиума ЦИК СССР к народностям, населяющим национальные республики и области Советского Востока» от 13 февраля 1925 г. подчеркивалось, что «бытовые и религиозные предрассудки (обычное право, адат - шариат), порабощающие с особой силой женскую половину народов Востока, затрудняли и затрудняют раскрепощение труженицы Востока. Чтобы окончательно освободить восточную женщину, необходимо вовлечение в это дело широких масс народностей Востока». В связи с этим, Президиум ЦИК Союза ССР считал необходимым обратить внимание «всего населения национальных республик и автономных областей на то, что до сих пор еще узбечка и тюрчанка, киргизка и калмычка <…> и другие женщины Советского Востока не освободились от векового угнетения, основанного на старых обычаях»[916]. В связи с этим, Президиум ЦИК призывал все население не только следить за исполнением законов, охраняющих права женщины, но и предотвращать любые их нарушения.

В январе 1926 г. ЦИК Казахской АССР обращаясь к казахским женщинам признавал, что несмотря на принятие Декрета, «не везде в степях Казахстана искоренен калым» и призывал женщин активно с этим бороться. «Казахские женщины должны строго следить за тем, чтобы не было калыма или другого унижения или нарушения прав казахской женщины. О каждом таком преступлении казахские женщины должны немедленно сами сообщить судье, следователю, прокурору, в милицию <…>, каждое такое преступление будет наказано, и при помощи казахских женщин эти преступления будут Советской властью прекращены навсегда», - говорилось в обращении ЦИК КазАССР[917].

---

[916] О правах трудящихся женщин Советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-бытовой. Обращение Президиума ЦИК СССР, 13 февраля 1925 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / Сост.: проф. А.А. Герцензон. М.: Госюриздат, 1953. С. 211–212.

[917] Из Обращения ЦИК Казахской АССР к женщинам Казахстана в день отмены калыма // Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.). Сборник документов и материалов / Отв. ред. З.А. Астапович; Сост. Ю.П. Дзагурова. М.: Мысль, 1971. С. 80–81.

С 1 января 1923 г. в Киргизской республике начал действовал первый Гражданский кодекс РСФСР. Подчеркнем, что при усилении деятельности советских народных судов компетенция традиционного судопроизводства и обычного права все более ограничивалась. Однако, окончательного вытеснения процессуальных норм обычного права добиться не удавалось. Председатель Киргизского ЦИК С.М. Мендешев в своем докладе, представленном в ВЦИК в ноябре 1924 г. подчеркивал, что в республике в это время еще продолжали существовать «аксакальские суды». Это было обусловлено «своеобразным укладом жизни и теми специфическими бытовыми условиями, которые заставляют пока мириться с существованием таких судов»[918].

Становление органов юстиции проходило в русле проводимой советской властью в 20-е гг. XX в. политики коренизации республиканского государственного аппарата[919]. Временное положение о Революционном комитете по управлению Киргизским краем, принятое 10 июля 1921 г. предусматривало организацию судов прежде всего из самих казахов, что должно было обеспечить деятельность суда на казахском языке. В сентябре 1922 г. Совнаркомом КирАССР было издано постановление о проведении в жизнь законодательных актов на казахском языке. К началу 1923 г. был установлен статус казахского языка как основного языка, на котором должно осуществляться судопроизводство. На 1 января 1925 г., по данным КазЦИК, представительство казахов в рядах руководящего состава Наркомата юстиции было значительным и составляло 17,5%[920]. Состав народных судей и следователей также отражал основные принципы политики коренизации,

[918] Цит. по: Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 годы. М., 1957. С. 189.

[919] Анисимова И.В. Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920–1926 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2(94). С. 21–27; Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3–2(87). С. 131–138.

[920] Казиев С.Ш. Основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане (1920–1929 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 53.

проводимой в республике: 38% состава представляли казахи, 62% – русские[921].

1922 г. стал важным в процессе модернизации судебной системы советского государства. Развитие страны в условиях НЭПа требовали создание новой системы суда, отвечающей потребностям общества и способной регулировать новые социально-экономические отношения. В основу модернизации судебной системы была заложена концепция единого суда. Создание единой судебной системы и соблюдение принципа единства суда рассматривалось как важнейшая предпосылка революционной законности[922]. На IV Съезде деятелей юстиции, который проходил 26 января 1922 г. вопрос о проведении в государстве судебной реформы получил широкое обсуждение. Нарком юстиции Д.И. Курский подчеркивал, что новая экономическая политика «выступает основным фактором, который сейчас воздвигает советскую юстицию» [923] и актуализирует реорганизацию судоустройства.

Начало судебной реформы было положено законами об адвокатуре и прокуратуре. Положение об адвокатуре было принято III сессией ВЦИК IX созыва 26 мая 1922 г., Положение о прокуратуре - 28 мая 1922 г.[924]

После длительной подготовки судебной реформы, 31 октября 1922 г. на IV сессии ВЦИК IX созыва было принято «Положение о судоустройстве РСФСР», получившие законодательное утверждение в ноябре того же года. Принятием закона об организации советских судов было провозглашено создание на территории РСФСР единой системы судебных учреждений. В стране устанавливалась 3-х ступенчатая система судебных учреждений:

1. Народный Суд в составе постоянного народного судьи или постоянного народного судьи и двух народных заседателей.

---

[921] История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. (1917–1925 гг.). Алма-Ата: изд-во Академии наук КазССР, 1961. С. 437.

[922] Филонова О.И. Модернизация судебной системы в период НЭПа: концепция и проекты судоустройства // Российское правосудие. 2014. № 8 (100). С. 30.

[923] IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (26–30 января 1922 г.). М., 1922. С. 7.

[924] Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 гг. М., 1957. С. 131.

2. Губернский Суд.

3. Верховный Суд РСФСР и его коллегии[925].

В русле проведенной реформы судебной системы РСФСР продолжилось институциональное оформление юстиции советского Казахстана. 17 января 1923 г. Народным комиссариатом юстиции республики был издан циркуляр «О введение в действие Положения о судоустройстве РСФСР» 1922 г. Также, в марте 1923 г. учитывая принципы «Положения о судоустройстве РСФСР» 1922 г., ЦИК КирАССР утвердил новое «Положение о Народном Комиссариате юстиции республики». Положение 1923 г. четко определяло компетенции Наркомюста республики. Наряду с осуществлением непосредственного руководства судебными учреждениями, органами прокуратуры, следствия, нотариата и т.д., к функциям Наркомюста относилась работа по подготовке кадров для органов юстиции, организация юридической помощи населению, наблюдение за законностью. В структуре Наркомюста выделялось несколько отделов: судоустройства и надзора, прокуратуры, законодательных предположений, кодификационно-издательский и административно-финансовый[926].

Уже весной 1923 г. в губерниях советской республики были созданы губернские суды[927], сформирована сеть народных судов, включавшая 138 участков, из которых 53 участка были казахскими. В республике действовал 101 следственный участок, 40 из которых являлись казахскими.

При этом, при проведении реформы республиканские власти столкнулись с рядом проблем. Как позднее отмечали работники органов юстиции КазАССР, средства, выделяемые на содержание органов юстиции были «очень и очень мизерны», что «в связи с недостатком работников» не давало возможности развернуть работу по организации новых судебных

[925] Постановление от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие положения о судоустройстве РСФСР». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1438.htm

[926] История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. (1917–1925 гг.). Алма-Ата: изд-во Академии наук КазССР, 1961. С. 443.

[927] В Казахстане функционировало семь губернских судов: в Оренбурге, Семипалатинске, Акмолинске, Уральске, Кустанае, Актюбинске и в Букеевской губернии. Также были учреждены областные суды в Сыр-Дарьинской и Семиреченской губерниях и Адаевское отделение губернского суда.

органов в полной мере. Также работа осложнялось необходимостью введения казахского языка в делопроизводство во всех судебно-следственных органах, обслуживающих казахское население. Это потребовало «нового районирования судебно-следственных участков, выделения территорий с чисто казахским населением в самостоятельные участки и создания параллельных казахских отделений в Губсудах»[928]. Однако, уже спустя год, отмечалась нормализация работы судебной системы, основанной на новых принципах.

Также, вслед за принятием III сессией ВЦИК 26 мая 1922 г. Положения о прокурорском надзоре, вторым созывом III-й сессии КирЦИК 13 июля того же года было принято решение об учреждении в составе Народного комиссариата юстиции государственной прокуратуры. Функции главного прокурора республики были возложены на Наркома юстиции Ш.Ш. Бекмухамедова.

В 1923 г. в КирАССР для рассмотрения дел о преступлениях по нарушению Кодекса законов о труде были созданы трудовые сессии народных судов. В отчете о деятельности Наркомюста Киргизской АССР за 1922–1923 г. подчеркивалось, что отделом судоустройства обращалось внимание на организацию данных сессий преимущественно «в рабочих центрах, где ввиду большого скопления рабочих масс нарушение кодекса законов о труде создает значительное количество дел, быстро разрешить которые народные суды не в состоянии»[929]. Всего в городах Киргизской АССР действовали 13 участков трудовых сессий.

В апреле 1923 г. Постановлением ВЦИК в республики было учреждено отделение Верховного суда РСФСР, что, по мнению ряда исследователей, завершило «построение трехчленной судебной системы Казахской республики: народный суд, губернский суд, отделение Верховного суда

[928] Второй съезд работников советской юстиции Казакской советской социалистической республики: (протоколы Съезда). Кзыл-Орда : Нар. комиссариат юстиции Казах. ССР, 1926. С. 77–78.

[929] Цит. по: История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. (1917–1925 гг.). Алма-Ата: изд-во Академии наук КазССР, 1961. С. 438.

РСФСР»[930]. При этом, организация в КирАССР высшей инстанции судебной системы отделения Верховного суда изначально имела свои особенности и представляла собой Верховный уголовный суд республики. Строительство советской юстиции продолжилось в 1925 г., когда в составе Казахского отделения Верховного суда РСФСР были организованы судебная и кассационная коллегия по гражданским делам.

Летом 1923 г. Наркомом юстиции КирАССР был издан специальный циркуляр о переводе всего делопроизводства в судах, обслуживающих казахское население на казахский язык. Однако сложности в исполнении данного решения заключались не только в отсутствии кадров, владеющих двумя языками, но и в отсутствии нормативно-правовой документации на казахском языке. Это признавалось и государственными органами власти. Так, в циркуляре отмечалось, что «ввиду отсутствия у наших судебных работников практики по изготовлению на киргизском языке всякого рода актов по судебным делам, а также в виду малоопытности и недостаточной подготовленности судебных работников – киргизов, Наркомюст находит необходимым, начиная с этого номера, периодически печатать в объявлениях формы приговоров, решений, протоколов, постановлений, которыми судьи и следователи киргизских участков должны руководствоваться в своей деятельности» [931]. Для решения данных проблем Наркомом юстиции была организована работа по подготовке и изданию типографским способом судебно-следственной документации, по переводу и изданию на казахском языке Собраний узаконений и распоряжений правительства КирАССР за 1923 г., Уголовного кодекса РСФСР и ряда других нормативно-правовых актов[932].

---

[930] Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. С. 63.

[931] Из циркуляра Народного Комиссариата юстиции КАССР народным судам и народным следователям казахских участков о введении в судебно-следственных органах делопроизводства на киргизском языке от 11 июля 1923 г. // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. – Барнаул: АЗБУКА, 2016. Док. № 166. С. 414–415.

[932] Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических

Отметим также, что строительство советского суда актуализировало вопрос о увеличении профессиональных кадров, владеющих профессиональными компетенциями в области юриспруденции. В этой связи началась активная подготовка кадров из числа местного населения. Уже в мае 1923 г. в Оренбурге открылись первые краевые шестимесячные юридические курсы. В ноябре того же года коллегией Наркомюста КАССР было утверждено Положение о краевых юридических курсах при Наркомюсте КАССР.

Значительное внимание уделялось привлечению к работе в судебных учреждениях, прежде всего нарсудах, женщин. Подчеркивалось, что участие казахских женщин в заседаниях народного суда может послужить «наглядным фактом проведения в жизнь декретов и постановлений в отношении раскрепощения женщин». В связи с этим, на организованные на местах женотделы возлагалась задача «создать живую связь с нарсудами, особенно при разборе дел, касающихся киргизских женщин, командируя туда представителей из киргизок в качестве заседателей, защитников и обвинителей, а также и слушательницами»[933].

На протяжении последующих лет рядом законоположений подтверждалась необходимость организации судопроизводства на казахском языке. В соответствии с союзной конституцией в ст. 89 конституции Киргизской АССР было установлено, что «судопроизводство ведется на казахском языке, а в районах с большинством русского или уйгурского, или узбекского населения соответственно на русском, уйгурском или узбекском языках, с обеспечением для лиц, не владеющих языком большинства населения района, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке». В 1924 г.

республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3–2(87). С. 136.

[933] Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: изд-во АН Казахской ССР, 1962. Док. № 46. С. 94.

были организованы юридические курсы НКО КирАССР, которые готовили судебно-следственных работников, в том числе казахской национальности.

Итоги организации советской судебной системы в Казахской АССР получили освещение на состоявшемся в ноябре 1925 г. II съезде работников советской юстиции КазАССР[934]. В повестку съезда были включены вопросы о преступности в КазАССР и карательной политике судов, работе судебных органов республики, вопросы законодательства в КазАССР. Каждый доклад, прозвучавший на съезде вызывал серьезную дискуссию. Важным был и тот факт, что в своих выступлениях участники наряду с заявлениями об успехах советской юстиции в республике, выделяли и наиболее острые противоречия и явные недостатки судоустройства и судопроизводства. Активно обсуждали причины роста преступности в республике и меры ее предупреждения, нарушение судебными учреждениями правил ведения судебных заседаний и вынесения приговоров и т.д. Одной из важных проблем, поднятых на съезде был уровень коренизации органов юстиции. Подчеркивалось, что «судам удалось несколько оформить за последнее время коренизацию аппарата, но не вполне еще достигнута основная задача – приближение к населению судебно-следственных органов» [935] . Причина виделась в делении судопроизводства в губернских судах на казахское и русское отделение. В целях углубления и внедрения казахского делопроизводства предлагалось распределить работников губсуда по отделениям так, чтобы обеспечить полную возможность ведения делопроизводства во всех отделениях как на русском, так и на казахском языках.

При этом, участники съезда подчеркивали, что, несмотря на сложности периода становления советской юстиции, позитивные тенденции в работе судебных органов очевидны. В частности подчеркивалось, что на

[934] Второй съезд работников советской юстиции Казакской советской социалистической республики : (протоколы Съезда). Кзыл-Орда : Нар. комиссариат юстиции Казах. ССР, 1926.

[935] Второй съезд работников советской юстиции Казакской советской социалистической республики : (протоколы Съезда). Кзыл-Орда : Нар. комиссариат юстиции Казах. ССР, 1926. С. 60.

протяжении двух лет после реформы[936], «укреплялись основные начала судебной работы <…>, нарсуд выдвигается как основная ячейка советского судопроизводства, губсуды крепнут и являются уже не только формально, но и на деле организаторами и руководителями судебно-следственной работы в губернии, налаживается связь губернских судов с периферией»[937]. В резолюции съезда подчеркивалось, что «единая система судебных учреждений, введенная согласно Положению о судоустройстве РСФСР, оказалась приемлемой и в условиях КССР», а в качестве дальнейшей задачи развития судебной системы виделось «укрепление и усовершенствование судебно-следственных органов, приближение суда к массе и приспособление его к особенностям республики»[938].

Таким образом, в 1925 г. завершился сложный период институционального и нормативно-правового оформления юстиции советского Казахстана. Структура республиканской судебной системы была приведена в соответствие с установленной в стране 3-х ступенчатой системы судебных учреждений. Традиционный суд терял свой авторитет и значение, а сфера применения норм обычного права поэтапно сокращалась. В нормативно-правовых актах КазАССР, принятых после 1925 г. применение традиционных норм и обычаев как источников права не допускалось. Характеризуя основы судоустройства СССР и союзных республик, ряд исследователей подчеркивают, что «советское государство рассматривало судебные органы, прежде всего, как инструмент в достижении своих целей»[939], с чем нельзя не согласиться. Однако, в результате принятия и введения в силу прогрессивных декретов Советской власти в Казахстане были ликвидированы существенные пережитки традиционной судебно-

[936] Речь идет о введение в КазАССР зимой 1923 г. в действие «Положения о судоустройстве РСФСР» 1922 г.

[937] Второй съезд работников советской юстиции Казакской советской социалистической республики: (протоколы Съезда). Кзыл-Орда: Нар. комиссариат юстиции Казах. ССР, 1926. С. 78.

[938] Второй съезд работников советской юстиции Казакской советской социалистической республики: (протоколы Съезда). Кзыл-Орда: Нар. комиссариат юстиции Казах. ССР, 1926. С. 146.

[939] Бабенко В.Н. Судебная система России: История и современность. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 171.

правовой системы и юстиция республики приобрела логически завершенный вид, полностью интегрировав в общегосударственное судебно-правовое пространство.

Заключение

Одним из важных направлений модернизации Степного края России выступало формирование его судебной системы, основанной на принципах общеимперской юстиции. На протяжении конца XVIII в. – первой четверти XX в. создавалась сложная конфигурация региональной юстиции, которая должна была выступать не только способом координации социального взаимодействия, но и выражать политические интересы государства.

Первые шаги в формировании судебной системы Степного края были предприняты в 80-е гг. XVIII в., выступая одним из результатов реформаторской деятельности Екатерины II. Рубеж XVIII–XIX в. стал периодом первых попыток со стороны Российской империи создания институтов судебной власти в казахской степи. Несомненным достоинством этого периода стало формирование у политической элиты устойчивого представления о необходимости интеграции региона в судебно-правовое поле Российской империи.

Важным в развитии судебной системы Степного края стала первая половина XIX в., когда в результате принятия и введения в действие «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. и «Устава о оренбургских киргизах» 1824 г., были разработаны две модели судоустройства и судопроизводства, сформированы основные контуры региональной судебной системы.

Новый этап развития судебной системы связан с принятием «Временного положения об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями» 1868 г. и решением нового цикла задач. Временное положение 1868 г. отразило модернизационную направленность политики России в Степном крае. Система суда приобрела отчетливую конфигурацию. Но исключение региона из сферы распространения положений и принципов Судебной реформы 1864 г. обусловили незавершенный характер судебных преобразований в Степном крае и привели к нарастанию в региональной юстиции кризисных тенденций.

Принятие в 1886 г. Положения об управлении Туркестанским краем и Степного положения в 1891 г. ознаменовало третий этап реформы судебной системы. По содержанию и характеру преобразований данный этап являл собой период стагнации в модернизации судебной системы, что, в целом, соответствовало общеимперским контрреформистским тенденциям.

Следующий этап развития судебной системы Степного края связан с проведением судебной реформы в 1898 г. и распространением на регион Судебных уставов 1864 г. Процесс сопровождался созданием мировых судов, окружных судов и судебных палат. Однако, при, в целом позитивной оценке этапа, необходимо отметить, что принципы судебной реформы 1864 г. были реализованы не в полной мере. Так, в Степном крае не получила развитие адвокатура, суд присяжных создан спустя десятилетие, в системе судопроизводства сохранял свое значение народный суд.

Завершающим этапом модернизации судебной системы выступали реформы судоустройства и судопроизводства в 1918–1925 гг. Падение династии Романовых и установление нового политического режима полностью изменило принципы государственной политики, форм и методов реализации судебной власти. В регионе получила распространение новая модель юстиции. Были введены общегосударственные судебные институты и нормы права, ликвидированы пережитки традиционной судебно-правовой системы. Данные изменения завершили процесс модернизации судебной системы Степного края.

Модернизационная политика государства, частью которой выступало реформирование судебной системы Степного края в XIX – начале XX в., была направлено на развитие правосознания, повышение уровня правовой культуры, включение населения региона в российскую правовую систему через диффузию в регион элементов общеимперской юстиции, норм и принципов регламентации правоотношений, основанных на принятой нормативно-правовой основе с учетом изменений социально-экономических и политико-правовых условий. Реализация государством так называемой

«правовой колонизации» или «правовой аккультурации» решала задачи поддержания единого политико-правового пространства и, в определенной мере, задачи «выравнивания» правового развития отдельных этнорегионов. Правовая аккультурация вела к формированию единого правового пространства. Происходило постепенное распространение имперских судебных институтов и норм права на все население Степного края (как переселенческий компонент, так и местное население) при сохранении действия традиционного права только для местного населения, и интеграции, предполагающей двухсторонний процесс взаимодействия правовых культур, включение традиционного права в общеимперское в тех сферах, где не существовало явных противоречий.

Целью реформ судебной системы Степного края имперского периода выступала интеграция степных областей в общеимперское судебно-правовое пространство. В регион были импортированы общеимперские судебные институты, нормы права, общеимперское законодательство (Уложение о наказаниях, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Устав уголовного судопроизводства и т.д.), элементы правовой культуры. Укрепление и расширение общеимперских судебных институтов в регионе было обусловлено социально-экономической модернизацией, появлением новых факторов развития общества.

Определяющей характер судебной системы Степного края с момента ее становления до окончательной реорганизации в 1925 г. особенностью было сохранение в системе судопроизводства суда биев, опирающегося на нормы адата. Устойчивость традиционного суда в региональной юстиции была обусловлена государственными интересами, а также отсутствием прочной социально-экономической основы для коренной реорганизации судебной власти. При этом, нельзя отрицать, что реформы постепенно меняли статус народного суда, функционал бийского суда претерпевал существенные изменения. Безусловно, интеграция традиционного суда в общеимперскую судебную систему России не только способствовала внутриполитической

стабилизации в национальных регионах, но и в целом содействовала развитию казахского этноса с родовой системой управления и традиционными регуляциями.

В то же время, оценивая данную политику с позиции модернизации казахского общества, можно говорить о ее неэффективности. Сохранение народного суда не позволило в полной мере инкорпорировать местное население региона в общеимперское пространство, а российские имперские власти так и не предприняли шагов к коренной ломке традиционных социально-правовых институтов казахского общества.

Сочетание в рамках одной судебной системы традиционных институтов и норм права, наряду с общеимперскими элементами судебной системы, привели к формированию особого институционального «гибрида», сочетающего в себе формальные и неформальные элементы юстиции. Последние, сохраняя свою регулятивную функцию, приобрели признаки института и законодательно были включены в структуру судебной системы региона. Сложная конфигурация судебной системы Степного края (суд биев, дореформенные имперские судебные органы, пореформенные институты) обусловила и сложный характер взаимоотношений между формальными и неформальными нормами, который можно характеризовать как потенциально конфликтный.

Важным достижением развития судебной системы Степного края во второй половине XIX в. при сохранении традиционного судопроизводства стало изменение в обществе к вопросам семьи и брака в казахском обществе. Устойчивый традиционализм семейно-брачных отношений не позволил коренным образом изменить правоспособность и социальные возможности казахской женщины в семье вплоть до конца имперского периода. Однако, укрепление роли общеимперских судебных институтов в Степном крае оказало благоприятное влияние на развитие «женского» вопроса, признание его в качестве актуальной проблемы. Не менее значимым являлось и введение в традиционные отношения элементов гражданского права, в

частности института опеки и попечительства. Власти стремились найти оптимальные для региона модели организации института опеки, включить традиционное общество в общеимперский механизм регуляции социальных отношений.

Особое внимание в ходе судебной реформ уделялось и созданию эффективной системы социального контроля, основными институтами которой выступали прокуратура, полиция и тюремная система. Становление и развитие прокуратуры, полиции и пенитенциарной системы в Степном крае, безусловно, проходило в русле общеимперских тенденций, однако, практически с момента трансплантации деятельность данных институтов приобрела структурные отличия. К началу XX столетия функциональная малоэффективность системы социального контроля региона была очевидна и требовала модернизации.

Проблемы в деятельности судебных институтов носили системный характер и были обусловлены обширностью и связанной с этим неравномерной освоенностью региона, низкими темпами социально-экономической модернизации, нехваткой финансирования, требующей обновления материально-технической базой, недостаточностью профессионального кадрового обеспечения.

Несмотря на наличие ряда существенных проблем в работе судебной системы, незавершенность многих преобразований, реформы XIX – начала XX в. способствовали модернизации общества, интеграции общества в государственную систему судебной власти. В регионе были созданы все необходимые институты судебной системы, распространялись нормы государственного права. Создание на протяжении XIX в. – первой четверти XX в. в Степном крае системы имперского / советского судоустройства и судопроизводства отвечало модернизационной направленности политики государства по отношению к региону, выступало одним из механизмов реализации Россией политики интеграции во фронтирных зонах. Этот процесс обеспечивал укрепление связей центра с окраиной, способствовал

унификации государственного управления в изначально неоднородном по своим характеристикам регионе, что, в итоге, приводило к нивелированию понятия «фронтир» и созданию общегосударственной судебной системы.

Список источников и литературы

I. Опубликованные источники

Нормативно-правовые акты

1. Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). – Т. V. – Алматы: Жеті жарғы, 2005. – С. 441–463.

2. Временный штат крестьянских установлений в областях Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской // Сборник узаконений и распоряжений Правительства об устройстве крестьян и инородцев Степного Края. – Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1903. – С. 5–6.

3. Высочайше утвержденная 6 декабря 1905 г. Мемория Совета министров // Законодательные акты переходного времени 1904–1906 гг. – СПб., 1907. – С. 288–290.

4. Высочайше утвержденное 10 июня 1902 г. Мнение Государственного Совета о распространении на Акмолинскую, Семипалатинскую, Уральскую и Тургайскую области Высочайше утвержденного 2 июня 1898 г. Временного Положения о Крестьянских Начальниках // Сборник узаконений и распоряжений Правительства об устройстве крестьян и инородцев Степного Края. – Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1903. – С. 1–6.

5. Высочайше утвержденное 10 марта 1869 г. мнение Государственного совета о порядке производства дел прежних судебных мест, как в местностях, где вводятся Судебные уставы в полном объеме, так и в тех, где вводятся мировые судебные установления отдельно от общих // Архивариус, или Сборник узаконений и правительственных распоряжений

по устройству и разбору архивов судебных установлений / Сост. А.Г. Чудовичев. – Казань: Типография губернского правления, 1880. – С. 12–17.

6. Высочайше утвержденное 16 июня 1905 г. мнение Государственного совета «О некоторых изменениях и дополнениях закона 7 июня 1904 г. о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. – Изд. 2-е, пересмотренное и доп. по 1 янв. 1907 г. – Санкт-Петербург: Издание Юридического книжного склада "Право", 1907. – С. 99–103.

7. Высочайше утвержденное 6 октября 1906 Г. Положение Совета министров. Обь изменении подсудности дел о преступных деяниях государственных, возникающих в пределах Иркутского, Омского и Ташкентского судебных округов // Законодательные акты переходного времени. 1904–1906 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. – Изд. 2-е, пересмотренное и доп. по 1 янв. 1907 г. – Санкт-Петербург: Издание Юридического книжного склада «Право», 1907. – С. 640–642.

8. Высочайше утвержденное Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 18. – СПб., 1901. – № 15503. – С. 403–416.

9. Высочайше утвержденное положение об отдельном управлении сибирскими киргизами. 6 апреля 1838 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 13. – СПб.: Тип. II Отделения

Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1839. –№ 11122. – С. 272–276.

10. Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 11. – СПб., 1894. – № 7574. – С. 133–147.

11. Высочайше утвержденные основные положения преобразования судебной части в России. Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 29 сентября 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 37 – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1865. – № 38761. – С. 145–174.

12. Высочайше утвержденный Устав о Сибирских киргизах (22 июня 1822 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – Т. 38. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – № 29127. – С. 417–433.

13. Декларация прав трудящихся КССР // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. – Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. – С. 85–88.

14. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. – № 83. – М., 1943. – С. 599–608.

15. Декрет ВЦИК «Об автономной Киргизской социалистической советской республике» // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. – Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. – С. 6–8.

16. Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_408.htm

17. Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_254.htm

18. Декрет ВЦИК СНК РСФСР о дополнении главы IX Уголовного Кодекса РСФСР о бытовых преступлениях, наказуемых на территории Автономной Казахской ССР от 24 августа 1925 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / Сост.: проф. А.А. Герцензон. – М.: Госюриздат, 1953. – С. 197.

19. Декрет о суде. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. I. – С. 124–126.

20. Декрет СНК Киргизской АССР «Об отмене куна» от 9 декабря 1920 г. // Образование Казахской ССР. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. – Док. № 209. – С. 309–310.

21. Декрет СНК от 10 июля 1919 г. «О Революционном комитете по управлению Киргизским краем». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istmat.info/node/38280

22. Декрет ЦИК и СНК Киргизской АССР «Об отмене калыма» от 29 декабря 1920 г. // Образование Казахской ССР. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. – Док. № 211. – С. 310.

23. Закон 2 июня 1898 г. о преобразовании судебной части в Туркестане и Степных областях // Судебные уставы Императора Александра Второго в Сибири, Туркестане и Степных областях : [полный текст судебных уставов, формы разных прошений и бумаг по гражданским и уголовным делам] / сост. : В. К. Сальмонович, Н. А. Громов. – 2-е пересм., и доп. изд. – Томск : Издание книжного магазина П. И. Макушина, 1898. – С. 701–713.

24. Закон 7 июня 1904 г. и 16 июня 1905 г. о порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным

постановлений нового уголовного уложения. М.: изд-во кн. маг. И.К. Голубева, 1905. – 32 с.

25. Именной, данный правящему должность генерал-губернатора Уфимского и Симбирского генерал-поручику Апухтину указ от 2 мая 1784 г. «О мерах для укрощения своевольства киргиз-кайсаков» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – Т. 22. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – № 15991. – С. 142–144.

26. Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 11 октября 1865 г. об изменении и дополнении статей свода законов, касающихся судопроизводства и делопроизводства в судебных местах прежнего устройства // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. – СПб.: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – Ч. V. – 178 с.

27. О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916 г. Отд. 1. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1916. – 13 октября 1916 г. – № 280. Ст. 2211. – С. 2823–2824.

28. О введении учреждения суда присяжных заседателей в Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, в некоторых уездах губерний Архангельской и Тобольской, в губернии Томской и в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 29 – СПб., 1912 – № 31862. – С. 325–329.

29. О временном усилении личного состава судного отделения Акмолинского областного правления // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 51 – СПб., 1879. – №. 56723. – С. 525.

30. О временном усилении судного отделения Уральского областного правления // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 51 – СПб., 1879. – №. 55892. – С. 426.

31. О образовании внутреннего управления Канцелярии войска Уральского // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – Т. 27. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – № 21101. – С. 1094–1099.

32. О применении к землям казачьих войск Оренбургского, Уральского, Астраханского, а также к Акмолинскому войсковому хозяйственному управлению Высочайше утвержденных, 7 марта 1866 г., Правил о правах и обязанностях лиц прокурорского надзора // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 48. – СПб., 1876. – № 55143. – С. 303.

33. О разбирательстве взаимных исков и притязаний полинейных российских жителей Оренбургской губернии с киргизами в Оренбургской комиссии // Полное собрание законов Российской империи. Собр 2. – Т. 11. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1837. – №. 9391. – С. 801.

34. О разделении степи для киргизцев на три части, о построении городов, мечетей, школ и гостиных дворов, о разборе в Пограничном суде одних судных гражданских и уголовных дел и о заведении расправ // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – Т. 22. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – №. 16400. – С. 604–606.

35. О распределении между казною и средствами Уральского казачьего войска расходов по содержанию гражданских тюрем и арестантов в Уральской области // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 12. – СПб., 1895. – № 8345. – С. 112–113.

36. О распределении между Оренбургским и Троицким окружными судами прав и обязанностей по делам, возникающим в Тургайской области // Собрание узаконений и распоряжений правительства. – 1895 г. – № 116. – Ст. 869. – С. 2179–2181.

37. О штатах полицейского управления в городе Акмолинске // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 50. – СПб.: Тип.

II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877. – № 54384. – С. 137–138.

38. Об усилении Омской, Семипалатинской и Верненской городской полиций. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 01 декабря 1897 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 17. – СПб., 1900. – № 14272. – С. 665–666.

39. Об усилении следственно-мировой части в Степных областях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 31. – СПб., 1914. – № 35328. – С. 427.

40. Об устройстве тюремного надзора в Семиреченской области // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 4. – СПб., 1887. – № 2529. – С. 528–529.

41. Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 05 мая 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 23. – СПб., 1905. – № 22906. – С. 477–481.

42. Об учреждении в городе Омске женского тюремного отделения // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 37. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1865. – № 39096. – С. 600.

43. Об учреждении в Тургайской области должностей Становых приставов и полицейских урядников // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 28. – СПб., 1911. – № 30742. – С. 480.

44. Об учреждении в Уральской области трех должностей конно-полицейских урядников // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 13. – СПб., 1897. – № 9344. – С. 86.

45. Об учреждении полиции в Оренбурге // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. – Т. 25. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – № 18478. – С. 197–199.

46. Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской от 25 марта 1891

г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. – 1891. – Первое полугодие. № 46. – СПб., 1891.

47. Положение об управлении Оренбургскими киргизами. – СПб.: тип. Journal de Saint-Petersbourg, 1844.

48. Положение об управлении Туркестанским краем 12 июня 1886 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 6. – СПб., 1888. – № 3814. – С. 318–346.

49. Постановление ВЦИК «О дополнениях Уголовного кодекса РСФСР для автономных республик и областей» от 16 октября 1924 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18735#4xspuBUWO1vmXwe91

50. Постановление от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие положения о судоустройстве РСФСР». [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1438.htm

51. Резолюция по организации советской юстиции // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. – Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. – С. 85–88.

52. Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах (Особ. прил. к т. 9 Зак. о сост., изд. 1902 г. и по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.). – СПб.: Зем. отд. М-ва вн. дел, 1911. – 872 с.

53. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1891, 1895, 1898, 1899, 1903, 1904, 1916 гг. СПб., 1891–1916.

54. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. / Совет Народных Комиссаров. – М.: Б. и., 1943. – 886 с.

55. Степное положение 25 марта 1891 г. с объяснениями по официальным источникам. Санкт-Петербург : Зем. отд. М-ва вн. дел, 1891. – 208 с.

56. Указ императора Николая I о распространении на казахов общих законов Российской империи от 22 июня 1854 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/261-280/261.htm

57. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1845. – 898 с.

Статистические и делопроизводственные документы

58. Всеподданейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908-1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. II. Административный строй. – СПб.: Сенат. тип., 1910. – 53 с.

59. Всеподданейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908-1909 гг. по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Ч. I. Правовой быт. – СПб.: Сенат. тип., 1910. – С. 89–98.

60. Всеподданнейший доклад министра юстиции о ходе работ по улучшению судебной части за 1894–1899 г. // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 7. – С. 116–128.

61. Всеподданнейший доклад министра юстиции статс-секретаря Муравьева о деятельности Министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894–1904 гг.) // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 2. – С. 33–84.

62. Всеподданнейший отчет военного губернатора Семиреченской области за 1899 г. – Б.м., б.д. – 19 с.

63. Всеподданнейший отчет военного губернатора Тургайской области за 1884 г. – Б.м., б.д. – 18 с.

64. Всеподданнейший отчет исправляющего должность военного губернатора Семипалатинской области за 1887 г. – Б.м., б.д. – 10 с.

65. Всеподданнейший отчет исправляющего должность военного губернатора Семиреченской области за 1901 г. – Б.м., б.г. – 10 с.

66. Всеподданнейший отчёт Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края за 1910 г. – Омск, 1911. – 21 с.

67. Всеподданнейший отчёт Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края за 1913 г. – Омск, 1913. – 22 с.

68. Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора за 1883 г. – Б.м. : б.и. – 35 с.

69. Выписка из отзыва Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта барона Вревского к Военному министру (от 5 июня 1891 г.) // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы. Т. X. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895. – С. 118–120.

70. Записка Д. Гранкина, представленная князю Г. Потемкину по поводу административного устройства в Младшем жузе (16 декабря 1788 г.) // Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Наука, 1964.

71. Из Обращения ЦИК Казахской АССР к женщинам Казахстана в день отмены калыма // Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.). Сборник документов и материалов / Отв. ред. З.А. Астапович; Сост. Ю.П. Дзагурова. – М.: Мысль, 1971. – С. 80–81.

72. Из Резолюции I Учредительного съезда Советов КАССР об общих положениях брачного, семейного и опекунского права // Женщины Казахстана – активные строители социализма. 1918–1945. Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Казахстан, 1981. – С. 26–27.

73. Из циркуляра Народного Комиссариата юстиции КАССР народным судам и народным следователям казахских участков о введении в судебно-следственных органах делопроизводства на киргизском языке от 11 июля 1923 г. // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые

годы советской власти. Документы и извлечения. – Барнаул: АЗБУКА, 2016. – Док. № 166. – С. 414–415.

74. О правах трудящихся женщин Советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами их закрепощения в области экономической и семейно-бытовой. Обращение Президиума ЦИК СССР, 13 февраля 1925 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. / Сост.: проф. А.А. Герцензон. – М.: Госюриздат, 1953. – С. 211–212.

75. Об организации советской юстиции от 10 октября 1920 г. // Образование Казахской ССР: Сборник документов и материалов – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. – Док. № 192. – С. 284.

76. Об организации советской юстиции от 10 октября 1920 г. // Образование Казахской ССР: Сборник документов и материалов – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. – Док. № 192. – С. 284–286.

77. Обзор Акмолинской области 1870–1914 гг. / Акмолинский обл. стат. ком. – Омск : тип. Акмолин. обл. правления, 1871–1917.

78. Обзор Семипалатинской области 1870–1911 гг. – Семипалатинск : тип. обл. правления, 1871–1913.

79. Обзор Семиреченской области за 1885 г. – Верный : Тип. Семиреч. обл. правления, 1886. – 71 с.

80. Обзор Тургайской области 1870–1915 гг. / Тургайск. обл. стат. ком. – Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1871–1916.

81. Обзор Уральской области 1868–1915 гг. – Уральск, 1868–1916.

82. Объявление отдела юстиции Семипалатинского областного Совета населению области об упразднении судебных учреждений Временного правительства и формировании советского народного суда от 8 апреля 1918 г. // Образование Казахской ССР: Сборник документов и материалов – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. – Док. № 32. – С. 63.

83. Объяснительная записка к Положению об управлении в Степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств. – Б.м., 1868.

84. Особый журнал Совета министров «По проекту основных начал преобразования управления Туркестанским краем 20.11.1912 г. // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – СПб., 1998. – С. 887.

85. Отзывы и.д. Степного генерал-губернатора от 7 ноября 1900 г. // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Свод отзывов ведомств по выработанным Комиссией законопроектам. – СПб.: Сенатская типография, 1901. – С. 353–400.

86. Отзывы и.д. Туркестанского генерал-губернатора от 14 июля 1900 г. // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Свод отзывов ведомств по выработанным Комиссией законопроектам. – СПб.: Сенатская типография, 1901. – С. 61–64.

87. Отношение Главного управления Западной Сибири военному губернатору Области сибирских киргизов от 13 мая 1863 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – С. 116–117.

88. Отчет военного губернатора Семипалатинской области за 1898 г. – Б.м., б.д.

89. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край и степные области для ознакомления с деятельностью народных судов. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – 106 с.

90. Отчет по Главному тюремному управлению за 1906 г. – СПб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1908. – 333 с.

91. Отчет по Главному тюремному управлению за 1907 г. – СПб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1909. – 397 с.

92. Отчет по Главному тюремному управлению за 1909 г. – СПб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1911. – 197 с.

93. Отчет по Главному тюремному управлению за 1910 г. Ч. 2. Приложения. – СПб. :Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1912. – 355 с.

94. Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г. Ч. I. Объяснения. – Петроград, 1917. – 105 с.

95. Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. – Б.м., [1884]. – 464 с.

96. Представление генерал-майора Я.Боувера Екатерине II о положении дел в Среднем жузе и о мерах улучшения торговли и развитии оседлости (9 апреля 1795 г.) // Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771–1867 годы): Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Наука, 1964.

97. Протокол заседания № 8. 10 октября 1920 г. // Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. – Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936. – С. 51–59.

98. Рапорт военного губернатора Семипалатинской области Его Императорскому величеству за 1892 г. – Б.м., 1893 г.

99. Свод отзывов ведомств по выработанным Комиссией законопроектам / Высочайше утвержденная Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. – С.-Петербург : Сенатская типография, 1901. – 913 с.

100. Уведомление отдела юстиции Кирвоенревкома Темирскому уездному ревкому о подготовке к съезду народных судей Тургайского судебного округа от 24 апреля 1920 г. // Образование Казахской ССР: Сборник документов и материалов – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. –Док. № 116. – С. 184–185.

Материалы дореволюционной печати

101. Аничков, И.В. Присяга киргиз перед русским судом / И.В. Аничков // Журнал Министерства юстиции. – 1898. – № 9. – С. 24–50.

102. Вновь открытые общества патроната // Тюремный вестник. – 1910. – № 5. – С. 651–652.

103. Вопросы управления, хозяйства, суда и народного образования в Тургайской области, разрешенные в общем присутствии Тургайского областного правления с участием уездных начальников и сведущих лиц из киргизов в заседаниях с 25-января по 12 февраля 1894 г. Оренбург, 1894 г. // Журнал юридического общества. – 1895. – Кн. 5. Май. – С. 18–26.

104. Дельвиг, Б.Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края / Б.Н. Дельвиг // Журнал Министерства юстиции. – 1910. – № 5. – С. 122–140.

105. Дингельштедт, Н. Судебное преобразование в Туркестане / Н. Дингельштедт // Журнал гражданского и уголовного права. Год 22-й. Кн. 7. – СПб., 1892. – С. 1–75.

106. Емельянов, Н. Судебная реформа в Степных областях и в Туркестанском крае / Н. Емельянов // Русский вестник. – 1898. – № 8.

107. Корф, С.А. Очерк развития губернаторской должности в России / С.А. Корф // Вестник права. – 1901. – № 9. – С. 130–148.

108. Крахалев, А.И. Суд и следствие у киргизов Сибири / А.И. Крахалев // Юридический вестник. – М., 1888. – № 5. – С. 23–48.

109. Леонтьев, А. Обычное право киргиз: Судоустройство и судопроизводство / А. Леонтьев // Юридический вестник. – 1890. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 113–139.

110. Леонтьев, А.А. Реформа управления и суда в сибирских степях / А.А. Леонтьев // Юридическая летопись. – 1892. – Т. 2. – № 7. – С. 18–35.

111. Максимов, Н. Народный суд у киргизов (суд биев) / Н. Максимов // Журнал юридического общества. – 1897. – Кн. 7. – Сентябрь. – С. 62–86.

112. Малышев, Н.Н. Положение киргизской женщины по обычному семейному праву киргизов (адату) / Н.Н. Малышев // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 2. – С. 128–151.

113. Муравьёв, Н.В. Русский прокурорский надзор от Петра Великого до Екатерины II / Н.В. Муравьёв // Юридический вестник. – 1888. – Т. 10. – С. 199–241.

114. Мякутин, А.И. Юридический быт киргизов / А.И. Мякутин // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1911. – Вып. XXV. – 249 с.

115. Народный суд у киргизов (суд биев) // Журнал юридического общества. – 1897. – Кн. 7. – Сентябрь. – С. 62–82.

116. О преобразовании управлений тюрем в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и областях Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Якутской // Тюремный вестник. – 1913. – № 6/7. – С. 898–899.

117. О применении 218 статьи Положения об управлении Туркестанским краем // Журнал Министерства юстиции. – 1910. – № 4. – С. 132–140.

118. О судебной реформе в Туркестанском крае и Степных областях // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – №. 2. – С. 63–110.

119. Об учреждении тюрем в городах Мерве и Красноводске Закаспийской области и Актюбинске Тургайской области // Тюремный вестник. – 1912. – № 8/9. – С. 1286–1287.

120. Открытие новых судебных установлений в Туркестанском крае, Степных и Закаспийской областях // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 5. – С. 73.

121. Словохотов, Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды / Л.А. Словохотов // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. – Оренбург, 1905. – Вып. XV. – 158 с.

122. Трегубов, С.Н. Прокурорский надзор в народном суде Туркестанского края / С.Н. Трегубов // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 7. – С. 103–138; № 10. – С. 59–92.

123. Черданцев, Н.С. О некоторых ненормальностях в устройстве народного суда в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах / Н.С. Черданцев // Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 2. – С. 105–149.

124. Щегловитов, И.Г. К сорокалетию Судебных уставов 20 ноября 1864 г. / И.Г. Щегловитов // Вестник права. Журнал юридического общества. – 1904. – Ноябрь. – Кн. 9. – С. 1–28.

125. Щегловитов, И.Г. Пересмотренные Судебные Уставы накануне законодательного обсуждения / И.Г. Щегловитов // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 1. – С. 151–215.

Сборники документов и материалов

126. Архивариус, или Сборник узаконений и правительственных распоряжений по устройству и разбору архивов судебных установлений / сост. А. Г. Чудовичев, архивариус Казанского окружного суда. – Казань : Тип. Губ. правл., 1880. – 72 с.

127. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.). Сборник документов и материалов / Отв. ред. З.А. Астапович; Сост. Ю.П. Дзагурова. – М.: Мысль, 1971. — 464 с.

128. Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (4 ; Москва ; 1922). IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (26–30 января 1922 г.). – М.: Б. и., 1922. – 192 с.

129. Второй съезд работников советской юстиции Казахской Советской Социалистической Республики: (Протоколы съезда). -– Кзыл-Орда : Изд. Народного Комиссариата юстиции КССР, 1926. –155 с.

130. Женщины Казахстана - активные строители социализма, 1918–1945 : сборник документов и материалов / сост. М. А. Абдулкадирова и др. – Алма-Ата : Казахстан, 1981. – 335 с.

131. Законодательные акты переходного времени 1904–1906 гг. : Сб. законов, манифестов, указов Пр. сенату. рескриптов и положений Ком. министров, относящихся к преобразованию гос. строя России, с прил. алф. предм. указ. / Под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. – 2-е изд., пересмотр. и доп. по 1 янв. 1907 г. – Санкт-Петербург : Юрид. кн. скл. "Право", 1907. – 733 с..

132. История Казахстана (XVIII – начала XX в.). Сб. документов и материалов. – Алматы: Қазақ университеті, 2001. – 314 с.

133. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. – Оренбург : скл. изд. у авт., 1898 (типо-лит. П.Н. Жаринова). – 884 с.

134. Материалы по истории политического строя Казахстана (Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской соц. революции) : Сборник / Сост. М.Г. Масевич. – Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. – Т. 1. – 441 с.

135. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности. 1 ноября 1917 года – 20 июня 1918 года / Нар. комиссариат по делам национальностей. – М. : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1918. – 47 с.

136. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921–1925 гг.). Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. – 594 с.

137. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях / Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. – Оренбург : типо-лит. П.Н. Жаринова, 1898. – 215 с.

138. Судебные уставы Императора Александра Второго в Сибири, Туркестане и Степных областях: [полный текст судебных уставов, формы разных прошений и бумаг по гражданским и уголовным делам] / сост. : В. К. Сальмонович, Н. А. Громов. – 2-е пересм., и доп. изд. – Томск : Издание книжного магазина П. И. Макушина, 1898. — 754 с.

139. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Сост. Лысенко Ю.А. и др. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 271 с.

140. Учредительный съезд советов Киргизской (Казахской) АССР 4–12 октября 1920 г.: Протоколы / Под ред. и со вступ. статьей Е. Г. Федорова. – Алма-Ата ; Москва : Казах. краев. изд-во, 1936. – 127 с.

141. Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. – Барнаул: АЗБУКА, 2016. – 459 с.

II. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

142. Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 72. Д. 177ч. 5. Об увеличении в Акмолинской области уездной полиции.

143. Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 72. Д. 177ч. 6. О введении в Семипалатинской области 26 становых приставов и низшей полицейской стражи

Российский государственный исторический архив (РГИА)

144. Ф. 565. Департамент Государственного Казначейства МФ. Оп. 7. Д. 29084. Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях.

145. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Оп. 133. Д. 594. Проект упразднения народных судов в Туркестанском крае. Переписка об устройстве судебной части для горского населения Кавказа.

146. Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета. Оп. 10-1884 г. Д. 73. Об устройстве тюремного надзора в Семиреченской области.

147. Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета. Оп. 12-1895. Д. 129. Об учреждении в Уральской области двух временных должностей помощников мировых судей.

148. Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета. Оп. 12-1896. Д. 112. Дело о выдаче прогонных и суточных денег мировым судьям Уральской и Степных областей.

149. Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета. Оп. 12–1896 г. Д. 98. Об увеличении состава городской полиции в Туркестанском крае.

150. Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета. Оп. 12–1897 г. Д. 88 Об усилении полиции в городах Омске, Семипалатинске и Верном.

151. Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета. Оп. 13–1903 г. Д. 155. Об усилении полиции в Акмолинской области.

152. Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета. Оп. 13–1904 г. Д. 138. Об усилении полиции в Семипалатинской области.

153. Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета. Оп. 7–1867. Д. 50. Об упразднении в г. Семипалатинске городового суда, с передачей из него дел в Семипалатинский окружной приказ.

154. Ф. 1264. Первый Сибирский комитет. Оп. 1. Д. 339. Дело по вопросу о введении в действие "Устава о сибирских киргизах". Записка сенатора князя Куракина о ревизии деятельности местных властей Западной Сибири по введению «Устава о киргизах».

155. Ф. 1265. Второй Сибирский комитет. Оп. 3. Д. 15. Дело Второго Сибирского комитета об учреждении в Семипалатинске городской думы и городового суда и об издании для них особого штата.

156. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 2. Д. 82. Об изменении порядка подсудности дел «о государственных преступлениях», возникающих в пределах Иркутского, Омского и Ташкентского судебных округов.

157. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 2. Д. 98. Об отпуске средств на ремонт Каркаралинской тюрьмы в Семипалатинской обл.

158. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 3. Д. 43. Об учреждении в Тургайской области должностей становых приставов и полицейских урядников в связи с увеличением населения за счет переселенцев.

159. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 3. Д. 134. Об отпуске средств на постройку камеры и квартиры для участкового мирового судьи в укреплении Нарынском Семиреченской области.

160. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 4. Д. 17. Дело о назначении отставного действительного статского советника Нестеровского председателем межведомственного совещания по составлению нового положения об управлении Туркестанским краем.

161. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 4. Д. 29. Об отпуске средств на приобретение огнестрельного оружия и патронов для конно-полицейских урядников Семипалатинской области.

162. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 4. Д. 74. Об отпуске городу Семипалатинску пособия на содержание полиции в 1909 году.

163. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 4. Д. 91. Об увеличении отпуска средств на содержание поднадзорных в Уральской области.

164. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 4. Д. 157. О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края, в связи с увеличением числа политических и уголовных ссыльных в крае, и революционными волнениями в Тобольской губернии в конце 1905 года.

165. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 6. Д. 57. Об усилении следственно-мировых учреждений в Степных областях.

166. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 8. Д. 22. Журнал Совещания, учреждённого для выработки основных начал преобразования

управления Туркестанским краем, (1911 г.) и выписка из доклада военного министра о реорганизации административного управления Туркестана с резолюцией Николая II.

167. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 10. Д. 90. По законодательному предположению членов Государственной думы об отмене ограничений в правах на вступление в сословие присяжных поверенных для лиц мусульманского вероисповедования.

168. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 11. Д. 60. Об усилении полицейского надзора в Енисейской и Иркутской губерниях и Тургайской области в связи с увеличением населения за счет переселенцев.

169. Ф. 1276. Совет Министров (1905–1917). Оп. 13. Д. 3. Об отпуске средств на содержание полиции в 50-ти губерниях России и о введении полицейской стражи в губерниях и областях Сибири, Степного и Приамурского краев.

170. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 81. Д. 95а. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1823 г. О новом управлении Меньшей киргизской орды и о султанах, ее правителях. Часть 1.

171. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 2–1849. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1849 г. О предоставлении Султанам правителям разбирательства дел между киргизами об убийствах, баранте, грабежам и воровстве.

172. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 7–1860. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1860 г. О распространении на киргизов Внутренней орды нового порядка судопроизводства.

173. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 33–1869. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1869 г. Об учреждении в городе Омске должности Городового Судьи и Судебного Следователя.

174. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 8–1871. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1871 г. О порядке переноса дел по жалобам на уездных судей в Областное правление Степных областей.

175. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 12–1872. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1872 г. О расходах по содержанию следственной комиссии в Уральской области.

176. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 27–1873. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1873 г. О применении к степным областям Высочайше утвержденных 7 марта 1866 года правил о правах и обязанностях лиц прокурорского надзора.

177. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 12–1877. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1877 г. О распространении на Степные области, Тургайскую и Уральскую Правил 10 Марта 1869 года о согласовании старого порядка дел с новым судопроизводством.

178. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 9–1879. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1879 г. По указу Правительствующего Сената о доставлении заключения об отмене постановления Уральского Областного правления по вопросу о размере штрафов, налагаемых судом биев, за преступления и проступки киргизов.

179. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 14–1879. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1879 г. Об учреждении особых временно-коллегиальных присутствий для суждения дел о случайных происшествиях и о бродягах.

180. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 15–1891. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1891 г. По проекту министра юстиции об изменении установленных Положением об управлении Туркестанского края правил подсудности народным судам некоторых

уголовных и гражданских дел и о распространении проектируемых изменений на Степные области.

181. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 16–1881. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1881 г. По вопросу о предании киргизов суду за проступки против порядка управления по общим законам Империи.

182. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 3–1884. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1884 г. О составлении окончательных предположений об устройстве управления и судебной части в Степных областях.

183. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 16–1884. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1884 г. Об учреждении в Семиреченской области полицейской стражи.

184. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 16–1893. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1893 г. По вопросу о порядке решения брачных и семейных дел киргизов Степных областей.

185. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 21–1893. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1893 г. О строительных работах, предполагаемых к производству в Тургайской области, на счет остатков от добровольных сборов с киргизов.

186. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 82. Д. 40–1894. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1894 г. Об избрании кандидатов к народным судьям в Степных областях.

187. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 84. Д. 18–1897. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1897 г. Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях.

188. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 84. Д. 4–1901. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1901 г. По вопросу об изменении некоторых статей положения об управлении Туркестанского края, касающихся народного суда.

189. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 84. Д. 85–1904. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1904 г. По вопросу о постановке опекунского дела у кочевого населения Степных областей.

190. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 84. Д. 149–1905. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1905 г. По вопросу о том, разбору какого суда, народного или коронного, должны подлежать так называемые «брачные дела», возникающие между киргизами, проживающими в пределах русских поселений Семипалатинской области.

191. Ф. 1291. Земский отдел Министерства внутренних дел. Оп. 84. Д. 116–1909. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1909 г. Об усилении с 1 января 1910 года следственно-мировой части в Степных областях.

192. Ф. 1376. Ревизия сенаторов В.К. Безродного и кн. В.А. Куракина Западной Сибири. Оп. 1. Д. 4. О нуждах и недостатках вообще по всем местным учреждениям Западной Сибири.

193. Ф. 1396. Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 8. «Всеподданнейшие» доклады туркестанских генерал-губернаторов за 1895–1897 гг. и 1909 г.; «всеподданнейшие» отчеты военных губернаторов областей: Самаркандской за 1903–1904 гг. и 1906 г., Сыр-Дарьинской за 1902–1906 гг., Ферганской за 1901–1903 гг., Семиреченской за 1902–1905 гг. и начальника Закаспийской области за 1901–1904 гг. и 1906 г.

194. Ф. 1396. Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 127. Записки К.К. Палена о положении судебного дела в Туркестанском крае до 1898 г. и желательных преобразованиях; записка председателя Ташкентского окружного суда Захарова Н.М. о распространении на Туркестанский край закона 12 окт. 1906 г.

195. Ф. 1396. Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 128. Мнение Гос. Совета по представлению МЮ об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях.

196. Ф. 1396. Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 153. Материалы по ревизии полиции Семиреченской обл.: журналы

ревизии городских полицейских управлений и участковых приставов, рапорты и докладные записки уездных начальников и полицейских приставов о деятельности полиции и др.

197. Ф. 1396. Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 155. Журналы ревизии тюрем Семиреченской обл.; ведомости о ходе работ арестантов, о количестве одежды, белья и обуви для арестантов и обмундирования для тюремных служащих 1905–1909 гг.

198. Ф. 1396. Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 389. Записки производителя работ А. Соколова о народном суде и об обычном праве кочевников киргизов («адате»).

199. Ф. 1396 Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 390. Записки производителя работ Н. Теплова и А. Соколова, программы описания, ответы на вопросы ревизии о брачном и семейном праве у киргизов.

200. Ф. 1396. Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 392. Записки о народном суде оседлого населения Туркестанского края В.Ю. Лапина, казия г. Самарканда Муллы-Мухаммеда-Исаходжи-Ширин Ходжаева и полк. Н.С. Лыкошина.

201. Ф. 1396. Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 393. Записка К.К. Заккита о самоуправлении в народном суде кочевого населения, составленная в связи с заявлением киргизов Сукулукской вол., Пишпекского у. о желании перейти в оседлое состояние.

202. Ф. 1396. Ревизия сенатора К.К. Палена Туркестанского края. Оп. 1. Д. 441. «Всеподданнейшая» записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг. сен. К.К. Паленом ревизии Туркестанского края. Народный суд.

203. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 69. Д. 7102-а. По проекту положения о судебном устройстве в Степных областях.

204. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 69. Д. 7108-а. По проекту положения об управлении Туркестанским краем и Степными областями.

205. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 82. Д. 302. По вопросу об усилении следственной части в Уральской области.

206. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 82. Д. 320. О преобразовании судебной части в Уральской области.

207. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 82. Д. 359. По вопросу о ревизии Туркестанского края.

208. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 99. Д. 1986. О разделении Степных областей и Туркестанского края на судебно-мировые участки.

209. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 100. Д. 552. Об учреждении должности мирового судьи в Степном генерал-губернаторстве.

210. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 532. Д. 491. Дело по возбужденному МВД вопросу о преобразовании киргизского народного суда в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской обл. в связи с предположенном МВД пересмотре Степного положения.

211. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 539. Д. 217. Доклад министра юстиции Николаю II от 7 апр. 1894 г. с изложением программы деятельности Министерства по преобразованию судебной части, в том числе об учреждении Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части (Комиссия 7 апр. 1894 г.).

212. Ф. 1405. Министерство Юстиции. Оп. 539. Д. 280. Записка министра юстиции о необходимости окончательного введения в действие судебных уставов в Туркестанском крае и Степных областях.

213. Ф. 1587. Особое совещание при Государственном Совете для обсуждения проектов законоположений по судебной части. Оп. 1. Д. 1 Дело Особого совещания для подробного обсуждения законопроектов по пересмотру законоположений по судебной части.

Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК)

214. Ф. 4. Областное правление Оренбургскими киргизами, г. Оренбург. Оп. 1. Д. 490. Объяснительная записка к проекту положения об управлении в Казахской степи.

215. Ф. 4. Областное правление Оренбургскими киргизами, г. Оренбург. Оп. 1. Д. 4079. Дело об учреждении Комиссии для административного устройства Казахской степи.

216. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 243. Отчеты Акмолинского и Семиреченского губернаторов о состоянии областей за 1885 г.

217. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 437. Инструкция о народном суде казахов

218. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 647. Проект положения об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, записка о преобразовании киргизского народного суда в Степных областях и прочее.

219. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 727. Прошение доверенных от 827 юртовладельцев Борукчинской волости Пржевальского уезда киргиз Булекбая Кольтищена и Тулека Турдина об остановлении в Пишпекском уезде на местах прежних кочевок.

220. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 767. Дело о преобразовании судебной части в Степных областях.

221. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 938. Списки лиц занимающихся противоправительственной агитацией, сведения о числе проживающих киргиз, татар и о численности мулл и мечетей в Акмолинской и Семипалатинской областях, описание поселков Кокчетавского уезда и проч.

222. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 1445. Проект об устройстве суда в областях Степного генерал-губернаторства и материалы к нему.

223. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 1926. Дело о заведывании в Степном крае опекунскими учреждениями.

224. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 2097. Дело о постановке опекунства у кочевого населения и порядке отчетности по опекунским делам в Акмолинской и Семипалатинской областях.

225. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 2147. Прошение киргиза Павлодарского уезда Баян-Аульской волости Аяпбергеня Минтаева о передаче на разбирательство мирового судьи дела об ограблении просителя денег, вещей и об увозе жены сына его Зейне-Заип народным судьей Оспанбеком Тутенбаевым, Рахимбеком Оспанбековым и др. Переписка по этому вопросу.

226. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 2165. Материалы по пересмотру законоположений по судебной части.

227. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 2209. Отчет капитана Давлетшина по командировке в Туркестанский край.

228. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 2241. Проект инструкции волостным судам Акмолинской и Семипалатинской областей.

229. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 2249. Выписка ст. советника Мельникова о недостатках проекта положения об управлении Степных областей, составленного земским отделом министерства Внутренних дел.

230. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 2290. Копия журнала общего присутствия Семипалатинского областного правления и переписка с военным губернатором Семипалатинской области по прошению киргиза Павлодарского уезда Акпектавской волости Аманджола Тамашева о возвращении ему жены Фатимы, увезенной киргизом Ундашевым.

231. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 2322. Отчет управляющего канцелярией Степного генерал-губернатора.

232. Ф. 64. Канцелярия степного генерал-губернатора, г. Омск. Оп. 1. Д. 2497. Материалы, собранные начальником края при поездке по Степному генерал-губернаторству в 1909–1910 гг.

233. Ф. 345. Областное правление Сибирскими киргизами, г. Омск. Оп. 1. Д. 187. Постановление Совета о составлении проекта «Свода степных законов»

234. Ф. 369. Акмолинское областное правление, г. Омск. Оп. 1. Д. 5607. Проект правил о народном суде в Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и 'Тургайской областях.

III. Исследования

235. Абазов, А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской Империи в конце XVIII - начале XX в. / А.Х. Абазов – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 264 с.

236. Абашин, С. Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860–1880 годах / С. Абашин // Вестник Евразии. – 2001. – № 4. – С. 35–62.

237. Абдрахманова, Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. / Б. Абдрахманова – Астана, – 1998.

238. Абдулин, Р.С. Развитие и становление судебного управления в Советской России (1917–1922 гг.) / Р.С. Абдулин // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 9. – С. 31–52. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22622

239. Абдуллаев, А. Некоторые вопросы изучения истории социально-политической и судебно-правовой системы в Аму-Дарьинском отделе в

конце XIX – начале XX вв. / А. Абдуллаев // Наука и мир. – 2016. – Т. 2. – № 10. – С. 10–13.

240. Агеев, А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров / А.Д. Агеев – М.: Аспект Пресс, 2005. – 330 с.

241. Адер, А.В., Особенности национальной политики Екатерины II при освоении земель Оренбургского края / А.В. Адер, М.В. Рогозин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С. 15–22.

242. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. – М.: Наука. – 2004. – 600 с.

243. Алексеев, В.В. Модернизационная парадигма российской истории / В.В Алексеев, И.В. Побережников // Экономическая история. – 2006. – № 4. – С. 7–17.

244. Алексеева, Е.В. Экзогенные факторы и диффузионные механизмы развития Российской империи: историографические аспекты / Е.В. Алексеева // Уральский исторический вестник. – 2005. – № 10–11. – С. 39–60.

245. Алимжан, К. Суд биев как институт обычного права / К. Алимжан // Мысль – 1999. – № 6. – С. 78-83.

246. Алимжан, К.А. Вопросы теории обычного права / К.А. Алимжан. – Алматы, – 2003.

247. Ананьич, Б.В. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Б.В. Ананьич // Вестник РГНФ. – 1996. – № 2. – С. 34–40.

248. Андреев, И.Г. Описание Средней орды киргиз–кайсаков. / И.Г. Андреев – 2-е изд. доп. – Том 26. – Алматы: Гылым, 1998. – 278 с.

249. Андреева, А.А. «Калмыцкий фронтир»: к типологии фронтирной теории / А.А. Андреева // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 4 (32). С. 130–135.

250. Андреева, А.А. Фронтир в истории калмыцкого этноса (философско-культурологические аспекты) / А.А. Андреева // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 33 (1). – С. 120–125.

251. Андреева, Т.В. Власть и реформы в России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. / Т.В. Андреева // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. – 2014. – № 2. – С. 202–238.

252. Анисимова, И.В. «Правила о дозволении киргизам кочевок на землях Алтайского горного округа» 1880 г. – как исторический источник / И.В. Анисимова // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. III. Сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2002. – С. 144-150.

253. Анисимова, И.В. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX В. и особенности его деятельности / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. (Исторические науки и археология). – 2015. – Т. 1. – № 4 (88). – С. 20–24.

254. Анисимова, И.В. Вклад туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева в подготовку сенаторской ревизии центральноазиатских окраин Российской империи (начало 80-х гг. XIX в.) / И.В. Анисимова, Ж.О. Омурова // Известия Алтайского государственного университета. (Исторические науки и археология). – 2019. – № 6 (110). – С. 13–16.

255. Анисимова, И.В. Вопрос об эффективности реформирования традиционной судебной системы казахского общества (80–90-е гг. XIX в.) / И.В. Анисимова // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология: Журнал теоретических и прикладных исследований – 2013. – № 4/2 (80/2). – С. 109–113.

256. Анисимова, И.В. Временное положение «Об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. и его значение в модернизации судебно-правовой системы Степного края / И.В. Анисимова // СибСкрипт. 2023. – № 25(3). – С. 393–401.

257. Анисимова, И.В. Имперская судебная политика в центральноазиатских окраинах во второй половине XIX - начале XX вв.: основные формы, направления и результаты / И.В. Анисимова // Журнал Фронтирных Исследований. – 2022. – Т. 7. – № 1 (25). – С. 207–228.

258. Анисимова, И.В. Имперская судебно-правовая система в Степном крае во второй половине XIX в.: особенности формирования и функционирования / И.В. Анисимова, Е.М. Гостюшева // Bylye Gody. – 2018. – № 47 (1). – С. 271–299.

259. Анисимова, И.В. Казахская традиционная судебная система в XIX - начале XX в.: проблемы трансформации и интеграции в общеимперское правовое пространство // Материалы Первого алтаистического форума «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». – Барнаул – Горно-Алтайск, 12–14 сентября 2019 г. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2019. – С. 220–223.

260. Анисимова, И.В. Культурное строительство большевиков в центральноазиатском регионе в 20-е гг. XX в. / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко // XVII международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие» / Отв. ред. В. Л. Мельников. – Т. XVII. Семья Рерихов на Востоке. Рерихи и их современники в годы Великого перелома (1917–1927). – СПб.: Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры "Музей-институт семьи Рерихов", 2018. – С. 527–535.

261. Анисимова, И.В. Модернизация судебно-правовой системы имперских центральноазиатских окраин: основные направления и результаты /И.В. Анисимова // Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов: монография / отв. ред. Ю. А. Лысенко [и др.]. – Барнаул : Азбука, 2021. – С. 33–52.

262. Анисимова, И.В. Нормативно-правовая база реформирования традиционной судебной системы казахского общества в XIX в. /

И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко // Вестник алтайской науки. – 2013. – № 1. – С. 78–82.

263. Анисимова, И.В. О юридическом статусе Иртышского десятиверстного пространства в дореволюционной историографии / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко, М.Ф. Лысенко, Н.С. Юферова // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 1. – № 4 (88). – С. 25–31.

264. Анисимова, И.В. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX – начале XX в. (научная статья) / И.В. Анисимова // Современная историческая наука: проблемы краеведения, региональной и локальной истории. Материалы международной научно-практической конференции посвященной к 70-летию видного педагога, ученого-историка, профессора, члена-корреспондента Российской академии естественных наук Жумагулова Болата Сагидоллаевича. – Алматы: Абай атындағы ҚазҰПУ: «Ұлағат» баспасы, 2021. – С. 198 – 204.

265. Анисимова, И.В. Особенности организации и деятельности института мировых судей в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 2 (100). – С. 15–22.

266. Анисимова, И.В. Особенности организации опекунского дела в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. / И.В. Анисимова // Народы и религии Евразии. – 2018. – № 3 (16). – С. 48–59.

267. Анисимова, И.В. Особенности проведения судебной реформы 1864 г. в Степном крае и ее результаты / И.В. Анисимова // Карамзинские чтения. – Вып. 2. – Александр II и его эпоха (к 200-летнему юбилею императора Александра II). СПб.: Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив», ИД «Гиперион». – 2018. – С. 7-13.

268. Анисимова, И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о преобразовании традиционной судебной системы Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства в конце XIX в. / И.В. Анисимова // Известия Алтайского государственного университета. – Серия История. Политология. – 2013. – № 4/1 (80). – С. 102–105.

269. Анисимова, И.В. Позиции центральных и региональных властей по вопросу о регламентации миграции казахов в южносибирский регион / И.В. Анисимова // Вестник Томского государственного университета. История. – № 4 (20). – 2012. – С. 199–203.

270. Анисимова, И.В. Позиция центральных и региональных органов власти по вопросу об организации системы местного самоуправления в казахской степи (вторая половина XIX - начало XX в.) / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 31 мая – 1 июня 2013 г. Вып. 3 / под ред. А.В. Старцева. – Барнаул: АЗБУКА, 2013. – С. 186–202.

271. Анисимова, И.В. Политика Временного правительства в решении «национального вопроса»: концепции и методы реализации региональных вариантов / И.В. Анисимова // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 2 (90). – С. 15–20.

272. Анисимова, И.В. Политика России в решении «казахского вопроса» во второй половине XVIII века / И.В. Анисимова // Центральная Азия и Сибирь. Первые науч. чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы конф. – Барнаул: Аз Бука, 2003. – С. 10–15.

273. Анисимова, И.В. Полиция Степного края в пореформенный период: общеимперские реформы и региональная повседневность / И.В. Анисимова // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 6. – С. 114–120.

274. Анисимова, И.В. Правовая регламентация статуса казахов Прииртышья во второй половине XVIII – начале XIX в. / И.В. Анисимова // Казахи Омского Прииртышья: история и современность / Отв. ред.

Ш.К. Ахметова, Н.А. Томилов. – Омск: «Издатель-Полиграфист», 2007. – С. 6–12.

275. Анисимова, И.В. Правовое урегулирование миграции казахов в Алтайский горный округ в первой половине XIX в. / И.В. Анисимова // История и культура коренных народов Южной Сибири с древнейших времен до 1917 г.: Материалы Международной научной конференции, 15-17 октября 2002 г., Горно-Алтайск, 2002. – С. 46–50.

276. Анисимова, И.В. Проблема землеустройства казахов-кочевников в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в.: проекты и результаты / И.В. Анисимова // Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии / отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – С. 19–24.

277. Анисимова, И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степных областей в конце XIX – начале XX в. / И.В. Анисимова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 428. – С. 44–53.

278. Анисимова, И.В. Развитие судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. / И.В. Анисимова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – Т. 25. – № 3. – С. 93–97.

279. Анисимова, И.В. Революции 1917 г. и позиция казахской интеллигенции по вопросу о национально-культурной автономии / И.В. Анисимова // Русская революция и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – В 2-х ч. – Т. 1. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородской государственной медицинской академии, 2017. – С. 120–126.

280. Анисимова, И.В. Регламентация семейно-брачных отношений в казахском обществе Степного края: традиционное право и имперская политика / И.В. Анисимова // Вопросы истории. – 2021. – № 10-2. – С. 52–60.

281. Анисимова, И.В. Реформы традиционного суда оседлого населения Туркестанского генерал-губернаторства во второй половине

XIX в. / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко // Востоковедные исследования на Алтае: материалы регионального научного семинара с международным участием «Азиатская Россия, Центральная Азия и Китай: история и перспективы взаимодействия». – Вып. VIII. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 103–107.

282. Анисимова, И.В. Реформы традиционной судебно-правовой системы казахского общества в первые годы советской власти / И.В. Анисимова // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур [Электронный ресурс]: материалы VI международной научно-практической конференции, г. Барнаул, 27–28 апреля 2016 года / под ред. В.А. Бармина. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – Режим доступа: http://www.library.altspu.ru/dc/pdf/barmin.pdf 0,5.

283. Анисимова, И.В. Роль «чрезвычайного съезда» в судебной системе казахского общества и проекты его реформирования / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 31 мая – 1 июня 2013 г. – Вып. 3 / под ред. А.В. Старцева. – Барнаул: АЗБУКА, 2013. – С. 210–216.

284. Анисимова, И.В. Становление советской власти в Казахстане и реализация политики коренизации административного аппарата в 1920-1926 гг. / И.В. Анисимова // Известия Алтайского государственного университета. (Исторические науки и археология) – 2017. – № 2 (94). –С. 21–27.

285. Анисимова, И.В. Судебная система традиционного казахского общества глазами русских чиновников / И.В. Анисимова // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул – Горно-Алтайск, 30 сентября – 3 октября 2021 г. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. – С. 376–379.

286. Анисимова, И.В. Судебная система Уральской области в конце XIX века (по материалам министерской проверки 1881 г.) / И.В. Анисимова //

Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции. В 2-х томах. – Т. 2. – Научный редактор С.В. Любичанковский. 2020. – С. 39–43.

287. Анисимова, И.В. Судебно-правовая система советского Казахстана в 1917 – 1925 гг.: формирование институциональной и нормативно-правовой основы / И.В. Анисимова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «История». – 2020. – Т. 34. – С. 13–21.

288. Анисимова, И.В. Судебно-правовая система советского Казахстана в 20-е гг. XX в. / И.В. Анисимова // Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования СССР. 26–27 мая 2022 г. / под ред. С.В. Землюкова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. – С. 132–139.

289. Анисимова, И.В. Судебно-правовая система Степного края в пореформенный период: опыт взаимодействия традиционных начал и общеимперских институтов и норм права / И.В. Анисимова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – Выпуск 8 (82). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://history.jes.su/S207987840006007-6-1.

290. Анисимова, И.В. Формирование и развитие системы социального контроля в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. / И.В. Анисимова // Bylye Gody. – 2018. – № 48 (2). – С. 618–627.

291. Анисимова, И.В. Экономические и социокультурные аспекты казахско-казачьего взаимодействия в прииртышском пространстве / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко // Вестник Алтайской науки. – 2014. – № 1. – С. 38–44.

292. Анисимова, И.В., Лысенко Ю.А., Модернизация и традиционализм сквозь призму событий восстания 1916 г. в центральноазиатских окраинах

России / И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко, Е.В. Демчик, И.Б. Бочкарева // Былые годы. – 2017. – Вып. 43 (1). – С. 317–325.

293. Аполлова, Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 456 с.

294. Аргынбаев, Х.А. О некоторых пережиточных формах брака у казахов / Х.А. Аргынбаев // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Издательство «Наука», 1978. – С. 94–105.

295. Артамонова, Г.К. Российская империя XIX – начала XX века: некоторые особенности правового регулирования функционирования полиции / Г.К. Артамонова, А.А. Мухортов // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 7–11.

296. Артамонова, Г.К. Создание сельской полиции и ее организационно-правовые формы в Российской империи / Г.К. Артамонова, А.А. Мухортов // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 39–46.

297. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта. / А.С. Ахиезер. – М.: Новый хронограф, 2008. – Т. 1–3.

298. Бабенко, В.Н. Судебная система России: История и современность. / В.Н. Бабенко. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 232 с.

299. Баева, Л.В. Типология и проблемы изучения южно-российского фронтира / Л.В. Баева // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер.7: Философия. Социология и социальные технологии: Научно-теоретический журнал. – 2014. – № 2 (22). – С. 32–38.

300. Бахтурина, А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). / А.Ю. Бахтурина – М.: РОССПЭН, 2004. – 388 с.

301. Бекмаханов, Е.Б. Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. / Е.Б. Бекмаханов. – Алма-Ата: «Казак университеті», 1992. – 398 с.

302. Бекмаханов, Е.Б. Присоединение Казахстана к России / Е.Б. Бекмаханов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 342 с.

303. Бекмаханов, Е.Б. Социально-экономические отношения Казахстана в период империализма (Материалы к лекции) / О-во по распространению полит. и науч. знаний Казах. ССР. / Е.Б. Бекмаханов – Алма-Ата, 1957. – 36 с.

304. Бекмаханова, Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв.: историко-географическое исследование / Н.Е. Бекмаханова – М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 239 с.

305. Бекмаханова, Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. / Н.Е. Бекмаханова – Академия наук СССР, Институт истории СССР. – Издательство Наука, 1980. – 279 с.

306. Берман, Я.Л. Очерки по истории судопроизводства РСФСР. / Я.Л. Берман; С предисл. Н.В. Крыленко. – Москва: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 72 с.

307. Бижигитова, К.С. Образ казахской женщины в трудах русских авторов в контексте имперской политики в Степи (конец XVIII - начало XX вв.) / К.С. Бижигитова // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. тр. – Омск: ООО Полиграфический центр КАН, 2016. – С. 295–299.

308. Биюшкина, Н.И. Некоторые практические проблемы внедрения мирового суда в российскую правовую действительность (пореформенный период XIX в.) / Н.И. Биюшкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2000. – № 1. – С. 22–26.

309. Биюшкина, Н.И. Принципы правосудия по судебной реформе 1864 года в Российской Империи / Н.И. Биюшкина // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 102–105.

310. Блинов, И.А. Отношение Сената к местным государственным учреждениям в XIX веке. / И.А. Блинов – СПб.: скл. изд. у И.А. Блинов, 1911.– 288 с.

311. Большой юридический словарь / Авт.-сост. А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2010 – 847 с.

312. Брежнева, С.Н. Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией / С.Н. Брежнева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2014. – №1.– С. 108–119.

313. Бриль, Г.Г. Правовое регулирование прокурорского надзора в пореформенной России (вторая половина XIX века) / Г.Г. Бриль, А.А. Корняков // История государства и права. –2008. –№ 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://regiment.ru/Lib/C/310.html

314. Брусина, О. И. Попытки кодификации казахского обычного права в Российской империи / О.И. Брусина // Норма, обычай, право: законодательство и практика. Материалы круглого стола. – М., 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/brusina.html

315. Брусина, О.И. Брак и развод в народных судах Туркестана: взаимодействие адата и шариата при российском управлении / О.И. Брусина // Этнографическое обозрение. –2012. –№ 1. –С. 151–152.

316. Буканова, Р.Г. Концепция фронтира как познавательный инструмент в изучении истории российско-казахстанских отношений в XVIII–XIX вв. / Р.Г. Буканова, А.А. Шарипов // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. – 2018. – Т.45. –№2. – С. 326–332.

317. Быков, А.В. Проблемы развития полиции России в условиях революции 1905–1907 годов и Первой мировой войны / А.В. Быков // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–

28 апреля 2017 г. – В 2 т. – Т. I. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – С. 163–166.

318. Валиханов, Ч.Ч. Записка о судебной реформе / Ч.Ч. Валиханов // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 4. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 461 с.

319. Васильев, Д.В. Аберрация взаимодействия: ложно понятые смыслы российско-казахских реалий XVIII в. / Д.В. Васильев // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – Выпуск 1 (75). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://history.jes.su/s207987840002320-1-1/.

320. Васильев, Д.В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов / Д.В.Васильев, С.В. Любичанковский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23. – № 6. – С. 61–75.

321. Васильев, Д.В. Административное управление Малой Казахской ордой в первой половине XIX в. / Д.В. Васильев // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3. – С. 40–45.

322. Васильев, Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д.В. Васильев – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 638 с.

323. Васильев, Д.В. К истории образования Туркестанского генерал-губернаторства (1864–1867 гг.) / Д.В. Васильев // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 11. – С. 75–81.

324. Васильев, Д.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. / Д. В. Васильев, С.В. Любичанковский // Вопросы истории. – 2018. – № 3. – С. 151–165.

325. Васильев, Д.В. Классический пример ориентализма. Мемуары К.К. Палена как взгляд высокопоставленного чиновника на миссию России в

Туркестанском крае / Д.В. Васильев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2018. – № 28. – С. 87–100.

326. Васильев, Д.В. Массовые народные движения как инструмент российской региональной политики в Казахской степи в конце XVIII в. (на примере движения Сырыма Датова) / Д.В. Васильев // Вестник Московского университета. – Серия 8: История. – 2017. – № 1. – С. 31–43.

327. Васильев, Д.В. Проведение административной реформы 1868 года в казахской степи: судьба одной семьи / Д.В. Васильев // Новый исторический вестник. – 2019. – №. 1 (59). – С. 61–76.

328. Васильев, Д.В. Реализация реформ О.А. Игельстрома в Степи Оренбургского ведомства / Д.В. Васильев // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 4. История. – 2015. – № 1 (31). – С. 17–22.

329. Васильев, Д.В. Реорганизация казахского общественного управления в контексте столыпинской аграрной реформы / Д.В. Васильев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). – 2018. – № 2 (26). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41658045_95568063.pdf

330. Васильев, Д.В. Россия в Центральной Азии XVIII–XIX вв.: влияние целей и характера присоединения на систему управления / Д.В. Васильев // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России: сборник научных статей. – Омск: Издательство Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 2021. – С. 600–614.

331. Васильев, Д.В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции / Д.В. Васильев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2013. – № 4(73). – С. 5–21.

332. Васильев, Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX в. / Д. В. Васильев. – Москва: РОССПЭН, 2014. – 470 с.

333. Васильев, Д.В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX в. / Д. В. Васильев – М.: ИБП, 2015.– 302 с.

334. Васильев, Д.В., Любичанковский С.В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов / Д. В. Васильев // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4. – История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23. – № 6. – С. 61–75.

335. Васин, К.Л. Административные и судебные реформы 60–90-х гг. XIX в. в Степных областях Западной Сибири (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. 07.00.02 / Васин Константин Львович. – Омск, 2008.– 26 с.

336. Вельяминов–Зернов, В.В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864.

337. Виленский, Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. / Б.В. Виленский, Саратов. юрид. ин-т им. Д. И. Курского. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1969. – 400 с.

338. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. / В.М. Панеях, Е.В. Анисимов, А.Н. Цамутали и др. / под ред. Б.В. Ананьича. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 801 с.

339. Волков, И.В. Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: историко-правовой аспект / И.В. Волков // Власть. – 2017. – № 12. – С. 137–142.

340. Волчек, В.А., Гаврилов С.О., Серафимович А.Е. Прокуратура Западной Сибири и проблема общего надзора в 1850–1890-х гг. /

В.А. Волчек, С.О. Гаврилов, А.Е. Серафимович // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). – Т. 2. С. 136–139.

341. Воробейкова, Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в.: Учеб. пособие / Т.У. Воробейкова, А.Б. Дубровина – Киев, 1973.– 65 с.

342. Воропанов, В. Судебные реформы в Младшем казахском жузе в последней четверти XVIII – начале XIX века в контексте международных отношений / В. Воропанов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2003. – № 1. – Т. 10. – С. 139–158.

343. Воропанов, В.А. Национально-религиозный вопрос в судебной политике Екатерины II / В. Воропанов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 72–80.

344. Воропанов, В.А. Организация судебной системы в Западной Сибири в первой половине XIX в. / В. Воропанов // Юж.-Урал. историко-правовой вестник. – 2009. – Вып. 4. – С. 101–116.

345. Воропанов, В.А. Органы юстиции в политике фронтирной модернизации восточной и юго-восточной периферии Российской империи (1775–1864). Автореф. дисс ... д.и.н.: 5.6.1. / Воропанов Виталий Александрович Оренбург, 2022. – 46 с.

346. Воропанов, В.А. Особенности имперского судоустройства в Западной Сибири в первой половине XIX в. / В. Воропанов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. – № 3 (38). – С. 31–37.

347. Воропанов, В.А. Развитие имперской судебной системы в Западном Казахстане в 1840-х – первой половине 1860-х гг. / В. Воропанов // Социум и власть. – 2011. – № 1. – С. 88–92.

348. Воропанов, В.А. Система органов юстиции и интеграция Оренбургского края в состав Российской империи в XVIII – первой половине XIX века / В. Воропанов // Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. статей междунар. науч.-практ.

конф.: в 2 т. / науч. ред. С.В. Любичанковский. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2020. – Т. 2. – С. 6–10.

349. Воропанов, В.А. Становление местной имперской администрации в областях Казахской степи: проекты и реализация судебных реформ 1820-х гг. / В. Воропанов // Социум и власть. – 2010. – № 2 (26). – С. 101–105.

350. Воропанов, В.А. Судебно-правовая реформа Павла I: цели, содержание, результаты / В. Воропанов // Право и политика. – 2017. – № 1. – С. 92–103.

351. Воропанов, В.А. Судебные реформы в Младшем казахском жузе в последней четверти XVIII – начале XIX века в контексте международных отношений / В. Воропанов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2003. – № 1 (10). – С. 139–158.

352. Всеподданнейший доклад К.К. Палена // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – СПб., 1998. – С. 875–876.

353. Вышинский, А.Я. Судоустройство в СССР. / А.Я. Вышинский – М.: Сов. законодательство, 1935. – 61 с.

354. Вьюнник, Е.П. Правовой механизм социальной помощи детям-сиротам сельских обывателей в Центральном Черноземье во второй половине XIX - начале XX вв. / Е.П. Вьюнник // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2010. – № 16. – С. 137–144.

355. Галузо, В.Н. Власть прокурора в России (историко-правовое исследование) / В.Н. Галузо – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 436 с.

356. Галузо, П.Г. Туркестан – колония: Очерки по истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года / П.Г. Галузо. – Москва: Ком. ун-т трудящихся востока им. И. В. Сталина, 1929. – 162 с.

а. Ганибаева, Ж.А. Образование института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX в. / Ж.А. Ганибаева // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России:

материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 5. – СПб., 2014. – С. 42–47.

357. Гермизеева, В.В. Крестьянские начальники Западной Сибири: численность и состав (1898–1917 гг.) / В.В. Гермизеева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=14359

358. Гессен, И.В. Адвокатура, общество и государство. 1864-20/XI.1914 / И.В. Гессен // История русской адвокатуры: Т. 1–3. – М., 1914–1916. – Т. 1. – М.: Сов. присяжных поверенных, 1914. – 623 с.

359. Гессен, И.В. Судебная реформа / И.В. Гессен – М.: Книгоизд-во П.П. Гершунина, 1905. – 267 с.

360. Глазунов, Д.А. Подготовка судебной реформы 1898 г. в Степном генерал-губернаторстве / Д.А. Глазунов // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сборник материалов международной научной конференции. – Новосибирск, 2011. – С. 163–169. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sibistorik.narod.ru/project/conf2010/029-glazunov.htm

361. Головачев, А.А. Десять лет реформ 1861–1871. / А.А. Головачев – СПб.: издание «Вестника Европы», 1872. – 398 с.

362. Голунский, С.А. Судоустройство СССР: Учебник для юрид. школ : Одобрено УУЗ Министерства юстиции СССР в качестве учебника для юрид. школ. / С.А. Голунский – М.: юрид. изд-во, 1946. – 195 с.

363. Гордеева, М.А. Востребованность судебных функций крестьянских начальников со стороны крестьян Томской губернии в начале XX века / М.А. Гордеева // Исторический курьер. – 2019. – № 6 (8). – С. 121–128. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-10.pdf

364. Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии. / В.А. Бармин, Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, И.Б.

Бочкарева, Е.В. Тарасова, Н.П Гончарова. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2018. – 383 с.

365. Гредингер, Ф.И. Прокурорский надзор за 50 лет. / Ф.И. Гредингер – Петроград: Сенат. тип, 1915. – 55 с.

366. Губернаторы Оренбургского края. / Авт.-сост.: В.Г. Семёнов, В.П. Семёнова. – Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1999. – 397 с.

367. Далматов, К.Ж. Правосудие и прокурорский надзор в Казахстане в составе Российской империи во второй половине XIX века / К.Ж. Далматов // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – №1 (59). – С. 340–345.

368. Дамешек, И.Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822–1917 гг. / И.Л Дамешек // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 3. – С. 5–11.

369. Дамешек, Л.М. Закон 1898 г. о крестьянских начальниках в советской исторической литературе / Л.М. Дамешек // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири. – Иркутск Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 164 с.

370. Дамешек, Л.М. Крестьянские начальники Иркутской губернии (1898–1917) / Л.М. Дамешек, Г.В. Оглезнева // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. – Иркутск: ИрГУ, 1988. – 144 с.

371. Дамешек, Л.М. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в. / Л.М.и Дамешек, И.Л. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. – Серия «История» – 2017. – Т. 21. – С. 23–29.

372. Дамешек, Л.М. Реформа сибирского управления М.М. Сперанского и Первый Сибирский комитет / Л.М. Дамешек, И.З. Сосновский // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: изд-во «Байкальский государственный университет», 2008. – С. 306–309.

373. Даневский, В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. / Проф. Всеволод Даневский. – Москва: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1895. – 89 с.

374. Даулетова, С. Барымта и ее ликвидация в первые годы Советской власти в Казахстане / С. Даулетова // Проблемы казахского обычного права / отв. ред. С.З. Зиманов. – Алма-Ата, 1989.

375. Деревскова, В.М. Влияние судебной реформы 1864 г. на российскую прокуратуру: ретроспективный анализ и современные аспекты / В.М. Деревскова // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 3–10.

376. Деревскова, В.М. Пространственно-временные проблемы реализации судебной реформы 1864 г. / В.М. Деревскова // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 21–28.

377. Деревскова, В.М. Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века. / В.М. Деревскова. – Иркутск, 2004. – 343 с.

378. Деревскова, В.М. Судебная система Сибири во второй половине XIX века: сравнительный анализ общеимперских и региональных начал / В.М. Деревскова // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3. – С. 10–14.

379. Джаншиев, Г.А. Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Ист.-юрид. этюды / [Соч.] Гр. Джаншиева. – Москва: тип. М.П. Щепкина, 1891. – 364 с.

380. Джаншиев, Г.А. Эпоха великих реформ / Г.А. Джаншиев – СПб.: типолитография Б. М. Вольфа, 1905. – 859 с.

381. Добромыслов, А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. / А.И. Добромыслов. – Казань: Типо-литография Императорского Казанского Университета, 1904. – 105 с.

382. Добромыслов, А.И. Тургайская степь. Исторический очерк / А.И. Добромыслов // Известия Оренбургского отдела ИРГО. – Вып. 16. – Оренбург, 1901.

383. Дорская, А.А. Судебная реформа 1864 года: проблема единства судебной системы / А.А. Дорская // Платон. – 2015. – № 2. – С. 14–17.

384. Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. В 10 томах. Материалы международной конференции / Под ред. – С.З. Зиманова. – Алматы: «Жеті жарғы» («Интеллектуал-Парасат» зан компаниясы). 2009. – 592 с.

385. Дубовицкий, В.В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домыслов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу / В.В. Дубовицкий // История и современность. – 2010. – № 2. – С. 86–111.

386. Дякин, В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). / В.С. Дякин – СПб.: «ЛИСС», 1998.

387. Дякин, В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) / В.С. Дякин // Вопросы истории. – 1996. – № 11-12. – С. 39–72.

388. Дякин, В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма / В.С. Дякин // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 130–143.

389. Елизаров, А.В. Общие черты уездной полицейской стражи Ярославской губернии в 1907 г. (на примере Рыбинского уезда) / А.В. Елизаров // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 17. – С. 161–163.

390. Ережэ – положение съезда биев. Сбор. правовых памятников и документов по истории обычного права казахов втор. пол. XIX и нач. XX вв. [Текст] / Н.С. Ахметова, Г.З. Кожах-метов. – Караганда, 1997. – 123 с.

391. Ерофеева, И.В. Казахское ханство и власть в традиционном обществе казахов / И.В. Ерофеева // История Казахстана: народы и культуры / Масанов Н.Э. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – С. 152–153.

392. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: [Учебник для вузов по специальности «Историко-архивоведение»]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высш. школа, 1968. – 368 с.

393. Ерошкин, Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800-1860 гг.): Учеб. пособие / Н.П. Ерошкин. – Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – Москва : МГИАИ, 1985. – 98 с.

394. Ефремова, Н.Н. Министерство юстиции Российской империи, 1802 – 1917 гг. Историко-правовое исследование / Н.Н. Ефремова – М.: Nauka, 1983. – 149 с.

395. Ефремова, Н.Н. Основные этапы развития судебной системы в России в XVIII в. / Н.Н. Ефремова // Закономерности возникновения и развития политико-юридических идей и институтов. Отв. ред. Е.А. Скрипилёв. – М., 1986. – С. 94–99.

396. Ефремова, Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. (историко-правовое исследование). / Н.Н. Ефремова – Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2007. – 265 с.

397. Жайбалиева, Л.Т. Роль реформ М.М. Сперанского в управлении Сибирью / Л.Т. Жайбалиева, М.А. Вилкова // Карамзинские чтения. – Вып. 4. – СПб.: изд-во ФКУ «РГИА», 2022. – С. 81–86.

398. Жакипова, А.Ж. Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане / А.Ж. Жакипова. – Алма-Ата : Казахстан, 1971. –179 с.

399. Жилина, Ю.А. Сыскные отделения 1908 года – новый общегосударственный полицейский институт / Ю.А. Жилина // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2013. – № 8. – С. 182–187.

400. Законодательство Екатерины II. В двух томах. Отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. – М.: Юрид. лит. – Т.1. – 2000. – 1056 с.; Т.2. – 2001. – 984 с.

401. Захаров, В.В. Неоинституционализм в историко-правовых исследованиях: к проблеме расширения методологического инструментария отечественной истории государства и права / В.В. Захаров // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. –

2010. – № 3(15). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/16

402. Захаров, В.Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – 1-ой четверти XIX вв.: монография: [в 2 ч.]. / В.Ю. Захаров. – М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.

403. Захарова, Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874. (К вопросу о выборе пути развития) / Л.Г. Захарова // Великие реформы в России, 1855–1874. – М.: Издательство Московского университета Москва, 1992.– С. 24–43.

404. Зиманов, С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система / С.З. Зиманов. – Алматы: Атамура, 2008. – 223 с.

405. Зиманов, С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. / С.З. Зиманов. – Алма-Ата: АН КазССР, 1958. – 293 с.

406. Зиманов, С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. / С.З. Зиманов. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 296 с.

407. Зиманов, С.З. Проблемы обычного права казахов. / С.З. Зиманов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – 140 с.

408. Ибрагимов, И.И. Заметки о киргизском суде. / И.И. Ибрагимов. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1878. – 25 с.

409. Ибраев, А. Присоединение казахов Старшего жуза к России и его прогрессивное значение: дис. … канд. ист. наук: 07.00.00 / А. Ибраев . – Алма-Ата, 1954. – 224 с.

410. Иванова, Л.М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной исторической науке / Л.М. Иванова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 410. – С. 72–76.

411. Избасарова Г.Б. «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года: подготовка реформы и ее реализация / Г.Б. Избасарова // Вестник

Оренбургского государственного педагогического университета. – Электронный научный журнал. – 2016. – № 4(20). – С. 108–118.

412. Избасарова, Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ: опыт Российской империи по управлению окраиной (1731 – середина XIX века): автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.02. / Избасарова Гульбану Болатовна. – Москва, 2018. – 51 с.

413. Избасарова, Г.Б. Политика Российской империи в казахской степи в первой половине XIX в. / Г.Б. Избасарова // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2017. – № 2. – С. 50–63.

414. Избасарова, Г.Б. Служба В.Ф. Тимковского в Оренбургском крае [Электронный ресурс] / Г.И. Избасарова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – Электронный научный журнал. – 2016. – № 1 (17). – С. 145–155. – Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/16_17_2016.pdf

415. Избасарова, Г.И. Институт попечителей во внутренней политике Российской империи на примере Казахской степи Оренбургского ведомства в XIX в. / Г.И. Избасарова // Вестник Московского университета. – Сер. 8. – История. – 2017. – № 6. – С. 85–96.

416. Ильин, В.В. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса / В.В. Ильин, А.С.Панарин, А.С. Ахиезер; ред. Ильин В.В. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 398 с.

417. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография / науч. ред. проф. С. В. Любичанковский. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2019. – 479 с.

418. Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.И. Савельев. – М.: ЗАО «Первый печ. двор», – 1997. – 237 с.

419. История государства и права Советского Казахстана / Под ред. д-ра юрид. наук С.З. Зиманова, канд. юрид. наук М. А. Биндера. – Алма-Ата:

Изд-во Акад. наук КазССР, 1961-1965. – В 3 т. – Т. 1. (1917–1925 гг.). – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961.

420. История Казахской ССР. В пяти томах. – Т. 4. – Алма-Ата, 1977.

421. История народных судов Казахстана. (1917–1965). / М.С. Сапаргалиев. – Алма-Ата: Казахстан, 1966. – 448 с.

422. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов. – Москва: Юрид. изд-во, 1948. – 466 с.

423. История суда и правосудия в России: в 9 т. – Т. 4: Судоустройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864—1881 годы): монография / К. П. Краковский; отв. ред. В. М. Сырых. – М.: Норма, 2019. – 672 с.

424. Казанцев, С.М. История царской прокуратуры / С.М. Казанцев; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – 216 с.

425. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках. (1771-1867 гг.): Сборник документов и материалов / Акад. наук КазССР. Архивное упр. при Совете Министров КазССР. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 575 с.

426. Казаченок, В.В. Организационно-правовые основы деятельности пенитенциарных органов и учреждений в системе Министерства внутренних дел Российской империи / В.В. Казаченок // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 12–17.

427. Казиев, С.Ш. Основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане (1920–1929 гг.) / С.Ш. Казиев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 5 (31). – С. 51–56.

428. Камынин, В.Д. Многоконцептуальность в исторической науке и преподавании истории / В.Д. Камынин // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1. – № 4. – С. 9–14.

429. Каппелер, А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века : наследство Руси, Византии и Орды / А. Каппелер // Российская

империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под. ред. А. И. Миллера. – М., 2004. – С. 98–108.

430. Каппелер, А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII вв. / А. Каппелер // Ab Imperio. – 2003. – № 1. – С. 47–64.

431. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. / А. Каппелер. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 215 с.

432. Карев, Д.С. Советское судоустройство: учебник для юридических высших учебных заведений / проф. Д. С. Карев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Гос. изд-во юридической лит., 1951. – 311 с.

433. Кенжалиев, З.Ж., Даулетова С.О. Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.). / З.Ж. Кенжалиев, С.О. Даулетова. – Алматы: Гылым, 1993. – 1421 с.

434. Ким, О.В. Военный фактор модернизации допетровской России в современной англоязычной историографии / О.В. Ким // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 3 (118). – С. 81–86.

435. Ким, О.В. Теория модернизации и переходные общества раннего Нового времени / О.В. Ким // Новая и новейшая история. – 2011. – № 2. – С. 121–128.

436. Кириллов, В.В. История реформ и контрреформ в контексте российской модернизации XVIII-XX веков / В.В. Кириллов. – Москва: Моск. гор. пед. ун-т, 2005. – 192 с.

437. Ковлер, А.И. Антропология права: учебник для вузов: репринтное воспроизведение издания 2002 года / А.И. Ковлер. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 467 с.

438. Кодан, С.В. М.М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства / С.В. Кодан // Политика самодержавия в Сибири в XIX - начале XX в. – Иркутск, 1988.

439. Кодан, С.В. Политико-юридический подход в исследовании государственно-правового развития России (XIX – начало XX в.) / С.В. Кодан // NB. Проблемы общества и политики. – 2012. – № 2. – 88–117.

440. Кодан, С.В. Систематизация полицейского законодательства Российской империи (1826–1832 гг.) / С.В. Кодан // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 9–10.

441. Кодан, С.В. Становление системы законодательства Российской империи (XIX - начало XX в.) / С.В. Кодан // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – № 1 (14). – С. 60–71.

442. Кожевников, М.В. История советского суда. 1917–1956 гг. / М.В. Кожевников. – М.: Госюриздат, 1957. – 383 с.

443. Койгелдиев, М.К. Казахстан в российских революциях 1917 года. / М.К. Койгелдиев, Б.О. Жангуттин, Б.А. Есеркемисова. – Алматы, 2011. – 384 с.

444. Кони, А.Ф. На жизненном пути: в 5 т. / А.Ф. Кони. – СПб.: тип. Спб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912-1929.

445. Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: (К пятидесятилетию судебных уставов). 1864 – 20 ноября 1914. / А.Ф. Кони. – Москва: т-во И.Д. Сытина, 1914. – 296 с.

446. Кони, А.Ф. Судебные уставы 1864 г. – 20 ноября 1914 г. / А.Ф. Кони. – Петроград: Сенат. тип., 1914. – 33 с.

447. Коржихина, Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. - декабрь 1991 г. / Т.П. Коржихина. – М.: РГГУ, 1994. 418 с.

448. Коротких, М.Г. Самодержавие и Судебная реформа 1864 г. в России. / М.Г. Коротких – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 183 с.

449. Коротких, М.Г. Судебная реформа в / М.Г. Коротких // Вопросы истории. – 1987. – № 12. – С. 20–34.

450. Корф, С.А. Административная юстиция в России. Т. 1. / С.А. Корф. – СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1910. – 528 с.

451. Котляр, Н. Пограничная линия «Восточного фронтира» / Н. Котляр // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – С. 81–88.

452. Котюкова, Т.В. Подданные или граждане? Выборы в Туркестане: от Империи к Республике / Т.В. Котюкова // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9. – Выпуск 8 (72) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://history.jes.su/s207987840002486-3-1/

453. Краковский, К.П. Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894 - 1899 гг.) / К.П. Краковский // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 4. – С. 9–28.

454. Краковский, К.П. Проведение судебной реформы 1864 г. в России. Ч. 2 (посвящается 150-летию судебной реформы 1864 г.) / К.П. Краковский // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 18–30.

455. Краковский, К.П. Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки / К.П. Краковский // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 16–31.

456. Красильщиков, В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. / В.А. Красильщиков. – М.: РОССПЭН, 1998. – 263 с.

457. Красильщиков, В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI в. / В.А. Красильщиков // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 40–56.

458. Красовский, Н.И. Область сибирских киргизов. Ч. 3. / Н.И. Красовский. – СПб.: Главное управление Генеральнаго штаба, 1868. – 428 с.

459. Крестьянников, Е.А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.) / Е.А. Крестьянников // Российская история. – 2013. – № 3. – С. 84–99.

460. Крестьянников, Е.А. Правосудие в Западной Сибири (XIX – начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения. / Е.А. Крестьянников. –

Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2018. – 240 с.

461. Крестьянников, Е.А. Участие полиции Западной Сибири в организации судебной власти края (конец XIX – начало XX века) [Электронный ресурс] / Е.А. Крестьянников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. –№ 8 (34): в 2-х ч. –Ч. I. –С. 125–127. – Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2013_8-1_28.pdf

462. Крестьянников, Е.А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) / Е.А. Крестьянников // Российская история. – 2018. – № 2. – С. 22–34.

463. Круглашова (Вельч), В.Д. Теоретические подходы к исследованию института международного наблюдения за выборами [Электронный ресурс] / В.Д. Круглашова (Вельч) // Studia Humanitatis. – 2014. – № 4. – Режим доступа: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/kruglashova.pdf

464. Кудин, В.А. От полиции Российской империи к полиции Российской Федерации / В.А. Кудин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 50. – С. 4–11.

465. Кудин, В.А. Ретроспектива становления и развития полиции в Российском государстве (К 300-летию российской полиции) / В.А. Кудин, А.В. Панфилец // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 1 (69). – С. 12–17.

466. Культелеев, Т.М. Уголовное обычное право казахов: (С момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти) / Т.М. Культелеев. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Казах. ССР, 1955. – 302 с.

467. Курас, Т.Л. Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи / Т.Л. Курас // Гуманитарный вектор. – Серия: Педагогика, психология. – 2011. – № 3. – С. 57–58.

468. Курас, Т.Л. Реформирование судебной системы в России: исторический опыт и современные проблемы. Региональный аспект / Т.Л. Курас // Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 45–53.

469. Левин, В.В. Судебная система России: понятие и правовые особенности / В.В. Левин // Социология и право. – 2020. – № 2 (48). – С. 106–113.

470. Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А.И. Левшин. – Алматы: «Санат», 1996. – 656 с.

471. Лейзерович, Е.Е. Социальные и экономические итоги российской колонизации Туркестана / Е. Е. Лейзерович. – Тель-Авив, 2001. – 269 с.

472. Ленин, В.И. Полное собр. соч. / В.И. Ленин. –5-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1962. – Т. 36. – 741 с.

473. Литвинов, В.П. О специфике деятельности железнодорожной полиции в Туркестане (конец XIX – начало XX вв.) / В.П. Литвинов, П.П. Литвинов // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. – 2014. – Т. 14. – № 6. – С. 24–29.

474. Логачева, Н.В. Деятельность прокурорского надзора в России во второй половине XIX в. / Н.В. Логачева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 5 (85). – С. 57–62.

475. Лысенко, Ю.А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX – начало XX в.) / Ю.А. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – №. 4–2. – С. 158–162.

476. Лысенко, Ю.А. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги / Ю.А. Лысенко, М.Ф. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 3–2(87). – С. 131–138.

477. Лысенко, Ю.А. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII — середина

XIX в.) / Ю.А. Лысенко, КМ. В.уликова // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 4. – Т. 1. – С. 181–187.

478. Лысенко, Ю.А. Элементы европейской политической культуры в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи: особенности восприятия инокультурных инноваций (конец XIX – начало XX в.) / Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б., Лысенко М.Ф. // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – № 38 (4). – С. 955–964.

479. Лысенко, Ю.А. Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 года / Ю.А. Лысенко, Бармин В.А., И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева, Дикова Н.В., Тарасова Е.В. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 3 (88). – С. 26–43.

480. Лысенко, Ю.А., Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. и др. Центральноазиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева / отв. ред. Ю.А. Лысенко. – Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 2021. – 395 с.

481. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма: (К 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского) / Иркут. гос. ун-т. Межрегион. ин-т обществ. наук при Иркут. гос. ун-те ; [Л.М. Дамешек и др.]. – Иркутск: Оттиск, 2003. – 263 с.

482. Мажитова, Ж.С. Институт биев в казахском обществе в первое десятилетие советской власти / Ж.С. Мажитова // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2015. – № 4. – С. 74–84.

483. Мажитова, Ж.С. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ: XVIII - начало XXI вв.: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.09 / Мажитова Жанна Сабитбековна. – Москва, 2016. – 55 с.

484. Мажитова, Ж.С. Институт биев: подходы и интерпретации в российской и казахстанской историографии. Монография. / Ж.С. Мажитова. – М.: «КДУ», «Университетская книга», 2015. – 370 с.

485. Мажитова, Ж.С. Полемика вокруг суда биев среди представителей казахской интеллигенции начала XX в. (сравнительно-исторический анализ) / Ж.С. Мажитова // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 3(39). Востоковедение. – С. 89–95.

486. Мажитова, Ж.С. Разработка теоретико-методологических подходов в дореволюционной историографии института биев / Ж.С. Мажитова // Научный диалог. – 2015. – № 12(48). – С. 291–302.

487. Мажитова, Ж.С. Суд биев в казахском традиционном обществе (по материалам дореволюционной российской историографии второй половины XIX – начала XX века) / Ж.С. Мажитова // Вестник Новосибирского государственного ун-та. Серия «История, филология». – 2015. – Т. 14. – Вып. 5. – С. 97–103.

488. Макарова, С.В. Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми: история его становления в России / С.В. Макарова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2006. – № 1. – С. 5–8.

489. Масанов, Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. / Н.Э. Масанов. – Алма-Ата, Наука, 1984. – 176 с.

490. Материалы по истории Казахской ССР: (1785–1828 гг.). – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 4. – 543 с.

491. Матханова, Н.П. Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И.Н. Толстым («Дневник» В.Д. Философова и письма Н.М. Голицына) / Н.П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 4. – С. 56–62.

492. Матюхин, А.В. М.М. Сперанский: особенности российских реформ / А.В. Матюхин // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6. – № 2. – С. 21–30.

493. Махмудова, Н.Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия / Н.Б. Махмудова // Метаморфозы истории. – 2016. – № 7. – С. 134–150.

494. Махмудова, Н.Б. Состояние пенитенциарной системы Туркестанского края в начале XX в. (по материалам отчёта сенаторской ревизии графа К.К. Палена) / Н.Б. Махмудова // Метаморфозы истории. – 2016. – № 8. – С. 201–210.

495. Медушевский, А.Н. Административные реформы в России XVIII - XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе: Науч.-аналит. обзор / А.Н. Медушевский. – Москва: ИНИОН, 1990. – 46 с.

496. Мейер, Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Ген. штаба подполк. Л. Мейер. – Санкт-Петербург: тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. – 386 с.

497. Место и роль биев в системе ханской власти в оценках российских исследователей (XVIII – первая половина XIX в.) / Ж.С. Мажитова // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А.С. Пушкина. – Серия «История». – 2014. – № 3. – С. 91–100.

498. Мещерский, В.П. Что нам нужно? Размышления по поводу текущих событий. / В.П. Мещерский. – СПб., 1880.

499. Мизис, Ю.А. Теория фронтира и юг России в XVI – первой половине XVIII в. / Ю.А. Мизис, О.В. Скобелкин, А.И. Папков // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2015. – Т. 20. – Вып. 10. – С. 7–15.

500. Миннеханова, Р.Г. Результаты судебной реформы М.М. Сперанского в Сибири / Р.Г. Миннеханова // Вестник Омского университета. – Серия «Право». – 2007. – № 4 (13). – С. 36–41.

501. Миронов, Г.Е. Государи и государевы люди: Государи и государевы люди рос. реформаторы и контрреформаторы XIX - нач. XX века / Г.Е. Миронов. – Москва: Март, 1999. – 256 с.

502. Миронов, Г.Е. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Г.Е. Миронов. – Т. 1–2. – СПб., 1999.

503. Михаил Михайлович Сперанский в российской правовой и исторической науке: к 250-летию со дня рождения : сборник научных трудов / ред. колл. вып.: д-р юрид. наук Н. В. Дунаева (отв. ред.) и др. – 2021. – 247 с.

504. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В.А. Красильщиков, В.П. Гутник, В.И. Кузнецов и др. – Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл. – Москва: Агентство «Инфомарт», 1994. – 115 с.

505. Муравьев, Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. Речи и сообщения. Н.В. Муравьев – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – 564 с.

506. Муравьев, Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. М., 1889. – 552 с.

507. Мухин, В.В. Предпосылки для реформирования полиции в Российской империи в начале XX столетия / В.В. Мухин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 3. – С. 33–35.

508. Наркомы Казахстана. 1920–1946 гг. Биографический справочник. – Алматы: Издательство «Арыс», 2007. – 400 с.

509. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. – М.: Славянский диалог, 1998. – 416 с.

510. Немытина, М.В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. / М.В. Немытина // Государство и право. – 2015. – № 5. – С. 92–98.

511. Немытина, М.В. Суд в России: вторая половина XIX - начало XX вв. / М.В. Немытина. – Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999.

512. Немытина, М.В. Суд в России: вторая половина XIX-начало XX вв.: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Немытина Марина Викторовна. Москва, 1999. – 40 с.

513. Нестеренко, Л.С. Распространение судебной реформы 1864 г. в Туркестанском крае / Л.С. Нестеренко // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. – Краснодар: Агенство «Пресс-Имидж», 2012. – С. 292–296.

514. Нестеренко, Л.С. Реализация судебной реформы 1864 г. на пространстве Российской империи: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Нестеренко Лариса Сергеевна. – Москва, 2012. – 19 с.

515. Нефедов, С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII в. / С.А. Нефедов // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 33–52.

516. Нечаева, А.М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними / А.М. Нечаева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 4. – С. 3–8.

517. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

518. Образование Казахской ССР: Сборник документов и материалов / Ин-т истории, археологии и этнографии Акад. наук Казах. ССР. Архивное упр. Казах. ССР; Под ред. д-ра ист. наук С. Н. Покровского. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1957. – 368 с.

519. Омельченко, О.А. Власть и закон в России XVIII века. Исслед. и очерки / О.А. Омельченко. – М , 2004. – 604 с.

520. Оразбаева, А. Историческая роль и социальное значение института бийства в истории казахского народа (К постановке проблемы) / А. Оразбаева // Саясат. – 1997. – № 5.

521. Осипова, М.П. Законодательные инициативы конца XIX - начала XX века об опеке в крестьянской среде / М.П. Осипова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3–2. – С. 147–151.

522. От наших великих биев до Верховного суда. / М. Нарикбаев – Алматы: Атамұра, 2000. – 192 с.

523. Пазухин, А. Современное состояние России и сословный вопрос. / А. Пазухина. – Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1886. – 63 с.

524. Паина, Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) / Э.С. Паина // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. – Л., 1967.

525. Палухина, Е.С. Полицейский надзор как мера предупреждения преступлений террористического характера в законодательстве Российской империи / Е.С. Палухина // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 2 (97). – С. 194–198.

526. Панов, П.В. Теории политических институтов / П.В. Панов. – Пермь: Пушка, 2004. – 219 с.

527. Патрушев, С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы / С.В. Патрушев // Политическая наука. – 2001. – № 2. – С. 146–186.

528. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: Замыслы, проекты, воплощение / Л.Ф. Писарькова. – М., 2012. – 447 с.

529. Побережников, И.В. Азиатская Россия: фронтир, модернизация / И.В. Побережников // Известия Урал. гос. ун-та. – Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2011. – № 4 (96). – С. 191–203.

530. Побережников, И.В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 4 (57). – С. 36–45.

531. Побережников, И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы / И.В. Побережников // Экономическая история. Обозрение. / Под ред. Л.И. Бородкина. – Вып. 8. – М., 2002. – С. 146–168.

532. Побережников, И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции / И.В. Побережников // Евразийское пограничье. – Т. 4. – Екатеринбург: Волот, 2001.

533. Побережников, И.В. Фронтирная модернизация в истории России / И.В. Побережников // Экономическая история. – 2013. – С. 18–23.

534. Побережников, И.В. Фронтирная модернизация в российском цивилизационном контексте / И.В. Побережников // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6–7 июня 2013 г. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 3–10.

535. Побережников, И.В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен / И.В. Побережников // Россия реформирующаяся. – Вып. 12: ежегодник. – М., 2013. С. 246–274.

536. Познышев, С.В. Очерки тюрьмоведения/ С.В. Познышев. – М., 1915. – 295 с.

537. Политические и социально-экономические предпосылки административно-правовой реформы в Степном крае в 20–30-х гг. XIX в. / Е.В. Безвиконная // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 4. – С. 176–191. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30316.

538. Почекаев, Р. Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2. От правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) / Р.Ю. Почекаев // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2010. – № 2. – С. 85–96.

539. Почекаев, Р.Ю. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации Казахской степи и ханств

Средней Азии в XVIII - начале XX в.: диссертация ... д-ра ист. наук: 07.00.02. / Почекаев Роман Юлианович. – Оренбург, 2020. – 43 с.

540. Почекаев, Р.Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв. / Р.Ю. Почекаев // Зангер. – 2008. – № 4 (81). – Апрель. – С. 51–58.

541. Почекаев, Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 3: Право и суд Казахстана в составе Российской империи (1868–1917 гг.) / Р.Ю. Почекаев // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2011. – № 1. – С. 57–75. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pr-page.narod.ru/82.html

542. Почекаев, Р.Ю. Ч.Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. / Р.Ю. Почекаев // Страны и народы Востока. – Вып. XXXIV. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. – С. 333–342.

543. Приходько, М.А. Негласный комитет и разработка административных реформ в России в начале XIX в. – М.А. Приходько // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2012. – № 11. – С. 119–129.

544. Проблемы казахского обычного права: Материалы конф., посвящ. памяти Т. М. Культелеева, нояб. 1986 г. / Отв. ред. С. З. Зиманов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – 140 с.

545. Проскурякова, Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии / Н.А. Проскурякова // Вопросы истории. – 2005. – № 7. – С. 153–165.

546. Резун, Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я. Резун, М.В. Шиловский. – Новосибирск, 2005.

547. Резун, Д.Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Д.Я. Резун, В.А. Ламин, Т.С. Мамсик, М.В. Шиловский. – Новосибирск: ИДМИ, 2001. – 113 с.

548. Ремнев, А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX в.: некоторые итоги и перспективы управления / А.В. Ремнев // Сибирская заимка. – 2001. – С. 97–125. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zaimka.ru/remnev-imperium/

549. Ремнёв, А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А.В. Ремнёв. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. – 236 с.

550. Ремнев, А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века) / А.В. Ремнёв. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 510 с.

551. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. – М.: Политическая энциклопедия, 2016.

552. Реформы и контрреформы в России / Под ред. В.В. Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 400 с.

553. Реформы и реформаторы в истории России: сб. статей. / Ин-т рос. истории, Рос. акад. Наук / Редкол.: А.Н. Сахаров (отв. ред.) и др. – Москва: Изд. центр Ин-та рос. истории, 1996. – 191 с.

554. Романова, А.П. Специфика раннего фронтира на Кавказе / А.П. Романова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 102. – С. 446–458.

555. Романова, А.П. Топчиев М.С. Кавказ как вечный фронтир // Каспийский регион: политика, экономика, культура. / А.П. Романова. –2014. – № 2. – С. 284–291.

556. Российская империя от истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории / ИРИ РАН. – М.: Русская панорама, 2011. – 880 с.

557. Ружицкая, И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. / И.В. Ружицкая. – М.: ЦГИ, 2005. – 357 с.

558. Ружицкая, И.В. Судебное законодательство Николая I (работа над Уголовным и Гражданским уложениями) / И.В. Ружицкая // Отечественная история. – 2001. – № 4. – С. 41–57.

559. Рулан, Н. Юридическая антропология. / Н.М. Рулан. – Норма, 1999. – 301 с.

560. Рустамова, С.М. Институт административной юстиции в законодательстве Временного правительства / Рустамова, С.М. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2010/Pravo/71720.doc.htm

561. Салиев, А.Л. Народные суды в системе органов «туземного» самоуправления в царистском Туркестане (по архивным, правовым и иным материалам) / А.Л. Салиев // Вестник КРСУ. – 2013. – № 5. – Т. 13.

562. Салиев, А.Л. О попытках царской власти сблизить судопроизводство кочевого населения Туркестана с общероссийскими судом и законодательством (по архивным, правовым и иным материалам) / А.Л. Салиев // Вестник КРСУ. – 2013. – № 12. – Т. 13.

563. Салиев, А.Л. О практике вмешательства царской власти в деятельность народных судов кочевого населения Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам) / А.Л. Салиев // Вестник КРСУ. – 2013. – № 12. – Т. 13.

564. Салиев, А.Л. О противоречиях между народными судами кочевого населения Туркестана и Общероссийским государственным законодательством (по архивным, правовым и иным материалам) / А.Л. Салиев // Вестник КРСУ. – 2014. – Том 14. – № 3. – С. 58–59.

565. Салиев, А.Л. Царская власть и народные суды кочевого населения Туркестана: проблемы взаимоотношений (по архивным, правовым и иным материалам) / А.Л. Салиев // Вестник КРСУ. – 2013. – № 6. – Т. 13.

566. Сальников, В.П. Российская империя и пенитенциарная политика во второй половине и конце XIX в. / В.П. Сальников, С.П. Захарцев, С.М.

Оганесян, М.В Сальников. // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 7. – С. 53–60.

567. Сапаргалиев, М.С. Возникновение и развитие судебной системы Советского Казахстана. 1917–1967 гг. / М.С. Сапаргалиев – Алма-Ата: Казахстан, 1971. – 416 с.

568. Сапаргалиев, М.С. Очерки по истории советского суда в Казахстане (1918–1920 гг.). / М.С. Сапаргалиев. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1955. – 66 с.

569. Сартаев, С.С. Казахский суд биев и его цивилизационное значение С.С. Сартаев // Вестник КазНУ. – 2009. – № 4.

570. Сафаров, Т.А. Российские реформы и контрреформы (историко-политический, экономический аспекты) / Т.А. Сафаров, М.М. Садриев. – Москва: Моск. гос. ун-т коммерции, 2001. – 430 с.

571. Свечникова, Л.Г. Государственно-правовая политика в национальных окраинах Российской империи / Л.Г. Свечникова // Платон. – 2013. – № 1. – С. 22–29.

572. Семенникова, Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций / Л.И. Семенникова. – Брянск: ООО «Курсив», 1995. – 598 с.

573. Семенов, Н.М. Наши реформы / Н.М. Семенов. – Москва: Унив. тип., 1884. – 52 с.

574. Сизиков, М.И. Полиция Российской империи XIX - начала XX веков. / М.И. Сизиков. – М.: АПО, 1992. – 55 с.

575. Согрин, В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века / В.В. Согрин // Общественные науки и современность. – 1998. –№ 4. – С. 124–135.

576. Сокольская, Л.В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе / Л.В. Сокольская // Вестник РУДН. – Сер. Юридические науки. – 2013. – № 4. – С. 174–181.

577. Сокольская, Л.В. Механизм правовой аккультурации / Л.В. Сокольская // Журнал российского права. – 2015. – № 2. – С. 25–34.

578. Сперанский, А.В. Сперанский П.А. Российская модернизация в контексте мировой истории: концептуально-методологические интерпретации / А.В. Сперанский // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2017. – № 3. – С. 22–30.

579. Стасевич, И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. / И.В. Стасевич. – СПб.: Наука, 2011. – 199 с.

580. Суворов, Д.В. Парциальная модернизация / Д.В. Суворов // Вестник гуманитарного университета. – 2014. – № 2(5). – С. 31–36.

581. Судебная правовая политика в России и зарубежных странах. – СПб., 2019. – 608 с.

582. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. В 2-х тт. Петроград: Сенат. тип., 1914; Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. – Петроград: Сенат, 1915. – 831 с.

583. Сулейменов, Б.С. Об административном устройстве казахской степи по реформе 1867– 1868 гг. / Б.С. Сулейменов // Вестник АН Казахской ССР. – 1951. – № 2. – С. 118–126.

584. Сулейменов, Б.С., Басин, В.Я. Казахстан в составе России в XVIII - начале XX века. / Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин. – Алма-Ата: Наука, 1981. – 247 с.

585. Тарановски, Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М.: Издательство Московского университета, 1992. – 333 с.

586. Тебаев, Д.Б. Фронтир в политике Российской империи на территории Степного края во второй половине XVIII века (на примере Младшего и Среднего жузов) / Д.Б. Тебаев // Иран-наме. – 2010. – № 1 (13). – С. 246–256.

587. Терентьев, Р.В. Правительственные законопроекты по реформированию местного судопроизводства в России в конце XIX – начале XX веков / Р.В. Терентьев // Ученые записки Санкт-Петербургского

им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2001. – № 4. – С. 140–146.

588. Тёрнер, Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф.Дж. Тёрнер. – М., 2009. – 303 с.

589. Тимановский, А. Судебные уставы императора Александра II. / А. Тимановский. – М., 1885. – 820 с.

590. Тимошевская, А. Д. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и формирование его полицейской системы во второй половине XIX – начале XX в. / А. Д. Тимошевская // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 4 (32). – С. 92–96.

591. Тимошевская, А.Д. Особенности полицейского управления и местного самоуправления в губерниях Великого княжества Финляндского в XIX в. / А.Д. Тимошевская // Вестник Самарского юридического института. – 2012. – № 1. – С. 26–33.

592. Токарева, С.Н. Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) / С.Н. Токарева // Новый исторический вестник. – 2013. – № 4. – С. 28–55.

593. Токарева, С.Н. Структура полицейских учреждений Черноземья в начале XX века / С.Н. Токарева // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. – Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. В 2 т. Т. I. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – С. 207–211.

594. Толыбеков, С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ / С.Е. Толыбеков. – Издательство Наука Казахской ССР, 1971. – 633 с.

595. Томсинов, В.А. Судебная система Российской империи в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам законодательных актов) /

В.А. Томсинов, // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 11. Право. – 2016. – № 3. – С. 3–24.

596. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В., Тарасова, М.В. Стурова. – АлтГУ, Ист. фак., Каф. востоковедения, Алтайский междунар. центр азиат. исслед.; [отв. ред. Ю. А. Лысенко]. – Барнаул: Азбука, 2014. – 272 с.

597. Трофимова, Н.Н. Пенитенциарная система Российской империи в эпоху общественно-политического кризиса революционного периода (1905 – февраль 1917 гг.) / Н.Н. Трофимова // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: Сборник трудов международной научной конференции. – Воронеж, 2017. – С. 450–454.

598. Тухтаметов, Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века: Историко-правовое исследование: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.01. / Тухтаметов Фарид Тухтаметович. – Москва, 2000. – 34 с.

599. Уортман, Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. / Р.С. Уортман. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 515 с.

600. Упоров, И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. / И.В. Упоров. – СПб., 2004. – 608 с.

601. Федоров, Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) / Г.П. Федоров // Исторический вестник. – 1913. – Кн. 9–12. – С. 786–812.

602. Федорова, И.В. Сибирская реформа М.М. Сперанского и регламентация ссылки / Г.П. Федоров // Вопросы Российской юстиции. – 2019. – № 4. – С. 46–53.

603. Федотова, В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения / Г.П. Федоров // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.

604. Филиппов, М.А. Судебная реформа в России. Т. 1-2. / М.А. Филиппов.– СПб.: тип. В. Тушнова, 1871-1875.

605. Филонова, О.И. Модернизация судебной системы в период НЭПа: концепция и проекты судоустройства / О.И. Филонова // Российское правосудие. – 2014. – № 8 (100). – С. 29–36.

606. Фукс, В.Я. Суд и полиция. Ч. II. / В.Я. Фукс. – М.: Унив. Тип., 1889. – 2 т.

607. Хорос, В.Г. Русская история в сравнительном освещении. / В.Г. Хорос. – Москва: Центр гуманитар. образования, 1996. – 170 с.

608. Хромых, А.С. Проблема «сибирского фронтира» в современной российской историографии / А.С. Хромых // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 5. – С. 106–112.

609. Центральная Азия в составе Российской империи / С. Н. Абашин и др.; отв. ред.: С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 451 с.

610. Шадрин, В.М. Пограничный суд в механизме государственно-правового регулирования отношений России с Казахстаном в конце XVIII века / В.М. Шадрин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 1. – Т. 9. – С. 66–71.

611. Шаламов, М. Судебное устройство Казахстана / Под ред. нар. комиссара юстиции Казах. ССР Ш. Уразбаева. – Москва: Юриздат, 1941. – 100 с.

612. Шепсл, К. Изучение институтов: Некоторые уроки подхода рационального выбора / Шепсл, К. // Рациональный выбор в политике и управлении / под. ред. Л. В. Сморгунова. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та,, 1998. – С. 206–222.

613. Шиловский, Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867 - 1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Шиловский, Денис Михайлович. – Новосибирск, 2002. – 24 с.

614. Широков, А.И. Социальная среда северного фронтира (на примере северо-востока России) / А.И. Широков // Вестник ТГУ. – 2007. – № 299. – С. 91–93.

615. Шишков, В.В. Империя в представлении теории нации и национализма / В.В. Шишков // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 48. – С. 163–172.

616. Шобухин, В.Ю. Правовое регулирование организации и деятельности прокуратуры России в 1722–1917 гг. / В.Ю. Шобухин // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2018. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%A8%D0%BE%D0%B1%D1%83%D1%85%D0%B8%D0%BD_0.pdf

617. Шоинбаев, Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России / Т. Шоинбаев. – Алма-Ата: Казахстан, 1973. – 244 с.

618. Шувалова, В.А. О сущности судебной реформы 1864 года в России В.А. Шувалова // Советское государство и право. – 1964. – № 10. – С. 121–127.

619. Шушкова, М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом / М.Е. Шушкова // Новый исторический вестник. – 2012. – № 2. – С. 6-19.

620. Щедрина, Ю.В. Реформирование механизма формирования судейского корпуса в России в конце 1890-х – начале 1900-х годов: проекты комиссии Н.В. Муравьева / Ю.В. Щедрина // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9–2. – С. 115–131.

621. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г.: коллективная монография / Ю.А. Лысенко, В.А. Бармин, И.В. Анисимова, И.Б. Бочкарева, Е.В. Тарасова, Н.В. Дикова, М.В. Стурова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – 366 с.

622. Huntington, S. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193–218.

623. Melancon, M. Popular Political Culture in Late Imperial Russia (1800-1917) / M. Melancon // Russian History. – 2004. – Vol. 31. – Is. 4. – P.369–371.

624. Pearson, T. Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 / T. Pearson // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden, 1984. – Bd. 32. – S. 52–71.

625. Piirainen, T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life / T. Piirainen. – Brookfield, Vt: Dartmouth, 1997. – 254 p.

626. Raeff, M. The Bureaucratic Phenomen of Imperial Russia, 1700–1905 / M. Raeff // Americal Historical Review. – 1979. – Vol. 84. – № 2 (April). P. 399–411.

627. Rostow, W.W. The Stages of Economic Growth: A Non Communist Manifesto / W.W. Rostow. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 272 p.

628. Rueschemeyer, D. Partial modernization / D. Rueschemeyer // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by J.C. Loubser et al. – N.Y., 1976. – Vol. 2. – P. 756–772.